

Ч. У. Ледбитер

СКРЫТАЯ СТОРОНА ВЕЩЕЙ

Предисловие

Эта книга замышлялась на протяжении последних десяти или двенадцати лет, и даже начала уже создаваться, но только теперь оказалось возможным её опубликовать. От этой задержки она ничего не потеряла, потому что исследователь оккультного никогда не перестаёт учиться, и теперь во многих отношениях мне известно гораздо больше, чем двенадцать лет назад, хотя теперь мне ещё яснее видно, что перед нами лежит ещё целая бесконечность знаний.

Многое из написанного здесь уже появлялось в форме статей в журнале «Теософист» и других изданиях, но всё это было пересмотрено и значительно дополнено. Я верю, что эта книга поможет некоторым из наших братьев осознать важность той, намного б`ольшей части жизни, которая находится за пределами нашего физического зрения, и понять, что как учил нас сам Господь Будда, *«невидимого — больше»*.

Ч. У. Ледбитер, 1913.

Раздел первый

ВВОДНЫЕ ГЛАВЫ

Глава I

ОККУЛЬТИЗМ

Термин «оккультизм» — один из тех, что во многом понимают неправильно. Для человека невежественного ещё недавно это был синоним магии, он полагал, что оккультисты практикуют тёмные искусства, одеваются в багровые балахоны, покрытые каббалистическими знаками, и в своём жутком окружении, непрямым атрибутом которого является чёрный кот, с помощью сатанинских заклинаний составляют свои ужасные варева.

И даже сейчас, причём среди тех, кто уже поднялся над подобными предрассудками, всё ещё существует много непонимания. То, что слово «оккультизм» происходит от латинского *occultus*, скрытый, должно бы сразу объяснить им, что это наука о скрытом, но часто они презрительно считают это чушью и непрактичным занятием, связанным с толкованием снов, предсказанием судьбы, истерией, некромантией, поисками эликсира жизни и философского камня. Те исследователи, которые вроде бы должны знать лучше, говорят так, как

будто скрытая сторона вещей скрывается намеренно, и её знание, которое должно быть достоянием людей, специально удерживается из-за каприза или эгоизма немногих. Факт же состоит в том, что ничто не скрывается от нас, да и не может быть скрыто ничем, кроме наших собственных ограничений, и для каждого человека по мере его развития мир становится всё шире и шире, поскольку он смог увидеть всё больше и больше из его великолепия и красоты.

В качестве возражения вышесказанному могут привести тот известный факт, что при каждом из великих посвящений, отмечающих продвижение неопита по пути высшего прогресса, ему передаются определённые знания. Это совершенно верно, но знания даются ему лишь потому, что он развился до той точки, когда он может их усвоить. Они скрываются от обычных людей не в большей мере, чем знания о конических сечениях скрываются от ребёнка, который всё ещё борется с таблицей умножения. Когда же он достигнет уровня, на котором сможет понимать квадратные уравнения, учитель будет готов объяснить ему соответствующие правила. Точно таким же образом, когда человек сделал себя годным к получению сведений, даваемых при определённом посвящении, он в них и посвящается. И единственный путь достичь способности впитать эти высшие знания — это постараться понять наши нынешние условия и разумно направлять свою жизнь с учётом выявленных фактов.

Оккультизм как раз и есть изучение скрытой стороны природы, или, скорее, изучение природы во всей её *целостности*, а не только лишь той её малой части, что попадает под исследования современной науки. На нынешней стадии нашего развития значительно б`ольшая часть природы остаётся совершенно неизвестной большинству представителей рода человеческого, поскольку они не раскрыли даже малой доли способностей, которыми обладают. Потому обычный человек основывает свою философию (если она у него вообще есть) на совершенно неадекватных принципах, его действия находятся более или менее в соответствии лишь с теми немногими законами природы, которые ему известны, а потому и его теория жизни, и его ежедневная практика неизбежно оказываются неправильными. Оккультист же принимает более всесторонний взгляд — он учитывает те силы высших миров, действие которых скрыто от материалиста, и ведёт свою жизнь в соответствии с полным кодексом законов природы, а не по случайным и отрывочным кратким выпискам из него.

Человеку, не знающему ничего об оккультном, трудно осознать, как велики, как серьёзны и всеобъемлющи его собственные ограничения. Единственным способом дать этому адекватный символ будет представить форму сознания, ещё более ограниченную, чем наша собственная, и подумать, в каких отношениях она будет отличаться от нашей. Представьте, что было бы возможно сознание, способное воспринимать лишь твёрдую материю, а жидкая и газообразная формы материи для него бы не существовали — точно так же, как не существуют эфирные, астральные и ментальные формы для обычного человека. Мы легко увидим, что для такого сознания всякое адекватное представление о мире, в котором мы живём, было бы невозможно. Это сознание постоянно обнаруживало бы, что твёрдая материя, которая только им и воспринимается, постоянно претерпевает серьёзные изменения, о которых никакой рациональной теории составить нельзя.

Например, каждый раз после дождя с землёй происходит перемена — напитавшись влагой, она становится тяжелее и мягче, однако тому сознанию, которое мы представили, причина этого неизбежно была бы совершенно непонятна. Ветер может поднимать облака песка и переносить их с места на место, но для того, кто не имеет представления о существовании воздуха, такое движение твёрдой материи оказалось бы совершенно необъяснимым. И без дальнейших примеров того, что уже так очевидно, мы ясно увидим, насколько безнадёжно неадекватное представление о мире составило бы это сознание, ограниченное лишь твёрдой материей. Но что мы уже не сознаём столь же легко, так это то, что наше нынешнее сознание настолько же уступает сознанию развитого человека, как это воображаемое сознание уступает тому, которым мы обладаем сейчас.

Изучающие теософию по крайней мере теоретически знакомы с той идеей, что у всего есть скрытая сторона, и они также знают, что в подавляющем большинстве случаев эта невидимая сторона имеет куда б`ольшую важность, чем видимая физическому глазу.

Эту же идею можно подать и с другой точки зрения — чувства, которыми мы получаем информацию обо всех внешних предметах, развиты ещё не в совершенстве, а потому получаемая информация оказывается лишь частичной. То, что мы видим в окружающем нас мире — вовсе не всё, что можно увидеть, и человек, взявший на себя труд по воспитанию чувств, обнаружит, что по мере его успехов в этом жизнь для него становится более богатой и полной. Для того, кто любит природу, искусство, музыку, может открыться огромное поле немислимо усиленных и возвышенных удовольствий, если он только подготовит себя для того, чтобы на него вступить. Но прежде всего, у любящего своих собратьев появится возможность понимать их значительно ближе, а потому быть для них куда более полезным.

На лестнице эволюции мы сейчас ещё на полпути, так что наши чувства развиты лишь наполовину. Но нам можно поторопиться и путём кропотливого труда уже сейчас сделать наши чувства такими, какими у всех людей они будут лишь в отдалённом будущем. Человека, добившегося в этом успеха, часто называют видящим или ясновидящим.

Отличное это слово — ясновидящий. Но хотя оно означает того, кто видит ясно, им ужасно злоупотребляют и так принизили его, что люди часто связывают с ним все виды трюкачества и самозванства. Ясновидение ассоциируется с цыганками, которые за шесть пенсов предсказывают служанке цвет волос принца, который придёт и женится на ней, или с заведениями на Бонд стрит, где за гинее срывают завесу с будущего для более аристократических клиентов.

Всё это, конечно, ненаучно и неправильно, и во многих случаях это просто шарлатанство и открытый грабёж. Но не всегда — предвидеть будущее до некоторых пределов действительно возможно, и это делалось множество раз, и некоторым из этих беспорядочных практиков иногда удавалось получить проблески высшего видения, хотя обычно они не могут на них полагаться в любое время, когда захотят.

Тем не менее, за всей этой мутью есть твёрдая почва фактов — нечто такое, к чему можно подойти рационально и что можно изучать научно. И в результате многих лет такого изучения и экспериментов в этой области я могу с полной уверенностью заявить: вполне возможно развить свои чувства до такой степени, чтобы увидеть куда больше из удивительного и прекрасного мира, в котором мы живём, чем мог бы только догадываться средний неподготовленный человек, в удовлетворении живущий среди киммерийской* тьмы и называющий это светом.

* Киммерийцами древние греки называли обитателей самых северных стран. — *Прим. пер.*

Две с половиной тысячи лет назад величайший из индийских учителей, Гаутама Будда, сказал своим ученикам: «Не сетуйте, не плачьте, не молитесь, но откройте глаза и *увидьте*. Истина повсюду вокруг вас, если вы только снимете с глаз повязку и посмотрите, и она так удивительна, так прекрасна и превышает пределы чего-либо, о чём человек мог только мечтать; она навечно и навечно».

Несомненно, он имел в виду нечто большее, чем то, о чём я пишу сейчас, но всё же это шаг на пути к той великолепной цели совершенного осознания. И если это не откроет нам *всей* правды, в любом случае оно даст нам значительную её часть. Оно избавит нас от полчищ расхожих заблуждений и разъяснит многие вещи, которые теми, кто ещё не наставлен в этой науке, считаются загадками или нерешаемыми проблемами. Оно покажет, что все эти вещи были для нас тайнами и проблемами лишь по той причине, что до сих пор мы видели лишь малую часть фактов и рассматривали многие предметы снизу, причём как разрозненные и несвязанные фрагменты, вместо того, чтобы подняться над ними до той точки зрения, откуда они понимаются как части великого целого. В один момент это решит многие вопросы, о которых было так много споров — например, о непрерывном существовании человека после смерти. Это объяснит многие странные вещи, о которых нам говорит Церковь, это рассеет наше невежество и страх неизвестного, снабдив нас рациональной и упорядоченной схемой.

Помимо всего этого, и в нашей повседневной жизни перед нами откроется новый мир — тот новый мир, который тем не менее является частью старого. Это нам покажет, что, как я уже говорил, у всего есть скрытая сторона, и что наши самые обычные действия часто производят результаты, о которых без этого исследования мы никогда бы и не узнали. Мы поймём принцип действия того, что обычно именуется телепатией, поскольку увидим, что наряду с волнами тепла, света и электричества существуют волны, производимые мыслью, хотя они и распространяются в материи более тонкого типа, чем прочие, а потому недоступны нашим физическим чувствам. Изучая эти колебания, мы увидим, как действует мысль, и узнаем, что это гигантская сила, которая может действовать на пользу и во вред, и которой все мы в некоторой мере бессознательно пользуемся, и могли бы пользоваться в тысячу раз эффективнее, понимая её действие.

Дальнейшее исследование откроет нам метод образования того, что называется «мыслеформами», и покажет нам, как можно с пользой применять их как для себя, так и для других дюжиной различных способов.

Оккультист внимательно изучает все эти невидимые эффекты, а потому знает о результатах того, что он делает, гораздо полнее, чем другие люди. У него больше информации о жизни, чем у других, и применяя здравый смысл, он изменяет свою жизнь в соответствии с этими знаниями. Наша жизнь во многих отношениях отличается от жизни наших средневековых праотцов именно потому, что мы знаем больше, чем они. Мы открыли некоторые законы гигиены, разумные люди живут согласно этим знаниям, и потому средняя продолжительность жизни стала определённо больше, чем в средние века. Ещё есть такие, кто столь глуп или невежествен, что не знает о принципах здоровья или не придаёт им значения, не веря в эти новые идеи. Такие люди первыми страдают, когда приходит эпидемия или на общество обрушивается какая-то другая напасть. Они страдают без всякой необходимости, потому что отстали от времени. Но своим небрежением они наносят вред не только себе — условия, созданные их невежеством или беспечностью часто заносит инфекцию в те области, которые иначе были бы от неё свободны.

Так вот то, о чём я пишу — в точности то же самое, только на другом уровне. Микроскоп открыл зародыши болезней, и разумный человек выиграл от этого открытия и изменил свою жизнь, в то время как неразумный не обратил на это внимания, продолжая всё по-прежнему. Ясновидение открывает нам силу мысли и многие другие ранее неизвестные силы, и разумный человек снова получает от этого открытия пользу и перестраивает свою жизнь. И снова человек неразумный не обращает на новые открытия внимания, считая, что то, чего он не может увидеть, для него не имеет важности, снова он продолжает страдать без всякой необходимости, потому что отстал от времени.

Он не только испытывает явную боль, он ещё и упускает столь многие из удовольствий жизни. У живописи, у музыки, у поэзии, у литературы, у религиозных обрядов, у красот природы всегда есть скрытая сторона — та полнота и завершённость, которая за пределами физического, и человек, который может увидеть её или почувствовать получает доступ к удовольствиям, которые далеко за пределами понимания людей, проходящих сквозь всё это с нераскрытым восприятием.

Эти способности восприятия есть в каждом человеческом существе, однако у большинства они неразвиты. Для их раскрытия обычно требуется много времени и тяжёлой работы, но это того стоит и окупится сторицей. Но нельзя позволять предпринимать эти усилия никому из тех, чьи мотивы не являются совершенно чистыми и бескорыстными, поскольку для того, кто стремится к более широким способностям с иными целями, кроме самых возвышенных, они будут не благословением, а проклятием.

Тем не менее, человек деловой, у которого нет времени на упорные усилия по раскрытию врождённых способностей, вовсе не лишён по меньшей мере некоторых благ, которые дают оккультные исследования — ведь и тому, у кого нет микроскопа, ничто не мешает соблюдать гигиену. Хотя последний и не видит бактерий, от специалистов он знает, что они существуют, и как от них предохраняться. Точно так же и человек, у которого ещё не забрезжило ясновидение, может изучать работы тех, кто уже приобрёл его, и таким образом

получить пользу от результатов их трудов. Верно, что он пока не сможет увидеть всего того великолепия и всей красоты, которые скрыты от нас несовершенством наших чувств, но он может легко научиться избегать невидимых зол и запускать в действие невидимые силы добра. Таким образом, задолго до того, как он их *увидит*, он путём заключений сможет убедиться в их существовании, подобно тому, как пользующийся электромотором убеждается в существовании электричества, хотя сам он не видел его и не имеет малейшего представления, что это такое.

Мы должны постараться понять мир, в котором живём, настолько, насколько это в наших силах. Мы не должны отставать от поступи эволюции и позволить себе стать анахронизмами из-за отсутствия интереса к тем новым открытиям, которые лишь представляют с новой точки зрения самую древнюю мудрость. В данном случае, как и во всяком другом, «знание — сила», и как и везде, для достижения лучших результатов, великолепная тройца силы, мудрости и любви должна идти здесь рука об руку.

Тем не менее, между теоретическим ознакомлением и практическим осуществлением есть разница, и мне подумалось, что изучающим, чтобы приблизиться к пониманию реальностей жизни, неплохо бы иметь описание невидимой стороны некоторых простых явлений повседневной жизни — как они видятся тому, кто развил способность восприятия через астральное, ментальное и каузальное (причинное) тела. Их восприятие интуитивным проводником в бесконечной степени более великолепно и полезно, но оно настолько не поддаётся выражению, что мне представляется бесполезным что-то о нём говорить, поскольку всё переживание происходит уже внутри человека, а не снаружи, и эти великолепие и красота предстают уже не как нечто наблюдаемое им с интересом, а как то, что он чувствует в самом своём сердце, поскольку это часть его самого.

Цель этой книги — дать некоторые намёки на скрытую сторону как мира в целом, так и нашей повседневной жизни. Последнюю мы рассмотрим в трёх разделах, по аналогии с залогами, которые нам приходилось изучать в молодости — страдательным, возвратным и действительным — а именно: как влияют на нас, как влияем мы на себя, и как мы влияем на других. Заключим же мы рассмотрением некоторых результатов, которые должны неизбежно последовать из широкого распространения этих знаний о реальностях существования.

Глава II

МИР КАК ЦЕЛОЕ

Более широкий взгляд на мир

Когда мы смотрим на окружающий нас мир, мы не можем закрыть глаза на существование огромного количества печалей и страданий. Верно, что большая их часть является очевидным следствием ошибок самих страдающих, и этого можно было бы легко избежать, применили они немного самоконтроля и здравого смысла, но есть также много страданий, которых люди сами непосредственно себе не причиняли, и которые несомненно пришли извне. Часто, среди бурь, напряжения и

суматохи жизни кажется, что зло торжествует, а справедливость терпит неудачу. Поэтому многие отчаиваются в конечном результате и сомневаются, есть ли на самом деле за всем этим ошеломляющим хаосом какой-то план определённого прогресса.

Всё это — вопрос точки зрения; человек, который сам находится в гуще борьбы, не может судить ни о ходе конфликта, ни о плане в целом. Чтобы понимать битву в целом, нужно удалиться от её суматохи и посмотреть на поле битвы сверху. Точно так же, чтобы понять план битвы жизни, мы должны на время удалиться от неё и взглянуть на неё сверху — не с точки зрения тела, которое погибнет, но с точки зрения души, которая живёт вечно. Мы должны принять в расчёт не только ту малую часть жизни, которую видно нашими физическими глазами, но всю огромную совокупность, из которой столь многое нам пока ещё невидимо.

Пока этого не сделано, мы находимся в положении человека, который смотрит снизу на изнанку какого-нибудь сложного гобелена, который пока ещё ткут. Всё будет ему представляться мешаниной разных цветов и свисающих растрёпанных концов нитей, где нет ни красоты, ни порядка, и ему не удастся постичь, что же может сделать эта бешено грохочущая машина. Но когда благодаря нашему знанию скрытой стороны природы мы сможем посмотреть сверху вниз, картина начнёт разворачиваться перед нашими глазами, и кажущийся хаос покажет себя упорядоченным прогрессом.

Ещё более убедительную аналогию можно получить, представив себе, какой бы виделась жизнь крошечному микробу, несущемуся в неукротимом потоке, подобному извергающемуся через ущелье Ниагары. Всё бурлит, пенится, крутится в водоворотах, и поток этот столь силён, что середина его намного выше краёв. Микроба, оказавшегося на поверхности такого потока, будет швырять туда и сюда, иногда подбрасывая высоко в воздух, а иногда неся назад в водоворот, и он не сможет видеть берегов, мимо которых он проносится, будучи поглощён бешеной борьбой, чтобы хоть как-то удержаться на поверхности. Для него борьба и напряжение и будет всем миром, который ему знаком; как он сможет сказать, куда направляется поток?

Но человек, стоящий на берегу и смотрящий на всё это сверху, может видеть, что всё это бурление имеет поверхностный характер, и единственный факт, имеющий действительную важность, заключается в том, что все эти миллионы тонн воды несутся вниз, в озеро. Если мы представим, что у микроба есть какое-то представление о прогрессе, который он отождествляет с движением вперёд, то он будет весьма опечален, если обнаружит, что водоворот несёт его в сторону или даже назад, тогда как внешний наблюдатель увидит, что кажущееся движение назад — лишь иллюзия, поскольку даже маленькие водовороты в целом несутся вперёд вместе с остальной массой воды. Не будет преувеличением сказать, что как знание микроба, борющегося в потоке, соотносится со знанием человека, смотрящего на поток сверху, так и понимание жизни, которым обладает мирской человек, соотносится с пониманием того, кто знает скрытую её сторону.

Лучше всего, хотя и не легче всего, поскольку это требует определённого усилия воображения, последовать притче, предложенной Хинтоном в его «Научных

романах». Для целей своей аргументации он предлагает сконструировать большую вертикальную деревянную раму, сверху до низу которой под разными углами натянута множество тесно переплетённых разнообразных нитей. Если эту раму будет горизонтально пересекать лист бумаги, то каждая нить будет проходить через него, сделав крошечное отверстие. Если всю раму начать медленно двигать вверх, а бумагу держать на месте, это создаст разные эффекты. Если нить перпендикулярна бумаге, она будет проходить через отверстие свободно, а если она натянута под углом, то по мере движения рамы будет прорезать в бумаге щель.

А теперь представьте, что вместо листа бумаги у нас тонкий лист воска, достаточно вязкого, чтобы смыкаться за движущейся нитью. Тогда вместо щелей мы получим множество *движущихся отверстий*, и для того, кто не может видеть эти нити, движение этих отверстий неизбежно покажется беспорядочным и необъяснимым. Одни отверстия сближаются, другие расходятся, складываются и распадаются всевозможные узоры и комбинации, и всё здесь зависит от расположения невидимых нитей. Теперь, с помощью ещё более смелой фантазии, подумайте не об отверстиях, а о тех крошечных отрезках нитей, которые временно заполняют их, будто они самосознательные атомы. Они считают себя отдельными существами, и обнаруживают, что помимо своей воли движутся в безнадёжной неразберихе, и этот ошеломляющий танец и есть для них единственная жизнь, которую они только и знают. И всё же это сложное и кажущееся бесцельным движение — фактически иллюзия, вызванная ограниченностью сознания этих атомов, поскольку в действительности имеет место лишь *одно* очень простое движение — равномерное движение целой рамы вверх. Но атом никогда не сможет понять этого, пока не осознает, что он не отдельный фрагмент, а *часть нити*.

Это всего лишь довольно красивая аллегория, ибо эти нити и есть мы сами — наши души, наши истинные я, — и атомы-отрезки представляют нас такими, каковы мы в земной жизни. Пока мы ограничиваем своё сознание этим атомом и смотрим на жизнь лишь с земной точки зрения, мы никогда не поймём, что происходит в мире. Но если мы поднимем своё сознание до точки зрения души, той нити, для которой наша телесная жизнь является лишь крошечной частью и временным выражением, тогда мы увидим, что за всей этой сложностью стоит прекрасная простота, а за всем разнообразием стоит единство. Сложность и различие — это иллюзии, созданные нашими ограничениями; реальны лишь простота и единство.

У мира, в котором мы живём, есть сторона, скрытая от сознания заурядного человека, так как его представление о мире крайне несовершенно по трём совершенно различным направлениям. Во-первых, мир гораздо шире даже на его собственном уровне восприятия, что он сейчас совершенно не в состоянии оценить; во-вторых, у мира есть более возвышенная часть, которая чересчур утончена для его неразвитого восприятия; и в третьих, у этого мира есть смысл и цель, о которой он обычно ни в малейшей степени не догадывается. В данном случае сказать, что мы видим мир не целиком, будет ещё слишком слабым выражением; то, что мы видим — это совершенно незначительная его часть, хотя может быть и довольно красивая. И точно так же как дополнительное расширение

бесконечно в сравнении с нашим представлением о пространстве и не может быть выражено в его понятиях, так и широта и величие целого бесконечно шире любого представления, которое можно здесь об этом составить, и невыразимы никакими понятиями той части мира, которая нам знакома.

Четвёртое измерение

То расширение, о котором говорилось выше, часто называют четвёртым измерением. Многие авторы насмеяются над ним и отрицают его существование, и тем не менее факты таковы, что наш физический мир в действительности имеет много измерений, и у каждого предмета в нём есть продолжение, пусть и микроскопическое,* в направлении, о котором нам невозможно помыслить на нашей нынешней стадии умственной эволюции. Когда мы разовьём астральные чувства, мы более непосредственно войдём в контакт с этим измерением, так что наши умы будут более или менее вынуждены его распознать, и более разумные постепенно станут его понимать. Однако есть и такие, кто мало вырос в интеллектуальном отношении, и даже после смерти, находясь в астральном мире, они отчаянно цепляются за привычные им ограничения, принимая самые вычурные и иррациональные гипотезы, чтобы только не допустить существование той высшей жизни, перед которой они испытывают такой огромный страх.

* К этой идее уже подошла и современная наука. По представлениям некоторых физиков, существует 9 измерений пространства, 6 из которых оказывают осязаемое действие лишь в микромире. — *Прим. пер.*

Поскольку для большинства людей самый простой путь осознать четвёртое измерение — это развить способность астрального зрения, многие стали полагать, что четвёртое измерение — это исключительная принадлежность астрального мира. Небольшое размышление покажет, что это не может быть так.

Фундаментально во вселенной существует лишь один вид материи, хотя мы называем её физической, астральной или ментальной соответственно степени её разделения и скорости её вибраций. Потому измерения пространства — если они вообще существуют — существуют независимо от лежащей в них материи, и сколько бы ни было измерений у этого пространства — три, четыре или более — вся существующая в нём материя подчиняется его условиям, вне зависимости от того, можем мы это воспринять или нет.

Пожалуй, нашим попыткам понять этот вопрос немного поможет осознание того, что то, что мы называем пространством — это ограничение сознания, и что есть более высокий уровень, на котором достаточно развитое сознание полностью от него свободно. Мы можем полагать у этого высшего сознания способность выражаться в любом количестве направлений, а затем предположить, что каждое его нисхождение в более плотный мир материи налагает на него дополнительное ограничение, отсекая способность восприятия одного из этих измерений. Мы можем предположить, что к тому моменту, когда сознание спустится в ментальный мир, у него в распоряжении останется лишь пять из этих

направлений; спустившись на астральный план, оно потеряет ещё одну из своих способностей и будет ограничено восприятием четырёх измерений; а дальнейшее нисхождение или движение вовне, которое приносит его в физический мир, отнимает у него возможность восприятия даже этого четвёртого измерения, так что мы оказываемся ограничены теми тремя, с которыми мы знакомы.

Если смотреть с этой точки зрения, то становится ясно, что условия вселенной остаются неизменными, хотя наша способность оценки их изменилась; так что, хотя и верно, что наше сознание, когда действует через астральную материю, способно воспринимать четвёртое измерение, обычно скрытое от нас, когда оно работает через физический мозг, мы не должны впадать в ошибку, думая, что четвёртое измерение принадлежит лишь астральному миру и что физическая материя существует в каком-то ином виде пространства, отличающемся от того, в котором находится астральная или ментальная. Против такого предположения говорит и тот факт, что человек, используя свой физической мозг, путём практики может достичь представления о некоторых четырёхмерных формах.

Я не хочу здесь предпринимать полное рассмотрение этого захватывающего предмета; тем же, кто захочет дальше исследовать его, следует обратиться к работам Хинтона «Научные романы» и «Четвёртое измерение».* В первой книге описываются все интересные возможности, связанные с этим исследованием, а во второй — средства, при помощи которых ум может осознать четвёртое измерение, как факт. Для нашей нынешней цели достаточно лишь указать, что у нашего мира есть аспект или продолжение, которое, несмотря на свою полную неизвестность огромному большинству людей, всё же требует изучения и принятия в учёт теми, кто желает понять жизнь в целом, а не только её малую часть.

* С. Н. Hinton, «Scientific Romances» и «The Fourth Dimension».

Высший мир

У нашего физического мира есть скрытая сторона и в ином, более высоком смысле, который хорошо известен всем изучающим теософию, поскольку было прочитано много лекций и написано много книг в попытках описать астральный и ментальный миры — невидимые царства, взаимопроникающие с тем миром, который всем нам знаком, и составляющие намного более важную его часть. Много сведений об этом высшем аспекте нашего мира приводится в пособиях по теософии №5 и 6,* а также в моей книге «По ту сторону смерти», так что мне здесь достаточно сделать лишь короткое объяснение для тех, кому ещё не встретились эти книги.

* Ч. Ледбитер, «Астральный план» и «Ментальный план». — *Прим. пер.*

Физики заявляли, что материя проникнута эфиром — гипотетической субстанцией, которую они наделяли многими противоречивыми свойствами.

Оккультист же знает, что есть много разновидностей этой более тонкой взаимопроникающей материи, и что некоторые качества, приписываемые учёными эфиру, принадлежат вовсе не ему, но той изначальной субстанции, отрицанием которой является эфир. Мне не хочется отклоняться здесь от темы данной книги, чтобы давать пространное исследование качеств эфира, а тех, кто желает исследовать этот предмет, можно отослать к главе «Эфир пространства» в «Оккультной химии».* Здесь достаточно будет сказать, что эфир пространства действительно существует, как полагали учёные, и обладает весьма любопытными противоречивыми качествами, которые ему приписывались. Однако внутренние миры тонкой материи, о которых только что говорилось, построены не из самого этого эфира, а из пузырьков в нём.** Тот факт, который нас сейчас интересует, заключается в том, что вся видимая нами материя проникается не только эфиром, но и разными видами более тонкой материи, которой бывает много степеней.

* A. Besant, C. W. Leadbeater, «Occult Chemistry».

** В «Оккультной химии» автор поясняет, говоря от этих пузырьков: «Этот атом едва ли можно назвать «вещью», хотя это и материал, из которого состоят все физические тела. Он формируется потоком жизненной силы (известной теософам, как фохат) и исчезает при её отливе. Когда эта сила возникает в «пространстве», возникает очевидная пустота, которая должна быть восполнена субстанцией особого рода, невообразимой тонкости — возникают атомы; если её действие будет искусственно прекращено для единичного атома, он исчезает; ничего не остаётся. Вероятно, будь этот поток сдержан хоть на мгновение, целый физический мир мог бы исчезнуть... Только присутствие этого потока (первая волна жизни, работа третьего логоса) поддерживает физическую основу вселенной (майю, на самом деле).» Блаватская, говоря об этом великом дыхании, использует выражение «копает в пространстве». Такое представление об эфире перекликается с мнением некоторых современных учёных о вакууме, как о сверхплотной вырожденной среде. — *Прим. пер.*

Типу, наиболее близкому к физическому миру, исследователи оккультизма дали наименование астральной материи; следующий вид был назван ментальным, потому что из него построен тот механизм сознания, который обычно называется человеческим умом; есть и другие, ещё более тонкие типы, которыми мы сейчас не будем заниматься. Каждую область пространства, с которой нам приходится иметь дело, следует считать содержащей все эти различные виды материи. То, что даже в плотнейших формах материи нет и двух частиц, касающихся друг друга, но каждая плавает отдельно в своём эфирном поле, подобно звезде в пространстве, практически является научным постулатом. Точно таким же образом каждая частица физического эфира плавает в море астральной материи, а каждая астральная частица в свою очередь — в ментальном океане. Так что всем этим дополнительным мирам не требуется больше пространства, чем содержится в том фрагменте, который мы знаем, ибо поистине все они — части того же самого мира.

В человеке есть материя этих тонких степеней, и обучаясь сосредотачивать в ней своё сознание вместо того, чтобы концентрироваться только на физическом мозге, он сможет познавать эти более тонкие и возвышенные части мира, приобретая множество знаний, представляющих большую ценность и глубочайший интерес. Природа этого невидимого мира, его обстановка, обитатели и предоставляемые им возможности описаны в трудах, упомянутых выше. Именно существование этих

высших царств природы и делает оккультизм возможным, и поистине, немногочисленны области жизни, в которых не нужно учитывать их влияние. От колыбели до могилы мы находимся в тесных взаимоотношениях с ними в период, называемый нами бодрствованием; во время же сна и после смерти мы связаны с ними ещё ближе, поскольку тогда наше существование оказывается ограничено почти лишь ими.

Пожалуй самое большое из многих фундаментальных изменений, неизбежно происходящих с человеком, который изучает эти факты жизни — это перемена его отношения к смерти. Эта тема была достаточно полно рассмотрена в другом месте;* здесь же достаточно сказать лишь то, что знание истины о смерти лишает её всех её ужасов и значительной части связанных с ней печалей, позволяет нам видеть её в верной перспективе и понимать её место в схеме нашей эволюции. Вполне возможно научиться *знать* обо всех этих вещах, вместо того, чтобы слепо принимать на веру сведения из вторых рук, как делает большинство людей, и здесь знание — сила, счастье и безопасность.

* См. «Жизнь после смерти», «По ту сторону смерти», «Внутреннюю жизнь» и «Астральный план» Ч. Ледбитера. — *Прим. пер.*

Цель жизни

Третий аспект нашего мира, который скрыт от большинства — это план и смысл существования. Похоже, большинство людей бредут по жизни без всякой видимой цели, за исключением, может быть, сугубо физической борьбы за деньги и власть, поскольку они смутно полагают, что эти вещи принесут им счастье. У них нет ни какой-либо определённой теории касательно того, почему они здесь, ни какой-либо уверенности относительно ожидающего их будущего. Они даже ещё не осознали, что они — души, а не тела, и что их развитие как таковое есть часть мощной схемы космической эволюции.

Но как только рассвет этой величайшей из истин забрезжит на горизонте человека, с ним происходит та перемена, которую западная религия называет обращением — прекрасное слово, которое было прискорбно опошлено неуместными ассоциациями, поскольку часто им называли не более чем эмоциональный всплеск, гипнотически наведённый захлёстывающими волнами возбуждённых чувств полубезумной толпы. Истинное же значение слова *conversion* прямо следует из его морфологии — «повернуть вместе с чем-либо». До обращения человек, не сознавая огромного потока эволюции, борется против него из-за иллюзии эгоизма, но с момента, когда величие божественного плана предстает перед его поражённым взором, у него не остаётся иной возможности, кроме как бросить все свои силы на то, чтобы способствовать его осуществлению, повернуться и идти вместе с этим великолепным потоком божественной любви и мудрости.

Тогда его единственной целью становится сделать себя пригодным для того, чтобы помогать миру, и все его мысли и дела направляются к этой цели. Он может иногда забывать её под давлением искушения, но забвение это лишь временное, и в этом смысл того церковного догмата, что избранные в конечном счёте никогда не потерпят неудачу. К нему придёт распознавание, и двери его ума откроются, если воспользоваться выражением, которое применялось для обозначения этой перемены в более древних верах. Теперь он знает, что реально, а что нереально, что стоит приобретать, и что не стоит усилий. Он живёт как бессмертная душа, искра божественного огня, а не как одно из животных, которые погибнут, если использовать библейское выражение, которое, впрочем, совершенно неверно, поскольку животные *не* погибают, кроме как в том смысле, что они вновь поглощаются своей групповой душой.

Воистину, для такого человека становится явным аспект жизни, который доселе был скрыт от его глаз. Вернее даже будет сказать, что отныне в первый раз он начал по-настоящему жить, тогда как до этого он просто влачил ущербное существование.

Раздел второй

КАК МЫ ПОДВЕРГАЕМСЯ ВЛИЯНИЮ

Глава III

ВЛИЯНИЕ ПЛАНЕТ

Излучения

Первый факт, который нам необходимо осознать, это что всё изливает влияние на своё окружение, а окружение всё время оказывает ответное влияние. Солнце, Луна, звёзды, ангелы, люди, деревья, камни — решительно *всё* излучает непрерывный поток вибраций характерного для себя типа; причём не только в физическом мире, но и в других, более тонких мирах. Наши физические чувства могут оценивать лишь ограниченное количество таких излучений. Мы легко чувствуем тепло, излучаемое Солнцем или огнём, но обычно не сознаём того факта, что сами мы тоже постоянно излучаем тепло; однако же если мы поднесём руку к радиометру, этот тонкий инструмент откликнется на тепло этой руки даже на расстоянии более метра и начнёт вращаться. Мы знаем, что роза пахнет, а ромашка — нет, но тем не менее она отбрасывает столько же частичек, что и роза, просто в одном случае наши чувства воспринимают такие частицы, а в другом — нет.

С глубокой древности люди верили, что Солнце, Луна, планеты и звёзды оказывают на человеческую жизнь некоторое влияние. В наши дни большинство людей смеются над такими верованиями, ничего не зная об этом, но всякий, кто возьмёт на себя труд предпринять тщательное и беспристрастное исследование астрологии, обнаружит много такого, что нельзя просто так отбросить. Несомненно, он встретит и множество ошибок, причём некоторые будут достаточно смехотворными, но также он найдёт и точные результаты, пропорция которых такова, что их нельзя будет разумно объяснить простым совпадением. Исследование убедит его, что под заявлениями астрологов несомненно есть какое-то основание, хотя в то же время он не сможет не заметить, что их системы пока что далеки от совершенства.

Когда мы вспомним, насколько огромное пространство отделяет нас даже от ближайших планет, сразу станет очевидно, что мы должны будем отбросить представление о том, что они могут оказывать на нас какое-либо физическое влияние, достойное рассмотрения. Более того, если бы оно и существовало, его сила должна была бы в гораздо большей степени зависеть не столько от положения планеты на небе, сколько от её близости к Земле — фактора, который обычно не принимается астрологами в расчёт. Чем больше мы размышляем над предметом, тем меньше нам кажется, что есть какие-то рациональные основания полагать, что планеты могут воздействовать на Землю или её обитателей в сколько-нибудь заметной степени; но тем не менее факт остаётся фактом — теория, основанная на этой кажущейся невозможности, часто точно срабатывает. Возможно, объяснение следует искать в следующем направлении. Точно так же, как движение стрелок часов показывает время, хотя и не является причиной его хода, так и движение планет указывает на преобладание некоторых влияний, но никоим образом эти влияния не создаёт. Давайте посмотрим, какой свет может бросить на этот несколько озадачивающий предмет оккультное исследование.

Логос Солнечной Системы

Изучающие оккультизм считают всю Солнечную Систему во всей её огромной сложности частичным проявлением огромного живого существа, а все её части — выражениями его аспектов. Ему давались многие имена; в нашей теософической литературе его часто называют гностическим термином «логос» — это то самое Слово, которое было в начале у Бога и было Бог; мы также называем его и солнечным божеством. Все физические составляющие Солнечной Системы — Солнце с его удивительной короной, все планеты с их спутниками, океанами, атмосферами и различными окружающими их эфирами — всё это вместе является его физическим телом, его выражением в физическом царстве.

Таким же образом совокупность астральных миров (не только астральных миров, принадлежащих к физическим планетам, но и чисто астральных планет всех цепей — таких, например, как планеты В и F нашей цепи) составляет его астральное тело, а совокупность ментальных миров — его ментальное тело, тот проводник, через который он проявляется на ментальном плане. Каждый атом каждого из

миров является центром, через который он этот мир создаёт, так что верно не только то, что Бог вездесущ, но и что всё сущее есть Бог.

Таким образом мы видим, что древние пантеистические представления совершенно верны, хотя это только лишь часть истины, поскольку хотя вся природа во всех мирах — ни что иное, как его одеяние, всё же сам он существует вне и превыше всего этого, живя той огромной жизнью, о которой мы ничего не знаем и знать не можем — жизнью среди подобных правителей других систем. И точно так же, как наши жизни проживаются буквально внутри него и поистине являются частями его жизни, так и его жизнь и жизнь солнечных логосов других бесчисленных систем являются частями ещё большей жизни логоса видимой вселенной. И если есть в глубинах пространства и иные вселенные, невидимые нам, все их логосы в свою очередь должны так же образовывать части Единого Великого Сознания, которое включает всё.

Различные типы материи

В упомянутых «телах» солнечного логоса на разных их уровнях есть определённые различные классы или типы материи, достаточно равномерно распределённые по всей системе. Я не говорю здесь о нашем обычном подразделении миров на планы и подпланы, которое производится согласно степени плотности материи, так что, например, в физическом мире мы имеем твёрдое, жидкое, газообразное, эфирное, сверхэфирное, субатомическое и атомическое состояния материи, которые все физические, но разнятся по плотности. Типы, которые я имею в виду, образуют совершенно иной ряд и способ подразделения, при котором в каждом из типов содержится материя всех этих состояний, так что если мы обозначим каждый из этих типов числами, то получим твёрдую, жидкую и газообразную материю первого типа, твёрдую, жидкую и газообразную материю второго типа и так далее.

Эти типы материи перемешаны так же основательно, как и составляющие земной атмосферы. Представьте комнату, заполненную воздухом. Всякие отчётливые колебания, переданные воздуху, например, звуковые, будут восприниматься во всех её частях. Но представьте, что возможно создать некий вид колебаний, который воздействует лишь на кислород, нисколько не беспокоя азот. Эти колебания тоже можно будет ощущать во всех частях комнаты. И если мы временно допустим, что пропорция кислорода в одной части комнаты больше, чем в другой, тогда эти колебания, хотя и ощутимые везде, окажутся самыми сильными именно в этой части. И точно так же как воздух в комнате главным образом состоит из кислорода и азота, так и материя солнечной системы состоит из этих различных типов; и как наша воображаемая волна (если бы она действительно могла существовать), действовавшая лишь на один кислород, могла ощущаться во всех частях комнаты, так и движение или изменение, затрагивающее только один из этих типов, вызывает эффект по всей солнечной системе, хотя он может оказаться сильнее в одной её части, чем в другой.

Это верно для всех миров, но в целях ясности давайте временно ограничимся в своих размышлениях одним из них. Пожалуй, легче всего эту идею будет проследить в отношении астрального плана. Часто объяснялось, что в астральном теле человека можно найти материю, принадлежащую к каждому из подпланов, и пропорция между более плотными и тонкими её видами показывает, насколько это тело способно откликаться на более грубые или утончённые виды желаний, таким образом в некоторой мере являясь индикатором уровня, до которого развился человек. Подобно этому, в каждом астральном теле есть материя и всех этих типов, но в данном случае пропорция между ними показывает характер человека — религиозный у него склад или философский, художественный или научный, мистик он или прагматик.

Живые центры

Каждый из этих типов материи в астральном теле солнечного логоса является в некоторой степени отдельным проводником, и его можно рассматривать также как астральное тело подчинённого божества или духа, который является в то же время аспектом логоса системы, чем-то вроде нервного сплетения или центра сил. И если эти типы различаются, то как раз потому, что составляющая их материя первоначально изошла через эти различные живые центры, так что материя каждого типа всё ещё является особым проводником и выражением этого второстепенного божества, через которое она пришла, и малейшая мысль, движение или изменение любого рода в нём сразу же отражается тем или иным образом во всей материи соответствующего типа. Естественно, что каждый тип материи имеет свои особые сродства и может вибрировать под влияниями, которые, вероятно, не вызовут никакого отклика у других типов.

Поскольку в каждом человеке есть материя *всех* этих типов, то очевидно, что всякое изменение или действие любого из этих живых центров должно в той или иной мере повлиять на всех существ в системе, причём степень, в которой тот или иной человек подвергнется этому воздействию, зависит от пропорции, в которой присутствует в его астральном теле тот тип материи, который подвергается влиянию. Следовательно, мы обнаруживаем различные типы людей, точно так же, как и материи, и в силу их конституции, а именно — строения их астральных тел, некоторые из них оказываются более подвержены одним влияниям, а некоторые — другим.

Этих типов — семь, и астрологи часто давали им названия определённых планет. Каждый тип подразделяется на семь подтипов, поскольку каждая «планета» может быть подвергнута преимущественному влиянию одной из шести прочих, а может и не подвергаться ему. В добавление к 49 определённым подтипам, полученным таким образом, может быть любое количество всевозможных видоизменений и сочетаний влияний, часто столь сложных, что проследить их оказывается нелёгким делом. Тем не менее, это даёт нам определённую систему классификации, согласно которой мы можем подразделять не только человеческих существ, но и представителей животного, растительного и минерального царств, и

даже ту элементарную сущность, которая ещё предшествует им по шкале эволюции.

Всё в нашей Солнечной Системе принадлежит к тому или иному из этих семи великих потоков, поскольку пришло через один из этих великих силовых центров, к которому относится по самой своей сущности, хотя неизбежно должно подвергнуться большему или меньшему влиянию и других. Это даёт каждому человеку, животному, растению и минералу некоторую фундаментальную характеристику, которая никогда не меняется, и которую иногда символически обозначают как его ноту или цвет и называют его лучом.

Эта характеристика остаётся постоянной не только на период планетной цепи, но и на протяжении всей планетной схемы,* так что жизнь, проявляющаяся через элементарную сущность луча А в ходе своей эволюции будет последовательно одушевлять минералы, растения и животных этого же типа, а когда групповая душа разделится на единицы и получит третье излияние логоса,** человеческие существа, ставшие результатом этой эволюции, станут людьми типа А и никакого иного, и при нормальных условиях будут продолжать своё развитие, пока не станут адептами этого типа.

* Здесь имеется в виду луч высшего я. Луч личности человека может меняться с каждым воплощением, и таким образом ноты всех принципов человека образуют своеобразный и неповторимый аккорд. — *Прим. пер.*

** См. диаграмму «Три излияния» в книгах Ч. Ледбитера «Человек видимый и невидимый» или «Учителя и путь» и пояснения к ней. — *Прим. пер.*

На раннем этапе изучения теософии у нас создалось впечатление, что этот план неуклонно проводится до самого конца, и адепты воссоединяются с солнечным логосом через то вспомогательное божество или «дух перед престолом», через которое они первоначально изошли. Но дальнейшие исследования показали, что это представление нуждается в модификации, так как мы обнаружили, что группы «я» многих различных типов соединяются вместе для достижения общей цели.

Например, при исследованиях, связанных в первую очередь с прошлыми жизнями Алкиона, было обнаружено, что определённые группы «я» собирались вокруг разных Учителей, со временем подходя всё ближе и ближе к ним. Один за другим, становясь пригодными, они достигали той стадии, на которой они принимались в ученики или подмастерья того или иного из Учителей. Стать настоящим учеником — значит войти с Учителем в отношения, близость которых намного превосходит любые узы, известные нам в мирской жизни. Это означает такую степень единения с ним, которую не могут выразить никакие слова, хотя в то же время ученик полностью сохраняет свою индивидуальность и собственную инициативу.

Таким образом Учитель становится центром, который поистине можно назвать огромным организмом, поскольку ученики действительно являются его частями. Когда мы осознаем, что сам он таким же образом является частью какого-то ещё большего Учителя, мы придём к представлению о некоем могучем организме,

который в самом реальном смысле *един*, хотя и построен из тысяч совершенно отличных «я».

Это и есть Небесный Человек, являющийся результатом эволюции каждой коренной расы. В нём, как и в земном человеке, есть семь великих центров, каждый из которых — могущественный адепт; а ману и бодхисаттва занимают в этом огромном организме место мозгового и сердечного центров соответственно. Вокруг них — и всё же не *вокруг* них, а *в* них, составляя их часть, в то же время в самом полном и великолепном смысле оставаясь самими собой, будем и мы, их служители; и эта великая фигура в своей совокупности будет представлять цветок данной расы и включит в себя всех, кто стал через неё адептом. Таким образом по завершении своего развития каждая раса бывает представлена одним из таких небесных людей, и эти великолепные совокупности на своей следующей стадии эволюции станут распорядителями сил какого-либо будущего солнечного логоса. И всё же каждый из них содержит в себе людей всевозможных типов, так что каждый из этих «духов перед престолом» или второстепенных логосов в действительности будет представителем не одной линии, а всех.

Если посмотреть на всю Солнечную Систему с достаточно высокого уровня, будет видно, что она состоит из этих великих живых центров или духов, а также типов материи, через которые каждый из них себя выражает. Позвольте мне здесь для ясности повторить то, что я некоторое время назад писал об этом в книге «Внутренняя жизнь», т. I, раздел II.

«У каждого из этих великих живых центров есть что-то вроде собственного упорядоченного периодического изменения или движения, которое, возможно, на каком-то бесконечно более высоком уровне соответствует биению человеческого сердца или вдоху и выдоху. Некоторые из этих периодов являются более быстрыми, чем другие, так что получается очень сложная серия эффектов, и было замечено, что движения физических планет в их взаимном отношении дают некоторый ключ к действию этих великих космических влияний в любой данный момент. У каждого из этих центров есть своё особое место или главный фокус в теле Солнца, а также меньший, внешний фокус, положение которого всегда отмечается положением планеты.

При помощи нашей трёхмерной фразеологии трудно будет объяснить их точное взаимоотношение; но, пожалуй, можно сказать, что поле влияния каждого центра практически совпадает с Солнечной Системой, и что можно взять сечение этого поля, которое окажется эллиптическим; один из фокусов этого эллипса всегда будет в Солнце, а в другом окажется та планета, которая управляется этим второстепенным логосом. Вероятно, что при постепенной конденсации первоначальной светящейся туманности, из которой сформировалась система, местоположение планет было определено образованием вихрей в этих меньших фокусах, и они стали дополнительными точками распределения — как бы железами солнечной системы.»

Конечно же, следует понимать, что мы не имеем здесь в виду курьёзную астрологическую теорию, которая рассматривает само Солнце в качестве одной из планет,* но говорим о настоящих планетах, обращающихся вокруг него.

* В экзотерической астрологии Солнце скрывает планету Вулкан, которая считается ещё неоткрытой из-за своих малых размеров и близости к Солнцу. (См. «Протоколы логи Блаватской», Встреча IV). — *Прим. пер.*

Их влияние

Влияния, принадлежащие к этим великим типам, широко разнятся в качестве, и эта разница выражается в том числе и через влияние на живую элементарную сущность в человеке и вокруг него. Нужно всегда помнить, что это преобладающее влияние проявляется во *всех* мирах, а не только в астральном, хотя сейчас мы и ограничились им ради простоты. У этих таинственных посредников могут быть и действительно есть другие и более важные линии действия, пока что нам неизвестные; но по меньшей мере наблюдателю бросается в глаза, что каждый центр оказывает на многие разновидности элементарной сущности свой особый эффект.

Например, может оказаться, что влияние одного центра сильно стимулирует жизненность тех видов сущности, которые особо к нему относятся, в то время сдерживая другие виды и управляя ими, тогда как власть другого центра над своими видами сущности окажется сильной, но при этом не будет оказывать заметного влияния на другие виды. У этих мистических сил могут быть все виды комбинаций и видоизменений, и в одном случае действие одной из них может усиливаться присутствием другой, а в другом — почти нейтрализовываться.

Поскольку эта элементарная сущность проявляет живую деятельность в астральном и ментальном телах человека, становится ясно, что любое необычное возбуждение какого-либо из классов, всякий резкий рост его активности, несомненно в той или иной мере повлияет на его эмоции или ум, или на то и другое; и очевидно также, что эти силы на разных людей будут действовать по-разному в зависимости от разновидностей сущности, входящих в их состав.

Все эти влияния существуют и употребляются не ради человека и вовсе не предназначены именно ему — они существуют для него не в большей степени, чем ветер, способствующий или препятствующий движению корабля, дует специально для него. Они — часть игры космических сил, о цели которых мы ничего не знаем, хотя и можем в некоторой степени научиться вычислять их воздействие и пользоваться ими. Сами по себе эти энергии не в большей степени добры или злы, чем любая другая из сил природы: подобно электричеству или любой другой великой природной силе они могут быть полезны и вредны для нас в зависимости от того, какое мы им даём применение. И точно так же, как некоторые эксперименты скорее будут успешными, если предпринимаются, когда воздух сильно заряжен электричеством, тогда как другие в этих условиях скорее всего не удадутся, так и усилия, требующие применения сил нашей умственной и эмоциональной природы, с большей или меньшей лёгкостью достигнут своей цели соответственно влияниям, преобладающим во время их совершения.

Свобода действий

Нам очень важно понимать, что подобное давление не может даже в малейшей степени возобладать над волей человека; всё, что оно может — это в некоторых случаях затруднить или облегчить действие этой воли по тем или иным направлениям. Человек ни в коем случае не принуждается им к какому-либо образу действий без его собственного согласия, хотя оно и может помочь или помешать ему в любых усилиях, которые ему случится совершать. Человеку действительно сильному нет особой нужды беспокоиться о господствующих влияниях, но людям с более слабой волей иногда стоит знать, в какой момент и какую силу можно будет применить с наибольшим преимуществом. Человеком железной решимости или изучающим истинный оккультизм эти факторы могут быть отброшены как пренебрежимо малые, но поскольку большинство людей всё ещё позволяют себе быть беспомощными игрушками сил желания и пока не развили ничего достойного называться собственной волей, их слабость позволяет этим влияниям обрести в человеческой жизни ту важность, на которую они сами по себе и не претендовали.

Например, определённая разновидность влияния иногда может вызвать такое положение дел, при котором заметно усиливаются все виды нервного возбуждения, вследствие чего повсюду возникает общее чувство раздражительности. Само по себе это состояние не может вызвать ссору между разумными людьми, но при таких обстоятельствах споры возникают гораздо чаще, чем обычно, причём даже по самым пустячным поводам, и большое количество людей, которые, похоже, всегда на грани потери самообладания, полностью теряют над собой контроль при малейшей провокации. Иногда может случиться, что такие влияния, попадая на почву тлеющего недовольства или невежественной зависти, могут раздуть их до народного бунта, из которого могут последовать широкомасштабные бедствия.

Но даже в таком случае мы должны предостеречь себя от фатальной ошибки приписывания этому влиянию зловредного характера лишь из-за того, что человеческие страсти обращают его ко злу. Эта сила — просто лишь волна деятельности, посланная из одного из центров логоса, и сама по себе имеет лишь природу усиления некоторых вибраций, возможно, необходимых для того, чтобы произвести какой-то далекоидущий космический эффект. Усиление деятельности, побочно производимое ею в астральном теле человека, предоставляет ему возможность испытать свою способность справляться со своими проводниками, и вне зависимости от того, добьётся он в этом успеха или потерпит неудачу, это будет ещё одним из уроков, которые помогут ему в его эволюции. Карма может забросить человека в определённое окружение или подставить его под те или иные влияния, но она никогда не может заставить его совершить преступление, хотя и может поставить его в такое положение, что с его стороны потребуется большая решимость, чтобы этого преступления избежать. Потому астрологу возможно предупреждать человека об обстоятельствах, в которых он окажется в то или иное время, но всякое предсказание его действий при этих обстоятельствах теоретически может основываться лишь на вероятности, — хотя мы охотно

признаём, что в случае заурядного и безвольного человека эта вероятность становится определённой. Из необычайной смеси успехов и неудач, характеризующей современные астрологические предсказания, представляется достаточно ясным, что практикующие это искусство не вполне знакомы со всеми факторами, которые им необходимо знать. В тех случаях, когда вступают в действие лишь те факторы, которые понимаются уже достаточно хорошо, достигается успех, но когда вступают в игру факторы ещё нераспознанные, в результате мы, естественно, имеем более или менее полную неудачу.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ СОЛНЦА

Солнечное тепло

Интересующиеся астрономией найдут оккультную сторону этой науки одной из самых захватывающих областей из доступных нам. Очевидно, этот предмет чересчур сложен и техничен, чтобы включать его в такую книгу, как эта, больше посвящённую тем из невидимых явлений, которые практически влияют на нас в повседневной жизни; но связь Солнца с этой жизнью столь близкая, что сказать о нём несколько слов просто необходимо.

Всю Солнечную Систему можно назвать одеянием её логоса, но Солнце — поистине его богоявление, самое полное его проявление, которое только возможно в физическом мире, линза, через которую его сила светит на всех нас.

С чисто физической точки зрения Солнце представляет собой огромную массу сияющей материи невысказанно высокой температуры, и состояние насыщенности её электричеством полностью превосходит любой наш опыт. Астрономы, полагавшие, что это тепло получается просто в силу сжатия, пробовали подсчитать, сколько оно могло существовать в прошлом и как долго сможет оно сохраняться в будущем, но в любом случае у них выходило не более чем несколько сотен тысяч лет, тогда как геологи заявляют, что на одной лишь нашей Земле мы имеем свидетельства процессов, простирающихся на миллионы лет. Открытие радиоактивности отменило прежние теории, но даже с её помощью учёные ещё не смогли добраться до простоты истинного объяснения этой сложности.

Можно вообразить какого-нибудь разумного микроба, который, живя на поверхности человеческого тела, точно таким же образом рассуждает о его температуре. Он может сказать, что это тело конечно же должно постепенно охлаждаться, и точно подсчитать сколько часов или минут займёт охлаждение до такой температуры, которая уже не позволит продолжать его существование. Если он, однако, проживёт достаточно долго, то обнаружит, что тело не охлаждается, как должно быть по его теориям, и несомненно, это покажется ему очень загадочным, если он не откроет, что имеет дело не с затухающим огнём, а с живым

существом, которое не остывает, пока в нём сохраняется жизнь. Точно так же, если мы осознаем, что Солнце есть физическое проявление солнечного логоса, то увидим, что могучая жизнь, стоящая за ним, непременно будет поддерживать его температуру столько, сколько необходимо для полной эволюции его системы.

Гранулы фотосферы

Подобное же объяснение даст нам решение и некоторых других проблем солнечной физики. Например явление, названное из-за своей формы «рисовыми зёрнами» или «ивовыми листьями», из которых практически и состоит фотосфера Солнца, часто озадачивало экзотерических исследователей противоречивыми по всей видимости характеристиками, которые они демонстрируют и которые не удаётся между собой примирить. С точки зрения этих исследователей они — не что иное, как массы светящегося газа чрезвычайно высокой температуры, а потому и большой разреженности. И хотя они должны быть намного легче любого земного облака, они никогда не теряют своей специфической формы, как бы дико не носило их среди бурь столь огромной силы, что они моментально могли бы разрушать и саму Землю.

Если же мы осознаем, что за каждым из этих странных объектов стоит великолепная жизнь, и что каждый из них можно рассматривать как физическое тело великого ангела, то мы поймём, что эта жизнь и удерживает их, сохраняя их целостность и придавая им эту удивительную устойчивость. Пожалуй, применение термина «физическое тело» введёт нас в заблуждение, поскольку нам жизнь в физическом теле кажется такой важной и на нынешней стадии нашей эволюции занимает такое заметное место. Е. П. Блаватская говорила нам, что мы не можем верно назвать их солнечными обитателями, поскольку солнечные существа вряд ли окажутся в фокусе телескопа, но что они — резервуары солнечной жизненной энергии, сами принимающие участие в той жизни, которую они изливают.

Давайте лучше скажем, что эти образования являются проявлениями на физическом уровне, поддерживаемые солнечными ангелами для особой цели, ценой некоторой жертвы или ограничения своей деятельности на высших планах, являющихся их обычным местом обитания. Помня, что именно через них к нам приходят свет, тепло и жизненность Солнца, мы легко увидим, что цель этой жертвы — свести на физический план некоторые силы, которые иначе оставались бы непроявленными, и что эти великие ангелы действуют как каналы, отражатели и выделители божественной энергии. Фактически они делают на космических уровнях для Солнечной Системы то же, что в микроскопическом масштабе можем делать и мы в своём маленьком кругу, если будем достаточно мудры, чтобы верно использовать свои привилегии, как будет объяснено в одной из следующих глав.

Жизненная сила

Всем нам знакомо чувство бодрости и благополучия, которое приносит нам солнечный свет, но лишь изучающие оккультизм вполне сознают причины этого ощущения. Солнце, заливая свою систему светом и теплом, точно так же постоянно льёт в неё и другую силу, существования которой современная наука пока что не подозревает, и которой было дано наименование «жизненность»* Она излучается на всех уровнях и проявляет себя в каждом царстве — физическом, эмоциональном, ментальном и остальных, — но в данный момент нас особо интересует её проявление на низшем из них, где она, входя в некоторые физические атомы, сильно увеличивает их активность, делая их сияющими и оживлёнными.

Мы не должны путать эту силу с электричеством, хотя она и напоминает его в некоторых отношениях. Логос посылает от себя три великие формы энергии; могут быть и сотни других, о которых мы ничего не знаем, но по меньшей мере есть три. У каждой из них есть соответствующее проявление на всех уровнях, которых уже достигли наши исследователи, но пока что мы рассмотрим, как они демонстрируют себя в физическом мире. Одна из них проявляет себя как электричество, другая — как жизненность, а третья — как змеиный огонь,** о котором я уже писал в книге «Внутренняя жизнь».

* Прана.

** Кундалини. — *Прим. пер.*

Эти три силы остаются отдельными, и на этом уровне ни одна из них не может быть превращена в какую-либо другую. Они не связаны с каким-либо из трёх великих излияний, эти излияния представляют собой определённые усилия, совершаемые солнечным логосом, тогда как эти три силы представляются скорее результатами его жизни — его качествами, проявляемыми им без всяких видимых усилий. Электричество, пробегая через атомы, отклоняет их и удерживает определённым образом; это происходит в дополнение к тому, что оно сообщает им особую частоту колебаний, и совершенно помимо этого.

Но действие жизненности во многих отношениях отличается от действия электричества, света и тепла. Все виды этой последней силы вызывают колебания атома в целом, и размах этого колебания огромен в сравнении с размером атома; но та сила, которую мы называем жизненностью, входит в атом не извне, а изнутри.

Шарики жизненности

Атом сам по себе — не что иное, как проявление силы; солнечный логос создаёт своей волей некую форму, которую мы называем первичным физическим атомом, и этим его волевым усилием около четырнадцати миллиардов пузырьков удерживаются в этой конкретной форме. Необходимо подчеркнуть тот факт, что соединение пузырьков в такую форму всецело зависит от его усилия, так что будь эта воля на мгновение отведена, фигура сразу бы распалась, пузырьки снова

существовали бы по отдельности, и всё физическое царство просто прекратило бы существование менее чем за мгновение вспышки молнии. Таким образом верно, что весь мир — не что иное, как иллюзия, даже с этой точки зрения, не говоря уже о том, что сами эти пузырьки, из которых построен атом — лишь пустоты в койлоне, истинном эфире пространства.

Так что это постоянно изъясняемая сила воли солнечного логоса удерживает атом в целостности, и когда мы попытаемся исследовать действие этой силы, то увидим, что она не приходит в атом извне, но бьёт ключом изнутри него, что означает её поступление из высших измерений. То же самое верно и в отношении той другой силы, которую мы называем жизненностью — она входит в атом изнутри, вместе с той силой, которая сохраняет его целостность, а не действует на него всецело извне, как те разновидности силы, которые мы называем светом, теплом и электричеством.

Когда жизненность таким образом истекает изнутри атома, она наделяет его дополнительной жизнью и сообщает ему способность притяжения, так что он незамедлительно собирает вокруг себя шесть других атомов,* которые располагает особым образом, создавая то, что в «Оккультной химии» было названо гипер-мета-прото-элементом. Однако, этот элемент тем отличается от всех прочих, пока что наблюдавшихся, что создающая и удерживающая его силы исходят из второго аспекта солнечного логоса, а не из третьего. Этот шарик жизненности изображён в «Оккультной химии», где он стоит первым слева в верхнем ряду диаграммы,** изображающей элементы гипер-мета-прото-материи. Именно эта небольшая группа создаёт исключительно яркие бусины на мужской или положительной змейке в химическом элементе кислороде, а также в сердце центрального шара радия.

* Используемый здесь термин «атом» обозначает единицы материи, а не физический атом науки. — *Прим. ред.*

** Было несколько изданий этой книги, и по всей видимости не во всех диаграммы расположены одинаково, потому лучше смотреть упомянутые далее диаграммы для радия и кислорода. — *Прим. пер.*

Эти шарики выделяются среди всех прочих, которые можно наблюдать плавающими в атмосфере, своей яркостью и крайней активностью — интенсивностью жизни, которую они демонстрируют. Вероятно, это те самые огненные жизни, которые так часто упоминала Е. П. Блаватская, хотя, похоже, она применяла этот термин в двух смыслах. В «Тайной доктрине», т. II, с. 117, это по всей видимости означает шарик в целом, а в т. I, с. 262 — дополнительно оживлённые атомы, которые вначале собирают вокруг себя шесть других.*

* См. в русском издании т. I, станца VII, «Огненные жизни» и т. II, станца V, «Способы размножения». — *Прим. пер.*

Хотя сила, оживляющая эти шарики, совершенно отлична от света, тем не менее, похоже, что её способность проявления всё-таки от света зависит. При ярком солнечном свете свежая жизненность постоянно прибывает, и шарики создаются с

большой скоростью и в немыслимых количествах, но в пасмурную погоду количество новообразованных шариков значительно сокращается, а ночью процесс их образования, похоже, прекращается совсем. Потому можно сказать, что ночью мы живём на запасах, произведённых в течение предыдущего дня, и хотя кажется практически невозможным, чтобы они могли полностью иссякнуть, они, очевидно, становятся невелики после долгой последовательности пасмурных дней. Такой шарик, будучи раз заряжен, остаётся субатомным элементом, и похоже, не подвергается каким-либо изменениям и не теряет силу, пока не будет поглощён каким-либо живым существом.

Поглощение жизненности

Эта жизненность поглощается всеми живыми организмами, и достаточный её приток представляется необходимым для их существования. У людей и высших животных она поглощается центром или вихрем в эфирном двойнике, который соответствует селезёнке.* Следует вспомнить, что у этого центра шесть лепестков, создаваемых колебательным движением сил, вызывающих этот вихрь. Но само это колебательное движение вызывается излучением других сил из центра этого вихря. Если представить центр вихря как ступицу колеса, то эти самые силы будут подобны исходящим из него прямым спицам. Тогда силы вихря, несущиеся по кругу, проходят попеременно над и под этими спицами, плетя нечто вроде эфирной корзины, и таким образом получается вид шести лепестков, разделённых углублениями.

* Здесь имеются в виду чакры (санскр. колёса), семь основных силовых центров, собирающих и распределяющих энергию в жизненном теле (эфирном двойнике), питая, таким образом, физическое тело. Более полное их описание имеется в книге Ч. Ледбитера «Чакры». — *Прим. ред.*

Когда яркая единица жизненности вспыхивает в атмосфере, она почти бесцветна, и её можно сравнить с белым светом. Но как только она втягивается в вихрь силового центра у селезёнки, она разлагается и расщепляется на потоки разных цветов, хотя они и не соответствуют в точности спектральным цветам. Когда составляющие её атомы несутся в вихре, каждая из шести спиц ловит один из них, так что все атомы, заряженные жёлтым, несутся вдоль одной из них, заряженные зелёным — вдоль другой и так далее, пока седьмой из них не исчезнет в центре вихря, как бы через ступицу колеса. Затем эти лучи устремляются оттуда в разных направлениях, и каждый выполняет свою особую работу по оживлению тела. Однако, как я уже упомянул, подразделение цветов здесь не совсем такое, как мы обычно используем для солнечного спектра, но скорее напоминает расположение цветов, наблюдаемое на высших планах в каузальном, ментальном и астральном телах.

Например, тот цвет, который мы называем синим, разделяется между фиолетовым и голубым лучами, так что здесь обнаруживаются только два подразделения вместо трёх; но с другой стороны, то, что мы называем красным, подразделяется

на два — розово-красный и тёмно-красный. Потому шесть радиусов имеют фиолетовый, голубой, зелёный, жёлтый, оранжевый и тёмно-красный цвета, тогда как седьмой (а точнее первый, поскольку это и есть тот самый атом, в который сила прибыла сначала), розовый атом, проходит вниз через центр вихря. Жизненность, имея явно семеричный состав, тем не менее проносится через тело пятью основными потоками, как и описано в некоторых индийских книгах,* поскольку по выходе из селезёночного центра голубой и фиолетовый потоки соединяются в один луч; так же поступают оранжевый и тёмно-красный.

* «Главная жизнь сказала им: не впадайте в заблуждение — лишь я, разделившись на пять частей, утверждаю и поддерживаю это тело!»; «От этого возникают семь огней» (Прашна Упанишада, II.3 и III.5).

1. Фиолетово-голубой луч вспыхивает вверх, к горлу, где, похоже, разделяется. Голубой луч проходит через горловой центр, оживляя его, а синий и фиолетовый лучи идут дальше, в мозг. Синий луч расходуется в нижней и центральной частях мозга, а фиолетовый луч наполняет верхнюю его часть и, по-видимому, придает особую энергию силовому центру на макушке головы, распространяясь в основном через девятьсот шестьдесят лепестков внешней части этого центра.

2. Жёлтый луч направляется к сердцу, но после того, как он выполняет там свою работу, часть луча проходит также к мозгу, и проникает в него, направляясь главным образом к двенадцатилепестковому цветку в середине высшего из центров.

3. Зелёный луч заливает брюшную полость и, концентрируясь особенно в солнечном сплетении, очевидно, оживляет печень, почки, кишечник и весь пищеварительный аппарат в целом.

4. Розовый луч разбегается по всему телу вдоль нервов и, очевидно, является жизнью нервной системы. Это и есть то, что обычно называется жизненной силой, которую один человек может выделить и легко передать другому, у которого её нехватает. Если нервы недостаточно снабжаются этим розовым светом, они становятся чувствительными и очень раздражительными, так что больной находит невозможным оставаться в одном положении, а меняя его, получает лишь кратковременное облегчение. Малейший шум и легкое прикосновение для него мучительны, и он сильно страдает. Наполнение его нервов праной более здорового человека приносит ему моментальное облегчение, и тогда на него нисходит облегчение и успокоение. Обычно человек крепкого здоровья впитывает и выделяет настолько больше жизненной силы, чем необходимо его телу, что постоянно излучает поток розовых атомов и тем самым неосознанно вливает силу в своих более слабых собратьев, сам ничего не теряя. Усилием воли он может собрать воедино всю избыточную энергию и намеренно направить её тому, кому желает помочь.

У физического тела есть некое слепое инстинктивное сознание, в физическом мире соответствующее элементу желания астрального тела. Это самосознание всегда стремится защитить тело от опасности и обеспечить его всем необходимым.

Оно существует совершенно отдельно от собственного сознания человека и одинаково хорошо работает, даже когда во время сна в физическом теле отсутствует «я». Благодаря ему происходят все наши инстинктивные движения, равно как и непрерывно без нашего ведома продолжается работа симпатической системы.

Когда мы находимся в том состоянии, которое называем бодрствованием, этот физический элементал постоянно занят нашей самозащитой; он не только сам находится в состоянии постоянной бдительности, но и удерживает мышцы и нервы всегда в напряжении. Ночью или в любое другое время, когда мы спим, он позволяет нервам и мышцам расслабиться, и особо посвящает себя усвоению жизненности и восстановлению сил физического тела. С наибольшим успехом он делает это в начале ночи, поскольку тогда ещё имеется изобилие жизненности, тогда как непосредственно перед рассветом оставшаяся от солнечного света жизненность почти полностью исчерпывается. Вот причина вялости и безжизненности, ощущаемой в ранние утренние часы; и это также причина того, почему больные столь часто умирают именно в это время. Потому-то старинная поговорка и гласит, что час сна перед полуночью стоит двух часов после нее. Работа этого физического элементала и объясняет то мощное восстановительное воздействие сна, которое наблюдается даже если вздремнуть ненадолго.

Эта жизненность воистину является пищей эфирного двойника, и необходима ему так же, как необходима материальная пища для более плотной части физического тела. Так что когда селезёночный центр оказывается неспособным по той или иной причине (такой как болезнь, переутомление или очень преклонный возраст) подготавливать жизненность для питания клеток тела, этот физический элементал пытается привлечь для своих нужд жизненные силы, уже подготовленные в телах других. Таким образом, часто после временного контакта с человеком, у которого истощена собственная жизненная сила, мы чувствуем себя слабыми и изнуренными, потому что он вытянул из нас розовые атомы до того, как мы смогли извлечь их энергию.

Растительное царство также впитывает эту жизненную силу, но в большинстве случаев, по-видимому, использует только небольшую её часть. Многие деревья извлекают из неё почти точно те же составляющие, что и высшая часть эфирного тела человека, и в результате, когда они используют то, что им требуется, отбрасываемые ими заряженные розовым светом атомы оказываются именно такими, как нужно для клеток нашего физического тела, особенно у таких деревьев как сосна и эвкалипт. Потому само соседство с этими деревьями даёт здоровье и силу тем, кто страдает от недостатка этой части жизненного начала — тем, кого мы называем нервными людьми. Они нервны потому, что клетки их тела голодны, и нервозность их может быть успокоена только путем питания этих клеток. Часто самым лёгким способом сделать это является обеспечение их извне тем особым видом жизненности, в котором они нуждаются.

5. Оранжево-красный луч течёт к основанию позвоночника, а оттуда — к половым органам, с которыми тесно связана одна часть его функций. Этот луч, по-видимому, имеет в своем составе не только оранжевый и темно-красный цвета, но и определённое количество темно-лилового цвета, как будто бы спектр свернулся

в круг, и цвета начались снова на более низкой октаве. У обычного человека этот луч подпитывает энергией желания плоти и, похоже, проникает и в кровь, помогая поддерживать температуру тела. Но если человек настойчиво отказывается подчиняться своей низшей природе, то длительными и решительными усилиями этот луч может быть отклонён вверх, к мозгу, где все его три составляющие проходят примечательные изменения. Оранжевый луч повышается до чисто жёлтого и производит решительное усиление умственных сил; тёмно-красный луч становится малиновым и значительно повышает способность бескорыстной любви, тогда как темно-лиловый трансмутируется в красивый бледно-фиолетовый и оживляет духовную часть человеческой природы. Человека, достигшего этого преобразования, больше не беспокоят чувственные желания, и когда ему понадобится пробудить верхние слои змеино-огня, он уже будет свободен от самых серьезных опасностей этого процесса. Когда эти изменения завершены, этот оранжево-красный луч направляется прямо в центр у основания позвоночника и оттуда бежит вверх вдоль полости позвоночного столба прямо к мозгу.

Жизненность и здоровье

Протекание жизненности по этим различным потокам регулирует здоровье тех частей тела, с которыми они связаны. Например, если человек страдает от плохого пищеварения, то это сразу же становится видно любому человеку, обладающему эфирным зрением, потому что либо замедлены течение и активность зеленого потока, либо его объём меньше необходимого. Полнота и сила жёлтого потока показывает или, вернее, задаёт силу и регулярность деятельности сердца. Протекая вокруг сердечного центра, он пропитывает и проходящую через него кровь и рассылается с ней по всему телу. Однако при этом остаётся ещё достаточно энергии, чтобы проникнуть и в мозг, и сила высоко философской и метафизической мысли, по-видимому, в значительной мере зависит от объема и активности этого жёлтого потока, а также от соответствующего пробуждения двенадцатилепесткового цветка в середине центра сил на макушке головы.

Высокодуховные мысли и чувства, похоже, в большей степени зависят от фиолетового луча, тогда как энергия обычного мышления стимулируется действием голубого луча, смешанного с частью жёлтого. Было замечено, что при некоторых формах идиотии оба потока жизненности, направившиеся к мозгу, и жёлтый, и сине-фиолетовый, почти полностью прекращены. Необычная активность или объем светло-голубого луча, который предназначается горловому центру, сопровождается здоровьем и силой физических органов этой части тела. Например, он придает силу и эластичность голосовым связкам, так что особую активность и силу этого потока можно заметить у известных ораторов и великих певцов. Слабость или болезнь любой части тела сопровождаются недостаточностью притока жизненной силы к ней.

По мере того, как различные потоки атомов выполняют свою работу, заряд жизненности выводится из них, подобно тому, как происходит потеря электрического заряда. Атомы, несущие розовый луч, по мере своего движения вдоль нервов постепенно бледнеют и, наконец, выбрасываются из тела через поры,

образуя то, что в книге «Человек видимый и невидимый» названо аурой здоровья. К моменту выхода из тела большинство из них теряет розовый свет, поэтому общий вид этого излучения — голубовато-белый. Таким же образом теряет свой характерный цвет и та часть желтого луча, которая была поглощена кровью и циркулировала вместе с ней.

Атомы, лишённые своего заряда жизненности, либо вступают в некоторые соединения, постоянно образуемые в теле, либо выходят из тела через поры или через обычные пути выделения. Так, опустошённые атомы зеленого луча, в основном связанные с процессами пищеварения, скорее всего, соединятся с обычными отходами жизнедеятельности и выйдут из тела вместе с ними. Такой же будет и судьба атомов красно-оранжевого луча у обычных людей. Атомы, принадлежавшие голубым лучам, использовавшиеся в связи с горловым центром, обычно покидают тело при выдыхании, а составлявшие синий и фиолетовый лучи обычно выходят из центра на макушке головы.

Когда ученик научится отклонять оранжево-красный луч, направляя его вверх по позвоночнику, пустые атомы этого луча, как и атомы сине-фиолетового, будут изливаться из вершины головы огненным каскадом, который часто изображается в виде пламени на древних статуях Будды и других великих святых.*

Опустошенные атомы становятся точно такими же, как и любые другие, с тем исключением, что в результате этой деятельности они становятся несколько более развитыми, чем ранее. Те атомы, которые необходимы телу, оно поглощает, и из них формируется часть соединений, постоянно образующихся в теле, тогда как другие, ненужные телу, выбрасываются через любой подходящий для этого канал.

* Эти атомы таким образом повторно используются как физические носители для некоторых благодатных сил, излучаемых высокоразвитыми людьми из венечной чакры. (Добавление из книги «Чакры», в которой значительная часть этой главы была помещена автором в переработанном виде. — *Прим. пер.*)

Приток жизненности в любой центр или её поток через него, и даже его усиление, не следует путать с совершенно иным развитием этого центра, которое зависит от пробуждения высших уровней змеиногo огня на более поздней стадии развития человека. Все мы впитываем и выделяем жизненность, но многие из нас не используют её полностью, потому что по разным причинам наши жизни не так чисты, здоровы и разумны, какими должны быть. Тот, кто огрубляет своё тело употреблением мяса, алкоголя или табака, никогда не сможет использовать жизненную силу столь же полно, как это может сделать человек, ведущий более чистую жизнь. Отдельные люди, ведущие нечистую жизнь, могут быть и бывают сильнее некоторых других людей, которые чище, и причиной этому их карма, но при прочих равных условиях человек, ведущий чистую жизнь, имеет огромное преимущество.

Жизненность, протекающую вдоль нервов, не следует путать с тем, что мы обычно называем магнетизмом человека, — его собственным нервным флюидом, выделяющимся внутри позвоночника и состоящим из первичной жизненной силы, смешанной с кундалини. Именно этот флюид поддерживает постоянную циркуляцию эфирной материи вдоль нервов, которая соответствует движению крови по сосудам. И как кислород разносится кровью ко всем частям тела, так и жизненность передаётся вдоль нервов этим эфирным потоком. Частицы эфирной части человеческого тела постоянно обновляются, подобно клеткам более плотной его части. Наряду с пищей, которую мы потребляем, и воздухом, которым мы дышим, мы впитываем и эфирную материю, усваиваемую эфирным телом. Эфирная материя постоянно выбрасывается через поры точно так же, как и газообразная материя, так что когда два человека тесно соприкасаются друг с другом, каждый из них неизбежно поглощает множество физических эманаций другого.

Когда один человек месмеризирует другого, оператор усилием воли собирает вместе большое количество своего магнетизма и посылает его внутрь субъекта, выталкивая его нервный флюид и замещая его своим собственным. Поскольку мозг является центром этой нервной циркуляции, это ставит часть тела человека, подвергающуюся воздействию, под контроль мозга манипулятора, и субъект начинает чувствовать то, что желает месмеризатор. Если из мозга реципиента вытеснен его собственный магнетизм, и он заполнен магнетизмом оператора, то первый может думать и действовать только так, как желает последний, то есть на время он полностью находится под его властью.

Даже когда магнетизёр путем вливания силы пытается лечить человека, наряду с жизненностью он неизбежно передаёт ему многие из своих собственных эманаций. Очевидно, что любое заболевание месмериста легко может перейти таким образом на объект воздействия, но есть и другое, и более важное соображение. Даже если здоровье месмериста совершенно с медицинской точки зрения, у него могут быть заболевания ментальные и нравственные; а поскольку вместе с физическим потоком в субъекта вбрасывается также астральная и ментальная материя месмериста, то такие заболевания тоже часто передаются.*

* Некоторые дальнейшие соображения и рекомендации по применению месмеризма см. в книге автора «Чакры», гл. III. — *Прим. пер.*

Жизненность, подобно свету и теплу, постоянно изливается Солнцем, но часто возникают препятствия, не дающие ей в полном объёме достичь Земли. В холодном и унылом климате, ошибочно называемом «умеренным», слишком часто случается, что целыми днями небо покрыто саваном тяжёлых туч, оказывающих на жизненность то же воздействие, что и на свет — они не полностью перекрывают её проход, но заметно снижают её количество. Потому в пасмурную и мрачную погоду количество жизненности снижается, и у всех живых существ возникает инстинктивная тоска по солнечному свету.

Когда насыщенные жизнью атомы оказываются таким образом рассеяны более редко, человек крепкого здоровья увеличивает свою способность их поглощать и

опустошает более широкую область, поддерживая таким образом свои силы на нормальном уровне. Но больные и люди со слабой нервной силой, неспособные делать это, часто очень сильно страдают, и становятся ещё более слабыми и раздражительными, сами не зная почему. По тем же причинам жизненность зимой имеет меньший уровень, чем летом, ведь даже если зимний день оказывается солнечным, что бывает редко, нам всё же приходится пережить длинную и мрачную ночь, в течение которой приходится существовать на запасах жизненности, накопленной в атмосфере за день. Длинный ясный летний день, напротив, так основательно заряжает атмосферу жизненностью, что короткая ночь создаёт лишь небольшую разницу.

Из изучения этого вопроса оккультист не может не признать, что совершенно отдельно от даваемого тепла солнечный свет является одним из важнейших факторов достижения и сохранения совершенного здоровья, отсутствия которого ничто не сможет вполне возместить. А поскольку эта жизненность изливается не только на физический мир, но и на другие, очевидно, что когда во всех других отношениях условия удовлетворительны, эмоции, интеллект и духовность будут в лучшем состоянии под чистым небом с неоценимой помощью солнечного света.

Все цвета этой жизненности — эфирные, но можно видеть, что в их действии наблюдаются некоторые соответствия смыслам, которые несут подобные же цвета в астральном теле. Ясно, что верное мышление и правильные чувства воздействуют на физическое тело и увеличивают его способность усваивать жизненность, которая столь необходима для его благосостояния. Говорят, что Господь Будда однажды сказал, что первый шаг на пути к нирване — это совершенное физическое здоровье, и несомненно, что лучший способ достичь его — это следовать Благородным Восьмеричным Путём, который он указал. «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это всё приложится вам», и даже физическое здоровье.

Глава V

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Погода

Капризы погоды вошли в поговорку, и хотя наблюдение и изучение погодных явлений позволяет нам отваживаться на некоторые ограниченные прогнозы, конечная причина большинства её перемен всё ещё от нас ускользает, и это будет продолжаться до того, пока мы не осознали, что помимо тепла и холода, излучения и конденсации есть и иные соображения, которые следует принять в учёт. Земля живая; этот шар материи используется в качестве физического тела огромным существом — не адептом, не ангелом, не вообще каким-то высокоразвитым существом, но скорее чем-то вроде гигантского природного духа, для которого всё существование нашей Земли — одно воплощение. Его прежним

воплощением была, естественно, Луна, поскольку она была четвёртой планетой предыдущей цепи, и точно так же следующим его воплощением будет четвёртая планета той цепи, которая последует за нашей, когда эволюция нашей земной цепи будет завершена. О природе или характере его эволюции мы можем знать лишь немного, да и отношения к нам она никакого не имеет, ведь для него мы подобны крошечным микробам или паразитам на его теле, и по всей вероятности он даже не сознаёт нашего существования, поскольку ничто из совершаемого нами не достигает масштабов достаточно больших, чтобы на него повлиять.

Для него атмосфера, окружающая Землю, должна быть чем-то вроде ауры, или, скорее, плёнки эфирной материи, которая лишь немного выдаётся за контуры плотного тела человека; и точно так же, как всякая перемена или возмущение в человеке воздействует на эту плёнку эфира, так и любая перемена в состоянии этого духа Земли влияет на её атмосферу. Некоторые из этих изменений должны быть периодическими и регулярными, подобно движениям, происходящим у нас при дыхании, сердцебиении или даже при ходьбе; другие могут быть нерегулярными и случайными, как перемены в человеке, который резко встал и пошёл или пережил всплеск эмоций.

Нам известно, что сильная эмоция, хотя и имеет астральное происхождение, производит химические и температурные изменения в физическом теле человека; и что-либо соответствующее такой эмоции у духа Земли вполне может вызвать химические изменения в его теле и температурные изменения в его ближайших окрестностях. Но температурные изменения в атмосфере приводят к ветру, а если они сильные и резкие — то и к буре; а химические изменения под поверхностью Земли нередко вызывают землетрясения и извержения вулканов.

Никакой оккультист не впадёт в общую ошибку и не станет считать злом такие выбросы, как бури и извержения, только потому что они иногда лишают людей жизни, ибо он знает, что какой бы ни была непосредственная причина, всё происходящее — часть действия великого неизменного закона справедливости, и всё, что ни делается, то к лучшему. Этот аспект явлений природы будет, однако, рассмотрен в одной из следующих глав.

Нельзя отрицать, что люди сильно и разнообразно подвергаются влиянию погоды — это несомненно. Существует общее согласие в том, что мрачная погода действует подавляюще, но в основном это так в силу того факта, что при отсутствии солнечного света ощущается недостаток жизненности, как уже было объяснено. Однако, у некоторых людей дождь, снег или сильный ветер вызывает настоящее удовольствие. Есть в этих возмущениях что-то такое, что создаёт явно приятное ощущение, ускоряющее их вибрации и гармонирующее с основным тоном их природы. Вероятно, это происходит не совсем и даже не в основном из-за физических возмущений — скорее тонкие изменения в ауре духа Земли (создающие это явление или совпадающие с ним) оказываются в симпатии с собственным духом этих людей. Ещё более ярко выраженным примером этого является эффект грозы. Есть множество людей, у которых гроза создаёт непреодолимое чувство страха, совершенно несоразмерное любой физической опасности, которую она может представлять. У других, напротив, гроза вызывает дикое ликование. Несомненно, в создании этих необычных ощущений играет роль

воздействие электричества на физические нервы, но истинная их причина лежит глубже.

Эффект, производимый этими разнообразными проявлениями, зависит от темперамента людей, то есть от преобладания в них тех или иных типов элементарной сущности, находящихся в симпатии с теми или иными вибрациями, которые средневековые исследователи обычно называли земными, водными, воздушными и огненными. Точно так же и эффект воздействия на нас разных областей нашего окружения будет больше или меньше в зависимости от содержания в их составе той или иной из этих составляющих. Для человека, который легче всего откликается на земные влияния, первостепенную важность будет иметь природа почвы, на которой построен его дом, но для него будет сравнительно маловажным, есть ли по соседству вода; тогда как человека, легче всего отзывающегося на излучения воды, будет мало заботить почва, коль скоро в пределах видимости или досягаемости есть море или озеро.

Камни

Все природные объекты постоянно излучают на нас своё влияние, даже сама земля, по которой мы ходим. У каждого типа камня или почвы есть свой особый тип влияния, и разница между ними может быть огромной, так что этими эффектами вовсе нельзя пренебрегать. В создании этих эффектов принимают участие три фактора — жизнь самого камня, разновидность элементарной сущности, свойственной его астральному соответствию, и вид природных духов, которых он привлекает. Жизнь камня — это просто жизнь второго великого излияния, которое достигло стадии одушевления минерального царства, а элементарная сущность — это более поздняя волна той же самой божественной Жизни, которая на один период планетной цепи отстаёт от предыдущей и в своём нисхождении в материю достигла пока что астрального мира. Природные духи принадлежат к совершенно иной эволюции, о которой мы расскажем в должном месте.

Пока же нам следует запомнить то, что каждый вид почвы — будь то гранит, песчаник, мел, глина или лава, оказывает определённое влияние на тех, кто на ней живёт, и влияние это никогда не прекращается. Днём и ночью, летом и зимой, на протяжении многих лет это давление постоянно действует и вносит свой вклад в формирование рас и регионов, как национальных типов, так и индивидуумов. Все эти вещи пока ещё мало понимаются обычной наукой, но несомненно, что со временем эти эффекты станут основательно изучаться, и врачи в будущем будут брать их в расчёт и предписывать своим пациентам перемену почвы так же, как и воздуха.

Там, где есть водоём, будь это озеро, река или море, в игру вводится совершенно новый и отличный набор влияний, мощных в разных отношениях, поистине во всех, но особо сильных и заметных в последнем случае. Здесь опять следует учитывать те же три фактора — жизнь самой воды, проникающую её элементарную сущность, и тип связанных с ней природных духов.

Деревья

Сильные влияния излучаются также и растительным царством, и эффект разных видов деревьев и прочих растений значительно разнится. Не изучавшие специально этот предмет неизменно недооценивают силу, способности и разум, демонстрируемые растительным царством. Я уже писал об этом в своей книге «Христианский символ веры»,* так что не буду здесь повторяться, но хочу привлечь внимание к тому факту, что деревья, особенно старые, обладают сильной и определённой индивидуальностью, вполне заслуживающей названия души. Эта душа, хотя и временная, в том смысле, что не является ещё перевоплощающимся существом, тем не менее обладает заметной силой и разумностью, развитой в особом направлении.

* С. W. Leadbeater, «The Christian Creed», с. 51 (2-е изд.).

У неё есть явные предпочтения, одно ей нравится, а другое — нет, и ясновидящему она отчётливо демонстрирует это живой розовой вспышкой радости от солнца или дождя и явным чувством удовольствия от присутствия тех, кто ей понравился или с кем у неё есть симпатия в вибрациях. Похоже, Эмерсон осознавал это, поскольку Хаттон в своих «Воспоминаниях» приводит его высказывание о своих деревьях: «Я уверен, что им меня не хватало; они поникают, когда я ухожу, и я знаю, как они оживляются и цветут, когда я возвращаюсь к ним и пожимаю, как руки, их нижние ветви».

Старое лесное дерево является высоким результатом развития растительной жизни, и покидая это царство, оно уже не переходит в низшие формы животной жизни. В некоторых случаях его индивидуальность уже бывает достаточно выражена, чтобы временно проявляться и вне своей физической формы, и когда это так, часто принимает человеческий облик. В других солнечных системах всё может быть иначе, и мы об этом ничего не знаем, но в нашей логос выбрал в качестве проводника высшего разума человеческую форму, чтобы в ней доводить его до того предела совершенства, которого позволяет достичь его схема. И поскольку это так, у низших форм разума всегда имеется склонность стремиться к этой форме, и они по-своему примитивно воображают себя уже имеющими её.

Так и получается, что такие создания, как гномы или эльфы, чьи тела имеют флюидическую природу и состоят из астральной или эфирной материи, которая достаточно пластична, чтобы менять форму под влиянием воли, обычно принимают вид, приближающийся к человеческому. Также и когда душа дерева может выделиться из него и стать видимой, она почти всегда бывает в человеческом облике, который можно наблюдать. Несомненно, это и есть те, кого в античные времена называли дриадами, и тот факт, что такие фигуры иногда появляются, может служить объяснением широко распространённого обычая поклонения деревьям. «Omne ignotum pro magnifico» (всё неизвестное принимается за великое); и если первобытный человек видел огромную, степенную человеческую фигуру, выходящую из дерева, он вполне мог в своём

невежестве устроить там алтарь и поклоняться ей, нисколько не догадываясь, что сам он стоит гораздо выше её по развитию, и само принятие ею такого образа и есть удостоверение этого факта.

Оккультная сторона инстинкта растений тоже чрезвычайно интересна — их главная цель, как и у некоторых человеческих существ, всегда заключается в том, чтобы образовать семью и продолжить свой род, явно испытывая удовольствие от успеха в этом, от цвета и красоты своих цветов и их способности привлекать пчёл и прочих насекомых. Несомненно, растения чувствуют изливаемое на них восхищение, или когда люди просто им радуются; они чувствительны к человеческой любви и по-своему отвечают взаимностью.

Если всё это учесть, то можно легко понять, что деревья оказывают на людей гораздо большее влияние, чем обычно полагают, и что тот, кто задастся целью установить симпатию и дружественные отношения со *всеми* своими соседями — не только животными и человеческими, но и растительными — сможет получать и отдавать множество такого, о чём средний человек ничего не знает, и таким образом сделать свою жизнь более полной, широкой и совершенной.

Семь типов

Классификация растительного царства, принятая оккультистами, следует семи великим типам, упомянутым в предыдущей главе, посвящённой планетным влияниям, и каждый из них подразделяется на семь подтипов. Если мы попытаемся классифицировать растительное царство, составив таблицу, то линии этого деления будут не горизонтальными, а вертикальными. Здесь деревья не будут занесены в один тип, кустарники — во второй, папоротники — в третий, а травы или мхи — в четвёртый; скорее всего найдутся деревья, кустарники, папоротники, травы и мхи каждого из семи типов, так что в каждом из них будут представлены все ступени восходящей шкалы.

Эту идею можно выразить следующим образом: когда второе излияние готово к нисхождению, перед ним оказываются открыты семь каналов с семью подразделениями в каждом. Любой избранный им канал при прохождении через него придаст этому излиянию свою определённую окраску — набор характерных свойств, которые оно никогда уже полностью не теряет. И хотя, чтобы выразиться, ему требуется материя, принадлежащая ко всем типам, у него всегда будет предпочтение по отношению к собственному типу, и эту принадлежность к типу всегда можно будет легко распознать до тех пор, пока по окончании своей эволюции оно в виде великолепной духовной силы не вернётся к тому логосу, из которого оно первоначально вышло в виде простой неразвитой потенциальности.

Растительное царство — это лишь одна стадия на этом огромном пути, но различные типы в нём различимы точно так же, как и у животных и людей, и у каждого есть своё особое влияние, которое может оказаться успокаивающим или помогающим для одних людей, раздражающим или подавляющим для других и нейтральным для третьих в зависимости от *их собственного* типа и их состояния в

данное время. Чтобы определять, к какому типу принадлежат те или иные растения, требуются обучение и практика, но разница в магнетизме, излучаемом дубом и сосной, пальмой и баньяном, оливой и эвкалиптом, розой и лилией, фиалкой и подсолнухом не может не быть очевидной для всякого чувствительного человека. Ощущения от английского леса, тропических джунглей или австралийского буша столь несхожи, что далеки друг от друга, как полюса.

Животные

На протяжении тысяч лет человек проявлял в своей жизни столько жестокости, что все дикие создания боятся и избегают его, так что влияние животного царства на человека практически ограничивается влиянием домашних животных. В наших отношениях с ними наше собственное влияние на них, естественно, является гораздо более мощным, чем их влияние на нас, хотя последнее вовсе нельзя игнорировать. Будучи более развитым, человек, естественно, способен на б`ольшую любовь, чем животное, но любовь животного обычно бывает более концентрированной, и по сравнению с человеком оно гораздо более склонно вкладывать в неё всю свою энергию.

Сам факт более высокого развития человека даёт ему множество интересов, между которыми распределяется его внимание; животное же часто вливает всю силу своей природы в один канал, тем создавая весьма мощный эффект. У человека есть сотня других вещей, о которых ему нужно думать, и поэтому поток его любви не может не быть переменным; а когда сильную привязанность развивает собака или кошка, это наполняет всю её жизнь, и потому на объект любви постоянно воздействует поддерживаемый ею поток силы — фактор, значение которого ни в коем случае нельзя игнорировать.

Точно так же и люди, которые оказываются столь злы, что своей жестокостью провоцируют у домашних животных страх и ненависть, справедливо становятся центрами, в которых сходятся силы антипатии, ведь такое поведение вызывает сильное негодование и у природных духов и прочих астральных и эфирных существ, равно как и у всех справедливо настроенных людей, будь то живых или мёртвых.

Люди

Поскольку глубоко верно, что никому не стоит позволять себе навлекать на себя ненависть своей кошки или собаки, то ясно, что это же соображение с ещё большей силой приложимо к окружающим человеческим существам. Трудно переоценить важность хорошего расположения к человеку тех, с кем он постоянно связан; для учителя — отношения к нему его учеников, для бизнесмена — его служащих, для офицера — подчинённых, и это совершенно помимо очевидных следствий, создающихся в физическом мире. Если человек, занимающий любое из положений, подобных упомянутым, способен активно нравиться своим

подчинённым, он становится фокусом, в котором постоянно сходятся многие потоки сил любви и энтузиазма. Это не только даёт ему большой подъём и укрепляет его, но если он знает кое-что о действии оккультных законов, позволяет ему быть полезнее для тех, кому он нравится, и достигать с ними гораздо большего, чем было бы возможно иначе.

Для получения такого результата вовсе не нужно, чтобы они обязательно соглашались с ним во мнении; с тем особым эффектом, который мы изучаем, их умственное отношение вовсе никак не связано — это вопрос сильных, добрых чувств. Если, к несчастью, чувства окажутся противоположного сорта — если человека боятся или презирают, то к нему постоянно устремляются потоки антипатии, что вызывает слабость и разлад в вибрациях его высших проводников и отсекает его от всякой возможности совершать со своими подчинёнными удовлетворительную и плодотворную работу.

И здесь действует не только сила чувства, посылаемого людьми — в астральном мире подобное притягивает подобное так же, как и в физическом. В атмосфере всегда плавают массы смутных мыслей; некоторые из них добрые, а некоторые злые, но все они одинаково готовы усилить какую-либо определённую мысль их собственного типа. Также существуют и природные духи низкого порядка, которые получают удовольствие от грубых вибраций ненависти и гнева и потому готовы сразу же броситься в любой поток такого рода. Делая это, они усиливают его колебания, вливая туда свежую жизнь. Всё это склоняет к усилению эффекта, создаваемого сходящимися потоками неприятных мыслей и чувств.

Известно, что человека узнают по знакомствам, которые он водит. В значительной степени верно также и то, что и сам он формируется своей компанией, поскольку те, с кем он постоянно связан, всё время бессознательно на него влияют, постепенно всё больше приводя его в гармонию с теми колебаниями, которые они излучают сами. Тот кто много бывает в присутствии людей, мыслящих широко и не по-мирскому, приобретает отличную возможность и самому стать таким же, ибо в этом направлении на него оказывается постоянное, хотя и неощутимое давление, так что ему становится легче расти в этом направлении, чем в каком-нибудь ином. По той же самой причине человек, который праздно проводит время в пивной с бездельниками и порочными людьми, весьма вероятно и сам станет праздным и порочным. Изучение скрытой стороны вещей решительно подтверждает старую пословицу — с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Этот факт огромного влияния близкого контакта с более продвинувшейся личностью хорошо понимают на Востоке, где общепризнанно, что самая важная и эффективная часть подготовки ученика состоит в том, что он должен постоянно жить в присутствии своего учителя и купаться в его ауре. Все проводники учителя постоянно и мощно вибрируют на частотах, которые и выше, и стабильнее тех, которые пока что способен поддерживать ученик, хотя на несколько мгновений он и может их достигать. Но постоянное давление более сильных мысленных волн учителя постепенно поднимает вибрации ученика до того же тона. Человеку, у которого слабый музыкальный слух, оказывается трудно брать верные ноты в одиночку, но когда он поёт вместе с другим, более сильным голосом, который уже

хорошо тренирован, его задача становится легче. Это может служить чем-то вроде грубой аналогии.

Немаловажный момент здесь в том, что доминирующая нота учителя звучит всегда, так что ученик подвергается её воздействию день и ночь без всякого особого усилия с обеих сторон. Конечно же, в проводниках ученика, как и у любого другого человека, непрерывно идёт рост и происходят изменения, но мощные колебания, исходящие от учителя, позволяют этому росту легко идти в правильном направлении, и чрезвычайно затрудняют ему возможность идти каким-либо иным образом, подобно тому, как шины, наложенные на сломанную конечность, обеспечивают её правильное срастание и помогают избежать искривления.

Никакой обычный человек, действуя автоматически и без всякого намерения, не может оказать даже сотой части тщательно направленного влияния духовного учителя, но множество таких людей может в некоторой мере компенсировать этот недостаток индивидуальной силы. Таким образом непрестанное, хотя и незаметное давление, оказываемое на нас мнениями и чувствами тех, кто рядом с нами, часто заставляет нас без нашего ведома усваивать многие из их предрассудков. Человеку очень нежелательно всегда оставаться среди одних и тех же людей и всё время слышать одни и те же мнения. Настоятельно необходимо знать что-то и о других взглядах, ведь только так можно научиться видеть хорошее во всём. Лишь основательно понимая позиции обеих сторон в каждом деле, можно составить мнение, которое заслуживает хоть какое-то право называться настоящим суждением. Предвзятый человек обязательно и всегда оказывается невеждой, и единственный возможный для него способ рассеять своё невежество — выйти из своего маленького узкого круга и учиться смотреть на вещи самостоятельно, стараясь увидеть их такими, каковы они есть, а не такими, какими представляют их те, кто ничего о них не знает.

Путешествия

Степень, в которой влияют на нас окружающие люди, можно осознать, лишь на время поменяв это окружение, и самый действенный метод сделать это — отправиться в другую страну. Но путешествовать по-настоящему — это не проноситься галопом из одного гигантского караван-сарая в другой, общаясь лишь со своими соотечественниками и брюзжа по поводу любых обычаев, отличающихся от обычаев нашего «маленького Пэдлингтона». Скорее, это значит спокойно пожить в стране на протяжении некоторого времени, стараясь по-настоящему узнать и понять её народ, изучать обычаи и выяснять, почему они появились и что в них есть хорошего, вместо того, чтобы с ходу осуждать их только потому, что они не наши собственные. Человек, путешествующий так, скоро распознает характерные черты разных народов и поймёт фундаментальные различия между англичанином и ирландцем, индийцем и американцем, бретонцем и сицилийцем, в то же время сознавая, что на них следует смотреть не с точки зрения того, кто из них лучше, а кто хуже, но как на разные цвета, составляющие

одну радугу, как на разные движения, которые все необходимы в качестве партий великой оратории жизни.

У каждой расы* есть своя роль по предоставлению эволюционных возможностей для тех «я», которым требуется именно её влияние, и которым недостаёт именно её характеристик. За каждой расой стоит могущественный ангел, расовый дух, который под руководством Ману сохраняет её особые качества и ведёт её по предначертанному для неё пути. Когда в схеме эволюции появляется потребность в новом типе темперамента, рождается новая раса, а когда все «я», которым эта раса могла принести пользу, проходят через неё, она вымирает. Влияние расового духа основательно проникает страну или область, на которую простирается его власть, и естественно, это является фактором величайшей важности для любого путешественника, который хоть сколько-нибудь чувствителен.

* Значение слова «раса» в английском языке более широкое, чем в русском, и это слово там может значить вообще «народ». Так что здесь могли иметься в виду не коренные расы, а подрасы нашей пятой коренной расы — кельтская, англо-саксонская и т. д. — *Прим. пер.*

Обычный турист слишком часто бывает заключён в тройную броню агрессивных расовых предрассудков; он столь полон чувства превосходства по поводу предполагаемых достоинств его собственной нации, что неспособен увидеть хорошее ни в какой другой. Но более мудрый путешественник, охотно открывающий своё сердце действию высших сил, может получить из этого источника много ценного и поучительного опыта. Но для этого он должен сначала сам развить верное отношение; он должен быть готов скорее слушать, чем говорить, учиться, а не хвастаться, ценить, а не критиковать, и стараться понять, а не поспешно осуждать.

Достижение такого результата — истинная цель путешествий, и у нас есть для этого лучшие возможности, чем предоставлялись нашим праотцам. Методы сообщения сейчас настолько усовершенствовались, что теперь почти каждый может совершать быстрые и недорогие путешествия, что было совершенно невозможно столетие назад, кроме как для богатых классов, располагавших досугом. Вместе с этими возможностями сообщения пришло и широкое распространение новостей из-за рубежа посредством телеграфа и газет, так что даже те, кто фактически не покидают свою страну, всё же знают о других гораздо больше, чем это было возможно раньше. Без всех этих возможностей у нас не было бы Теософического Общества, или по крайней мере, оно не могло бы иметь своего нынешнего характера и достичь своей нынешней эффективности.

Первая цель Теософического Общества — способствовать всеобщему братству, и ничто так не помогает установлению братских чувств между народами, как полное и непрекращающееся общение между ними. Когда народы знают друг о друге только по слухам, вырастают все виды абсурдных предрассудков, но зная друг друга близко, каждый находит в представителях другого в конечном счёте таких же человеческих существ, как и он сам, с теми же целями и интересами, теми же радостями и печалью.

В прежние времена каждая нация в значительной мере жила в состоянии эгоистической изоляции, и когда на какую-либо из них обрушивалась какая-то беда, у неё обычно не было ресурсов, на которые можно было бы полагаться, кроме своих собственных. Теперь же весь мир так тесно соединён, что в случае голода в Индии помощь присылают из Америки, а если одну из стран Европы опустошает землетрясение, сбор средств для пострадавших сразу же производится во всех других. Как бы это ни было ещё далеко от совершенного осуществления всемирного братства, ясно, что мы по меньшей мере движемся по направлению к нему. Мы ещё не научились полностью доверять друг другу, но по крайней мере готовы друг другу помогать, а это уже большой шаг на пути к тому, чтобы стать действительно единой семьёй.

Мы знаем, как часто рекомендуют путешествия в качестве средства от многих физических болезней, особенно тех, которые проявляются в разных формах нервных расстройств. Многие из нас находят их утомительными, но всё же нельзя отрицать их оживляющий эффект, хотя мы не всегда сознаём, что причиной его не только перемена воздуха и обычных физических впечатлений, но и смена эфирных и астральных влияний, которые связаны с каждым местом и областью.

У океана, гор, леса, водопада, — у всего есть свой особый тип жизни, как видимой, так и астральной и эфирной, и потому свой особый набор влияний и впечатлений. Многие из связанных с ними невидимых существ излучают жизненность, или, во всяком случае, вибрации, которые пробуждают ещё неосвоенные части нашего эфирного двойника, а также наших астральных и ментальных тел. Так что эффект оказывается подобным тому, что наблюдается при упражнении мускулов, которые обычно не бывают активны — во время тренировки несколько утомительный, но определённо здоровый и желательный в дальней перспективе.

Городской житель привык к окружающей обстановке, и обычно не сознаёт, насколько она ужасна, пока на время её не оставит. С астральной точки зрения, жить на шумной деловой улице — всё равно, что жить на берегу открытого канализационного стока — реки отвратительной грязи, которая всё время распространяет зловоние и вредоносные брызги. Никакой человек, каким бы невпечатлительным он ни был, не может выдерживать это без определённого вреда для себя, и выезжать время от времени на природу — необходимость с точки зрения как физического, так и нравственного здоровья. Уезжая из города, мы также в значительной мере оставляем позади бурное море борющихся человеческих страстей и трудов, а те человеческие мысли, которые продолжают действовать на нас, обычно оказываются менее эгоистичного и более возвышенного характера.

В присутствии одного из великих чудес природы, таких как Ниагарский водопад, почти каждый временно удаляется от себя обыденного, от круга ежедневных забот и эгоистичных желаний. Его мысль таким образом становится благороднее и шире, и мыслеформы, которые он оставляет на своём пути, соответственно становятся менее беспокоящими и более полезными. Эти соображения ещё раз показывают очевидность того, что чтобы извлечь из путешествия максимум пользы, человек должен уделять внимание природе и позволять ей на него

действовать. Если он всё время находится в футляре эгоистичных и мрачных мыслей, сокрушён финансовыми неприятностями, или размышляет о своей слабости и болезни, то от целительных влияний будет мало пользы.

Есть и ещё один момент — некоторые места проникнуты особыми типами мысли. Рассмотрение этого вопроса скорее относится к другой главе, но мы коснёмся здесь его настолько, чтобы упомянуть, что умственный настрой, в котором люди обычно посещают какое-либо место, сильно воздействует и на всех других посетителей. Популярные морские курорты Англии имеют атмосферу, наполненную жизнерадостностью и беззаботностью, определённым чувством праздника, временной свободы от дел и стремления получить от этого максимум, влияния которой трудно избежать. Таким образом, переутомлённый и слишком много работавший человек, который проводит свой заслуженный отпуск в таком месте, получает совсем другой результат в сравнении с тем, как если бы он просто спокойно оставался дома. Такое соседство было бы, возможно, менее утомительным, но и гораздо менее стимулирующим.

Предпринять загородную прогулку — это всё равно что совершить путешествие в миниатюре, и чтобы оценить её оздоровительный эффект, мы должны учесть всё ранее сказанное о различных вибрациях, исходящих от разных видов деревьев и прочих растений, и даже от разных типов почв и камней. Все они подобно массажу воздействуют на эфирные, астральные и ментальные тела, облегчая напряжение, постоянно налагаемое на некоторые части этих проводников заботами повседневной жизни.

Проблески истины касательно этих вещей иногда можно извлечь из традиций крестьян. Например, у них существует распространённое верование, что если спать под сосной головой на север, можно получить прилив сил. В некоторых случаях это так, и рациональное объяснение этого состоит в том, что по поверхности Земли всегда текут магнетические потоки, совершенно неизвестные обычным людям. Нежным, но неослабным давлением они постепенно как бы расчёсывают запутанные места и укрепляют частицы как астрального тела, так и эфирной части физического, таким образом приводя их в б`ольшую гармонию и давая отдых и покой. Роль сосны здесь, во-первых, в том, что её излучения делают человека чувствительным к этим магнетическим потокам, приводя его в то состояние, при котором они могут на него воздействовать, и во вторых (как уже объяснялось) — в постоянном испускании жизненности в том особом виде, в котором человеку её легче всего усвоить.

Глава VI

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ДУХОВ

Отдельная эволюция

Ещё одним фактором, оказывающим на нас огромное влияние, хотя и при некоторых ограничивающих условиях, являются природные духи. Природных духов страны можно в некотором смысле считать её исконными обитателями, изгнанными из многих её частей вторжением людей, подобно тому, как ими были изгнаны и дикие животные. Точно так же, как эти животные, природные духи всецело избегают больших городов и людных мест, так что там их действие сводится к пренебрежимо малому количеству. Но в тихих сельских местностях, среди лесов и полей, на горах или в море, природные духи постоянно присутствуют, и хотя они редко показываются на глаза, их влияние мощное и всепроникающее, подобно наполняющему воздух аромату фиалок, скромно спрятавшихся среди листьев.

Природные духи составляют отдельную эволюцию, на данной стадии совершенно отличную от человечества. Нам известен путь, пройденный вторым излиянием через три элементарных царства вниз к минеральному и далее вверх через растительное и животное к достижению индивидуальности на человеческом уровне. Мы знаем, что после того, как эта индивидуальность достигнута, раскрытие человеческих качеств постепенно ведёт нас к этапам Пути, а далее выше — к адептству и великолепным возможностям, простирающимся за ним.

Это наша линия развития, но мы не должны впадать в ошибку, думая, что она единственная. Даже в этом нашем мире божественная жизнь стремится вверх несколькими потоками, из которых наш — всего лишь один, и в численном отношении далеко не самый важный. Нам легче будет это осознать, если мы вспомним о том, что в то время как человечество в физическом проявлении занимает лишь малую часть земной поверхности, существа соответствующего уровня других линий эволюции не только населяют Землю более густо, чем люди, но в то же время населяют и огромные равнины моря и области воздуха.

Линии эволюции

На нынешней стадии мы находим эти потоки движущимися параллельно друг другу, но временно совершенно раздельно. Природные духи, например, никогда не были и не будут членами человечества, подобного нашему, хотя пребывающая в них жизнь исходит от того же солнечного логоса, что и наша, и подобно нашей к нему и вернётся. До минерального уровня эти потоки можно грубо считать текущими бок о бок, но по мере того, как они поворачивают на восходящую дугу эволюции, начинает проявляться расхождение. Естественно, эта стадия «металлизации» является той самой, на которой жизнь глубже всего погружена в физическую материю, но в то время как некоторые потоки сохраняют физические формы на протяжении нескольких дальнейших стадий, делая эти формы всё в большей степени выражением пребывающей внутри них жизни, другие потоки сразу же начинают отбрасывать самые грубые виды материи, и для завершения своего раскрытия в этом мире используют лишь тела, состоящие из эфирной материи.

Например, один из этих потоков по завершении той стадии своего развития, на которой он составляет часть минеральной монады, вместо перехода в растительное царство принимает проводники из эфирной материи, которыми населяет внутренность Земли, фактически живя внутри твёрдой скальной породы. Многим изучающим бывает трудно понять, как это какие-либо существа могут населять вещество камня или земную кору. Дело в том, что для существ, обладающих телами из эфирной материи, вещество камня не составляет препятствия ни передвижению, ни зрению. В действительности, физическая материя в твёрдом состоянии — естественный для них элемент, единственный, к которому они привыкли и в котором они чувствуют себя, как дома. Нам нелегко понять эти неопределённые низкоразвитые жизни, действующие в аморфных эфирных проводниках, но так или иначе они постепенно развиваются до той стадии, на которой они, хотя ещё и населяя твёрдые скалы, живут уже ближе к поверхности Земли, а не в её глубинах, а более развитые из них уже способны иногда ненадолго от неё отделяться.

Этих существ иногда видят, и пожалуй, чаще слышат в шахтах и пещерах, а в средневековой литературе их часто описывали как гномов. Эфирная материя их тел при обычных условиях невидима для физических глаз, так что когда их наблюдают, происходит одно из двух: либо они материализуются, собирая вокруг себя покров физической материи, либо наблюдатель должен испытать рост чувствительности, который позволит ему реагировать на длины волн высших эфиров и увидеть то, что обычно за пределами его восприятия.

Небольшое временное возбуждение необходимой для этого способности не такая уж редкость, и достичь этого нетрудно, а с другой стороны, для существ, которые находятся лишь немного за пределами видимости, материализация оказывается нетрудной. Так что они должны бы наблюдаться гораздо чаще, чем это бывает, если бы не их глубоко укоренившаяся неприязнь к близости человеческих существ, которую они разделяют со всеми разновидностями природных духов, кроме самых низших. Следующий этап их продвижения переводит их в то подразделение, которое обычно называют феями — это тот тип природных духов, которые обычно живут на земной поверхности, как и мы, хотя пользуются лишь эфирным телом. После него они проходят через разряд духов воздуха в царство дэв способом, который будет объяснён ниже.

Жизненная волна, находящаяся на минеральном уровне, проявляется не только через породы, из которых состоит твёрдая кора Земли, но и через океанские воды; и как первая может проходить через низкие эфирные формы жизни (пока что неизвестные человеку) в недрах Земли, так и последняя может проходить через соответствующие эфирные формы, обитающие в глубинах океанов. В этом случае следующая стадия эволюции переносит её представителей в более определённые, хотя всё ещё эфирные формы, населяющие средние глубины и очень редко показывающиеся на поверхности. Третья стадия для них (соответствующая у духов камня стадии фей) заключается в том, чтобы присоединиться к огромному сонму водных духов, покрывающих своей радостной жизнью обширные равнины океана.

Можно видеть, что принимая тела, состоящие только из эфирной материи, существа, следующие этим линиям развития, полностью избегают прохождения растительного и животного царств, равно как и человеческого. Однако, есть и другие типы природных духов, которые проходят через оба этих царства, прежде чем их путь начнёт расходиться с нашим. В океане, например, есть поток жизни, который, покинув минеральный уровень, касается растительного царства в форме водорослей, а затем через кораллы, губки и гигантских головоногих средних глубин поднимается до обширной семьи рыб, и только после этого пополняет ряды водных духов.

Можно видеть, что они сохраняют плотное физическое тело в качестве проводника до гораздо более высокого уровня, и аналогично этому нами было замечено, что феи суши набираются не только из рядов гномов, но и из менее развитого слоя животного царства, поскольку мы обнаруживаем линию развития, которая лишь касается растительного царства в виде крошечных грибков, и далее проходит через бактерии и микроорганизмы разных видов, а потом через насекомых и пресмыкающихся — в красивую семью птиц, и только после многих воплощений среди них присоединяется к ещё более радостному племени фей.

Ещё один поток уходит в эфирную жизнь на промежуточной точке, поскольку проходя через растительное царство в виде трав и злаков, он отворачивает отсюда в животное царство, где проводится через любопытные сообщества муравьёв и пчёл, а отсюда уходит через ряд эфирных существ, близко соответствующих последним. Этих природных духов, подобных колибри, постоянно можно видеть возле цветов и растений, и они играют большую роль в образовании их многообразных разновидностей — их игривость часто используется в процессах приспособления и помогает росту растений.

Однако здесь, во избежание путаницы, необходимо обратить внимание на разницу. Эти маленькие создания, присматривающие за цветами, могут быть разделены на два больших класса, хотя внутри каждого, конечно же, есть множество разновидностей. Представителей первого класса будет правильно назвать элементарными, поскольку какими бы красивыми они ни были, в действительности они — лишь мыслеформы, а потому не являются по-настоящему *живыми* существами. Пожалуй, лучше будет сказать, что они лишь временно живые существа, ведь хотя они очень активны и заняты на протяжении своих коротких жизней, в них нет настоящей эволюционирующей, перевоплощающейся жизни, и выполнив свою работу, они просто распадаются на части и растворяются в окружающей атмосфере, в точности как и наши собственные мыслеформы. Они — мыслеформы, созданные великими существами, дэвами (или ангелами), в ведении которых находится эволюция растительного царства.

Когда у кого-нибудь из этих дэв появляется новая идея, связанная с каким-нибудь видом растений или цветов, находящимся в его ведении, он часто создаёт мыслеформу, имеющую особое назначение — проведение этой идеи в жизнь. Она обычно принимает вид либо эфирной модели самого цветка, либо маленького существа, висящего возле цветка или растения всё время, пока формируются бутоны, и постепенно придаёт им задуманные дэвой цвет и форму. Но как только

растение полностью вырастет, или раскроется цветок, его работа закончена, сила исчерпана и, как я уже сказал, оно просто растворяется, потому что единственной душой, которой оно обладало, была воля выполнить эту работу.

Но есть и совершенно иной вид маленьких существ, которых часто можно видеть играющими с цветами, и это-то и есть настоящие природные духи. Их тоже бывает множество разновидностей. Одна из самых распространённых форм, как я уже сказал, чем-то очень напоминает крохотную колибри, и можно часто наблюдать этих существ снующими вокруг цветов во многом так же, как делают это колибри или пчёлы. Эти прекрасные маленькие существа никогда не станут людьми, потому что находятся не на той же линии эволюции, что и мы. Одушевляющая их сейчас жизнь прошла через травы и злаки, такие как пшеница и овёс, когда поднималась через растительное царство, а затем — через муравьёв и пчёл, когда была в животном. Теперь она достигла уровня этих крохотных природных духов, а на следующей стадии будет одушевлять некоторых из прекрасных фей, живущих в эфирных телах на поверхности Земли. Позже они станут саламандрами или огненными духами, а затем — сильфами, или духами воздуха, имея лишь астральные тела вместо эфирных. Ещё позже они пройдут через разные стадии великого царства дэв.

Перекрытие

При переходе волны жизни из одного царства в другое во всех случаях возможны широкие вариации, и царства в значительной мере между собой перекрываются. Пожалуй, яснее всего это можно увидеть в нашей собственной линии эволюции, ведь мы обнаруживаем, что жизнь, достигшая высшей части растительного царства, вовсе никогда не переходит в низшую часть животного царства, но напротив, присоединяется к нему на довольно продвинутой стадии. Позвольте мне напомнить пример, который я уже приводил — жизнь, одушевляющая одно из наших огромных лесных деревьев, никогда не может спуститься до того, чтобы одушевлять рой комаров, или даже семейство крыс, мышей, или других подобных маленьких зверюшек — последние будут вполне подходящими формами для той части жизненной волны, которая оставила растительное царство на уровне ромашек или одуванчиков.

По лестнице эволюции нужно взбираться во всех случаях, но похоже, что высшая часть одного царства в значительной мере как бы тянется параллельно низшей части следующего, более высокого царства, так что переход из одного в другое в разных случаях оказывается возможен на разных уровнях. Тот поток жизни, который вступает в человеческое царство, полностью избегает низших стадий животного; то есть жизнь, которая вскоре поднимется до человечества, никогда не проявляется через насекомых и пресмыкающихся. В прошлом она иногда вступала в животное царство на уровне огромных допотопных рептилий, но теперь она из высших форм растительной жизни проходит прямо в млекопитающих. Аналогично, когда индивидуализуются наиболее продвинувшиеся из домашних животных, им не нужно будет для своего первого человеческого воплощения спускаться в форму дикого первобытного человека.

На приведённой диаграмме в удобной форме показаны некоторые из этих линий развития, но её не следует считать в каком-либо смысле исчерпывающей, поскольку нет сомнений, что существуют и другие линии, которые пока что не открыты, и конечно же, на разных уровнях есть все виды возможностей и вариаций перехода с одной линии на другую, так что всё, что мы можем сделать — это лишь набросать общие контуры схемы эволюции.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЗНИ

Как можно видеть из диаграммы, на более поздней стадии все линии эволюции снова сходятся — по крайней мере нашему неясному взгляду не видится различий в великолепии среди этих Великих, хотя, вероятно, знай мы больше, наша диаграмма была бы полнее. Во всяком случае нам известно, что во многом так же, как человеческое царство находится выше животного, за пределами и выше человеческого находится великое царство дэв, и что возможность вступить в него является одним из семи путей, открывающихся перед адептом. Это самое царство также является следующим этапом для природных духов, и здесь мы имеем ещё один пример уже упомянутого перекрытия, поскольку адепт присоединяется к этому царству на высоком уровне, полностью пропуская три низшие его стадии, тогда как следующим шагом в прогрессе высшего типа природных духов будет переход в низший класс дэв; таким образом они начнут с самого низа этой лестницы, вместо того, чтобы вступить на неё уже на уровне половины пути.*

* О семи путях см. книгу Ч. Ледбитера «Учителя и путь», гл. X, и «Трактат о семи лучах» А. Бэйли, т. V, ч. II. — *Прим. пер.*

Именно при присоединении к царству дэв природный дух получает божественную искру третьего излияния и достигает таким образом индивидуальности, в точности как делает это животное, переходя в человеческое царство. Дальнейшее сходство здесь в том, что как животное обретает индивидуализацию только через контакт с человечеством, так природный дух приобретает её через контакт с дэвой, через привязанность к нему и работу для него, чтобы доставить ему удовольствие, пока наконец сам не научится выполнять работу дэвы.

Потому высокоразвитый природный дух — не в точности эфирный или астральный человек, ибо он ещё не индивидуальность. Однако, он гораздо больше, чем просто эфирное или астральное животное, потому что его интеллектуальный уровень гораздо выше всего того, что мы встречаем в животном царстве, и на самом деле во многих отношениях равен уровню среднего человека. С другой стороны, некоторые из разновидностей духов, находящиеся на ранних этапах, обладают лишь ограниченным количеством разума и представляются равными в нём с колибри, пчёлами или бабочками, на которых они столь похожи. Как мы увидели из диаграммы, это одно наименование, природные духи, покрывает большой сегмент дуги эволюции, включая стадии, соответствующие целым царствам — растительному и животному, и доходит почти до уровня, соответствующего нынешнему развитию нашего человечества.

Некоторые из низших их представителей не услаждают эстетических чувств, но ведь то же верно и относительно низших видов рептилий и насекомых. Есть неразвитые племена с грубыми вкусами, и естественно, их облик соответствует стадии их эволюции. Бесформенные массы с огромными зияющими красными пастьми, живущие на отвратительных эфирных эманациях крови и разлагающейся плоти, противны и для чувств, и для зрения всякого человека, мысли которого чисты; таковы же и хищные красно-коричневые ракоподобные существа, висящие над домами с дурной славой, и жестокие осьминогopodobные монстры, ликующие над оргиями пьяниц и пирующие алкогольными эманациями. Но даже эти гарпии не злы сами по себе, хотя и отвратительны для человека; и человек никогда не

соприкоснётся с ними, если сам не опустится до их уровня, став рабом своих низших страстей.

Лишь природные духи этих и других подобных примитивных и неприятных видов добровольно приближаются к среднему человеку. Другие духи подобного же сорта, но чуть менее материальные, получают приятные ощущения, купаясь в любых особенно грубых астральных излучениях, таких как производимые гневом, жадностью, жестокостью, ревностью и ненавистью. Люди, поддающиеся таким чувствам, вынуждены всегда быть в окружении этих стервятников астрального мира, которые приходят в радостный трепет и испытывают ужасающее веселье в предвкушении очередного выброса страстей, отпихивая друг друга, и по-своему, слепо, делают всё возможное, чтобы спровоцировать или усилить его. Трудно поверить, что такие ужасы принадлежат к тому же царству, что и весёлые и забавные духи, которые будут описаны далее.

Феи

Вид природных духов, лучше всего известный человеку — это феи, которые обычно живут на поверхности земли, хотя, поскольку их тела состоят из эфирной материи, по желанию могут проникать и в почву. Их формы многочисленны и разнообразны, но чаще всего имеют человеческий облик, несколько уступая человеку в размерах, причём обычно какая-нибудь черта или часть тела у них бывает гротескно преувеличена. Эфирная материя пластична и легко формируется силой мысли, так что они способны по своей воле принимать почти любой вид, но тем не менее у них есть определённые собственные формы, принимаемые ими, когда они не задаются особой целью принять какую-то другую и потому не прилагают своей воли, чтобы добиться такого изменения. Также у них есть собственные цвета, отмечающие разницу между их видами и племенами, подобно тому, как птицы отличаются оперением.

Среди них есть бесчисленное множество подразделений или рас, и их представители разнятся в разуме и характере точно так же, как и человеческие существа. Опять же подобно тому, как у людей, эти расы населяют разные страны, или иногда разные области одной страны, и представители одной расы склонны держаться вместе, так же как и люди одной нации. В целом они распространены так же, как и другие царства природы — подобно птицам, из которых развились некоторые из них, некоторые свойственны для одной страны, другие обычны в одной стране и редки в других, а третьих можно встретить почти повсюду. И опять же, как и в случае птиц, для них в целом будет верно, что наиболее ярко окрашенные виды встречаются в тропических странах.

Региональные типы

Доминирующие в разных частях света типы обычно легко различимы и в каком-то смысле характерны; возможно, что их влияние с течением веков постепенно

наложило отпечаток на живших рядом людей, животных и растения, так что может быть, это природные духи задают моду, а другие царства бессознательно ей следуют? Например, нет более разительного контраста, чем между живыми, весёлыми, оранжево-пурпурными или ало-золотистыми человечками, танцующими среди виноградников Сицилии и почти печальными серо-зелёными существами, которые куда более степенно перемещаются среди дубов и поросших дроком пустошей Бретани или золотисто-коричневого «народца», который водится на склонах холмов Шотландии.

В Англии, пожалуй, наиболее обычной бывает зелёная разновидность, и я также видел её в лесах Франции и Бельгии, в далёком Массачусетсе и на берегах реки Ниагара. Обширные равнины Дакоты населены чёрно-белым видом, которого я больше нигде не видел, а Калифорния может радоваться красивому бело-золотистому, который тоже представляется уникальным.

В Австралии самый частый тип — это весьма примечательные существа удивительного светлого небесно-голубого цвета, но между эфирными обитателями Нового Южного Уэльса или Виктории и тропического Северного Квинслэнда существует значительное различие — последние сильно приближаются к индонезийским. Особенно богата этими грациозными созданиями Ява, и наиболее распространены там два различных типа, причём оба одноцветные — один синий с слабым металлическим блеском, а другой окрашен всеми известными тонами жёлтого — это причудливо, но удивительно эффектно и притягательно.

Одна из поразительных тамошних разновидностей неуклюже покрыта чередующимися жёлтыми и зелёными полосами, подобно форме некоторых футболистов. Этот полосатый тип, возможно, является особенностью этой части света, поскольку на Малайском полуострове я видел подобное же сочетание красного и жёлтого, а по другую сторону пролива, на Суматре, — зелёного и белого. Этот огромный остров также может радоваться обладанию племенем духов красивого цвета бледного гелиотропа, которых до этого я видел только на Шри Ланке. В Новой Зеландии есть их тёмно-голубая разновидность испещренная серебряным, тогда как на островах Южных Морей встречается серебристо-белый вид, переливающийся всеми цветами радуги, подобно фигурам из перламутра.

В Индии мы обнаруживаем все их виды, от нежно-розового с бледно-зелёным, или бледно-голубого с светло-жёлтым в холмистой части страны до богатых сочетаний ярких цветов, почти что кричащих в своём изобилии, что характерно для равнин. В некоторых частях этой удивительной страны я видел чёрно-золотистый тип, обычно больше ассоциирующийся с африканской пустыней, а также вид, напоминающий статуэтки, сделанные из блестящего малинового металла, каким был орихалк атлантов.

В чём-то родственен этому последнему любопытный вид, представители которого выглядят так, будто они отлиты из бронзы и отполированы; его домом, похоже, становятся ближайшие окрестности вулканов, поскольку единственные места, где мне пока что приходилось их видеть — это склоны Везувия и Этны, внутренняя часть Явы, Сандвичевы острова, Йеллоустонский парк в Северной Америке и определённая часть Северного Острова Новой Зеландии. Некоторые признаки,

похоже, приводят к заключению, что это реликты примитивного типа, представляющие собой нечто вроде промежуточной стадии между гномами и феями.

В некоторых случаях близко расположенные области оказывались населены совершенно разными классами природных духов; например, как уже упоминалось, для Бельгии обычны изумрудно-зелёные эльфы, но в сотне миль оттуда, в Голландии, вряд ли можно увидеть хоть одного из них, и их место занимает степенно выглядящий тёмно-пурпурный вид.

На священной горе в Ирландии

Любопытно, что высота над уровнем моря, похоже, влияет на их распределение, и обитатели гор редко смешиваются с обитателями равнин. Я хорошо помню, как поднимаясь на Слив-намон, одну из традиционно священных гор Ирландии, заметил вполне определённые демаркационные линии между различными типами. Нижние склоны, подобно и окружающим равнинам, были оживлены очень активным и шаловливым красно-чёрным народцем, которым кишит весь юг и запад Ирландии. Особенно его притягивают магнетические центры, около двух тысяч лет назад основанные магами-жрецами древней милезской расы, чтобы обеспечить и распространить своё влияние на народ, держа его под воздействием великой иллюзии. Однако, после полудня восхождения ни одного из его представителей не видно, но вместо них склон населён более нежным коричнево-голубым типом, который с очень давних пор хранил верность Туатха-де-Данаану.*

* Так назывался народ, ранее населявший Ирландию, но потом покорённый упомянутыми милезийцами, как объясняет автор во II томе книги «Внутренняя жизнь». — *Прим. пер.*

У них тоже была своя зона с определёнными границами, и ни один дух любого из этих типов никогда не отваживался вступить в пространство, окружающее вершину, посвящённую великим зелёным ангелам, бдящим там более двух тысяч лет и защищающим один из центров живой силы, соединяющих прошлое этой мистической страны Эрин с будущим. Намного превышающие рост человека, эти гигантские фигуры, по цвету напоминающие первые весенние листья, мягкие, сияющие, мерцающие, неопишуемые, смотрят на мир своими удивительными глазами, которые светят, как звёзды, полные мира живущих в вечном и со спокойной уверенностью знания ожидающие назначенного срока. Увидев подобное зрелище, в полной мере осознаёшь силу и важность скрытой стороны вещей.

Но в действительности она редко остаётся скрытой, ибо различные влияния бывают столь сильны и отчётливы, что всякий человек, хоть немного чувствительный, не может их не заметить, и вовсе не безосновательны местные предания, говорящие, что тот, кто проведёт ночь на вершине этой горы, утром проснётся либо поэтом, либо безумцем. Поэтом, если он окажется способен откликнуться на возвышение всего его существа, вызываемое огромным

магнетизмом, подействовавшим на него, пока он спал; и безумцем, если он окажется недостаточно силён, чтобы выдержать это напряжение.

Жизнь и смерть у фей

Продолжительность жизни разных подразделений природных духов варьируется в значительной степени — у некоторых она очень коротка, а у других — намного больше, чем срок нашей человеческой жизни. Всеобщий принцип перевоплощения соблюдается и в их существовании, хотя условия, естественно, делают его действие несколько иным. У них нет явлений, соответствующих нашему рождению и росту; фея появляется в своём мире уже большой, как делают некоторые насекомые. Она живёт своей жизнью, будь то длинной или короткой, не проявляя никаких признаков усталости и не нуждаясь в отдыхе, и с годами не выказывая никаких видимых знаков старения.

Но наконец приходит время, когда её энергия, похоже, исчерпывается, и она в некотором роде устаёт от жизни; когда это случается, её тело становится всё более и более бесплотным и прозрачным, пока она не становится астральным существом, чтобы некоторое время пожить в астральном мире среди духов воздуха, представляющих для неё следующую стадию развития. На протяжении этой астральной жизни она постепенно затухает, отходя назад в свою групповую душу, в которой (если она достаточно развита) может иметь некоторое сознательное существование, прежде чем циклический закон вновь подействует на эту групповую душу, вызвав в ней желание отделения. Когда это случается, его давление вновь обращает поток её энергии вовне, и это желание, действуя на пластичную астральную и эфирную материю, материализует тело подобного же типа, подходящее для выражения развития, достигнутого в прошлой жизни.

Потому рождение и смерть для природных духов гораздо проще, чем для нас, и смерть у них свободна от всяких горестных мыслей. В действительности, вся их жизнь кажется проще — радостное, безответственное существование, во многом напоминающее время, которое компания счастливых детей могла бы провести в исключительно благоприятной физической обстановке. У природных духов нет пола, так что они свободны от самой плодovитой из причин человеческих страданий. У них может быть глубокая привязанность, и они способны поддерживать близкую и долгую дружбу, от которой получают неприменную радость. Ревность и гнев у них возможны, но, похоже быстро затухают благодаря той захватывающей радости от всех действий природы, которая является их самым выдающимся свойством.

Их удовольствия

Они ликуют в свете и сиянии солнца, но с равным удовольствием танцуют и при лунном свете; они разделяют удовлетворение жаждущей земли, цветов и деревьев, когда чувствуют струи дождя, но так же счастливы, играя с падающими

снежниками; они довольно плывут в спокойствии летнего дня и пируют в порывах ветра. Они не только с силой, которую немногие из нас могут понять, восхищаются красотой цветка или дерева, тонкостью его цвета или изяществом формы, но с живым интересом и глубокой радостью принимают участие во всех процессах природы — сокодвижении, раскрытии бутонов, формировании и опадании листьев. Естественно, этой их чертой пользуются Великие, управляющие эволюцией, и природные духи используются, чтобы помогать в смешивании цветов и создании новых вариаций. Они также уделяют много внимания жизни птиц и насекомых, высиживанию яиц и открытию куколок, и радостно смотрят за игрой ягнят и оленят, зайчат и бельчат.

Ещё одно неоценимое преимущество эфирной эволюции перед той, что соприкасается с плотным физическим планом, состоит в том, что здесь удаётся избежать необходимости питания. Тело феи без забот и ограничений поглощает всё необходимое питание из всегда окружающего его эфира, и строго говоря, это не втягивание питания, а скорее постоянно происходящий обмен частиц — те, жизненность которых истощена, отбрасываются, а полные её притягиваются на замену им.

Хотя природные духи и не едят, от аромата цветов они получают удовольствие, подобное тому, что люди получают от вкуса пищи. Этот запах для них — более чем просто вопрос запаха или вкуса, поскольку они купаются в нём, так что он полностью пронизывает их тела и достигает всех частиц одновременно.

То, что занимает у них место нервной системы, в сравнении с нашей гораздо утончённее и чувствительно ко многим вибрациям, которые наши более грубые чувства пропускают, оставляя невоспринятыми. Таким образом духи обнаруживают то, что соответствует запаху, во многих цветах и минералах, которые для нас запаха не имеют.

У их тел не больше внутренней структуры, чем у облачка тумана, так что их нельзя разорвать на части или покалечить, и ни жар, ни холод не может произвести на них какой-либо болезненный эффект. В действительности есть один тип, принадлежащие к которому духи, похоже, получают самое большое удовольствие, купаясь в огне — со всех сторон они устремляются к любому большому пожару и снова и снова возносятся вверх с языками пламени, подобно тому, как мальчишки снова и снова скатываются с горки. Это духи огня, в средневековой литературе называемые саламандрами. Телесная боль может прийти к природному духу лишь от неприятных или негармоничных эманаций или вибраций, но его способность быстро перемещаться позволяет ему легко их избегать. Насколько можно было наблюдать, он полностью свободен от проклятия страха, играющего столь серьёзную роль в жизни животных, которые на нашей линии эволюции соответствуют уровню фей.

У фей на зависть плодовитое воображение, и оно играет огромную роль в их ежедневных играх с товарищами, позволяя создавать для них все виды невозможных обстановок и романтических ситуаций. Это подобно тому, как дети рассказывают своим товарищам истории, но с тем преимуществом, что поскольку они могут видеть эфирную и низшую астральную материю, формы, построенные живым воображением, хорошо видимы им во время рассказа.

Несомненно, многие из таких рассказов показались бы нам детскими и причудливо ограниченными по кругозору, ведь разум, которым обладают эльфы, действует в направлении, столь отличном от нашего собственного, но для них они очень реальны и являются источником никогда не прекращающегося удовольствия. Фея, развившая необычный талант в сочинительстве, завоёвывает большую любовь и почтение со стороны остальных и собирает вокруг себя постоянную аудиторию спутников. Когда кому-нибудь из людей случится, получив проблиск, мельком увидеть такую группу, в свой рассказ о ней он обычно вводит предубеждения, привнесённые им из своих собственных обстоятельств жизни, и принимает такого заводилу за короля или королеву фей, в зависимости от формы, которую этому лидеру в тот момент случится принять. В действительности же в царстве природных духов не требуется никакого правительства, кроме общего надзора, осуществляемого, вероятно, незаметно для всех его членов, кроме самых высших, дэвараджами и их подчинёнными.

Их отношение к человеку

Большинство природных духов не любят людей и избегают их, и это неудивительно. Человек представляется им демоном-разрушителем, который, куда бы он ни шёл, уничтожает и портит всё на своём пути. Он произвольно убивает, часто причиняя ужасные мучения, всех красивых существ, за которыми они любят наблюдать, он рубит деревья, вытаптывает траву, рвёт цветы, а затем беспечно бросает их умирать. Он заменяет прекрасную жизнь природы своим отвратительным бетоном и кирпичом, а аромат цветов — зловонными испарениями своих химикатов и всезагрязняющим дымом своих фабрик. Разве странно, что феи относятся к нам с ужасом, и бегут от нас так, как мы отшатываемся от ядовитой змеи?

Мы не только несём разорение всему, что им больше всего дорого, но и большинство наших привычек и эманаций им неприятны. Мы (по крайней мере некоторые) отравляем сладкий воздух отвратительными запахами алкоголя и табака, а наши неугомонные и бесконтрольные желания и страсти запускают постоянные астральные потоки, которые беспокоят и раздражают их, вызывая у них такое же чувство отвращения, какое испытали бы мы, если бы на нас вылили ведро помоев. Находиться рядом со средним человеком для них означает жить в вечном урагане, который, к тому же, бушует над выгребной ямой. Они — не великие ангелы с совершенным знанием, которое даёт и совершенное терпение; они просто счастливые и в целом добродушные дети — да и это о многих из них вряд ли можно сказать: они скорее как исключительно разумные котята. И снова,

говорю я, можно ли удивляться, что когда мы постоянно оскорбляем их лучшие и высшие чувства, они не любят нас, не доверяют нам и всячески нас избегают?

Есть свидетельства того, как каким-то необычайно неоправданным вторжением или раздражением люди провоцировали их на прямую месть и явное выражение злости. И то, что даже при таких невыносимых провокациях подобные случаи бывают редки, и более обычный их метод состоит в том, чтобы попытаться прогнать вторгнувшегося, проделывая над ним разные трюки, часто детские и шkodливые, но не несущие серьёзного вреда, хорошо характеризует их царство в целом. Они получают чертовское удовольствие, обманывая таких людей, заставляя их заблудиться в пустошах и ходить всю ночь по кругу, в то время как человек уверен, что он идёт прямо, или вызывая наваждение — видения замков и дворцов там, где их на самом деле нет. Почти во всякой уединённой гористой местности в деревнях от крестьян можно услышать много историй, иллюстрирующих эту характерную черту фей.

Наваждение

В этих проделках феям помогает их чудесная способность наводить наваждение на тех, кто поддаётся их влиянию, так что их жертвы временно могут видеть и слышать только то, впечатление чего передают им феи, в точности как месмеризованный человек видит, слышит, чувствует и признаёт всё, что пожелает магнетизёр. Природные духи, однако, не обладают способностью месмериста возобладать над человеческой волей, исключая случаи совсем уж слабоумных людей или тех, кто позволяет себе впасть в такой беспомощный ужас, что их воля временно парализуется.

Феи не могут идти далее обмана чувств, но в этом деле они несомненные мастера, и нет недостатка в случаях, когда им удавалось подвергнуть наваждению значительное количество людей зараз. Именно призывая их помощь в употреблении этой способности, индийские факиры совершают самые удивительные свои чудеса, такие как известный трюк с корзиной или другой, с верёвкой, которая забрасывается в небеса и остаётся твёрдой, в то время как фокусник забирается по ней и исчезает. Вся аудитория фактически вводится в состояние галлюцинации, и люди просто воображают, что видят и слышат целый ряд событий, которых в действительности вовсе не происходило.*

* Именно поэтому о таких чудесах больше не слышно — с тех пор, как появились фотоаппараты, снимки, сделанные во время представления, стали фиксировать, что факир всё время просто спокойно сидел на земле. — *Прим. пер.*

Сила наваждения — это просто способность создать ясный и сильный мысленный образ, а затем направить его в ум другого человека. Большинству людей это может показаться почти невозможным, потому что сами они ни разу в жизни не делали таких попыток и не имеют понятия, как к этому приступить. Ум феи не имеет такой широты охвата, как человеческий, но он досконально знает это дело —

создание образов и передачу впечатления другим, поскольку это одно из основных занятий в повседневной жизни этих существ.

Так что вовсе не странно, что при такой постоянной практике феи становятся в этом деле экспертами, а ещё больше упрощает им задачу то, что как и в случае с индийскими фокусами, точно тот же образ воспроизводится снова и снова сотни раз, пока каждая деталь не станет вырисовываться без всяких усилий, как результат бессознательной привычки. Чтобы постараться точно понять, как же именно это делается, мы должны учитывать, что умственный образ — это весьма реальная вещь, определённая конструкция в ментальной материи, как объяснено в начальных главах нашей книги «Мыслеформы», и также мы должны помнить, что линия сообщения между умом и плотным физическим мозгом проходит через астральное и эфирное соответствия мозга, и к этой линии можно подключиться и внедрить впечатление в любой из этих точек.

Некоторые природные духи нередко демонстрируют свой талант к мимикрии и проделкам, появляясь на спиритических сеансах, проводимых ради физических феноменов. Всякий завсегдатай таких сеансов может вспомнить примеры таких шуточных проделок — грубых, но обычно добродушных. Они почти всегда указывают на присутствие кого-нибудь из этих шаловливых существ, хотя иногда происходит и благодаря прибытию какого-нибудь умершего, который при земной жизни был достаточно бездумен, чтобы считать подобные глупости забавными, и не набрался мудрости и после смерти.

Примеры дружбы

С другой стороны, есть примеры того, как некоторые природные духи заводили дружбу с отдельными людьми и предлагали им такую помощь, какая была в их силах, как в известных историях, которые рассказывают о шотландских домовых, или о зажигающих огонь феях, описанных в спиритической литературе. Известно, что в редких случаях люди, удостоенные особой милости, были допущены в жизнь эльфов и могли наблюдать их развлечения. Говорят, что к некоторым индийским йогам дикие животные приближаются с почтением, видя в них друзей всех живых существ; подобно тому и эльфы могут собираться вокруг того, кто вступил на Путь Святости, находя его эманации менее бурными и более приятными, чем эманации тех людей, чьи умы ещё сосредоточены на мирских делах.

Известны случаи, когда феи становятся спутниками маленьких детей и развивают к ним сильную привязанность — особенно к детям мечтательным и обладающим способностью к воображению, поскольку могут видеть мыслеформы, которыми такой ребёнок окружает себя, и получать от них удовольствие. Бывали случаи, когда таким существам настолько нравился какой-нибудь необычайно привлекательный ребёнок, что они делали попытки унести его в свои собственные владения — их намерением было спасти его от судьбы, которая им казалась ужасной: вырасти в заурядное человеческое существо! Остатками преданий о таких попытках можно объяснить некоторые фольклорные истории о подменах,

оставляемых ими вместо ребёнка, хотя есть этому и другое объяснение, которое мы упомянем потом.

Бывало, — чаще в прошлом, чем в наше время, — когда некоторый класс этих существ, примерно соответствующих в размере и облике людям, часто материализовывался, создавая себе временные, но вполне физические тела, и посредством их эти существа входили в нежелательные отношения с теми людьми, решившими искать с ними контакта. Возможно, этот факт и послужил основой для античных историй о фавнах и сатирах, хотя иногда в них имеется в виду совсем другая дочеловеческая эволюция.

Духи воды

В каком бы изобилии ни водились феи на поверхности Земли почти повсюду, где поблизости нет жилищ человека, по численности их значительно превосходят водные духи — феи поверхности моря. Разновидностей их столь же много, как и у земных духов. Природные духи Тихого океана отличаются от духов Атлантического, а духи Средиземного моря совершенно отличны от тех и от других; типы, резвящиеся в неописуемо богатой голубизне тропических океанов сильно отличаются от тех, что носятся в пене наших холодных седых северных морей. Опять же, на них совершенно непохожи духи озёр, рек и водопадов, у которых гораздо больше общего с земными феями, чем у nereid открытого моря.

Они, как и их братья на суше, бывают всевозможных обликов, но, пожалуй, чаще всего имитируют человеческую форму. В общем, они склонны принимать б`ольшие по размеру формы, чем эльфы лесов и холмов; большинство последних меньше человека, тогда как морские духи принимают и форму его, и размер. Во избежание неверного понимания необходимо постоянно подчёркивать переменчивый характер всех этих форм, и всякое из этих созданий, будь это дух земли, моря или воздуха, может на время по своей воле делаться больше или меньше и принимать любой вид по своему выбору.

Теоретически у этой способности нет ограничений, но практически пределы есть, хотя они и широкие. Фея, которая обычно бывает высотой 30 сантиметров, может увеличиться до размера человеческого роста 1 м. 80 см., но это потребует от неё заметного напряжения, и такой рост она не сможет поддерживать более, чем несколько минут. Чтобы принять форму, отличную от своей собственной, она должна быть в состоянии ясно её представить, и она сможет сохранять этот облик только пока её ум на нём сосредоточен, но как только мысль начнёт блуждать, она сразу примет свой естественный вид.

Хотя эфирная материя может легко формироваться силой мысли, она, естественно, не повинует ей так мгновенно, как астральная материя. Мы можем сказать, что ментальная материя меняется *вместе* с мыслью, астральная — так быстро вслед за ней, что обычный наблюдатель вряд ли заметит какую-то разницу, тогда как в случае эфирной материи зрение может проследить её рост и уменьшение без

труда. Сильф, тело которого из астральной материи, *мелькает* из одного образа в другой, фея же, которая эфирна, растёт и уменьшается быстро, но *не* моментально.

Среди земных духов немногие имеют гигантский размер, тогда как у духов моря такой рост, похоже, является вполне обычным. Создания, живущие на суше, часто ткнут из своих фантазий отрывки человеческой одежды, и показываются в странных колпаках, перевязях или камзолах, но я никогда не видел ничего подобного у обитателей моря. Почти все эти духи водной поверхности, по-видимому, обладают способностью подниматься из своего родного элемента и парить или летать по воздуху на небольшие расстояния; они радуются, играя среди бурлящей пены или катаясь на барашках волн. Они не так сильно избегают человека, как их братья на суше — вероятно, потому что у человека гораздо меньше возможностей им мешать. Они не опускаются на большие глубины — по крайней мере, никогда не спускаясь глубже, чем достигает свет, так что между их царством и владениями гораздо менее развитых духов средних глубин всегда пролегает значительное пространство.

Феи пресной воды

Там, где человек не создал ещё невыносимых для фей условий, внутренние водоёмы населены очень красивой их разновидностью. Вполне естественно, что канализационные стоки и химикаты, которыми загрязнена вода около любого большого города, для них отвратительны, но по всей видимости, они не возражают против водяных колёс в тихих сельских уголках, поскольку их можно иногда видеть развлекающимися в потоке водяной мельницы. Похоже, они особенно радуются падающей воде, точно так же, как их морские братья рады пене разбивающихся волн, так как ради удовольствия, которое им это доставляет, они иногда даже отваживаются ближе, чем обычно, терпеть ненавистное им присутствие человека. Например, летом на Ниагаре их можно увидеть почти всегда, хотя обычно они держатся ближе к центру водопадов и порогов. Подобно перелётным птицам, зимой они покидают эти северные воды, замерзающие на несколько месяцев, и ищут временного пристанища в более мягких климатах. На краткий мороз они, похоже, не обращают внимания; сам холод по всей видимости не оказывает на них никакого действия, но они не любят нарушения их обычной среды. Некоторые из тех, что обычно населяют реки, переходят в моря, когда реки замерзают; другим же солёная вода кажется неприятной и они скорее предпочитают мигрировать на значительные расстояния, чем находить убежище в океане.

Интересной разновидностью водных фей являются духи облаков — существа, жизнь которых всецело проходит среди тех «вод, которые над твердью». Пожалуй, их следовало бы классифицировать как вид, промежуточный между духами воды и воздуха — у них тела из эфирной материи, как у первых, но они способны сравнительно долгое время оставаться вдали от воды. Их формы часто бывают огромными и рыхлыми; они представляются близкими родственниками некоторых пресноводных типов, но вполне охотно погружаются в море, когда облака, являющиеся их излюбленным местом обитания, исчезают. Они живут в светлой

тиши облаков, и их любимое времяпрепровождение — придавать своим облакам странные, фантастические формы или располагать их упорядоченными рядами, каковое явление называется «небо барашками».

Сильфы

Теперь мы переходим к рассмотрению высшего типа в царстве природных духов — той стадии, на которой линии развития духов суши и моря сходятся: сильфов, или духов воздуха. Эти существа определённо поднялись над всеми другими видами, о которых мы говорили, благодаря тому факту, что они освободились от пут физической материи, и их низшим проводником теперь является астральное тело. Их разум намного выше, чем у эфирных видов, и вполне равен разуму среднего человека; но они ещё не достигли постоянной перевоплощающейся индивидуальности. Именно потому что они настолько более развиты, они гораздо больше понимают жизнь, чем животные, хотя как и последние, ещё не выделились из групповой души, и поэтому часто бывает, что они знают, что им нехватает индивидуальности, и сильно хотят её обрести. Вот истина, стоящая за всеми распространёнными преданиями о желании природного духа получить бессмертную душу.

Нормальный метод достижения этого заключается для них в привязанности и любви к представителям следующей над ними стадии развития — астральным ангелам.* Домашние животные, такие как кошки или собаки, продвигаются путём развития разума и привязанности, которые являются результатом близких взаимоотношений с хозяином. Не только любовь к хозяину заставляет животных предпринять целенаправленные усилия, чтобы понять его, но и вибрации его ментального тела, постоянно действующие на их зачаточный ум, постепенно пробуждают его к всё большей и большей деятельности. Точно так же и его привязанность к ним пробуждает в них всё углубляющееся ответное чувство. Человек может специально учить животное чему-либо или не делать этого, но в любом случае, даже без прямых усилий, близкая связь между ними помогает эволюции менее развитого. В конце концов развитие такого животного доходит до уровня, позволяющего ему получить третье излияние и таким образом стать индивидуальностью и отделиться от групповой души.

* Этот низший разряд представителей дэва-эволюции также называют кама-дэва. — *Прим. пер.*

В точности то же самое происходит и между астральным ангелом и духом воздуха, с тем исключением, что у них всё это обычно осуществляется гораздо более разумно и эффективно. На тысячу человек не найдётся и одного, который задумывался бы и знал что-нибудь об истинной эволюции своей собаки или кошки, а животные и того меньше понимают лежащие перед ними возможности. Но дэва ясно понимает план природы, и во многих случаях природный дух тоже знает, что ему требуется, и разумно работает в направлении этого достижения. Так что у каждого из этих астральных ангелов обычно есть несколько природных

духов, которые к нему привязаны; часто они определённо учатся у него, и он учит их, но в любом случае они греются в лучах его интеллекта и отвечают на его любовь. Очень многие из этих ангелов используются дэвараджами в качестве агентов распределения кармы, и так получается, что духи воздуха в свою очередь тоже оказываются подчинёнными агентами в этой работе, и при исполнении данных им заданий несомненно приобретают множество ценных знаний.

Адепт знает, как воспользоваться услугами природных духов, когда они ему требуются, и есть много дел, которые он может им поручать. В февральском выпуске «Броуд व्युс» за 1907 год появился восхитительный рассказ о том, как искусно один природный дух исполнил данное ему таким образом поручение.

Ему поручили развлечь инвалида, страдавшего от острого гриппа, и на протяжении пяти дней он почти непрерывно развлекал его странными и интересными видениями. Его усилия увенчались самым убедительным успехом, поскольку страдавший от болезни написал, что его помощь «принесла счастливый эффект, превратив то, что при обычных условиях было бы днями невыразимой скуки и дискомфорта в удивительно интересные переживания».

Дух показал поразительное разнообразие картин, например движение масс камней, наблюдаемое не снаружи, а изнутри, так что можно было видеть лица разнообразных созданий. Он показывал также горы, леса и улицы, а иногда и множество архитектуры, части коринфских колонн, статуи и огромные сводчатые крыши. Также часто он показывал самые удивительные цветы и пальмы, качающиеся под нежным ветерком. Похоже, что иногда он приносил в спальню физические предметы и проводил с ними нечто вроде магических превращений. Из любопытной природы предложенных им развлечений можно сделать предположение, к какому именно типу принадлежал этот дух, занятый в работе милосердия.

Восточные маги иногда пытаются получить помощь высших типов природных духов для своих фокусов, но предприятие это не лишено своих опасностей. Они могут сделать это, призывая их или понуждая — то есть либо привлечь их внимание как проситель и заключить с ними нечто типа сделки, либо попытаться запустить в действие влияния, которые принудят их к подчинению. Такая попытка, если окажется неудачной, вызовет определённую враждебность духов и вполне может кончиться преждевременной смертью мага, или по меньшей мере поставит его в очень смешное и неприятное положение.

Этих воздушных духов, как и низших фей, бывает много видов, различающихся по силе, разуму, привычкам, равно как и по облику. Естественно, они гораздо меньше ограничены местом, чем другие описанные нами виды, хотя подобно другим они по-видимому признают пределы некоторых высотных зон — одни парят вблизи поверхности Земли, тогда как другие едва ли когда-либо к ней приближаются. Как правило, они разделяют общую неприязнь к соседству человека и его неуёмным желаниям, но бывают случаи, когда они согласны терпеть это ради развлечения или лести.

Их развлечения

Иногда им доставляет огромное развлечение одушевлять разного рода мыслеформы. Когда, например, писатель пишет повесть, он, естественно, создаёт сильные мыслеформы всех своих персонажей и передвигает их по своей миниатюрной сцене подобно марионеткам; но иногда компания весёлых природных духов захватывает его формы и импровизируя, разыгрывает драму по своему спонтанному сценарию, так что ошарашенный писатель обнаруживает, что его марионетки каким-то образом отбились от рук и обрели собственную волю.

Любовь к проказам, являющаяся столь характерной для некоторых фей, в некоторой мере сохраняется и у духов воздуха, по крайней мере у низших типов, так что их персонификации иногда оказываются менее невинными. Люди, чья плохая карма отдала их во власть кальвинистской теологии, и которым нехватает разума или веры, чтобы отбросить эти богохульные доктрины, иногда в страхе своём создают ужасающие мыслеформы воображаемого дьявола, которому их суеверие отводит такую видную роль во вселенной. И, к сожалению, мне приходится сказать, что некоторые проказливые природные духи совершенно не могут противостоять искушению нарядиться в эти ужасные формы, считая очень забавным носиться, потрясая рогами, махая раздвоенным хвостом и изрыгая пламя. Тем, кто понимает природу этих фантомных демонов, это не приносит никакого вреда, но здесь и там нервные дети оказываются достаточно впечатлительными, чтобы хотя бы мельком увидеть такие вещи, а поскольку они не получили мудрого наставления, результатом бывает великий страх.

Чтобы быть справедливым к природному духу, нужно помнить, что поскольку самому ему страх неведом, он ни в малейшей степени не понимает тяжести содеянного, вероятно считая испуг ребёнка притворным и частью игры. Мы вряд ли можем осуждать природных духов за тот факт, что мы позволяем нашим детям оказаться в цепях низменного суеверия и пренебрегаем своим долгом внушить им тот великий и фундаментальный факт, что Бог есть любовь, и что совершенная любовь изгоняет всякий страх. И даже если этот дух воздуха таким образом иногда пугает живущего среди нас ребёнка, нами же введённого в заблуждение, то с другой стороны можно записать ему в актив, что он постоянно доставляет сильнейшее удовольствие тысячам тех детей, которых мы называем «мёртвыми», потому что играть с ними и развлекать их сотней разных способов — одно из тех его занятий, которые приносят ему больше всего счастья.

Духи воздуха открыли возможность, предоставленную им спиритическими сеансами, и некоторые из них стали их постоянными участниками, обычно выступая под именами вроде «Подсолнух» или «Ромашка». Они вполне способны дать очень интересный сеанс, поскольку, естественно, многое знают об астральной жизни и её возможностях. Они охотно ответят на вопросы — достаточно верно, насколько хватает их знаний, и в любом случае, с видимостью глубины, когда предмет несколько выходит за их пределы. Они без труда могут вызвать удары, свет, или наклонить стол, и всегда готовы передать любые сообщения, которые, как они видят, хотят получить участники сеанса, не имея при этом никакого намерения обмануть или причинить вред, а наивно радуясь успеху, с которым удаётся сыграть роль, и трепетному благоговению и любви, изливаемым на них

как на «дорогих духов» и «ангельских помощников». Они учатся разделять радость участников сеанса и считают, что делают благое дело, принося утешение скорбящим.

Поскольку они живут астральной жизнью, четвёртое измерение является для них обыденным фактом, что делает для них очень простыми многие трюки, которые нам кажутся чудесными — такие как извлечение предметов из запертой шкатулки или доставка цветов в закрытую комнату. Желания и эмоции участников сеанса для них открыты, и они быстро приобретают лёгкость в чтении любых мыслей, если только они не абстрактны, а когда в наличии подходящий материал, вполне в их силах создать материализацию. Из этого видно, что без всякой внешней помощи они способны доставить разнообразное и удовлетворительное развлечение на целый вечер, и нет сомнения, что они часто это делали. Я вовсе не хочу сказать, что природные духи — это единственные существа, действующие на сеансах. Являющийся «дух» часто бывает именно тем, за кого он себя выдаёт, но также верно и то, что он часто не имеет с ним ничего общего, и у среднего посетителя сеанса нет абсолютно никаких средств отличить подлинное явление от имитации.

Аномальное развитие

Как уже было сказано, нормальной линией развития для природного духа является достижение индивидуальности путём связи с ангелом, но были отдельные духи, которые отошли от этого правила. Сила привязанности, испытываемой сильфом к ангелу, является главным фактором в этой великой перемене,* а в необычные случаи — это те, когда вместо ангела привязанность испытывается к человеческому существу. Это подразумевает столь полную перемену общего для этих существ отношения к человеческому роду, что случаи такие, естественно, редки, но когда они происходят, и когда любовь столь сильна, чтобы привести к индивидуализации, она отрывает природного духа от своей собственной линии эволюции и приносит его в нашу, так что новообразованное «я» будет воплощаться не как ангел, а как человек.

* Индивидуализации. — *Прим. пер.*

Предания об этой возможности лежат в основе всех тех историй, в которых нечеловеческий дух полюбил человека и загорелся огромным желанием обрести бессмертную душу, чтобы быть в состоянии разделить с ним вечность. Достигнув человеческого воплощения, такой дух становится человеком весьма любопытного типа — любящим и эмоциональным, но своенравным, странно примитивным в некоторых отношениях, и не имеющим совершенно никакого чувства ответственности.

Иногда случалось, что сильф, сильно привязанный к мужчине или женщине, но не достигавший такой силы любви, которая была необходима, чтобы обеспечить ему индивидуализацию, делал попытку силой войти в человеческую эволюцию,

захватив тело только что умершего ребёнка. Казалось, что ребёнок выздоровел, будучи вырван из самых лап смерти, но сильно изменился в характере, став раздражительным, и возможно, даже сварливым вследствие непривычных ограничений, которые налагает плотное физическое тело.

Если силф оказывался способен приспособиться к этому телу, то не было ничего, что бы помешало ему сохранять его на протяжении жизни обычной продолжительности. И если в течение этой жизни ему удавалось развить любовь, достаточно пылкую, чтобы прервать его связь со своей групповой душой, после этого он обычным порядком перевоплощался человеком; если же нет, то по её завершении он притягивался обратно в свою линию эволюции. Можно видеть, что в этих фактах заключена истина, стоящая за широко распространёнными преданиями о подменных детях, которые можно услышать во всех странах северо-западной Европы, в Китае, а также (как говорят) среди коренных обитателей тихоокеанского побережья Северной Америки.

Преимущества, которые даёт изучение природных духов

Царство природных духов — интереснейшее поле для исследования, которому пока что уделялось мало внимания. Хотя они часто упоминаются в оккультной литературе, я не знаю о каких-либо попытках научно их классифицировать. Это огромное царство природы ещё ждёт своего Кювье или Линнея, но если у нас будет много подготовленных исследователей, мы пожалуй, сможем надеяться, что один из них возьмёт на себя эту роль, и в качестве труда всей своей жизни даст нам полную и подробную естественную историю этих восхитительных существ.

Это не будет пустой тратой труда и бесполезным исследованием. Для нас полезно понять этих существ не только и даже не столько из-за влияния, которое они оказывают на нас, но потому что понимание линии эволюции, столь отличной от нашей, расширяет наши умы и помогает признать, что мир существует не только для нас одних, и что наша точка зрения — не единственная, и даже не самая важная. В меньшей степени тот же эффект дают путешествия за границу, ведь каждому непредубеждённому человеку они демонстрируют, что народы, во всех отношениях такие же хорошие, как и его собственный, могут тем не менее в сотне аспектов сильно от него отличаться. В изучении природных духов мы находим ту же идею, проведённую гораздо дальше. Это царство, коренным образом непохожее на наше — не имеющее полов, свободное от страха, не ведающее о том, что мы называем «борьбой за существование» — и всё же конечный результат его раскрытия во всех отношениях равноценен тому, который достигается по нашей собственной линии эволюции. Это знание может помочь нам чуть больше увидеть многогранность солнечного логоса, и таким образом научить нас скромности, милосердию, равно как и широте и свободе мысли.

Глава VII

ВЛИЯНИЕ ЦЕНТРОВ МАГНЕТИЗМА

Все мы до какой-то степени признаём, что необычное окружение может создать особые эффекты; о некоторых зданиях или пейзажах мы говорим как о мрачных и подавляющих, мы понимаем, что в тюрьме есть что-то печальное и отталкивающее, в церкви — что-то набожное, и так далее. Большинство людей никогда не берут на себя труд подумать, почему это так, а если на краткий миг и обращают внимание к этому предмету, то списывают всё на ассоциацию идей.

Вероятно, это *так*, но это также и нечто гораздо большее, и если мы постараемся найти этому разумное объяснение, то обнаружим, что во многих случаях это действует и тогда, когда мы никакого влияния и не подозревали, и что знание об этом может оказаться практически полезным в повседневной жизни. Изучение тонких сил природы покажет нам, что не только всякое живое существо излучает на окружающих сложный набор определённых влияний, но в меньшей степени это верно и для неодушевлённых предметов, хотя характер влияния тут проще.

Наши великие соборы

Нам известно, что у дерева, железа и камня есть свои собственные характерные излучения, но сейчас мы хотим подчеркнуть тот момент, что все они способны впитывать человеческое влияние, а затем снова его изливать. Каково происхождение того чувства набожности и благоговейного трепета, которым столь проникнуты некоторые из наших соборов, что даже самый закалённый турист бюро путешествий Кука не может совершенно его избежать? Это происходит не только по причине исторических ассоциаций и *памятования* о том, что на протяжении веков люди собирались здесь для молитвы и хвалы Господу, но гораздо более по причине самого этого факта, а также условий, в которые благодаря этому попал материал храма.

Чтобы понять это, нам нужно прежде всего вспомнить обстоятельства, при которых возводились эти здания. Современная кирпичная церковь, построенная по контракту в максимально сжатые сроки, действительно содержит в себе лишь немного святости, но в средневековье вера была сильнее, а влияние внешнего мира было менее значительным. Поистине, люди возводили наши великие соборы в молитве, и укладывали каждый камень, как если бы это было приношение на алтарь. Благодаря такому духу работы каждый из этих камней становился настоящим талисманом, заряженным почтением и набожностью строителя, и получал способность излучать волны тех же самых ощущений на других, пробуждая в них подобные чувства. Толпы прихожан, которые потом приходили поклоняться в храм, не только чувствовали эти излучения, но в свою очередь и сами усиливали их реакцией своих собственных чувств.

И в ещё большей степени это верно относительно внутреннего убранства церкви. Каждый мазок кисти при создании иконы, каждый удар резца при ваянии статуи был прямым приношением Богу. Таким образом, завершённое произведение искусства уже было окружено атмосферой благоговения и любви, и определённо

излучало эти качества на поклоняющихся. Все они, и богатые, и бедные, в какой-то степени чувствовали это, даже если многие из них были слишком невежественны, чтобы получить дополнительный стимул, который дают художественные достоинства изображения тем, кто способен их оценить и постичь всё его значение.

Солнечный свет, льющийся через великолепные витражи средневековых окон, несёт с собой славу, которая не от мира сего, поскольку искусный мастер, создавший эту чудесную мозаику, сделал её из любви к Богу и во славу его святых, так что каждый кусочек стекла тоже является талисманом. Всегда памятуя, как сила, переданная статуе или картине пылкой преданностью её первоначального создателя, на протяжении веков подкреплялась благоговением сменяющих друг друга поколений верующих, мы придём к пониманию внутреннего смысла огромного влияния, которое несомненно излучается теми предметами, которые веками почитались как священные.

Эффект преданности, подобный описанному, может иметь место совершенно отдельно от художественной ценности картины или статуи. Младенец в Ара Коэли в Риме — весьма низкохудожественный образец, и всё же он несомненно обладает значительной способностью пробуждать религиозные чувства у толп, которые приходят увидеть его. Будь он действительно произведением искусства, этот факт лишь немного добавил бы к его влиянию на большинство этих людей, хотя в этом случае он конечно мог бы оказать дополнительный и совершенно иной эффект на людей другого типа, которых в существующем виде он никак не трогает.

Из этих соображений очевидно, что все эти разнообразные предметы церковного убранства, такие как статуи, образа и украшения, имеют действительную ценность в плане эффекта, производимого ими на поклоняющихся; и тот факт, что они обладают заметной силой, которую столь многие могут почувствовать, вероятно, объясняет сильную ненависть, испытываемую к ним дикими фанатиками, столь неверно назвавшими себя пуританами. Они осознали, что сила, стоящая за Церковью, в значительной степени действует через эти предметы, используемые ею в качестве каналов, и хотя их отвращение ко всем высшим влияниям было сильно смешано со страхом, они всё же чувствовали, что если бы они смогли разрушить эти центры магнетизма, это в некоторой мере оборвало бы связь. И в своём бунте против всего хорошего и прекрасного они нанесли столько вреда, сколько могли — пожалуй, примерно столько же, как те ранние так называемые христиане, которые из-за своего грубого невежества размолотили самые прекрасные греческие статуи, чтобы получить известь для постройки своих убогих лачуг.

Во всех этих великолепных средневековых зданиях чувство набожности буквально исходит из стен, потому что веками целым рядом поколений в них создавались благоговейные мыслеформы. Сильный контраст этому являет атмосфера споров и критицизма, которую любой чувствительный человек может почувствовать в молельных домах некоторых сект. Во многих таких домах в Шотландии и Голландии это чувство выдаётся с поразительной заметностью, и создаётся впечатление, что у большинства этих так называемых молящихся не было ни одной набожной или благоговейной мысли, а присутствовало только ханжеское чувство собственной праведности и горячее желание обнаружить

какую-нибудь доктринальную погрешность в утомительной проповеди своего несчастного священника.

Совершенно новая церковь поначалу не производит никаких из упомянутых эффектов, поскольку в наши дни рабочие строят церковь с таким же отсутствием энтузиазма, как, например, фабрику. Как только епископ освящает её, в результате этой церемонии устанавливается явное влияние, но объяснение этого относится к другой главе нашей книги. Несколько лет использования заряжают стены очень эффективно, и ещё быстрее результат будет достигнут в церкви, где проводятся священнодействия или постоянно происходит поклонение. Католическая или ритуалистическая англиканская церковь скоро становится основательно заряженной, но молельные дома некоторых отколовшихся от церкви сект, не делающих особого упора на благоговение, часто надолго создают влияние, едва отличимое от того, что можно почувствовать в лекционном зале. Прекрасный образец благоговейного влияния часто можно обнаружить в капелле монастыря, хотя опять же тип его сильно меняется соответственно целям, которые ставят перед собой монахини или монахи.

Храмы других религий

Я взял в качестве примера христианские храмы, потому что они больше всего мне знакомы, равно как и большинству моих читателей, а также, пожалуй, потому, что христианство делает особый упор на преданности и благоговении, и больше, чем другие религии, приспособлено для одновременного выражения этого чувства в зданиях, построенных специально для этой цели. Среди индусов столь же глубокой преданностью обладают вайшнавцы, хотя к сожалению, к ней часто примешивается ожидание милостей, которые будут получены взамен. Хотя по великим праздникам храмы посещают огромные толпы, каждый совершает свою маленькую молитву или церемонию отдельно, тем упуская огромный дополнительный эффект, производимый одновременным действием.*

* Этого нельзя сказать о школе вайшнавов, основанной Шри Чайтаньей, где практикуется санкиртана — совместное прославление имён Господа. — *Прим. пер.*

Если рассмотреть это исключительно с точки зрения зарядки стен храма благоговейным влиянием, разницу можно понять на примере с несколькими моряками, которые тянут трос. Когда это делается, обычно используют нечто вроде песни, чтобы все прилагали свои усилия в точно тот же момент. Таким образом создаётся более эффективная тяга, чем если бы каждый тянул с той же силой, но когда ему заблагорассудится, не соотносясь с работой других.

Тем не менее, с годами в вайшнавском храме появляется сильное ощущение — столь же сильное, пожалуй, как и в христианском, хотя совершенно иное по типу. Опять же, совершенно иное впечатление создаётся в великих храмах, посвящённых Шиве. В таком храме, как, например, в Мадуре, из святилища исходит чрезвычайно мощное влияние. Оно окружено сильным чувством

почтительного трепета, почти страха, и это так окрашивает преданность толп, приходящих поклоняться ему, что меняет саму ауру места.

Совершенно иное впечатление окружает буддийский храм. Там нет даже и следа страха, и пожалуй, меньше непосредственной преданности, поскольку в значительной мере её заменяет благодарность. Преобладающим излучением всегда бывает чувство радости и любви с полным отсутствием чего-либо мрачного или сурового.

Ещё один разительный контраст представляет мусульманская мечеть. Там тоже присутствует некоторого рода благоговение, но это определённо воинственная преданность, и создаёт впечатление огненной решимости. Чувствуется, что понимание своей веры у этих людей может быть ограничено, но не может быть сомнения в их упорной решимости её держаться.

Иудейская синагога опять же непохожа ни на что иное, и несёт в себе совершенно отчётливое чувство, причём любопытно двойственное — исключительно материалистическое с одной стороны, а с другой — полное сильного, патетического желания возвращения исчезнувшей славы.

Памятные места и реликвии

Выбор места для многих религиозных зданий объясняется частичным признанием ещё одной стороны упомянутых нами фактов. Церковь или храм часто возводятся в память о жизни и смерти какого-нибудь святого, и в первую очередь такой храм строится на месте, которое каким-то образом с ним связано. Это может быть место его смерти, рождения, или какого-то важного события его жизни.

Примерами этого являются Церковь Рождества в Вифлееме и Гроба Господня в Иерусалиме, великая ступа в Буддхагае, где Господь Гаутама стал Буддой, или храм Бишанпад, где, как считается, Вишну оставил отпечаток своей стопы. Все подобные святилища возводятся не столько из исторических соображений, дабы указать потомкам точное место, где произошло важное событие, сколько с той мыслью, что это место является особенно благословенным и заряженным магнетизмом, которые останутся на века и будет излучаться на благо тех, кто приходит туда и попадает в сферу его влияния. И эта общераспространённая идея не лишена соответствующих оснований.

Место, где Господь Будда совершил тот шаг, который дал ему это высокое имя, заряжено магнетизмом, который делает его сияющим, подобно солнцу, для всякого, кто обладает ясновидением. Это рассчитано на оказание максимально возможного эффекта на всякого, кто от природы чувствителен к подобным влияниям, или намеренно временно сделал себя чувствительным благодаря отношению искреннего благоговения.

В недавней статье о Буддхагае в «Лотус джорнэл» Алкион писал:

«Когда я спокойно сидел под деревом вместе с Анни Безант, я смог видеть Господа Будду так, как он выглядел, когда сидел здесь. Поистине, отпечаток, оставленный его медитацией, всё ещё так силён, что требуется лишь немного ясновидения, чтобы видеть его даже сейчас. У меня было преимущество — я встречал его ещё в той жизни, в 580 г. до н. э., и стал одним из его последователей, так что благодаря этому мне стало легче увидеть его снова в этой жизни. Но я думаю, что почти всякий, кто хотя бы немного чувствителен, может увидеть его в Буддхагае, посидев спокойно некоторое время, потому что воздух там полон его влияния, и даже сейчас великие дэвы всегда купаются в этом магнетизме и охраняют это место.»

Другие церкви, храмы или пагоды бывают освящены тем, что в них находятся останки кого-либо из Великих, и здесь связь идей опять очевидна. У тех, кто невежественен в этих делах, в обычае высмеивать идею оказания почтения кусочку кости, которая некогда принадлежала святому, но хотя почтение по отношению к кости может быть и неуместно, влияние, излучаемое ею, тем не менее может быть вполне реальным и весьма достойным серьёзного внимания. То, что по всему миру велась торговля реликвиями, где с одной стороны было надувательство, а с другой — легковерие, не стоит и оспаривать, но это никоим образом не меняет того факта, что настоящие мощи могут быть действительно ценной вещью. Всё, что было частью физического тела кого-либо из Великих, или даже кусочком одежды, это тело одевавшей, насыщено его личным магнетизмом. Это значит, что оно подобно электрическому аккумулятору заряжено мощными волнами мыслей и чувств, обычно исходивших из него.

Сила, которой обладает такая реликвия, поддерживается и усиливается мысленными волнами, на протяжении лет изливаемыми на неё верой и благоговением толп, посещающих святилище. Так бывает, если реликвия подлинная, но большинство их таковыми не являются. Но даже тогда, не имея собственной первоначальной силы, со временем они приобретают большое влияние, так что даже ложные реликвии вовсе не лишены действенности. Потому каждый, кто войдёт в восприимчивый настрой и будет находиться в непосредственной близости от реликвии, получит её сильные вибрации и скоро в большей или меньшей степени на них настроится. А поскольку эти вибрации несомненно лучше и сильнее любых обычно создаваемых им самим, это для него хорошо. На время они поднимают его на более высокий уровень и открывают ему более высокий мир, и хотя этот эффект лишь временный, это не может не быть для него полезно — это событие сделает его на всю оставшуюся жизнь немножко лучше в сравнении с тем, как если бы оно не произошло.

В этом и заключается смысл паломничеств, и очень часто они действительно бывают эффективны. В дополнение к тому, что могло быть первоначальным магнетизмом святого или реликвии, как только место паломничества устанавливается и его начинает посещать множество людей, вступает в действие другой фактор, о котором мы говорили в связи с храмами и церквями. Место начинает заряжаться благоговейным чувством всех этих толп паломников, и то, что они оставили после себя, действует на их последователей. Таким образом влияние этих святых мест со временем обычно не уменьшается, поскольку хотя первоначальная сила и склонна несколько уменьшаться, с другой стороны она

постоянно подпитывается новыми порциями преданности. В действительности, единственный случай, когда эта сила вообще затухает — это заброшенное святилище, как например, в странах, захваченных народом с другой религией, для которых старые святые места ничего не значат. Но даже тогда влияние, если первоначально оно было достаточно сильным, в течение многих столетий сохраняется без уменьшения, и по этой причине даже руины часто обладают связанной с ними мощной силой.

Например, египетская религия мало практиковалась с наступлением христианской эры, однако никакой чувствительный человек, находясь среди развалин какого-нибудь из её храмов, не может не испытать мощного воздействия потока её мысли. В данном случае в действие вступает ещё одна сила — египетская архитектура принадлежала к определённому типу, намеренно разработанному так, чтобы произвести впечатление на поклоняющихся, и возможно, ни одна архитектура ещё не исполняла своё назначение более эффективно.

Развалины, которые ещё сохранились, всё ещё оказывают этот эффект в степени, которой нельзя пренебрегать, даже на членов чуждой расы, не имеющей связи с тем типом цивилизации, к которому принадлежала древнеегипетская. Для занимающегося сравнительным изучением религий, если он окажется чувствительным, нет более интересного опыта, чем купаться в магнетизме старейших религий мира, чувствовать их влияние, как чувствовали его их последователи тысячи лет назад, и сравнивать ощущения Фив или Луксора с теми, что дают Парфенон или прекрасные греческие храмы Гиргенти, или сравнить ощущение Стоунхенджа с тем, что дают огромные развалины Юкатана.

Развалины

Религиозную жизнь древнего мира лучше всего можно прочувствовать с помощью храмов, но в равной мере возможно таким же образом соприкоснуться с повседневной жизнью исчезнувших наций, постояв среди развалин их домов и дворцов. Но, пожалуй, это потребует более проникательного ясновидческого чувства. Сила, которой проникнут храм, мощна, потому что она в значительной мере однонаправлена — на протяжении веков люди приходили туда с одной ведущей идеей молитвы или благоговения, и потому созданный отпечаток получается сравнительно сильным. С другой стороны, в своих домах они жили со всеми видами разных идей и сталкивающихся интересов, так что одно впечатление часто стирало другое.

Тем не менее, с годами выявляется нечто вроде наименьшего общего кратного всех их чувств, характеризующего их как расу, и его может ощутить тот, кто владеет искусством полностью нейтрализовывать свои собственные личные чувства, которые для него гораздо ближе и живее, и может искренне вслушаться в слабое эхо жизни тех давно прошедших времён. Такое исследование часто позволяет получить более справедливый взгляд на историю; манеры и обычаи, которые поражают и ужасают нас, поскольку они столь далеки от наших собственных, можно будет созерцать с точки зрения тех, кому они знакомы, а

увидев их так, первый раз осознаёшь, как же неверно мы поняли этих людей прошлого.

Некоторые из нас помнят, как в детстве невежественные, но благонамеренные родственники, желая пробудить в нас симпатию, ужасали нас историями о христианских мучениках, которых бросали львам в Колизее, или о грубых нравах толп, которые получали удовольствие от боёв гладиаторов. Я не собираюсь защищать вкусы древнеримских граждан, но думаю, что всякий чувствительный человек, который отправится в римский Колизей и (если ему удастся на время уберечься от туристов) посидит там спокойно, отправив своё сознание назад во времени, пока не ощутит действительное чувство этих огромных и дико возбуждённых аудиторий, он обнаружит, что проявлял к ним большую несправедливость.

Во-первых, он осознает, что бросание христиан львам за *их религиозные убеждения* — благочестивая ложь, придуманная беспринципными ранними христианами. Он поймёт, что в религиозных вопросах римское правительство было определённо более терпимым, чем большинство европейских правительств в наши дни,* и никакой человек не мог быть казнён или даже вообще осуждён по причине каких-либо религиозных взглядов, а эти так называемые христиане были отправлены на смерть вовсе не из-за их якобы религии, а за заговор против государства или за преступления, которые единодушно осудили бы мы все.

* Книга написана в 1913 году. — *Прим. пер.*

Далее, он обнаружит, что правительство действительно разрешало и даже поощряло гладиаторские бои, но в них принимали участие только три класса людей. Во-первых, это преступники, которых надлежало лишить жизни по законам того времени. Их использовали, чтобы устроить зрелище для народа — конечно зрелище довольно низкосортное, но не в большей степени, чем многие другие, популярные у народа в наши дни. Негодяй погибал на арене в битве с другим таким же или с диким зверем, но он предпочитал умереть, сражаясь, чем просто быть казнённым; к тому же у него всегда была возможность, если он сражался хорошо, завоевать одобрение переменчивой толпы и тем спасти свою жизнь.

Второй класс состоял из тех военнопленных, которых в те времена было принято предавать смерти, но и в этом случае смерть этих людей была уже решена, и также использовалась для развлечения народа, что тоже давало им шанс спасти свою жизнь, за который они охотно хватались.

Третьим классом были профессиональные гладиаторы, подобные профессиональным спортсменам наших дней, выбиравшие такую ужасную жизнь ради популярности, которую она давала, и полностью видя при этом её опасности.

Я вовсе не хочу сказать, что гладиаторские бои — форма развлечений, к которой действительно просвещённые люди могут относиться терпимо, но если мы применим этот же стандарт сейчас, то нам придётся признать, что просвещённых

наций пока ещё нет, потому что это не хуже средневековых турниров, петушиных и медвежьих боёв XIX века и современной корриды и профессионального спорта. Совершенно нечего выбирать между грубостью любителей гладиаторских боёв и грубостью тех, кто огромными толпами собирается посмотреть. сколько крыс сможет убить собака за минуту, или охотника-дворянина, который убивает сотни безобидных куропаток, к тому же не имея того оправдания, что ведёт честный бой.

Сейчас мы начинаем придавать человеческой жизни несколько более высокую ценность, чем делали это во времена Древнего Рима, но даже при этом я бы заметил, что эта перемена не знаменует разницы между древнеримским народом и его перевоплощением в английский народ, поскольку ещё столетие назад мы были столь же безучастны к массовым убийствам. Разница — не между нами и римлянами, а между нами и нашими совсем недавними предками, поскольку о толпах, которые во времена наших отцов веселились на публичных казнях, вряд ли можно сказать, что они сильно продвинулись с тех времён, когда собирались на скамьях Колизея.

Это правда, что римские императоры присутствовали на этих представлениях, как и английские короли поощряли турниры, а короли Испании даже сейчас покровительствуют корриде; но чтобы понять разнообразные мотивы, подвигнувшие их делать это, мы должны пуститься в основательное исследование политики того времени, что лежит совершенно за пределами темы этой книги. Здесь достаточно будет сказать, что римские граждане имели весьма любопытные политические настроения, и власти считали необходимым доставлять им постоянные развлечения, дабы поддерживать их в хорошем расположении духа. Потому они прибегли к этому методу, использовав считавшуюся необходимой и обычной казнью преступников и бунтовщиков, чтобы доставить пролетариату нечто вроде развлечения, которое доставляло ему удовольствие. Это был весьма зверский пролетариат, скажете вы. Конечно же можно признать, что развитие этих людей не было очень высоко, но по меньшей мере они были куда лучше, чем более поздние представители этого класса, принявшие активное участие в невыразимых ужасах французской революции, поскольку эти последние активно радовались жестокости и крови, которые для римлян были лишь остававшимися без внимания явлениями, сопутствовавшими развлечению.

И как я уже сказал, всякий, кто находясь в Колизее, действительно даст себе почувствовать истинный дух тех толп далёкой древности, поймёт, что их привлекало именно возбуждение от состязания и демонстрируемое в нём искусство. Их грубость была не в том, что они наслаждались кровопролитием и страданием, а в том, что в возбуждении, с которым они следили за борьбой, они были способны их не замечать. В конце концов это очень похоже на то чувство, с которым мы набрасываемся на газетные колонки с новостями с театра военных действий. Понемногу, от одного случая к другому, мы, будучи людьми пятой подрасы, в своём уровне продвинулись немного вперёд от того состояния, в котором две тысячи лет назад была четвёртая подраса, но продвижение это намного меньше, чем наша самоудовлетворённость и убеждённость в этом прогрессе.

У каждой страны есть свои руины, и во всех этих развалинах исследование древней жизни является интересным. Можно получить хорошее представление о разнообразной деятельности и интересах средневековой монашеской жизни Англии, если посетить царицу руин, аббатство Фаунтэйнс, точно так же как посетив камни Карнака (не египетского, а того, что в Морбихэне) можно почувствовать радость летних празднеств вокруг *тантада*, священного огня древних бретонцев.

В исследовании развалин Индии, пожалуй, будет меньше необходимости, поскольку повседневная жизнь там оставалась на протяжении веков столь неизменной, что не требуется никакого ясновидения, чтобы представить, какой она была тысячи лет назад. Ни одно из существующих зданий Индии не относится к периоду настолько древнему, чтобы продемонстрировать заметную разницу, а остатки золотого века Индии, когда она была под правлением великих атлантских монархий, в большинстве случаев уже глубоко погребены. Если же мы обратимся к средневековым временам, то разница между ощущением любого древнего города северной Индии и развалин Анурадхапуры на Шри Ланке, любопытно иллюстрирует разный эффект, производимый средой и религией на практически тот же народ.

Современные города

В точности как наши древние предки, которые вели совершенно обычный для себя образ жизни, и которым даже и не снилось, что этим они насыщают камни своих городских стен влиянием, которое через тысячи лет позволит психометристу изучать самые сокровенные секреты их бытия, так и мы сами насыщаем своим влиянием уже наши города и оставляем за собой записи, которые будут шокировать чувства более развитых людей будущего. В некоторых отношениях, которые легко придут на ум, все большие города сильно похожи, но с другой стороны, есть и различия местной атмосферы, в некоторой степени зависящие от среднего уровня нравственности в городе, типа религиозных взглядов, которых там в основном придерживаются, и его основных видов торговли и производства. Из-за всего этого у каждого города есть определённая мера индивидуальности — причём индивидуальности, которая будет привлекать одних людей и отталкивать других, согласно их наклонностям. Даже те, кто не особенно чувствителен, вряд ли не заметят разницу между ощущениями Лондона и Парижа, Эдинбурга и Глазго, Филадельфии и Чикаго.

Есть некоторые города, основной тон которых не от современности, а от прошлого — жизнь которых в старину была настолько энергичнее теперешней, что последняя блекнет в сравнении с ней. Примером этого являются города на Зюйдер Зее в Голландии, ещё один пример — Сент-Олбанс в Англии. Но лучшим примером, который может предложить мир — это вечный город Рим. Среди многих городов мира Рим стоит особняком, представляя интерес для психического исследователя в отношении трёх великих и совершенно отдельных периодов. Первое, и намного более сильное — впечатление, оставленное поразительной жизненностью и энергией того Рима, который был центром мира, Рима

республики и цезарей; за ним идёт второе сильное и уникальное впечатление — средневекового Рима, церковного центра мира; а третье, и совершенно отличное от первых двух, ощущение сегодняшнего Рима, политического центра слабовато соединённого итальянского королевства, и в то же время ещё церковного центра, имеющего всемирное влияние, хотя и утратившего свою власть и величие.

Признаюсь, я впервые приехал в Рим с ожиданием, что Рим средневековых пап, которому способствовало то, что на нём так долго были сосредоточены мысли всего мира, а также то, что он гораздо ближе к нам по времени, должен был в значительной мере перебить отпечаток жизни Рима цезарей. И я был поражён, обнаружив, что действительные факты почти в точности противоположны. Условия средневекового Рима были достаточно примечательны, чтобы оставить неизгладимый отпечаток на любом другом городе мира, придав ему свой характер; но удивительно энергичная жизнь более ранней цивилизации была в такой огромной степени сильнее, что она ещё сохраняется, несмотря на прошедшую с тех пор историю, как неизгладимая и преобладающая характеристика Рима.

Для ясновидящего исследователя Рим — это прежде всего Рим императоров (и всегда им будет), и лишь во вторую очередь — Рим пап. Отпечаток от церковной жизни всё ещё присутствует, восстановимый до мельчайших деталей — это ошеломляющая смесь набожности и интриг, наглой тирании и истинных религиозных чувств, история ужасной коррупции и всемирной власти, редко использовавшейся подобающим способом. И тем не менее, как бы он ни был силен, он затмевается до полной незначительности более великой силой, которая ему предшествовала. В ней присутствует здоровая вера в себя, убеждённость в судьбе, решительное намерение взять от жизни всё и уверенность в способности сделать это. Это черты древних римлян, к которым немногие нынешние нации могут приблизиться.

Общественные здания

Не только у города в целом есть свои общие черты, но и у отдельных его зданий, посвящённых особой цели, всегда есть аура, характерная для этого назначения. Аура больницы, например, представляет любопытную смесь, в которой преобладают страдание, усталость и боль, но также там присутствует и значительная доля сострадания к пациентам и чувство благодарности с их стороны за проявляемую к ним заботу.

Человеку, выбирающему место жилья, следует решительно избегать соседства с тюрьмой, ибо оттуда излучается самое страшное уныние, отчаяние и постоянная депрессия, смешанные с бессильной яростью, ненавистью и сожалениями. Немногие места в целом имеют вокруг себя более неприятную ауру, но даже в этой общей тьме зачастую бывают более тёмные места — камеры с дурной славой, над которыми навис необычайный ужас. Например, зафиксировано несколько случаев, когда заключённые определённой камеры один за другим совершали попытки самоубийства, и те, чьи попытки не были успешны, объясняли, что идея о самоубийстве настойчиво возникала у них в уме и постоянно давила извне, пока

они постепенно не приходили к состоянию, когда казалось, что другого выбора нет. Были примеры, когда такое чувство возникало по прямому убеждению со стороны умершего человека; но гораздо чаще бывало, что первый самоубийца просто столь основательно зарядил камеру мыслями и побуждениями такой природы, что занимавшие её после него, будучи, скорей всего, людьми с неразвитой силой воли, оказывались практически неспособны сопротивляться.

Но ещё ужаснее мысли, которые всё ещё висят над некоторыми из ужасных темниц средневековых тираний, застенков Венеции или пыточных камер инквизиции. Точно так же сами стены игорных домов излучают горе, зависть, отчаяние и ненависть, а стены публичных домов полностью пропитаны самыми грубыми формами чувственных и скотских желаний.

Кладбища

В случаях, таких как вышеупомянутые, всем порядочным людям достаточно легко оказывается избегать зловредных влияний, просто избегая этих мест, но есть и другие примеры, когда люди попадают в нежелательные ситуации из-за злоупотребления естественными добрыми чувствами. В странах, которые ещё недостаточно цивилизованы, чтобы сжигать своих умерших, остающиеся в живых часто посещают могилы, где похоронены разлагающиеся физические тела; из чувства привязанности и ради памяти об умерших они часто собираются там, чтобы помолиться и поразмышлять, и положить венок цветов на могилу. Они не понимают, что излучения печали, депрессии и беспомощности, которыми столь часто бывают проникнуты кладбища, делают их чрезвычайно нежелательным местом для посещения. Я часто видел стариков, гуляющих и сидящих на некоторых из наших живописных кладбищ, а также нянь, ежедневно вывозящих туда детей в колясках, чтобы они дышали свежим воздухом, и никто из них, вероятно, не имел ни малейшего представления, что они подвергают себя и своих подопечных влияниям, которые скорее всего нейтрализуют все преимущества от моциона и свежего воздуха, и всё это помимо возможности вдыхания нездоровых физических испарений.

Университеты и школы

Древние здания наших великих университетов окружены магнетизмом особого типа, который очень способствует тому, чтобы на их выпускников была наложена та особая печать, которая так легко различима, хотя даже во многих словах трудно описать, в чём она состоит. Студенты университетов бывают людьми различных склонностей — книгочеи, охотники, люди набожные и люди беспечные, а иногда какой-нибудь колледж или университет привлекает людей лишь одного из этих классов. В этом случае его стены становятся проникнуты этими характеристиками, и его атмосфера работает на поддержание этой репутации. Но в целом университет обычно окружён приятным чувством работы и товарищества, общества и, тем не менее, независимости, уважения к традициям и решимости следовать им, что

скоро приводит вновь поступившего в соответствие духу его товарищей и накладывает на него тон университета, который ни с чем нельзя спутать.

Не сильно отличается от этого влияние здания наших великих школ-пансионов. Впечатлительный мальчик, поступивший в одну из них, скоро ощущает чувство порядка, регулярности и корпоративный дух, который, будучи раз обретён, редко забывается. Нечто в этом роде, только пожалуй, даже в более ярковыраженном виде, существует на военном корабле, особенно если он находится под командованием популярного капитана и уже некоторое время находится в строю. Новобранец на таком корабле быстро находит своё место, приобретает командный дух и учится чувствовать себя членом единой семьи, честь которой он должен держать. Во многом это происходит благодаря примеру товарищей и давлению офицеров, но ощущение, атмосфера самого корабля несомненно тоже вносит свой вклад.

Библиотеки, музеи и галереи

Ассоциации с учёбой, навеваемые библиотекой, легко понятны, но влияние музеев и картинных галерей является намного более разнообразным, как и можно было ожидать. В этих двух последних случаях оно в основном исходит от картин и экспонатов, и потому станет предметом обсуждения в одной из последующих глав. Что же касается влияния самих зданий, отдельно от выставленных в них предметов, результат получается несколько неожиданный, поскольку самая заметная их черта — полностью захватывающее чувство усталости и скуки. Очевидно, что главной составляющей в мыслях большинства посетителей было чувство того, что они должны бы восхищаться или хотя бы интересоваться тем или этим, тогда как фактически они совершенно неспособны действительно восхититься или даже проявить интерес.

Чикагские бойни

Ужасающие эманации, исходящие от скотных дворов в Чикаго и эффект, производимый ими на тех, кому не посчастливилось жить поблизости от них, часто упоминаются в теософической литературе. Анни Безант описывала, как при первом посещении Чикаго она ощутила подавляющую атмосферу депрессии, ещё находясь в поезде за несколько миль от города; и хотя другие люди, менее чувствительные, чем она, могут и не обнаружить её столь легко, не может быть сомнения, что её влияние тяжело ложится на них каждый раз, когда они оказываются поблизости от театра этих ужасающих бесчинств. В этом месте были убиты миллионы существ, и каждое из них добавило к его излучению собственные ощущения ярости, боли и страха, а также и чувство несправедливости, и из всего этого образовалось одно из самых тёмных облаков ужаса, существующих сейчас в мире.*

* Эта глава, наряду с некоторыми другими, была изъята из современного английского издания этой книги, как «имеющая отношение к социальным условиям того времени, ныне не актуальным», но поскольку во многих странах подобные условия продолжают существовать, текст книги переводится без всяких изъятий. — *Прим. пер.*

В данном случае результаты этого влияния общеизвестны, и никто не сможет их отрицать. Низкий уровень нравственности и исключительная грубость мясников составили им дурную славу. Во многих случаях убийств, совершённых в этом ужасном соседстве, врачи смогли узнать характерный поворот ножа, свойственный лишь для забойщиков скота, и даже дети на улицах не играют в другие игры, кроме как в убийства. Когда мир станет действительно цивилизованным, люди будут с недоверчивым ужасом относиться к подобным сценам и станут спрашивать, как же это было возможно, что люди, которые в прочих отношениях по всей видимости имели какие-то проблески человечности и здравого смысла, могли допустить такое отвратительное пятно на своей чести, как само существование у них такого злополучного места.

Особые места

Всякое место, где часто повторяется какая-нибудь церемония, особенно если она связана с высоким идеалом, всегда заряжается ярковыраженным влиянием. Например, деревушка Обераммергау, где регулярно разыгрывается представление на тему Страстей Господних, полна мыслеформ предыдущих представлений, которые мощно воздействует на тех, кто готовится принять участие в новых. Всеми, кто помогает в этом, испытывается необычное чувство реальности, и оно воздействует даже на сравнительно беспечных туристов, для которых всё это — просто развлекательное зрелище. Точно так же в атмосфере Байройта выделяются величественные идеалы Вагнера, и когда там устраивают концерт, он получается совершенно иным в сравнении с исполнением тех же музыкантов в других местах.

Священные горы

Есть примеры того, когда влияние, принадлежащее какому-нибудь особому месту, не является человеческим. В предыдущей главе я уже описывал великих дэв, обитающих на вершине горы Слив-на-Мон в Ирландии. Это их присутствие делает гору священной, и они поддерживают влияние святой магии руководителей Туата-Де-Данаан, которых они назначили оставаться там до того дня, когда наступит будущее величие Ирландии, и станет ясна её роль в великой драме империи.

Несколько раз мне случалось посещать священную гору иного рода — пик Шрипада на Шри Ланке. Эта гора примечательна тем, что почитается как священная приверженцами всех религий этого острова. Буддисты называли храм на её вершине святилищем Шрипада, то есть святого следа ноги, и считают, что когда Будда посетил Шри Ланку в астральном теле (он никогда не бывал там в физическом), он нанёс визит духу-хранителю этой горы, которого люди называли

Саман Девийо. Когда он собирался уходить, Саман Девийо попросил его в качестве особой милости оставить на этом месте какое-нибудь постоянное напоминание о своём посещении, и Будда в ответ на это оставил отпечаток своей ноги в твёрдом камне, используя для этого какую-то особую силу. Далее эта история говорит, что дабы святой след никогда не был осквернён прикосновением человека, и излучаемый им магнетизм сохранялся, Саман Девийо покрыл его гигантским каменным конусом, который и образует нынешнюю вершину горы.

На вершине этого конуса было сделано углубление, которое грубо напоминает гигантский отпечаток ноги, и похоже, что некоторые из самых невежественных поклоняющихся верят, что это и есть настоящий след, оставленный Господом Буддой. Но все знающие монахи самым решительным образом это отрицают, указывая на тот факт, что этот след не только чрезвычайно велик, чтобы быть человеческим, но и совершенно явно имеет искусственное происхождение. Они объясняют, что он сделан там просто чтобы указать точное место, под которым находится настоящий след, и указывают на тот факт, что на некотором расстоянии от вершины гору опоясывает хорошо заметная трещина.

Идея о священном отпечатке ноги на этой вершине представляется общей для разных религий, но в то время как буддисты считают, что он принадлежит Будде, тамилы, живущие на острове, верят, что это один из многочисленных следов Вишну, а христиане и мусульмане приписывают его Адаму и называют эту гору Адамовым Пиком.

Но говорят, что задолго до проникновения любой из этих религий на остров, и задолго до времён самого Будды, гора уже была посвящена Саману Девийо, которому обитатели острова до сих пор оказывают глубочайшее почтение, и это вполне может быть так, поскольку он принадлежит к одному из великих разрядов дэв, которые по уровню стоят недалеко от высших из адептов. Хотя его работа имеет природу совсем отличную от нашей, он также подчиняется главе великой Оккультной Иерархии и также принадлежит к Великому Белому Братству, которое существует лишь для продвижения эволюции мира.

Присутствие столь великого существа, естественно, распространяет мощное влияние по горе и её окрестностям, и больше всего — вокруг вершины, так что радостный энтузиазм, столь свободно проявляемый там паломниками, имеет вполне реальное объяснение. Здесь, так же, как и в других святилищах, в дополнение к этому эффекту накопились благочестивые чувства, которыми заряжали это место поколения паломников, но хотя они не могут не быть мощными, в данном случае они полностью затмеваются первоначальным и постоянно присутствующим влиянием могущественного существа, которое столь много тысяч лет стояло здесь на страже и выполняло свою работу.

Священные реки

Существуют и священные реки — например, Ганг. Идея их в том, что в древности некто великий магнетизировал исток реки с такой силой, что с тех пор вся вода,

текущая из этого источника, в истинном смысле слова — святая вода, несущая его влияние и его благословение. И это вовсе не невозможно, хотя должно потребовать либо большого запаса силы в начале, либо каких-то мер, которые бы часто повторялись. Процесс тут простой и понятный; единственная трудность — в том, что можно назвать масштабом операции. Но то, что за пределами сил обычного человека, может оказаться вполне лёгко для того, кто находится на гораздо более высоком уровне.

Глава VIII

ВЛИЯНИЕ РИТУАЛОВ

Рассматривая влияние, распространяемое нашими соборами и церквями, мы до сих пор ограничивались тем, что излучается их стенами. Однако это лишь малая и побочная часть эффекта, который согласно великому плану Основателя этой религии они должны производить на общество; и даже сам этот план в свою очередь — всего лишь часть более величественной схемы. Позвольте мне попытаться это объяснить.

Иерархия

Изучающие теософию знакомы с тем фактом, что руководство эволюцией мира осуществляется через Иерархию Адептов, работающих под началом великого Водителя, и один из отделов этого правительства посвящён распространению религий и управлению ими. Руководитель этого отдела называется на востоке Бодхисаттвой, и известен на западе как Христос, хотя в действительности это лишь титул, принятый им в одном из воплощений. План этого правительства состоит в том, что в каждый мировой период должны быть семь последовательных бодхисаттв — по одному для каждой коренной расы. Каждый из них последовательно занимает эту должность и в течение срока своего правления заведует всей религиозной мыслью мира, а не только своей собственной коренной расы; и воплощаться он может много раз.

Чтобы проиллюстрировать, что же именно имеется в виду, возьмём пример предыдущего главы этого отдела, которого мы знаем как господина Гаутаму. Технически он был бодхисаттвой атлантской, или четвёртой коренной расы, и в ней он воплощался много раз под разными именами в течение периода, простиравшегося на несколько сотен тысячелетий; но хотя его особенная работа относилась таким образом к четвёртой коренной расе, в его ведении были религии всего мира, и следовательно, он не пренебрегал и пятой коренной расой. В ранние периоды истории каждой из её подрас он появлялся и основывал особую религию. В первой подрасе он был изначальным Вьясой; имя же, которое он носил во второй подрасе, не сохранилось в истории. В третьей подрасе он был изначальным Зороастром — первым в длинной линии носивших это имя. Для великой религии Египта он был Тотом — названным греками Гермесом Трисмегистом (трижды

величайшим), а среди ранних греков четвёртой подрасы он был бардом Орфеем, основателем их мистерий.

В каждом из таких рождений он собирал вокруг себя некоторое количество серьёзных учеников, и разумеется, во многих случаях это были те же «я» в новых телах, хотя он постоянно добавлял к их числу новых. Четвёртая коренная раса вовсе не закончила ещё свою эволюцию, ведь к ней ещё принадлежит большинство жителей Земли — это огромные массы китайцев, татар, японцев, малайцев, а также все малоразвитые народы, но она уже давно миновала свой расцвет — то время, когда она была доминирующей в мире расой и в ней воплощались все наиболее продвинувшиеся «я». Когда её слава наконец прошла, Бодхисаттва был готов к тому, что стало кульминацией его работы и включало в себя достижение очень высокого уровня посвящения, который мы называем степенью будды, и передачу своей должности преемнику.

Чтобы собрать в одной стране, и даже в значительной мере в одной её части, все «я», которые были его особыми последователями в разных прожитых им жизнях, потребовалась определённая подготовка. Затем среди них воплотился и он сам — или, что более вероятно, среди них воплотился один из его высших учеников, который предоставил своё тело Бодхисаттве, когда приблизилось назначенное время.* И как только он принял в этом теле великое посвящение и стал Буддой, он отправился проповедовать свою Дхарму, или Закон. Мы не должны придавать слову «закон» обычный, узкий смысл, поскольку он идёт гораздо дальше, чем простой набор заповедей. Это скорее его представление Истины о человечестве и его эволюции, а также его наставления, основанные на этой истине, как следует действовать человеку, чтобы сотрудничать с планом этой эволюции.

* Это объясняет, почему в преданиях и о Будде, и о Христе говорится о пройденных ими испытаниях, которые представляются неуместными для существ такого уровня — в действительности они проходились такими учениками. — *Прим. пер.*

Проповедуя эту Дхарму, он собрал вокруг себя множество своих старых учеников, а благодаря огромной силе и магнетизму, которые принадлежали ему как Будде, он помог очень многим из них достичь того четвёртого этапа пути, который называют уровнем архата. Остаток своей жизни на земле он провёл, проповедуя и укрепляя новую веру, а уйдя из физической жизни, он окончательно передал свой пост управителя религий своему преемнику, которого мы называем господом Майтреей — это великий, который почитается по всей Индии под именем Кришны, а в христианском мире — под именем Иисуса Христа. Никого из изучавших теософию это выражение с толку не собьёт, поскольку они знают, что новый бодхисаттва взял тело ученика Иисуса и удерживал его три последних года его жизни с целью основания христианской религии. После смерти этого тела он продолжал несколько лет учить своих наиболее близких учеников из астрального мира, а с того времени и поныне он поручил тому ученику Иисусу (который теперь сам учитель) наблюдать за судьбами церкви и руководить её судьбами, насколько это возможно.

Сразу же после принятия должности господь Майтрея воспользовался необычайно хорошими условиями, оставленными ему Буддой, чтобы совершить несколько одновременных усилий, способствующих религиозному прогрессу мира. Он не только сам спустился в почти немедленное воплощение, но в то же время использовал многих из тех, кто достиг уровня архата при господе Будде и был готов тут же принять новое рождение. Из этой группы учеников пришли те, кого мы знаем под именами Лао-цзы и Конфуция, которые были посланы в воплощение в Китай. Из них также был и Платон, а из их последователей — Фидий и многие другие из величайших греков.

В тот же период времени пришёл великий философ Пифагор, который и есть наш нынешний учитель К. Х. Он не был одним из ближайших спутников Будды, поскольку уже достиг уровня архата и должен был работать в другом месте, но он отправился в Индию повидать его и получить его благословение. Он тоже находится на луче Бодхисаттвы и может считаться одним из его главных сподвижников.

Одновременно со всеми этими усилиями господь Майтрея сам воплотился как Кришна и провёл в Индии весьма удивительную жизнь, в которую он основал аспект бхакти в религии этой страны, которая теперь демонстрирует нам, пожалуй, самые пылкие примеры крайней преданности из наблюдаемых где-либо в мире. Это великое воплощение не следует путать с воплощением Кришны, описанным в Махабхарате; последний был воином и государственным деятелем и жил приблизительно за 2500 лет до того времени, о котором мы говорим.

Вместе с ним пришло и другое великое воплощение, но на этот раз не из отдела религий, но скорей из одного из организационных отделов — великий Шанкарачарья, который путешествуя по Индии, основал четыре главных монастыря (матха) и орден санньяси. Из-за того, что каждый из длинной последовательности стоявших во главе монашеских организаций тоже принимал титул Шанкарачарьи, произошла некоторая путаница, так что говорить о Шанкарачарье — это всё равно, что упоминать папу римского без указания на конкретного держателя папского престола. Великого основателя, о котором мы сказали, не следует путать с более известным держателем этого титула, который через семь столетий после Христа написал объёмистую серию комментариев к Бхагавад-гите и некоторым из Упанишад.

Три пути

Эти три великих учителя, последовавшие столь быстро один за другим в Индии, дали свежий импульс для каждого из трёх путей. Будда основал религию, дающую подробнейшие указания для повседневной жизни, такие, как нужны тем, кто следует путём действия, тогда как Шанкарачарья снабдил метафизическим учением тех, для кого путём является мудрость, а господь Майтрея (проявившийся как Кришна) предоставил высший объект поклонения для тех, для кого наиболее прямой путь к истине — это бхакти. Но первой попыткой нового бодхисаттвы выстроить религию, которой суждено было перешагнуть границы одной страны и

пойти в другие страны, следует считать христианство, в то время как его работа под именем Кришны предназначалась специально для Индии. Для тех, кто проникает за внешнее проявление к внутреннему и мистическому смыслу, будет иметь значение, что луч или тип, к которому принадлежат господь Будда, Бодхисаттва и наш учитель К. Х., является в особом смысле проявлением второго аспекта Солнечного Логоса — второго лица Святой Троицы.

Религия — предметная сторона этого аспекта; она действует не только изнутри, через сердца и умы её приверженцев, но также и извне, организуя возвышающие и утончающие влияния, которые постоянно действуют на разные их проводники. Храмы и церкви задумывались не просто как места поклонения, но и как центры магнетизма, через которые на окружающие их области могли изливаться духовные силы. Люди часто забывают, что даже великие должны исполнять свою работу, подчиняясь законам природы, и что им на самом деле приходится экономить свои силы, как только возможно, а потому делать всё, что необходимо, наилегчайшим из возможных способов.

Например, в данном случае, когда цель — обеспечить сияние духовной силы над определённой областью, неразборчиво изливать её повсюду, подобно дождю, было бы неэкономично, поскольку это потребовало бы одновременного совершения в миллионах разных мест чуда материализации, как бы для каждой капли по отдельности, и каждое потребовало бы значительных усилий. Гораздо проще было бы основать в некоторых точках определённые магнетические центры, где бы постоянно действовал механизм такой материализации, так что при излиянии лишь небольшой силы свыше она бы сразу распространялась по значительной области.

В ранних религиях это достигалось установлением сильно намагнетизированных центров, таких как образ или лингам в индуистских храмах, алтарь со священным огнём у парсов, или статуя Будды у буддистов. Когда каждый поклоняющийся появлялся перед одним из этих символов и изливал свою любовь или благодарность, он не только низводил на себя ответную силу, но и вызывал некоторое её излучение на окружающих, находившихся в пределах некоторого радиуса.

Основывая христианскую религию, Бодхисаттва предпринял новый эксперимент с целью обеспечить более основательное и эффективное распределение духовной силы, производящееся по меньшей мере раз в день. Тот факт, что эксперименты подобного рода *могут* предприниматься — что хотя великолепная система Иерархии неизменно зиждится на скале веков, тем не менее она даёт своим представителям столь много свободы — несомненно представляет глубочайший интерес. Он показывает нам, что организация, являющаяся самой предельно консервативной в мире, в то же время является удивительно либеральной, и что древнейшая форма правления является и самой гибкой и приспособляемой. И лишь в отношении высокого Главы Иерархии обретают полный смысл великие древние слова краткой молитвы Англиканской церкви — «В служении ему — совершенная свобода».

Пожалуй, понятнее всего будет, если для объяснения этой новой схемы я опишу, как я сам впервые смог увидеть кое-что из подробностей её работы. Но сначала я должен сказать несколько слов о нынешнем состоянии христианской церкви.

Та церковь, которую мы видим теперь — это лишь бедное представление того, что задумывал её Основатель. Первоначально у неё, как и у всех других религий, были свои высшие мистерии и три стадии — очищения, озарения и совершенства, через которые должны были пройти её дети. С изгнанием из церкви великих учёных гностиков как еретиков этот аспект истины был для неё потерян, и единственная идея, которую она ставит перед своими членами, и то не очень понятно — это представление о первой из этих трёх стадий. Ориген, один из величайших людей, которых когда-либо давала Церковь, очень ясно описал два типа христианства — телесное и духовное — говоря, что первое предназначалось лишь для того, чтобы привлечь невежественные массы, тогда как второе было для тех, кто знает. В наши дни церковь уже забыла эту истинно духовную и высшую сторону своего учения и занялась жалкими попытками объяснить, что у того низшего учения, которое и есть практически всё, что у неё осталось, так или иначе есть некая духовная сторона.

Христианская магия

Тем не менее, и несмотря на всё это, древняя магия, которая была установлена её Основателем, всё ещё работает и так же действенна, так что даже в эти дни своего упадка Церковь ещё находится под водительством и контролем. В священнодействиях, когда они правильно совершаются, ещё есть реальная и живая сила — сила самого Солнечного Логоса, — и она приходит через того, кого мы называем Учителем Иисусом, будучи таким образом в его особом ведении.

Это не он, а Христос, то есть Господь Майтрея, основал эту религию, но тем не менее, особая опека над христианством была передана в руки того, кто предоставил своё тело для работы его основателя. Вера в его личный интерес к христианской церкви почти умерла во многих её ответвлениях; её члены скорее думают о нём, как об Учителе, жившем две тысячи лет назад, чем как о деятельной силе сегодняшней церкви. Они забыли, что он всё ещё — живая сила, реальное присутствие, и поистине всегда с нами, даже до конца света,* как он сам сказал. Он не бог в идолопоклонническом смысле, но канал, через который божественная сила достигла многих миллионов — иерарх, возглавляющий отдел преданного служения в работе Христа.

* В русском синодальном переводе — «Я с вами во все дни до скончания века» (Матф. 28:20). — *Прим. пер.*

Церковь сильно отошла в сторону от первоначально намеченного для неё курса. Она должна была отвечать чаяниям всех типов людей, теперь же она отвечает на запросы лишь одного, и то очень несовершенно. Должно произойти восстановление этих связей, и поскольку интеллектуальная активность — знак

нашего времени и признак последней подрасы, интеллектуальное возрождение, проявляющее себя в высшем критицизме, целью своей имеет сделать религию способной отвечать потребностям другого типа ума. Если бы только священники и проповедники обладали преимуществом непосредственного знания, они были бы способны помогать своим народам в этом кризисе, направляя и ведя их интеллектуальную деятельность своим собственным знанием истины и поддерживая в сердцах своей паствы духовность, без которой любые интеллектуальные усилия бесплодны.

Церковь не только почти полностью забыла изначальную доктрину, которой учил её Основатель, но большинство её священников теперь имеют очень малое понятие об истинном смысле и силе обрядов, которые они должны совершать. Вполне вероятно, что Христос предвидел, что это может случиться, ибо он тщательно устроил всё так, что ритуалы должны действовать, даже если ни их исполнители, ни народ не обладают никаким интеллектуальным пониманием их методов или результатов. Будет трудно объяснить в общих чертах его план среднему христианину, но для теософа он окажется более понятен, потому что он уже знаком с некоторыми из общих идей, которые в нём применены.

Изучая теософию, мы часто слышим о великом резервуаре силы, который постоянно пополняется нирманаками с той целью, чтобы его содержание могло использоваться членами Иерархии адептов и их учениками в помощь эволюции человечества. Замысел Христа, осуществлённый им для своей религии, состоял в том, чтобы зарезервировать для неё нечто вроде отделения этого резервуара и образовать определённый корпус официальных лиц, которые были бы наделены полномочиями черпать из него при помощи особых церемоний, слов и знаков силы для духовного блага своих народов.

Метод, принятый для передачи этой власти, называется рукоположением, и тут нам сразу становится виден истинный смысл доктрины апостольского преемства, о которой было так много споров. Сам я, будучи священником англиканской церкви, сильно держался этой доктрины, но когда благодаря изучению теософии я стал лучше понимать религию и приобрёл более широкие взгляды на жизнь, я начал сомневаться в том, что эта преемственность в действительности так много значит, как полагали мы, приверженцы ритуалистической партии внутри церкви. Однако при глубоком изучении я был рад обнаружить, что у этой доктрины есть реальное основание, и что она значит даже много больше, чем когда-либо учили высшие из наших церковных школ.

Литургия

Впервые это привлекло моё внимание, когда я наблюдал эффект, производимый совершением литургии в католической церкви в маленькой деревушке в Сицилии. Те, кому знаком этот красивейший из островов, поймут, что не встретятся там с самой интеллектуальной из форм римско-католической церкви, и ни священника, ни людей из его паствы нельзя было назвать особенно высоко развитыми, и всё же

совершенно обычное совершение литургии было великолепной демонстрацией применения оккультных сил.

В момент освящения даров они просияли ослепительно ярко, для глаза ясновидящего это было настоящим солнцем, а когда священник поднял их над головами паствы, я заметил, что из них изливалось две ясно различимых разновидности духовной силы, которые, пожалуй, можно было бы грубо сравнить с лучами солнца и протуберанцами его короны. Первая равномерно излучалась во всех направлениях, достигая всех присутствовавших в церкви; в действительности она проникала сквозь стены церкви, как будто их и не было, и оказывала влияние на значительную часть окружающей страны.

Эта сила имела характер сильного стимула, и её действие сильнее всего было в мире интуиции, хотя оно было чрезвычайно мощным также и на трёх высших подпланах ментального мира. Её деятельность также хорошо была заметна и в трёх высших подразделениях астрального плана, но это было отражением с ментального плана, или, возможно, эффект, вызванный резонансными колебаниями. Её влияние на людей, попавших в радиус её действия, было пропорционально их развитию. В очень немногих случаях (когда уже имело место некоторое развитие интуиции) она действовала как мощный стимулятор, временно удваивая или утраивая деятельность в этих интуитивных телах и сияние, которое они были способны испускать. Но поскольку у большинства людей материя проводника интуиции пока что является полностью спящей, основной эффект производился на каузальные тела тамошних обитателей.

У большинства из них, опять же, эти тела были частично пробуждены и отзывчивы лишь когда дело касалось третьего подплана ментального мира, а потому они упускали многие из преимуществ, которые получили бы, будь у них в полной активности более высокие подразделения каузальных тел. Но так или иначе, все без исключения «я», оказавшиеся в пределах досягаемости, получили от этого священнодействия отчётливый импульс и определённые преимущества, как бы мало они ни знали о том, что было совершено, и как бы мало ни проявляли к этому внимания.

Астральные вибрации тоже, хотя и намного слабее, производили далекоидущий эффект, поскольку по крайней мере уж астральные тела у сицилийцев обычно бывают основательно развиты, так что вовсе нетрудно пробудить их эмоции. Многие люди, находящиеся далеко от церкви, идя по деревенской улице или занимаясь своими разнообразными делами на уединённых склонах холмов, почувствовали на мгновение благоговейный трепет или порыв любви, когда по местности проходила эта волна духовного мира и силы, хотя определённо им никогда и не снилось, что это связано с мессой, совершаемой в их небольшом храме.

Сразу же становится очевидно, что мы встречаемся тут с грандиозной и далекоидущей схемой. Ясно, что одна из великих целей, и возможно, главная цель ежедневной мессы состоит в том, чтобы всякий, кто оказался в пределах досягаемости, каждый день получал один из этих электрических импульсов, столь хорошо рассчитанных, что способствующих любому росту, на который он

способен. Такое излияние силы несёт каждому то, что он сам способен принять, и даже совершенно неразвитый и невежественный человек не может не стать чуть лучше благодаря мимолётному касанию благородных чувств, тогда как для тех немногих, кто продвинулся больше, оно означает духовный подъём, ценность которого было бы трудно переоценить.

Я сказал, что был и другой эффект, который я сравнил с протуберанцами в солнечной короне. Свет, который я только что описал, без различия изливался на всех — на праведных и неправедных, на верующих и насмехающихся. Но эта вторая сила вызывалась к действию только в ответ на сильные религиозные чувства со стороны отдельного человека. При освящении даров все члены паствы простираются — некоторые, по всей видимости, просто в силу привычки, но некоторые и из сильных благоговейных чувств.

Эффект, наблюдаемый ясновидящим, был весьма поразительным и глубоко впечатляющим, ведь к каждому из этих последних из поднятых даров устремлялся огненный луч, заставлявший высшие части их астральных тел сиять сильнейшим экстазом. Через астральное тело, по причине тесного соотношения с ним, подвергался сильному воздействию и проводник интуиции, и хотя нельзя было сказать, что у кого-нибудь из этих крестьян он был как-либо пробуждён, его рост внутри оболочки несомненно определённо стимулировался, и его способность инстинктивно влиять на астральное тело улучшалась. Ведь хотя сознательно формировать и направлять астральное тело может лишь пробуждённая интуиция, огромный запас силы есть даже в самом неразвитом интуитивном проводнике, и она светит на астральное тело и сияет через него, хотя бы это делалось бессознательно и автоматически.

Естественно, я очень сильно заинтересовался этим феноменом, и стал посещать разные службы в разных церквях, чтобы выяснить, всегда ли виденное мною проявляется неизменно, а если меняется, то когда и при каких условиях. Я обнаружил, что каждый раз достигались те же результаты, и всегда наблюдались две силы, которые я попытался описать — первая, по-видимому, без всяких заметных вариаций, тогда как проявление второй зависело от количества по-настоящему набожных людей среди прихожан.

Но поднятие даров сразу же после их освящения было не единственным случаем, когда это проявление силы имело место. Когда давалось благословение евхаристии, случалось в точности то же самое. Несколько раз я следовал за процессией, когда святые дары проносили по улицам, и каждый раз, когда делалась остановка у какой-нибудь полуразрушенной церкви и с её ступеней давалось благословение, производилось точно такое же двойное проявление. Я заметил, что дары, оставленные на алтаре в церкви, весь день равномерно испускали эти два влияния, хотя и не так сильно, как в момент поднятия или благословения. Можно сказать, что с алтаря непрестанно сиял свет, но в эти моменты особых усилий он вспыхивал, как солнце. Действие второй силы, второго луча света, можно было также вызвать из даров, сохранённых на алтаре, хотя мне показалось, что оно было несколько менее живым, чем излияние, происходившее сразу после освящения.

Всё, связанное со святыми дарами — дарохранительница, дароносица, сам алтарь, облачение священника, мантилья,* потир и дискос — все они сильно заряжены огромным магнетизмом, и все его излучают — каждый в своей степени.

* Мантилья, или покров — шёлковое полотнище, набрасываемое подобно накидке на плечи и руки священника таким образом, чтобы его руки не касались непосредственно освящаемых даров. Применяется только в католической церкви. — *Прим. пер.*

Третий эффект — это производимый при святом причастии. Всякий, кто принимает в своё тело часть этого сияющего центра, из которого истекают свет и огонь, сам временно становится подобным центром и в свою очередь излучает силу. Мощные волны силы, с которыми он таким образом вошёл в самый тесный контакт, какой только возможен, не могут не оказать серьёзного влияния на его высшие тела. На время эти волны поднимают его вибрации, приводя их в гармонию с собой, тем производя ощущение сильного подъёма. Однако, это является для разных его проводников значительным напряжением, которое, естественно, склонно постепенно спадать до их обычных частот. Это неопишимо живое высшее влияние долго борется с этой тенденцией к замедлению, но мёртвый вес сравнительно большой массы собственных обычных колебаний человека оказывается тормозом даже для этой огромной энергии и постепенно снижает колебания до общего уровня. Но каждый такой опыт несомненно делает человека на бесконечно малую часть выше, чем он был раньше. Несколько мгновений или даже часов он был в непосредственном контакте с силами вселенной, которые намного выше, чем все те, с которыми он, не будь этого, мог бы соприкоснуться сам.

Естественно, что увидев всё это, я перешёл к дальнейшим исследованиям, чтобы выяснить, как на это излияние силы влияют характер, знания или намерения священника. И результаты исследования множества случаев я могу кратко суммировать в двух или трёх аксиомах, которые несомненно с первого взгляда многим из моих читателей покажутся странными.

Рукоположение

Во-первых, лишь те священники, которые были должным образом рукоположены и имеют апостольскую преемственность, могут вообще добиваться этого результата. Другие люди, не будучи частью этой церковной организации, не могут этого совершить, как бы набожны, благи и святы они ни были. Во-вторых, ни характер священника, ни его знания, ни даже невежество относительно того, что же он в действительности делает, вообще никоим образом не влияют на результат.

Если задуматься над этим, то ни одно из этих заявлений не должно показаться ни в коей мере поразительным, поскольку очевидно, что это вопрос способности совершать определённое действие, и только те, кто прошли через определённую церемонию, получили дар способности его совершать. Точно так же, чтобы быть в состоянии говорить с какой-то группой людей, нужно знать их язык, и человек,

этого языка не знающий, не сможет общаться с ними, каким бы благим, искренним и преданным он ни был. Также его способность общения с ними не зависит от его личного характера, а лишь от того, обладает он или нет способностью говорить с ними, которой его наделяет знание их языка. Я вовсе не хочу сказать, что эти прочие обстоятельства не имеют своего должного эффекта, и я скажу о нём позже, но я имею в виду, что никто не может черпать из этого конкретного запаса, если он не наделён властью делать это, которая даётся через рукоположение, даваемое согласно указанию, оставленному Христом.

Я думаю, что можно увидеть очень вескую причину, почему это было устроено именно так. Нужен был некий план, который бы делал великолепное изливание силы доступным каждому одновременно в тысячах церквей по всему миру. Я не говорю, что для человека исключительной силы и святости невозможно силой своей преданности низвести количество высшей силы, соизмеримое с той, что получается путём описанных мною ритуалов. Но люди такой исключительной силы всегда очень редки, и в любой период мировой истории никогда нельзя было одновременно найти достаточное их количество, чтобы наполнить хотя бы тысячную часть мест, где они были нужны. Здесь же мы имеем план, который устроен в определённой мере механически — установлено, что определённое действие, выполняемое должным образом, станет признанным методом низведения силы, и это может делаться после сравнительно небольшой подготовки всяким, кому передана эта власть. Чтобы качать воду, нужен сильный человек, но кран может отвернуть и ребёнок. Требуется сильный человек, чтобы сделать дверь и установить её, но когда она уже на петлях, любой ребёнок может её открыть.

Будучи сам священником англиканской церкви, и зная, сколь острыми были споры о том, действительно ли эта церковь обладает апостольским преемством, я, естественно, заинтересовался и захотел выяснить, владеют ли её священники этой силой. И я был весьма доволен, обнаружив, что они ею владеют, и полагаю, что мы можем считать это явным разрешением столь много обсуждавшегося «вопроса Паркера», а с ним и всей дискуссии об аутентичности орденов англиканской церкви. Вскоре, в ходе дальнейших исследований, я обнаружил, что священники образований, которые обычно называют дробящимися сектами, этой силой не обладают, какими бы благими и искренними они ни были. Их благодать и искренность производили множество других эффектов, которые я вскоре опишу, но их попытки *не* извлекали силы из того конкретного запаса, о котором я упоминал.

Особенно меня заинтересовал случай одного такого священника, которого я лично знал как хорошего и преданного человека, а также хорошо начитанного теософа. Это был человек, который гораздо больше знал об истинном смысле ритуала освящения, чем 999 из тысячи священников, которые постоянно его совершают, и всё же я был вынужден признать, что лучшие его усилия не производили этого конкретного эффекта, тогда как у других это несомненно получалось. (Опять же, повторяю, что конечно же он совершал многое, чего они не делали — о чём скажу вскоре). Поначалу это меня несколько удивило, но скоро я увидел, что иначе и быть не могло. Представьте, например, что некий богатый масон оставил в наследство некоторую сумму денег для раздачи среди своих более бедных братьев. Закон никогда не допустит распределения этих денег среди тех, кто не является

масонами, для которых они предназначены, и тот факт, что эти другие люди вне масонства могут оказаться более благочестивыми или заслуживающими этих денег, не будет иметь здесь ни малейшего веса.

Другой момент, который меня очень интересовал, состоял в том, чтобы выяснить, в какой степени на производимый результат влияет намерение священника, если влияет вообще. В католической церкви я видел множество священников, которые проделывали обряд несколько механически, как ежедневную обязанность, без всяких определённых мыслей о предмете; но будь то от глубоко внедрившегося благоговения или от долгой привычки, они прямо перед моментом освящения, похоже, всегда приходили в себя и совершали этот акт с определённым намерением.

Англиканская церковь

Затем я обратился к той части англиканской церкви, которую называют «низшей», потому что знал, что многие из её приверженцев всецело отрицают имя священника, и хотя производя акт освящения, они могут полностью следовать уставу, их отношение к этому могло быть точно таким же, как и у священников различных сект вне Церкви. И всё же я обнаружил, что они могли совершать и совершали этот эффект, тогда как стоящие вне Церкви не могли. Из этого я сделал вывод, что «намерение», о котором всегда говорят как о необходимом — это не более, чем намерение делать всё, что велит Церковь, и не относится к личному мнению конкретного священника о смысле этого. Я не сомневаюсь, что многие подумают, что всё это должно было быть устроено совсем иначе, но я могу лишь искренне сообщить открывшийся мне при исследованиях факт.

Сказанное мною ни в коем случае не следует понимать так, что преданность и искренность, знания и благой характер священника не имеют никакого значения. Они имеют огромное значение, но вот на способность черпать из этого конкретного резервуара они никак не влияют. Когда священник является искренним и благоговейным, все его чувства излучаются на его паству и вызывают подобные же чувства у тех, кто на них способен. Его религиозные чувства также вызывают неизбежный отклик, как показано на иллюстрации в нашей книге «Мыслеформы», и это ответное излияние силы приносит пользу и его пастве, равно как и ему самому. Таким образом, можно сказать, что священник, который отдаёт своему служению душу и сердце, несёт своей пастве двойное благословение, хотя этот второй тип влияния едва ли можно считать имеющим тот же порядок величины, как первый. Это второе излияние, которое низводится самой преданностью и благоговейностью, конечно же можно встретить вне Церкви столь же часто, как и внутри неё.

Ещё один фактор, который следует учитывать, это чувства прихожан. Если их чувства почтительны и благоговейны, это оказывает огромную помощь их наставнику и в огромной степени увеличивает количество духовной энергии, изливаемой свыше в ответ на преданную любовь. Их средний интеллектуальный уровень тоже является фактором, который надо учитывать, поскольку человек,

который не только набожен, но и разумен, несёт в себе благоговение более высокого порядка, чем его более невежественный брат, и потому способен вызвать более полный отклик. С другой стороны, во многих местах поклонения, где много делается для упражнения интеллектуальных способностей, и например, главной считается не служба, а проповедь, редко можно встретить настоящее благоговение, а его место занимает отвратительный дух критицизма и духовной гордыни, который эффективно мешает несчастным прихожанам получать какие-либо хорошие результаты от того, что они считают духовными упражнениями.

Чувство преданности или беспечность, вера или скептицизм собравшихся не вносят никакой разницы в поток, идущий свыше, если службу проводит священник, имеющий требуемые полномочия черпать из предназначенного для этого резервуара. Но естественно, эти факторы вносят разницу в количество лучей, исходящих от освящённых даров, и таким образом, в общую атмосферу церкви.

Музыка

Ещё одним очень важным фактором является эффект, производимый музыкой, используемой в ходе службы. Читавшие «Мыслеформы» вспомнят изображения поразительных ментальных, астральных и эфирных сооружений, которые выстраиваются под влиянием звука. Общее действие звука — это вопрос, за который я возьмусь в другой главе, а здесь коснусь лишь той его стороны, которая относится к церковным службам.

Ведь существует ещё одно направление, в котором эти службы способны производить удивительный и мощный эффект, и о котором не подозревает большинство участвующих в них. Благоговение Церкви всегда было сосредоточено в основном вокруг литургии, как акта самого высокого и чистого восхищения и поклонения, которое только возможно, и потому самые возвышенные усилия её величайших композиторов также были связаны с этой службой. Здесь мы можем видеть ещё один пример того, с какой мудростью всё это было первоначально устроено, а также пример полнейшей глупости тех, кто столь бестолково пытается внести в это «улучшения».

Мыслеформы

Каждая из великих церковных служб (а особенно — празднование евхаристии) изначально была спланирована так, чтобы выстраивать мощную и упорядоченную форму, выражающую и окружающую центральную идею — форму, которая должна облегчать и направлять излучение влияния на всё селение, окружающее церковь. Можно сказать, что замысел здесь двойной — принять и распределить великое излияние духовной силы, а также собрать любящую преданность людей и предложить её перед престолом Бога.

В случае литургии, как она совершается в католической или православной церкви, разные части службы сгруппированы вокруг центрального акта освящения с таким расчётом, чтобы обеспечивалась симметрия создаваемой при этом огромной формы, и на молящихся оказывался непосредственный эффект. Изменения, сделанные в Англиканском Молитвеннике в 1552 году, были, очевидно, работой людей невежественных относительно этой части вопроса, поскольку они полностью эту симметрию нарушили, что является одной из причин крайней желательности того, чтобы Англиканская Церковь так скоро, как это возможно, добилась бы позволения использовать в качестве альтернативы мессу короля Эдварда VI согласно молитвеннику 1549 г.

Одним из самых важных эффектов, производимых церковной службой как на самих прихожан, так и на окружающую область, всегда было создание этих прекрасных и благоговейных мыслеформ, через которые излияние силы из высших миров может происходить гораздо легче. Они получаются лучше и их эффективность повышается, если значительная часть принимающих участие в службе делают это с разумным пониманием, но даже когда их преданность невежественна, результат всё равно выходит прекрасным и возвышающим.

Большинство сект, которым несчастливо откололось от Церкви, полностью потеряли из виду эту внутреннюю и более важную сторону публичных служб. Идея служения Богу почти исчезла, и её место в значительной мере занято фанатичным проповедованием узких богословских догм, которые всегда бывают маловажными, а зачастую и смехотворными. Читатели иногда выражали удивление по поводу того, что пишущие с оккультной точки зрения столь явно высказываются в пользу практик Церкви по сравнению с практиками разнообразных сект, обладающих мышлением во многих отношениях более либеральным. Причина тут как раз в том, что они учитывают ту самую внутреннюю сторону вещей, которой мы сейчас заняты.

Исучающий оккультизм полностью признаёт ценность усилий, сделавших возможными свободу мысли и свободу совести, но он не может не видеть, что те, кто отбрасывают прочь великолепные древние формы и службы Церкви, тем самым теряют почти всю оккультную сторону своей религии, делая из неё нечто по сути эгоистичное и ограниченное, сосредоточенное в основном на «личном спасении» вместо благодарного служения Богу, которое само по себе — неиссякаемый источник, через который божественная любовь изливается на всех.

Достижение свободы мысли было необходимым шагом в процессе человеческой эволюции, но тем, как неуклюже и жестоко это было сделано, а также глупым бросанием в крайности, в которые завело её предводителей грубое невежество, было порождено много прискорбных последствий, наблюдающихся в наши дни. Та же дикая и безумная страсть к разрушению, которая заставляла жестоких солдат Кромвеля разбивать бесценные статуи и невозстановимое цветное стекло, лишила нас также и ценного эффекта, производимого в высших мирах постоянными молитвами за умерших и почитанием святых и ангелов, которое практически всемирно распространено в народе. Тогда огромная масса народа была религиозной, пусть и невежественно религиозной; теперь же она неприкрыто или даже хвастливо нерелигиозна. Возможно, эта переходная стадия является

необходимой, но вряд ли сама по себе она может считаться прекрасной или хотя бы удовлетворительной.

Эффект благоговения

Никакая другая служба не производит эффекта, вообще сравнимого со служением литургии, но огромные музыкальные формы могут, конечно же, появляться на всякой службе, где используется музыка. На всех других службах (кроме, конечно же, католического благословения святой евхаристии) создаваемые мыслеформы и общая польза в огромной степени зависят от благоговения народа. Однако благоговение, будь то индивидуальное или коллективное, сильно разнится по качеству. Например, благоговение примитивного дикаря обычно сильно смешано со страхом, и главная связанная с ним мысль в его уме — умиловать божество, которое иначе может ему отомстить. Но немногим лучше этого и значительная часть благоговения людей, которые считают себя цивилизованными, поскольку оно представляет собой нечто вроде грязной сделки — божеству предлагают некоторое количество преданности, если оно со своей стороны предоставит некоторую помощь или защиту.

Такая преданность, будучи по своей природе полностью эгоистичной и корыстной, производит результаты лишь в низших типах астральной материи, причём во многих случаях результаты весьма неприглядные. Мыслеформы, создаваемые такими людьми, часто выглядят подобно абордажным крюкам, и действующие в них силы всегда движутся по замкнутым кривым, производя отдачу лишь на человека, который их посылает, и возвращая ему любые малые результаты, которых они способны достичь. Истинное, чистое, бескорыстное благоговение — это выброс чувства, которое никогда само не возвращается к пославшему его человеку, но составляет поистине космическую силу, производящую широкие результаты в высших мирах.

Хотя сама сила никогда не возвращается, породивший её человек становится центром нисхождения божественной энергии, приходящей в ответ, и тем своим деянием любви поистине благословляет себя, хотя в то же время он благословляет и многих других, а в добавление к этому удостоивается несравненной чести внести свой вклад в могущественный резервуар нирманакай. Те, у кого есть наша книга «Мыслеформы», могут посмотреть в ней попытку изобразить устремляющийся вверх великолепный голубой шпиль, созданный благоговением такого рода, и легко поймут, как оно открывает путь к определённому излиянию божественной силы Солнечного Логоса.

Он изливает свою чудесную жизненную энергию на каждом уровне каждого из планов, и естественно, что излияние, принадлежащее более высокому миру, сильнее, полнее, и менее ограничено, чем то, которое предназначено миру, лежащему ниже. Обычно каждая волна этой великой силы действует только в своём собственном мире и не проходит с одного плана на другой, или не может пройти, но как раз благодаря бескорыстной мысли и чувству, будь то благоговение или любовь, обеспечивается временный канал, через который сила, обычно

принадлежащая более высокому миру, *может* спуститься в более низкий и произвести там результаты, которые без неё никогда бы не произошли.

Каждый человек, который по-настоящему бескорыстен, часто делает себя подобным каналом, хотя конечно же в сравнительно небольшом масштабе; но мощное действие преданности большого собрания, когда оно действительно едино и не имеет никаких мыслей о себе, производит тот же результат в масштабе в огромной степени большем. Иногда, хотя и редко, эту оккультную сторону религиозных служб можно наблюдать в полном действии, и никто из тех, кто хоть раз удостоивался привилегии видеть такое великолепное проявление, и ни на мгновение не усомнится в том, что скрытая сторона церковной службы имеет важность бесконечно большую, чем всё сугубо физическое.

Такой человек увидел бы сияющую голубую спираль или шпиль из астральной материи высшего типа, рвущийся вверх, в небо, намного выше того его каменного образа, который иногда венчает само здание на физическом плане, где собираются поклоняющиеся. Он увидел бы ослепительное великолепие, которое изливается через него вниз и разливается огромным морем живого света по всей округе. Естественно, диаметр и высота шпиля преданности и определяют ту степень, в какой открывается канал для нисхождения высшей жизни, тогда как сила, выражающаяся в той скорости, в которой возносится благоговейная энергия, соотносится со скоростью поступления этой жизни, приливающей в ответ. Зрелище это поистине удивительное, и всякий видевший его никогда больше не усомнится, что невидимые влияния гораздо больше видимых, и не сможет не осознать, что мир, идущий своим путём и не замечающий благоговейного человека, или даже насмехающийся над ним, оказывается у него в гораздо большем долгу, чем может полагать.

Помимо празднования евхаристии, власть рукоположенного священника проявляется и в других церемониях. Освящение воды при обряде крещения, или для раздачи верующим и для того, чтобы держать её при входе в церковь, наделяет её сильным влиянием, которое в каждом случае позволяет ей исполнить предназначенную ей роль. То же самое верно и для других освящений и благословений, входящих в регулярные обязанности священника, хотя во многих из них, похоже, роль непосредственного магнетизма самого священника несколько больше, что конечно же зависит от энергии и искренности, с которой он выполняет свою роль в обряде.

Святая вода

Может оказаться интересным изучить скрытую сторону некоторых меньших обрядов церкви и работу, совершаемую её священниками. Например, в процессе освящения воды очень силён месмерический элемент. Сначала священник берёт чистую воду и чистую соль, а затем демагнетизирует их, чтобы удалить из них все внешние влияния, которыми они могли быть случайно проникнуты. Основательно очистив их, затем он заряжает их духовной силой, каждую по отдельности,

серьёзно и многократно, а затем, с ещё более горячими молитвами, он бросает соль в воду в форме креста, и на этом операция завершается.

Если эта церемония проведена правильно и аккуратно, полученная вода становится очень эффективным оберегом для тех особых целей, для которых она заряжалась — от человека, который пользуется ею, она будет отгонять все мирские и воинственные мысли и обратит его к чистоте и благоговейности. Изучающий оккультизм легко поймёт, как это получается, и видя астральным зрением разряд высшей силы, происходящий, когда кто-либо окропляет что-то святой водой или иначе применяет её, он без труда осознает, что она должна быть мощным средством, удаляющим нежелательные мысли и чувства и успокаивающим все беспорядочные вибрации астрального и ментального тел.

Духовная сила протекает каждый раз, когда священник совершает свою работу, но он может сделать значительное добавление к ней огнём своего благоговения и ясностью осознания того, что он совершает.

Крещение

У обряда крещения, как он совершался изначально, была реальная и прекрасная внутренняя сторона. В те древние времена вода специально магнетизировалась так, чтобы её вибрации оказали воздействие на высшие проводники, и все зародыши хороших качеств в несформировавшихся ещё астральном и ментальном телах ребёнка получили хороший стимул, тогда как зародыши злого были изолированы и заглушены. Основной идеей тут, несомненно, было воспользоваться этой ранней возможностью поспособствовать росту зачатков хорошего, дабы их развитие могло опередить развитие плохих наклонностей — чтобы позже, когда последние начнут приносить плоды, хорошее было уже настолько развито, что сдерживание плохого оказалось бы сравнительно лёгким делом.

Это одна сторона обряда крещения, но есть у него ещё один аспект, и он сродни тому посвящению, к которому, как надеялись, молодой член Церкви направит свои стопы, когда подрастёт. Это освящение и посвящение нового набора проводников служению своей душе, чтобы они стали истинным её выражением, и Великому Белому Братству. Оно оказывало на эти новые проводники оккультное воздействие, и когда церемония совершалась правильно и осмысленно, то несомненно, её эффект был мощным.

Единство — это сила

Экономичность и эффективность всего плана Господа Майтреи по распространению духовной силы основывается на том, что через небольшую группу людей, духовно подготовленных к её принятию, можно легко распределить по миру гораздо большие силы, чем удалось бы сделать иначе без излишней

растраты энергии. В индусской схеме, например, каждый мужчина — сам себе домашний жрец, и потому приходится иметь дело с миллионами таких жрецов со всевозможным разнообразием в темпераменте и никоим образом специально не подготовленных. Система рукоположения священников даёт б`ольшую силу ограниченному количеству людей, специально выделенных для этой работы.

Этот принцип проводится и несколько дальше, и ещё более высокой властью наделяется ещё меньшее количество людей — епископы. Они сделаны каналами для той силы, которая и передаёт священнический сан, а значительно меньшее проявление той же силы сопровождает ритуал конфирмации. Скрытая сторона этих церемоний всегда представляет огромный интерес для того, кто изучает реальности жизни. К сожалению, сейчас во многих случаях все эти вещи становятся просто формальностями, и хотя это не лишает их действенности, всё же она сводится к минимуму. Но там, где эти древние формы применяются так, как это задумывалось изначально, невидимый их эффект вне всяких пропорций превосходит то, что видимо в физическом мире.

Освящение

Также лишь епископам даётся сила освящать церковь или подворье, и оккультная сторона этого представляет собой поистине прекрасное зрелище. Интересно наблюдать, как вырастает нечто вроде защитной стены, которую епископ выстраивает, обходя церковь и читая предписанные стихи и молитвы. Нужно отметить изгнание всяких обыкновенных мыслеформ, которые могли там оказаться, и замену их упорядоченными и благоговейными формами, вместившим для которых отныне должно стать это здание.

Колокола

Есть и много меньших освящений, представляющих огромный интерес — например освящение колоколов. Колокольный звон играет в рабочем плане Церкви определённую роль, которая в наше время, похоже, мало понимается. Согласно современным представлениям, колокола предназначены лишь для того, чтобы сзывать людей на службу, и несомненно, что в средние века, когда у людей не было часов, они исполняли именно это назначение. Из этого ограниченного видения назначения колоколов появилась идея, что для этой цели годится любой предмет, создающий громкий шум, и большинство английских городов поутру в воскресенье превращаются прямо-таки в чистилище от одновременного, но нестройного стука множества немзыкальных железяк.

Иногда мы признаём истинное использование колоколов, как например по большим праздникам или по поводам народной радости, ибо первоначальный план предполагал лишь гармоничный перезвон музыкальных колоколов, которые должны были оказывать двоякое влияние. Некоторые остатки этого, хотя понимаемые лишь наполовину, сохраняются в campanologie (науке о

колокольном звоне), и те, кому знакома радость от правильного исполнения trip-bob-major или grandsire-bob-cator*, вероятно, уже подготовлены к знанию о том, насколько уникально совершенны и великолепны создаваемые ими формы.

* Методы колокольных звонов, принятые в англиканской церкви (отличающиеся как от используемых в России, так и от применяемых в континентальной Европе), при которых используется группа из 8 и 9 колоколов соответственно. — *Прим. пер.*

Это и есть один из эффектов, который должен достигаться упорядоченным колокольным звоном. Цель здесь в том, чтобы запустить поток вновь и вновь точно повторяющихся музыкальных форм, и делается это для того же, для чего христианские монахи сотни раз повторяют «Аве Мария», северные буддисты значительную часть своей жизни читают мистическую мантру «Ом мани падме хум», а многие индусы проводят свою жизнь на фоне повторения имени Сита Рам.

Таким образом при звуках колоколов на астральных телах слушателей снова и снова запечатлевается определённая мыслеформа. Освящение колоколов имеет целью придать этим колебаниям, каковы бы они ни были, дополнительное качество. Другой порядок колокольного звона, естественно, даст другие формы, но каковы бы они ни были, они создаются вибрацией тех же колоколов, и если эти колокола с самого начала были сильно заряжены определённым типом магнетизма, каждая созданная ими форма будет нести с собой часть этого влияния. Это как если бы ветер, доносящий до нас отрывки музыки, в то же время приносил бы с нею тонкий аромат. Так что епископ, благословляющий колокола, делает это затем же, зачем он освящает воду — чтобы отовсюду, куда проникнет их звук, изгонялись все злые мысли и чувства, и везде преобладали благоговение и гармония. Это действительное употребление магии, и вполне действенное, когда маг делает свою работу правильно.

Алтарный колокольчик, в который звонят внутри церкви, в момент чтения Tensanctus (Свят, Свят, Свят...) или возношения даров, имеет другое назначение. В огромных соборах, которые воздвигала средневековая набожность, все молящиеся не могли слышать, что говорит священник во время служения мессы; так было даже до принятия нынешней системы так называемого «чтения в тайне». Потому в обязанностях служителя, находившегося возле алтаря и следившего за всеми действиями священника, было извещать таким образом прихожан о важных моментах богослужения.

Назначение колокольчика, в который часто звонят в индуистских или буддийских храмах, отличается от вышеупомянутого. Первоначальный замысел был прекрасным и альтруистическим. Когда кто-нибудь, совершая поклонение, произносил слова или делал приношение, в ответ на это приходило некоторое излияние духовной силы. Среди прочих предметов это заряжало и колокольчик, и намерение звонившего в него человека было в том, чтобы распространить это влияние, пока его вибрация ещё свежая и сильная, как можно шире — куда только достигает звук колокольчика. Боюсь, что теперь истинное значение этого забыто настолько, что на самом деле есть некоторые, кто верит, что это необходимо, чтобы привлечь внимание их божества!

Благоговения

Та же идея, осуществлённая иначе, проявляется в освящении благоговения, прежде чем его воскурят. Ведь благоговение всегда имеет двойное значение. Оно возносится перед Богом, как символ молитвы людей, но его аромат также распространяется по церкви как символ сладкого вкуса благословения божьего. Священник опять же вливает в него святое влияние, чтобы повсюду, куда сможет проникнуть аромат, малейшие частицы несли чувство мира и чистоты, изгоняя все негармоничные мысли и чувства.

Даже без благословения влияние благоговений благотворно, поскольку их тщательно составляют из смол, частоты колебаний которых находятся в полной гармонии с духовными и благоговейными вибрациями, но определённо враждебны почти ко всем другим. Магнетизация может усилить эти естественные свойства или добавить к ним другие особые колебания, но в любом случае использование благоговений в связи с религиозными церемониями всегда хорошо. Многими такими характеристиками обладает аромат сандалового дерева, а аромат чистого розового масла, хотя и совершенно другой по характеру, тоже даёт хороший эффект.

Ещё один в значительной мере новый момент, присутствующий в плане, приготовленном для Христианской Церкви её Основателем, — это огромная сила, заключённая в совместном синхронном действии. В индуистских или буддийских храмах каждый приходит, когда хочет, совершает своё небольшое приношение или возносит несколько слов хвалы и молитвы, а затем удаляется. Результат каждого такого усилия оказывается пропорционален энергии вложенного в него истинного чувства, и таким образом достигается довольно постоянный поток крохотных результатов, но там мы никогда не получаем мощного массового эффекта, достигаемого одновременными усилиями собрания сотен или тысяч верующих, или трогających сердца вибраций, сопровождающих пение какого-нибудь известного гимна, исполняемого при крестном ходе.

Участвуя в церковной службе, такой совместной работой мы достигаем четырёх отдельных целей. 1) Какой бы ни была призывная часть службы, к ней присоединяется множество людей, таким образом посылая огромную мыслеформу. 2) Соответственно большее количество силы притекает и стимулирует духовные способности людей. 3) Одновременные усилия синхронизируют колебания их тел, тем делая их более восприимчивыми. 4) Их внимание направляется к одной и той же цели, они работают вместе и тем друг друга стимулируют.

Службы по умершим

Сказанное мною ранее в этой главе объяснит одну особенность, которая часто превратно понимается теми, кто высмеивает Церковь — служение литургии с

особым намерением или ради какого-то умершего человека. Идея здесь в том, что этот человек получит пользу от излияния силы, вызванной по этому особому случаю, и он её несомненно получит, потому что сильные мысли о нём не могут не привлечь его внимания, и будучи привлечён в церковь таким образом, он примет участие в церемонии и получит значительную долю её результатов. Даже если он ещё находится в бессознательном состоянии, как иногда случается с недавно умершими, воля священника (или его искренняя молитва, что то же самое), направит поток силы на него. Такое усилие есть совершенно законный акт призывной магии, но к сожалению, сюда часто привносится совершенно незаконный и злой элемент путём взимания платы за это проявление оккультной силы, что является совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах.

Другие религии

Я попытался объяснить кое-что из внутреннего смысла обрядов христианской церкви, взяв их для примера, во-первых, потому что именно с ними я лучше всего знаком, а во-вторых, потому что они демонстрируют некоторые интересные особенности, которые в их современной форме можно назвать новыми идеями, введенными нашим нынешним буддизмом. Не следует полагать, что я выбрал христианские обряды, потому что считаю эту религию в каком-либо смысле лучшим выражением универсальной истины — тот факт, что будучи одним из её священников, я публично принял буддизм, ясно показывает, что моё мнение не таково.

В том, что касается самого учения, у христианства, пожалуй, больше недостатков, чем у любой другой из великих религий, кроме, возможно, ислама, в чём я, впрочем, сомневаюсь. Но произошло это не из-за какого-то небрежения со стороны первооснователя, которое помешало сделать его систему совершенным изложением истины, а потому что невежественное большинство ранних христиан к нашему глубокому сожалению изгнало из своих рядов великих учёных гностиков, оставшись из-за этого с печально урезанной и искажённой доктриной. Основатель, вероятно, предвидел возможность такой неудачи, потому что он снабдил свою церковь системой магии, которая могла продолжать действовать механически, даже если бы его последователи забыли многое из первоначального смысла того, чему он их учил. И именно той силой, что стоит за механическим отправлением обрядов, объясняется столь примечательная сила и власть, так долго сохраняемая церковью, которая в интеллектуальном плане своим последователям ничего не может предложить.

Потому люди других вероисповеданий не должны полагать, что я выражаю какое-то неуважение к их религиям тем, что выбрал для объяснения ту, с которой я лучше всего знаком. Изложенные мною общие принципы церемониальной магии одинаково верны для всех религий, и каждый может сам их приложить.

Разряды священства

Пожалуй, для своих индийских читателей я должен объяснить, что у христианского духовенства существует три сана — епископы, священники и дьяконы. Впервые человек рукополагается как дьякон, что практически означает степень вроде ученика или ассистента священника. Он не имеет ещё власти освящать дары, благословлять паству или отпускать грехи; однако, он может крестить детей (впрочем, в случае крайней необходимости это допускается даже мирянам). После года служения дьяконом он имеет право быть рукоположенным в священники, и это второе рукоположение собственно и даёт ему власть извлекать силу из того запаса, о котором я говорил. Тогда ему даются полномочия освящать дары и другие предметы, благословлять паству во имя Христа и провозглашать отпущение грехов. Епископ, в дополнение ко всему этому, может рукополагать других священников, поддерживая таким образом апостольское преемство. Он один имеет право распоряжаться ритуалом конфирмации и освящать церкви, то есть выделять их для служения Богу. Эти три степени — единственные, имеющие определённые отличия между собой и отделённые друг от друга рукоположениями, наделяющими той или иной властью. Вы можете слышать множество титулов, прилагаемых к христианскому духовенству — архиепископ, архидьякон, настоятель или каноник, но всё это наименования должностей, подразумевающие разницу в обязанностях, но не в сани в смысле наделения духовной властью.

Глава IX

ВЛИЯНИЕ ЗВУКОВ

Звук, цвет и форма

Мы рассмотрели влияния, исходящие от стен наших храмов и эффект совершаемых в них ритуалов; нам осталось ещё упомянуть скрытую сторону музыки, используемой в церковных службах.

Есть множество людей, сознающих, что звук всегда порождает цвет — что у всякой ноты, которая играет или поётся, есть обертоны, дающие световой эффект, который может видеть глаз, хотя бы чуть-чуть обладающий ясновидением. Не все, однако, знают, что звуки, подобно нашим мыслям, выстраивают также и форму. Тем не менее, это так. То, что звук порождает форму в физическом мире, давно показал опыт, при котором перед трубой, на которой исполнялась определённая нота, растягивалась мембрана, на которую насыпался мелкий песок или порошок ликоподия (плауна).

Таким образом было доказано, что всякий звук придавал песку определённый образ, причём одна и та же нота всегда давала тот же самый. Однако сейчас мы имеем дело не с теми формами, которые получаются этим способом, а с теми, что выстраиваются в эфирной, астральной и ментальной материи, сохраняясь там и

продолжая активное действие через долгое время после того, как сам звук отзвучал и затих для физических ушей.

Религиозная музыка

Давайте в качестве примера рассмотрим скрытую сторону исполнения музыкального произведения — допустим, игру на церковном органе. На физическом плане это производит впечатление на тех, у кого есть вкус к музыке — то есть тех, кто развил его в такой степени, что может понять её и оценить. Но многие люди из тех, кто не понимает её и не имеет специальных знаний в этой области, всё же сознают вполне явственный эффект, который она на них оказывает.

Ясновидящий исследователь вовсе не будет этим удивлён, ведь он знает, что всякая музыкальная пьеса, исполняемая на органе, во время исполнения постепенно выстраивает огромное сооружение в эфирной, астральной и ментальной материи, которое возвышается над органом намного выше крыши церкви, напоминая нечто вроде уступчатой горной цепи, которая вся состоит из великолепных ярких цветов, сияющих и переливающихся самым удивительным образом, подобно северному сиянию. Характер этой формы сильно разнится у разных композиторов. Увертюра Вагнера всегда создаёт величественное целое, набросанное великолепными пятнами живого цвета, будто он строил это из огненных гор; одна из фуг Баха выстраивает могучую упорядоченную форму, смелую, но точную, суровую, но симметричную, с пробегающими через неё параллельными серебряными, золотыми или рубиновыми ручейками, отмечающими поочерёдное появление разных музыкальных тем; а одна из «Песен без слов» Мендельсона создаёт красивое воздушное сооружение — нечто вроде замка филигранной серебряной работы.

В книге «Мыслеформы» можно найти три цветные иллюстрации, на которых мы попытались изобразить формы, создаваемые музыкой Мендельсона, Гуно и Вагнера соответственно, и я хотел бы отослать читателя к ним, поскольку это как раз один из тех случаев, когда совершенно невозможно представить себе вид формы, не видев её саму или хотя бы какое-то её изображение. Когда-нибудь можно будет выпустить книгу с исследованиями нескольких таких форм для их тщательного изучения и сравнения.* Очевидно, что изучение таких звуковых форм само по себе составляет отдельную науку, представляющую чрезвычайный интерес.

* Такая попытка была предпринята Джеффри Ходсоном в его книгах «Музыкальные формы» и «Ясновидческие исследования» (Geoffrey Hodson, «The Music Forms», «Clairvoyant Investigations»). — *Прим. пер.*

Эти формы, создаваемые исполнителями музыки, не следует путать с великолепными мыслеформами, созданными самими композиторами и являющимися выражением их музыки в высших мирах. Они являются творениями

великих умов, из которых они вышли, и часто сохраняются на многие годы, а иногда и на столетия, если композитор был настолько понят и оценен, что его первоначальный замысел был укреплен мыслями его поклонников. Таким же образом в высших мирах подобные великолепные сооружения, однако сильно отличающиеся по типу, строятся великими поэтами и писателями — это результаты замыслов поэм или идей, которые автор хочет предложить своим читателям. Таковы, например, великое представление чистилища и рая, созданное Данте, идея бессмертной трилогии Вагнера «Кольцо Нибелунгов» и концепция Раскина о том, каким должно быть искусство и из чего он хотел бы его составить.

Формы, созданные исполнением музыки, сохраняются в течение некоторого периода времени, варьирующегося от одного часа до трёх или четырёх, и всё это время они посылают излучения, которые несомненно оказывают благотворное влияние на каждую душу в радиусе почти километра, а то и более. Душа вовсе не обязательно знает об этом, да и влияние вовсе не одинаковое во всех случаях. Тем не менее, хотя и бессознательно, всякий человек, попавший под такое влияние, становится немножко лучше. Естественно, колебания распространяются гораздо дальше упомянутого радиуса, но на большем расстоянии они быстро ослабевают, а в условиях большого города тонут в суматохе вихревых потоков, наполняющих астральный мир в подобных местах. В тихой сельской местности среди полей и деревьев сооружение сохраняется намного дольше, а его влияние охватывает большую область. Те, кто может это видеть, могут иногда наблюдать толпы красивых природных духов, восхищающихся великолепными формами, построенными музыкой, и радостно купающихся в распространяемых ими волнах влияния. И это, несомненно, прекрасная идея, что всякий органист, который делает свою работу хорошо и вкладывает в исполнение всю душу, тем приносит гораздо больше блага, чем он знает, и помогает многим, кого он, возможно, никогда в своей жизни не видел и не знал.

Другой интересный момент, который можно в связи с этим отметить — это разница между сооружениями, которые строятся той же самой музыкой при исполнении на разных инструментах. Например формы, получаемые при исполнении одной пьесы на церковном органе, фортепиано, скрипичным квартетом или большим оркестром, выглядят по-разному. В этом случае, если музыка исполнена одинаково хорошо, сами формы тождественны, но вся их текстура оказывается совершенно различной. И естественно, что при исполнении скрипичным квартетом размер формы будет намного меньше, потому что меньше громкость звука. Форма, выстраиваемая фортепианным исполнением, часто получается несколько больше, чем от скрипок, но она бывает не столь точной в деталях, а её пропорции менее совершенны. И опять же, заметная разница в строении видна между формой, образуемой скрипичным соло и тем же соло, исполняемым на флейте.

Окружая эти формы и смешиваясь с ними, при этом однако совершенно отличаясь от них, плавают формы мыслей и чувств, созданные людьми, находящимися под влиянием музыки. Размер и живость этих форм зависит от того, насколько слушатели могут оценить музыку, и в какой мере они подвергаются её влиянию. Иногда форма, выстроенная возвышенным замыслом какого-нибудь мастера гармонии, одиноко блистает в своей красоте, оставаясь совершенно незамеченной

и невостробованной, потому что те умственные способности, которые есть у прихожан, полностью поглощены модными шляпками или денежными расчётами, тогда как цепь простых форм, созданных силой какого-то известного гимна, в некоторых случаях может оказаться почти скрытой за огромными голубыми облаками благоговейных чувств, вызванных им в сердцах поющих.

Ещё один фактор, определяющий вид сооружения, построенного музыкальной пьесой — это качество исполнения. Мыслеформа, оставшаяся висеть над церковью после исполнения хора «Аллилуйя», может точно и ясно показать, например, что басовое соло было вялым, или что какая-то из частей была исполнена заметно слабее, чем остальные, что в каждом случае проявится как очевидный дефект в симметрии или ясности формы. Естественно, есть виды музыки, создающие какие угодно, только не красивые формы, но даже они представляют интерес как объекты для изучения. Курьёзные разбитые образы, окружающие академию для девушек в час их музыкальной практики, если и не прекрасны, то по крайней мере примечательны и поучительны, а цепи, выбрасываемые кривыми и петлями, напоминающими лассо, создаваемые детьми, прилежно играющими гаммы и арпеджо, вовсе не лишены очарования, если в них нет разбитых или отсутствующих звеньев.

Пение

Песня в исполнении хора строит форму, в которой на серебряную нить мелодии на равном расстоянии нанизано множество бусин, размер которых зависит от силы хора, тогда как яркость и красота соединительной нити определяется голосом и выразительностью солиста, а та форма, в которую заплетается нить, зависит от характера самой мелодии. Огромный интерес представляют также вариации в металлической текстуре, задаваемые разными качествами голоса — контраст между сопрано и тенором, альтom и басом, а также разница между голосами мальчиков и женщин. Очень красиво также выглядит переплетение четырёх нитей, совершенно несхожих по цвету и строению, получающееся при многоголосном исполнении, или их упорядоченное, и всё же постоянно меняющееся параллельное движение при пении гимнов.

Выходной гимн строит серию прямоугольных форм, начерченных с математической точностью, которые следуют одна за другой в определённом порядке подобно цепям какой-то огромной цепи, а ещё больше они похожи (хотя это звучит не очень поэтично) на вагоны какого-то гигантского поезда, принадлежащего астральному миру. Весьма поразительна также разница между двумя типами церковного пения — между разбитыми, хотя и блестящими фрагментами англиканского и великолепным сияющим единообразием григорианского. Не лишён сходства с последним и эффект, производимый монотонным распеванием санскритских шлок индийскими пандитами.

Могут спросить, насколько влияют чувства самого музыканта на форму, возводимую его усилиями. Строго говоря, его чувства на музыкальную структуру вовсе не влияют. Если точность и блистательность его исполнения остаются теми

же, то для музыкальной формы всё равно, счастлив он или нет, весел или грустит. Его эмоции, естественно, создают вибрирующие формы в астральной материи, равно как и эмоции его слушателей, но они просто окружают огромный образ, выстроенный музыкой, и вовсе ему не мешают. Но вот его понимание музыки и исполнительское искусство проявляются в возводимом им сооружении. Бледное и сугубо механическое исполнение строит структуру, которой недостаёт цвета и светимости, хотя по форме она может быть точной. В сравнении с творением настоящего музыканта она производит курьёзное впечатление здания, построенного из дешёвых материалов. Чтобы достичь действительно великих результатов, исполнитель должен совершенно забыть о себе и полностью потеряться в музыке, на что может отважиться только гений.

Военная музыка

Мощный и воодушевляющий эффект, производимый военной музыкой, легко понятен ясновидящему, способному видеть длинный поток ритмично вибрирующих форм, оставляемых за собой оркестром, марширующим во главе колонны. Не только регулярный ритм этих колебаний способствует укреплению вибраций астральных тел солдат, усиливая их и приводя в унисон, но и сами формы излучают такую силу, храбрость и рвение, что подразделение, которое до этого казалось безнадёжно дезорганизовано усталостью, может быть так снова собрано вместе и ощутить заметное укрепление сил.

Поучительно посмотреть на механизм этого изменения. Человек, который сильно изнурён, в значительной мере потерял способность к координации. Центральная воля больше не может удерживать в единстве разные части тела и управлять ими; каждая физическая клетка жалуется, подавая свой отдельный голос протеста и крик боли. Эффект, оказываемый этим на другие проводники — эфирный, астральный и ментальный — оказывается таков, что устанавливается множество отдельных вихрей, каждый из которых колеблется со своей собственной частотой, так что все тела теряют своё сцепление и способность выполнять свою работу, то есть играть свою роль в жизни человека. Будучи доведено до предельной крайности, это будет означать смерть, но даже в меньшей степени это означает полную дезорганизацию и потерю способности заставить мышцы повиноваться воле. Когда на астральное тело, находящееся в таком состоянии, воздействует последовательность равномерных и мощных колебаний, такое воздействие на время занимает место силы воли, которая столь болезненно ослаблена. Волной музыки тела снова приводятся в синхронные колебания, тем давая силе воли возможность оправиться и снова принять руководство, которое она почти оставила.

Волны, посылаемые хорошей военной музыкой, столь замечательны и мощны, что у всех, кто марширует под неё, возникает ощущение определённого удовольствия, точно так же как зажигательная танцевальная музыка вызывает желание синхронно двигаться под неё. Тип инструментов, используемых в военных оркестрах, тоже сильно способствует этому эффекту, поскольку для этой цели

сила и резкость вибраций имеет очевидно большее значение, чем их изящество или способность выражать более тонкие чувства.

Звуки природы

Формы производятся не только упорядоченной последовательностью звуков, которую мы называем музыкой. Свой эффект есть у каждого звука в природе, и в некоторых случаях эти воздействия имеют самый примечательный характер. Величественные грозовые раскаты обычно создают гигантскую цветовую полосу, тогда как оглушительный громовой удар часто вызывает к временному существованию скопление беспорядочных излучений из одного центра, напоминающее взрыв бомбы, а иногда неправильную сферу с большими клиньями, выдающимися из неё во всех направлениях. Никогда не прекращающийся звук морского прибоя опоясывает все побережья Земли вечным пологом из волнистых, но параллельных линий красиво меняющегося цвета, которые при шторме вырастают до огромных горных цепей. Вызванный ветром шелест листьев в лесу покрывает лес красивой переливающейся сетью, которая постоянно поднимается и спадает нежными волнообразными движениями, напоминающими то, как колышется от ветра пшеница в поле.

Иногда это парящее над лесом облако прорывается кривыми линиями и петлями света, представляющими пение птиц, похожими на рассыпанные части серебряной цепи, мелодично звенящие в воздухе. Здесь бесконечное разнообразие их, от красивых золотых шаров, получающихся от нот птицы-колокольчика*, до аморфных масс грубой окраски, создаваемых криками попугая или ары. Рычание льва для тех, чьи глаза раскрыты, видно так же хорошо, как и слышно; в действительности, вовсе не невозможно, что некоторые из диких животных в какой-то мере обладают ясновидением, и устрашающий эффект этого звука может быть в значительной мере обязан излучениям, которые распространяются от порождённой им формы.

* Птица-колокольчик, или звонарь, — крупная птица отряда воробьиных. Встречается в Центральной и Южной Америке. — *Прим. пер.*

Бытовые звуки

Подобные же эффекты можно наблюдать и в домашней жизни — мурлычущая кошка окружает себя концентрическими розовыми плёнками, постоянно расширяющимися вовне, пока совсем не рассеются. Они распространяют влияние сонного удовлетворения и благополучия, которое склонно воспроизводиться и у окружающих людей. Лающая собака, напротив, выстреливает чётко очерченные остроконечные снаряды, которые ударяют в астральные тела тех, кто оказался по соседству, вызывая в них резкое потрясение. В этом и причина сильного нервного возбуждения, вызываемого постоянным лаем у чувствительных персон. Острое,

злое тавканье терьера раздражается серией форм, вовсе не непохожих на современные винтовочные пули, которые в разных направлениях пронзают астральное тело, тем серьёзно нарушая его функционирование, тогда как глубокий лай ищейки испускает ряд округлых форм, похожих на страусиные яйца или футбольные мячи, которые гораздо медленнее в своём движении и куда менее рассчитаны на поражение. Некоторые из этих собачьих снарядов протыкают, подобно шпаге, тогда как другие, более тупые, но тяжёлые, ударяют, подобно дубинке. Они очень разнятся по силе, но все вредны для ментальных и астральных тел.

Цвет этих снарядов обычно представляет собой какой-либо оттенок красного или коричневого, варьирующийся в зависимости от настроения собаки и высоты её голоса. Поучительно сравнить их с тупоконечными, неуклюжими формами, получающимися от мычания коровы — они часто бывают чем-то похожи на брёвна или куски древесных стволов. Стадо овец часто окружает себя многоконечным, но аморфным облаком звука, которое вовсе не лишено сходства с тем физическим облаком пыли, которое оно поднимает при движении. Воркование пары голубей выбрасывает сплошную последовательность изящных изогнутых форм, напоминающих перевернутую букву S.

Звуки человеческого голоса тоже создают свои результаты, которые часто сохраняются долгое время после того, как сами породившие их голоса стихли. Гневные выкрики бросаются вперёд, как алые копыта, а многие женщины окружают себя запутанной сетью твёрдых, коричнево-серых металлических линий из-за того, что беспрестанно поддерживают поток бессмысленной болтовни. Такая сеть пропускает сквозь себя лишь вибрации своего собственного низкого уровня, и это почти совершенный барьер против воздействия любых более высоких и прекрасных мыслей и чувств. Так что даже беглый взгляд на астральное тело болтуна является для изучающего оккультизм поразительным наглядным уроком и учит его добродетели говорить, лишь когда это необходимо или когда у него есть что сказать приятного или полезного.

Другое поучительное наблюдение — это сравнение форм, созданных разными видами смеха. Счастливый смех ребёнка фонтанирует розовыми кривыми, образуя нечто вроде зубчатого воздушного шара, радостного эпициклоида. Непрерывный глупый гогот создаёт взрывной эффект, исторгая неправильную массу, обычно коричневого или грязно-зелёного цвета — согласно преобладающему цвету ауры, из которой она исходит. Насмешливый хохот выбрасывает бесформенный снаряд тускло-красного цвета, обычно покрытый коричневатозелёными крапинками и ошетилившийся шипообразными острями. Постоянно повторяющиеся неискренние, показные смешки дают очень неприятный результат, окружая того, кто их издаёт, чем-то, по цвету и виду напоминающим лужу кипящей грязи. Нервное хихиканье школьницы часто запутывает её в неприятную, напоминающую водоросли сеть коричневых и тускло-жёлтых линий, тогда как добродушный, весёлый и искренний смех обычно излучает округлые формы золотого и зелёного цвета. Последствия, проистекающие от плохой привычки свистеть, также определённо неприятны. Будь этот свист мягким и действительно музыкальным, он создавал бы эффект, вовсе не непохожий на получающийся от маленькой флейты, но более острый и

металлический; но обычный немзыкальный свист лондонских уличных мальчишек посылает серию маленьких пронзительных грязно-коричневых снарядов.

Шумы

Повсюду вокруг нас создаётся огромное количество искусственных шумов (большинство из которых чрезвычайно отвратительно), ибо наша так называемая цивилизация несомненно является самой шумной из всех, какие только приходилось терпеть Земле. У этих шумов есть и своя невидимая сторона, хотя она редко бывает приятной для созерцания. Скрипучий свисток паровоза создаёт куда более мощный и далеко проникающий снаряд, чем даже собачий лай — в действительности, по ужасу своему его превосходит лишь визг парового гудка, который иногда применяют на фабриках, чтобы сзывать рабочих, или стрельба находящейся поблизости тяжёлой артиллерии. Паровозный свисток выстреливает настоящим мечом, наделённым разрушительной силой серьёзного удара электрическим током, и его воздействие на астральное тело, которому не повезло оказаться в пределах его досягаемости, вполне сравнимо с действием меча на физическое тело. К счастью для нас, астральная материя обладает многими из свойств жидкости, так что рана заживает через несколько минут; но вот эффект, произведённый этим потрясением на астральный организм, исчезает вовсе не так скоро.

Результат звука проносящегося поезда, который не гудит, нельзя назвать совсем уж некрасивым, так как жирные параллельные линии, создаваемые звуком движения, оказываются как бы расшиты чередующимися сферами или овалами, созданными пытением паровой машины; так что если смотреть на такой поезд издали, он оставляет за собой временный образ гигантской тесьмы с зубчатыми краями.

Стрельба современной тяжёлой артиллерии — это звуковые взрывы в той же мере, как и пороховые, и мощное излучение этих ударов в радиусе мили или около того оказывает очень серьёзный эффект на астральные тела и астральные потоки. Выстрел из винтовки или пистолета выбрасывает сноп небольших иголок, эффект которых тоже очень нежелателен.

Совершенно ясно, что всем, кто желает поддерживать свои астральные и ментальные проводники в полном порядке, следует избегать, насколько возможно, всех громких, резких или внезапных звуков. Это одна из многих причин, в силу которых ученику оккультизма следует избегать жить в шумных городах, поскольку их непрерывный рёв означает непрестанное ударное воздействие разрушительных вибраций на его проводники, и это, конечно, совершенно отдельно от более серьёзного воздействия низменных страстей и эмоций, делающего пребывание на главной улице похожим на жизнь возле канализационной канавы.

Никто из наблюдавших повторяющееся воздействие этих звуковых форм на чувствительное астральное тело не может сомневаться, что от этого должен последовать серьёзный постоянный результат, который не может не передаться в некоторой степени и физическим нервам. Это так серьёзно и так верно, что я уверен, что будь возможно иметь по этому вопросу точную статистику, то мы обнаружили бы, что у жителей улиц, мощёных гранитом, продолжительность жизни меньше, а процент нервных расстройств и случаев сумасшествия заметно больше, чем у тех, кто может пользоваться преимуществами асфальта. Ценность и даже необходимость тишины вовсе ещё недостаточно признаётся в современной жизни. Особенно мы игнорируем губительный эффект, производимый всем этим непрерывным шумом на пластичные астральные и ментальные тела детей. Тем не менее, он в значительной мере ответственен за многие из зол и слабостей, которые оказываются столь роковыми в их последующей жизни.

Существует ещё более высокая точка зрения, с которой все звуки природы сливаются в один могучий тон, ту самую ноту, которую китайские авторы называли *гун*, и у неё тоже есть своя форма — это невыразимый синтез всех форм, огромный и переменчивый, как море, и всё же, подобно морю, поддерживающий некий средний уровень, всепроникающий и всеобъемлющий. Эта нота представляет нашу Землю в музыке сфер — её форма образует наш лепесток, если рассматривать Солнечную Систему с того плана, где она видится подобной лотосу.

Глава X

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Расовые предрассудки

Когда происходит что-то такое, что не даёт нам точно сделать или сказать то, что нам хотелось бы, мы привыкли утешаться тем, что хотя бы в мыслях своих мы свободны. Но это лишь ещё одно из множества расхожих заблуждений. У среднего человека мысль вовсе не свободна — напротив, она обусловлена множеством мощных ограничений. Она ограничена предрассудками нации, религии и класса, к которым ему случилось принадлежать, и лишь решительными и долгими усилиями он может сбросить с себя гнёт всех этих влияний и действительно думать самостоятельно.

Эти ограничения действуют на него двояко — они видоизменяют его мнение о фактах и о действиях. Если сначала рассмотреть первое, то ничто он не видит так, как оно есть, но видит всё таким, каким это должно быть по мнению его соотечественников, единоверцев и представителей его сословия. Когда мы больше узнаём о других расах, то избавляемся от предвзятых представлений о них. Но нам достаточно лишь обернуться назад, во времена Наполеона, и мы сразу поймём, что ни один англичанин не мог тогда составить беспристрастное мнение о характере

этого примечательного человека. Английское общественное мнение сделало из него нечто вроде пугала, и не было такого злодеяния или ужаса, в которые не поверили бы, когда они приписывались ему. На самом деле, сомнительно, что простые люди вообще считали его человеческим существом.

Предубеждение против всего французского было тогда столь сильно, что сказать о человеке, что он француз, значило поверить в то, что он способен на любую мерзость; хотя нельзя не признать, что у тех, в чьей памяти ещё были свежи чудовищные преступления французской революции, для такого отношения было некоторое оправдание. События для них были ещё слишком близки, чтобы видеть их в верной пропорции, а поскольку отбросам парижских улиц удалось тогда сбросить правительство и погрузиться в кровавые оргии, создалось впечатление, что они представляют народ Франции. Легко видеть, как далеко от истины должно было находиться представление о французах среднего английского крестьянина того времени.

За прошедший после этого век в чувствах высших классов нашей страны произошла целая революция, и теперь мы от всего сердца восхищаемся нашими соседями, живущими через пролив от нас, потому что знаем о них намного больше. Но даже сейчас вовсе не исключено, что в отдалённых сельских местностях что-то от этого старого и сильно укоренившегося предрассудка может ещё сохраняться. Ведь в действительности ведущие страны мира пока что являются цивилизованными лишь частично, и тогда как более культурные классы готовы встретить иностранцев вежливо, вряд ли можно сказать то же самое о рабочих или шахтёрах. А в Европе всё ещё есть области, где еврея едва ли считают за человека.

Распространённые предрассудки

Вряд ли потребуется доказывать, что повсюду среди людей менее культурных предрассудки ещё очень сильны и крайне иррациональны; но даже нам, считающим себя уже выше предрассудков, всё равно надо быть настороже, чтобы бессознательно не позволить им влиять на нас. Сопrotивляться сильному популярному предубеждению — нелёгкое дело, и изучающий оккультизм сразу же поймёт, почему это так. Вся атмосфера полна мыслеформ и мысленных потоков, и прямо или косвенно они непрестанно воздействуют на каждого из нас. Склонность всякой мыслеформы — воспроизводить себя. Она заряжена определённой частотой вибрации, и в её природе — влиять на всякое ментальное и астральное тело, с которым она входит в контакт, в направлении той же самой вибрации.

Есть много вопросов, по которым общественное мнение разделено на равные части, как например, под каким углом носить шляпу, или каких надо придерживаться взглядов — либеральных или консервативных. Потому равнодействующая этих мыслей не склоняется ни к тому, ни к другому направлению, и можно сказать, что по таким вопросам мышление является сравнительно свободным. Но есть и другие темы, по которым в общественном мнении создалось подавляющее единомыслие, что приводит к такому сильному

давлению определённого набора колебаний на ментальное тело, что если человек не является необычайно сильным и уверенным, его увлечёт в общий поток. Даже если он достаточно силён, чтобы ему сопротивляться, и находится настороже, давление всё равно остаётся и его действие продолжается, так что стоит ему на мгновение ослабить свою бдительность, и он может обнаружить, что уже бессознательно им обработан.

Во втором томе «Внутренней жизни»* я объяснял, что у человека, который позволяет себе поддаться такому предрассудку по какому-либо предмету, происходит огрубение материи ментального тела в той части, через которую обычно проходят колебания, относящиеся к этой теме. Это действует на него двояким образом. Во-первых, он уже не может видеть этот предмет таким, каков он есть, поскольку колебания, которые должны были донести впечатление о нём, наталкиваются на эту «мозоль» на ментальном теле, и либо вообще не могут в него проникнуть, либо искажаются по пути так, что не могут передать истинную информацию. Во-вторых, человек не может верно мыслить относительно этого предмета, потому что та самая часть его ментального тела, которую он должен был для этого использовать, настолько затвердела, что уже совершенно недееспособна; так что единственным способом преодолеть эту пристрастность оказывается хирургическая операция на ментальном теле, полностью удаляющая эту бородавку, а потом — пристальное наблюдение за тем, не растёт ли она опять. Если не соблюдать такую бдительность, постоянное давление мысленных волн тысяч других людей вновь воспроизведёт её, и операция потребует внове.

* В сокращённом однотомном издании, переведённом на русский язык, это раздел III. — *Прим. пер.*

Политические предрассудки

Во многих частях страны присутствуют политические предубеждения в огромном количестве. Большинство людей в какой-либо местности придерживаются тех или иных взглядов (каких именно — не очень-то важно), и им бывает трудно представить, что члены противоположной партии вообще являются обычными человеческими существами. Они так уверены в своей точке зрения, что, похоже, думают, что всякий другой должен тоже её придерживаться, и что лишь из злого умысла их оппоненты притворяются, что придерживаются совершенно иной. Но обычно к своим собственным идеям они пришли не путём какого-то размышления или взвешивания двух политических линий, а просто унаследовали их, в точности как большинство наследует и религиозные убеждения. Почти во всякой стране с политикой связано столько возбуждения и неприятных чувств, что для изучающего оккультизм самым мудрым образом действий будет, насколько это возможно, не иметь дела с политикой вообще. Не то, чтобы он, если живёт в стране, где нужно голосовать, отказывался идти на выборы, как делают многие хорошие люди из-за массы коррупции, иногда окружающей политическую деятельность — если с такими делами связано много плохого, то каждый добропорядочный гражданин тем более должен воспользоваться правами,

которыми наделила его система (какой бы дурацкой сама по себе она ни была), в пользу того политического курса, который представляется ему более верным и благородным.

Оккультная теория правления и политики государства соответствует здравому смыслу. Управление страной — такое же дело, как управление фабрикой или школой. У страны есть много моментов сходства с большой общественной школой. Она существует в первую очередь для блага своего народа, и народ помещён в неё с целью обучения. Глава государства издаёт такие постановления, какие считает необходимыми для обеспечения его эффективности, и тут требуется дисциплина и исполнительность, иначе никакого прогресса не будет. Правитель подобен директору школы, и его работа — неусыпно присматривать за её благосостоянием, применяя все методы, что в его власти, чтобы сделать её лучшей из школ. Наше дело — не критиковать его, а подчиняться ему и искренне содействовать ему в проведении всех планов, которые он считает лучшими для блага страны в целом. Дело правительства — управлять, дело народа — быть хорошими, лояльными и законопослушными гражданами, делая задачу правительства легче.

Царь, думающий и действующий лишь в личных интересах или преследующий вымышленные цели, вместо того, чтобы действовать на благо страны, очевидно, не выполняет свою работу, но помните, что всякий, кто в политике преследует личный интерес, равным образом не выполняет *свой* долг гражданина. Что же до внешней формы правления, то почти всякую можно заставить работать удовлетворительно, если сами люди верны долгу и бескорыстно сотрудничают ради своей страны; но никакая форма правления, какой бы совершенной она ни была, не будет успешной, если люди эгоистичны и упрямы.

Религиозные предрассудки

Всё сказанное мною о расовых предрассудках верно и для предрассудков религиозных, которые в действительности во многих отношениях даже хуже, чем другие. Немногие люди сами выбирают свою религию; большинство из них рождаются в какой-то религии, точно так же, как они рождаются в нации, и у них нет обоснованной причины, чтобы предпочесть её любой другой форме веры. Но поскольку случилось так, что это их вера, они высокомерно считают, что она лучше всякой иной, и презирают тех других, чья карма привела их в немного иную среду. Именно из-за того, что эта пристрастность присутствует в атмосфере, а рядовой человек не может видеть давления общественного мнения, несправедливое суждение незаметно прокрадывается в его ум и кажется ему совершенно естественным и неотличимым от мнения, составленного им самим на каких-то разумных основаниях.

Потому нам необходимо постоянно осаживать себя и исследовать обоснованность мнений, которых мы придерживаемся. Так опасно легко плыть по течению и принимать готовые мнения других людей, вместо того, чтобы думать самостоятельно. «Почти каждый делает это, почему мне нельзя?» Таково чувство

среднего человека, и всё же, если мы хотим быть справедливыми ко всем и стремимся знать обо всём истину, как надлежит изучающим оккультизм, тогда мы должны любой ценой искоренить эти предрассудки и поддерживать постоянную бдительность, не допуская их возвращения. Окажется, что во многих отношениях мы расходимся с большинством, потому что мнение большинства часто несправедливо, необосновано и злонамеренно; но в конце концов мы должны были этого ожидать, потому что мы поставили перед собой высокий идеал, большинство пока что не привлекающий. Если мы по всем вопросам думаем и действуем так, как оно, тогда в каком же отношении мы поднялись над ним и как можем приблизиться к своей цели?

Классовые предрассудки

Но более коварны и незаметны, пожалуй, предрассудки классовые или кастовые. Ведь так приятно чувствовать, что мы от рождения и по роду своему чем-то лучше других, и что от другого человека нельзя ожидать хороших чувств или дел просто потому, что он надутый аристократ или, наоборот, пролетарий — как уж придётся. И здесь, как и в случае с другими предвзятыми концепциями, изучение скрытой стороны предмета покажет нам, что тут требуется больше знания и милосердия. Оккультист видит, что предрассудок — это закупорка мысленного потока, а потому необходимо расшевелить мысль, постараться узнать людей и понять их, и вскоре обнаружится, что с фундаментальной точки зрения разница между нами и ими невелика.

Того, что есть разные классы «я», из которых одни старше, а другие моложе, а потому невежественнее, отрицать невозможно, поскольку это факт природы, как показали наши исследования того порядка, в котором разные подразделения человечества прибывали из лунной цепи на земную. Но есть общая человечность, лежащая в основе всех классов, и к ней-то мы можем всегда обращаться с уверенностью, что получим некоторый отклик.

Те, кто ощущают уверенность, что принадлежат к высшему классу «я», должны доказать своё благородство большей терпимостью и великим милосердием к менее счастливым младшим представителям человечества; «положение обязывает», и если они действительно благородны, они должны действовать соответственно. Обычно предрассудки бывают настолько очевидно глупыми, что когда человек освобождается от какого-либо из них, он не может поверить, что когда-то действительно его разделял, и понять, как это его собратья, претендующие на обладание разумом, могут ему поддаваться. Так что здесь есть определённая опасность того, что он сам может в свою очередь стать нетерпимым — к чужой нетерпимости. Однако оккультист, который видит мощную совокупную мыслеформу и знает её почти непреодолимую силу и при этом — удивительное коварство в действии, прекрасно понимает, как трудно ей сопротивляться, и даже хотя бы настолько ускользнуть из этого рабства, чтобы осознать, что тут есть чему сопротивляться.

Общественные стандарты

К счастью, это почти непреодолимое давление общественного мнения не всегда направлено в неверную сторону. В некоторых направлениях оно основывается не на совокупном невежестве народа, но на его совокупном знании — на опыте прежних поколений. Общественное мнение несомненно право, осуждая грабёж и убийство; и страны, в которых общественное мнение ещё недостаточно продвинулось, чтобы ясно выразить своё суждение по этим вопросам, повсюду признаются отсталыми. В мире ещё есть сообщества, где закон и порядок только начинают существовать, а во всех спорах решающим фактором является сила; но такие страны общепризнанно считаются нежелательными местами для обитания и плетущимися в хвосте мирового прогресса.

Кроме убийства и грабежа есть и другие преступления, встречающие всеобщее осуждение во всех цивилизованных странах, и в их отношении давление общественного мнения направлено верно, удерживая те неустойчивые души, которые иначе думали бы лишь о своих собственных желаниях, а вовсе не об общественном благе.

Оккультист, видящий гораздо больше из того, что происходит в действительности, устанавливает себе куда более требовательный моральный кодекс, чем обычные люди. Многих из тех вещей, которые такие люди сделали бы и делают, не подумав дважды, оккультист не допустит ни под каким оправданием, поскольку он видит их последствия в других мирах, скрытых от менее развитых людей. Это общее правило, хотя то здесь, то там мы встречаем исключения, когда оккультист, понимающий случай, предпринимает шаги, на которые человек заурядный не отважился бы. Это происходит потому, что его действия основаны на знании, и он видит, что делает, тогда как другие действуют лишь согласно обычаю.

Великие законы нравственности универсальны, но временные и местные обычаи часто бывают просто смехотворны. Ещё есть много людей, для которых пойти на прогулку в воскресенье или сыграть партию в карты — ужасное преступление. По поводу таких ограничений оккультист только улыбнётся, хотя он будет осторожен, чтобы не ранить чувства тех, кому такие причудливые и неестественные правила кажутся вещами первостепенной важности. Но также во многих случаях высшее знание, полученное путём оккультных исследований, позволит ему увидеть истинный смысл тех правил, которые неверно понимаются другими.

Кастовые предрассудки

Хороший пример таких предрассудков можно видеть в связи с кастовыми обычаями Индии. Кастовая система была основана около десяти тысяч лет назад ману пятой коренной расы, когда он переселил основную её часть из Центральной Азии на равнины Индии. Это произошло уже после того, как остальные подрасы пятой расы были посланы заселять другие земли, и остаток основной части оказался мал в сравнении с миллионами, населявшими тогда Индостан. Волны иммиграции одна за другой вливались в страну, свободно смешиваясь с расой,

которая господствовала среди его прежних обитателей, и ману увидел, что если не предпринять определённых мер, возникал риск полной потери арийского типа, на создание которого было потрачено столько трудов. Потому он издал инструкции, разделявшие его народ на три типа, которые должны были сохранять свою идентичность, не вступая в браки между собой или с подчинёнными народами.

Это было единственным ограничением, которое на них накладывалось. Тем не менее, это простое и безобидное правило было превращено в систему железной твёрдости, которая в наше время на каждом шагу и на всех направлениях мешает прогрессу Индии как нации. Правило не вступать в браки было искажено и превращено в заповедь не водить знакомства с членами другой касты, не есть вместе с ними и не принимать от них еду. Кроме этого, три больших подразделения, сделанных ману, делились снова и снова, и сейчас налицо присутствие не трёх каст, а огромного множества, все из которых являются чужими друг для друга, не могут вступать в браки между собой, есть вместе, и смотрят на других свысока. И всё это несмотря на известный всем факт, что в писаных Законах Ману (хотя и содержащих много такого, чего он точно не говорил) совершенно чётко сказано, что человек более высокой касты *может* есть вместе с представителем низшей касты, если знает, что тот живёт разумной и чистой жизнью, и что Махабхарата гласит, что каста зависит не от рождения, а от характера. Например:

«От вашего землепашца, старого друга семьи, вашего пастуха, вашего слуги, вашего парикмахера, и от всякого, кто будет искать у вас прибежища и предлагать службу — из рук всех таких шудр можно принимать пищу». (Манусмрити, IV, 253).

«После сомнений и споров боги решили, что дар пищи от ростовщика-шудры, щедрого сердцем, был равен по качеству дару пищи от брахмана Шротрии, который знал все Веды, но был скуден сердцем. Но Господь всех тварей пришёл к ним и сказал: не уравнивайте то, что неравно. Дар того шудры был очищен его щедрым сердцем, тогда как дар брахмана Шротрии полностью осквернён отсутствием доброты». (Манусмрити, IV, 224, 225).

«Не рождение, не священнодействия, не учёность, не наследственность решают, является ли человек дваджырождённым (и к какому из трёх типов дваждырождённых принадлежит). Это могут решать лишь характер и поведение.» (Махабхарата, Ванапарва, СССХІІІ, 108.)

И хотя всё это очевидно, а тексты, на которые я сослался — общеизвестны, ещё есть тысячи разумных во всех других отношениях людей, для которых эти правила (установленные *не религией*, а лишь обычаем) являются столь же строгими, как для дикаря — его табу. Все легко признают абсурдность табу, установленного в диком племени, члены которого верят, что прикосновение к какой-нибудь вещи или упоминание определённого имени навлечёт на них гнев божий. Тем не менее, не все сознают, что необычное табу, которое разумные в других вопросах христиане налагают на один из дней недели, во всех отношениях крайне нерационально. Не сознают и наши индийские друзья, что они установили такое же неразумное табу на целый класс своих братьев, которых они называют

неприкасаемыми и с которыми обращаются так, как будто они вряд ли вообще человеческие существа. Каждая раса или религия готова высмеивать суеверия других, и в то же время не может понять, что сама имеет суеверия столь же глупые.

Эти самые суеверия наносят непоправимый вред делу религии, ведь совершенно естественно, что те, кто борются с религиозной идеей, цепляются за эти слабые места и преувеличивают их вне всяких пропорций, утверждая, что религия — синоним суеверия. Фактически же существует ядро истины, общее для всех религий, которое совершенно незапятнано суевериями и имеет для мира величайшую ценность, как ясно показано Анни Безант во «Всеобщей хрестоматии религии и морали».* Это ядро учения составляет важную часть каждой религии, и если бы приверженцев всех этих вер удалось убедить признать его и, мы не говорим — оставить свои личные суеверия, — но хотя бы признать их правилами, распространяющимися лишь на их самих, то прийти к совершенному согласию оказалось бы вовсе не трудно. Каждый человек имеет неотъемлемое право верить в то, что он изберёт, каким бы глупым это ни казалось остальным, но он ни при каких обстоятельствах не имеет никакого права навязывать свои личные заблуждения другим, или каким-либо образом преследовать их за отказ их принять.

* A. Besant, «Universal Text Book of Religion and Morals».

Долг свободы

Потому долг каждого изучающего оккультизм — тщательно исследовать религиозные верования своей страны и своего времени, чтобы самостоятельно решить, что в них является разумным, а что — наносным и результатом суеверия. Большинство людей никогда не делают подобных попыток, поскольку не могут освободиться от влияния огромного полчища мыслеформ, составляющих общественное мнение; а из-за них они никогда вообще не видят истины, и даже не знают о её существовании, довольствуясь тем, что принимают за неё эту гигантскую мыслеформу. Первая необходимость для оккультиста — прийти к ясному и непредубеждённому видению всего — видеть всё как оно есть, а не так, как оно представляется множеству других людей.

Чтобы обеспечить эту ясность видения, необходима непрерывная бдительность, ведь давление нависших над нами мысленных полчищ вовсе не ослабевает только от того, что мы однажды выявили и отвергли его влияние. Это давление присутствует всегда, и мы вдруг обнаруживаем, что совершенно бессознательно поддались ему во всевозможных второстепенных вещах, даже если чисты от него в более важных моментах. Мы родились под этим давлением так же, как мы родились под давлением атмосферы, и точно так же не сознаём первое, как и второе. А поскольку мы никогда не видели иначе как через его искажённую среду, нам оказывается очень трудно учиться видеть ясно и даже признать истину, когда наконец мы оказываемся лицом к лицу с ней. Но в наших поисках истины нам по

крайней мере поможет знание об этой скрытой стороне общественного мнения, чтобы мы могли быть настороже против его постоянного и незаметного давления.

Методы бизнеса

Например, это общественное мнение находится на очень низком уровне в том, что называется методами ведения дел.

В наше время острой конкуренции в бизнесе делаются вещи и приняты методы, которые могли бы поразить наших праотцов. Многие из этих действий и методов вполне законны и означают лишь приложение к работе более острого ума и проницательной мысли, но несомненно, границы законного и честного нередко переступаются, и применяются средства, до которых честный купец прежних веков никогда бы не опустился.

В самом деле, имеет место нечто вроде молчаливого признания, что у бизнеса своя мораль, и что обычные стандарты порядочности к нему неприменимы. Человек, возглавляющий один крупный торговый дом, однажды сказал мне: «Если бы я попробовал вести дела согласно золотому правилу (делай другим лишь то, чего желал бы от них для себя), я бы разорился за месяц и просто стал бы голодать. В бизнесе оно действует скорее в той форме, которую обессмертил Дэвид Харум: *сделай другому то, что он хотел бы сделать с тобой, и сделай это первым.*» И многие другие бизнесмены, которым я процитировал его замечание, откровенно с ним согласились. Люди, добрые, искренние и честные в других отношениях, чувствуют, что в таких делах они вынуждены действовать так же, как другие. «Бизнес есть бизнес, — говорят они, — и моралист, который возражает, просто не знает его условий». И под этим предлогом они обходятся друг с другом в делах так, как и в мыслях не допустили бы относиться к друзьям в личной жизни, и делают заявления, о которых знают, что это ложь, даже если вне своей торговли являются правдивыми людьми.

Все наши добродетели требуют расширения, чтобы они охватывали б`ольшую область. Вначале человек откровенно эгоистичен и заботится только о себе. Затем он расширяет круг своих привязанностей, и в добавление к себе любит и свою семью. Позже он расширяет видоизменённую форму этой любви на своих соседей и своё племя, так что больше не грабит их, хотя вполне охотно присоединяется к ним, чтобы пограбить какое-нибудь другое племя или другую нацию. Тысячи лет назад, если в семье возникал спор, глава семьи действовал как арбитр и урегулировал его. Теперь мы расширили этот принцип на наших соседей или сограждан, с которыми мы живём в одном государстве, и в случае споров в качестве такого арбитра служит судья, действующий по закону страны. Но мы ещё не достигли достаточной степени цивилизации, чтобы применить ту же идею к ссорам между нациями, хотя уже начинаем говорить об этом, а две из наиболее продвинувшихся наций уже урегулировали таким способом некоторые затруднения.

Так же и братья в семье действуют заодно, не ища себе преимуществ за счёт друг друга и не говоря неправду, но мы ещё не достигли того уровня, при котором они были бы столь же честны и открыты вне своей семьи, в том, что они называют бизнесом. Пожалуй, если один человек встретится с другим в личной жизни или в доме друга и вступит с ним в разговор, он погнушается говорить ему неправду, но стоит тому же человеку прийти в свой магазин или в другое место, где он занимается бизнесом, его представления о том, что честно и законно, сразу же претерпят печальное ухудшение.

Несомненно, люди, ведущие свои дела жёстко, благодаря этому иногда срывают большой куш, а те, кто смотрит на жизнь поверхностно, завидуют их так называемому успеху; но те, кто привык несколько глубже вглядываться в скрывающуюся под этим реальность, видят, что это вовсе не успех, и на самом деле от таких операций нет никакой прибыли, а напротив, очень серьёзный убыток.

Если человек — это душа, находящаяся в процессе эволюции, ведущей к совершенству, временно пребывающая на земле, чтобы выучить некоторые уроки и достичь определённой стадии своего прогресса, то очевидно, что единственное, что имеет значение — выучить эти уроки и совершить этот прогресс. Если человек, как многие из нас действительно знают, это душа, живущая вечно, то истинные интересы человека — это интересы души, а не тела, которое — ничто иное, как временное облачение. И всё, что мешает прогрессу души, для человека чрезвычайно плохо вне зависимости от того, каким бы выгодным это ни казалось для тела.

Душа действует через свои проводники и продвигается с их помощью, а физическое тело — лишь один из них, и притом самый низший. Потому ясно, что прежде чем мы сможем определить, хорош или плох для нас какой-либо образ действий, мы должны знать, как он повлияет на все эти проводники, а не только на один из них.

Представьте, что один человек обошёл другого в какой-то сделке и громко хвастается своим успехом и прибылью, которую она ему принесла. Исследователь внутренней стороны природы скажет ему, что в действительности здесь не было никакого приобретения, а лишь тяжёлый ущерб. Мошенник сжимает деньги в руке, и в своей близорукости, торжествуя, воскликнет: «смотрите, вот лучшее доказательство, золотые червонцы, которые я выиграл — как вы можете говорить, что я ничего не получил?».

Оккультист ответит, что от самого золота ему будет мало пользы или вреда — смотря как он им распорядится, — но соображение, имеющее гораздо большую важность — это последствия сделки на высших уровнях. Давайте временно полностью абстрагируемся от вреда, нанесённого жертве обмана (хотя поскольку человечество поистине большое братство, этот фактор вовсе нельзя игнорировать), а ограничимся исключительно своекорыстным аспектом этого действия и посмотрим, какой вред нечестный торговец нанёс самому себе.

Результаты обмана

Ясновидящему взгляду явственно предстают два факта. Во-первых, обманщику нужно было обдумывать план мошенничества; он совершал умственные усилия, а результатом их стала мыслеформа. Поскольку порождённая им мыслеформа была злонамеренной и коварной, она сковывает и иссушает ментальное тело, мешая его росту и усиливая его низшие вибрации — одно только это бедствие более чем перевешивает всё, что только может случиться в физическом мире. Но это ещё не всё. Во-вторых, эта двуличность устанавливает в ментальном теле привычку. Она представлена там определённым типом вибрации, а поскольку эта вибрация была сильно запущена в действие, она создала склонность к своему собственному повторению. И следующий раз, когда мысли человека обратятся к какой-либо коммерческой операции, принять какой-нибудь мошеннический план ему будет несколько легче, чем раньше, а быть человеческим, открытым и честным — несколько труднее. Так что один двуличный поступок может создать в ментальном теле последствия, на устранение которых потребуются годы терпеливых усилий.

Потому ясно, что даже с самой эгоистической точки зрения нечестная торговля плоха — потери необычайно превышают прибыль. И это точно — это дело не чувств или воображения, но факт; и только лишь потому, что столь многие ещё слепы к более широкой жизни, не всем это сразу очевидно. Но даже те из нас, чьё зрение ещё не раскрылось для высших миров, могут прибегнуть к логике и здравому смыслу, чтобы положиться на то, что говорят нам видящие — достаточно по крайней мере понять, что это должно быть именно так, и внять своевременному предупреждению, чтобы осознать, что сделка, которая выглядит выгодной в одном отношении, может оказаться разорительной в другом, и что прежде чем решать вопрос, связанный с прибылью и убытком, нужно принять в расчёт все факторы.

Ясно, что изучающий оккультное, которому приходится заниматься бизнесом, должен пристально исследовать то, что называется бизнес-методами, чтобы давление общественного мнения по этому вопросу не привело его к совершению поступков не вполне честных и несовместимых с духом истинного братства, или к соучастию в них.

Предубеждение против личностей

Всё ранее сказанное применимо и к общественному мнению относительно конкретной личности. Есть старая пословица, которая гласит: «назовите собаку плохим именем, и можете сразу же её повесить». И она действительно выражает горькую истину, ибо если в обществе сложилось плохое мнение о каком-то человеке, каким бы необоснованным оно ни было, его мыслеформа существует в атмосфере данного места, и всякий посторонний человек, приходящий туда, тоже вполне может подвергнуться её влиянию. Новопришедший, ничего не зная о жертве злой молвы, вряд ли начнёт знакомство с ней с того, что начнёт обвинять её в конкретных преступлениях, но всё же, не отдавая себе в том отчёта, может

оказаться предрасположен плохо думать о ней и иметь склонность давать греховное толкование самым простым её действиям. Если мы стараемся следовать истине, мы должны быть настороже и против этих влияний тоже, и должны учиться применять в таких случаях самостоятельное суждение, а не принимать готовый вердикт общества, который в действительности есть такое же суеверие, как и те, что связаны с религиозными вопросами.

Влияние друзей

Влияние, которое часто играет в жизни человека очень большую роль — это влияние друзей. Это признано в популярной поговорке, гласящей: «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Это значит, что обычно человек выбирает себе друзей из людей определённого типа или класса, что в свою очередь значит, что он симпатизирует идеям этого класса и склонен сам воспроизводить их, но это значит и нечто гораздо большее. Находясь вместе с тем другом, которого он любит, человек бывает в самом восприимчивом состоянии. Он открывается к влиянию друга, и какие бы свойства ни были сильно развиты у этого друга, у человека появится склонность тоже воспроизвести их в себе.

Даже в физическом мире верования друга располагают нас к себе просто потому, что это его верования — они приходят к нам с рекомендацией, обеспечивающей им самое благоприятное рассмотрение. Скрытая сторона этого в действительности является просто распространением той же идеи на более высокий уровень. Мы открываемся друзьям, и делая это, вводим себя в состояние резонансной вибрации с ними. Мы получаем и охотно принимаем их мысленные волны, и всё, что в них есть определённого, не может не оставить своего впечатления на наших высших телах. Эти колебания приходят к нам, будучи обёрнутыми в колебания любви или привязанности — они вызывают к нашим чувствам, а потому наше суждение временно становится менее бдительным. С одной стороны, в этом может быть некоторая опасность принять влияние без достаточного рассмотрения, но с другой стороны преимущество здесь в том, что мнение будет принято и исследовано с глубокой симпатией. Мудрым образом действий будет принимать всякое новое мнение с такой симпатией, как если бы оно исходило от нашего лучшего друга, и всё же исследовать его так тщательно, как если бы оно дошло до нас из враждебного источника.

Расхожие суеверия

Следует помнить, что суеверия вовсе не ограничиваются религиозными вопросами. Большинство путешествовавших англичан в курсе, что в некоторых частях континентальной Европы существует очень твёрдое предубеждение против допуска свежего воздуха в комнату или вагон, несмотря на то, что наука учит нас, что свежий воздух необходим для жизни. Мы знаем из науки, и здесь не может быть и тени сомнения, что солнечный свет уничтожает многих болезнетворных микробов; кроме того, нам известно, что он насыщает жизнью атмосферу. Так что

не стоит даже вопрос о том, нужно ли допускать его в наши дома так свободно, как это возможно, особенно в тех несчастных странах, где его так мало. И всё же, вместо того, чтобы принять это благословение и радоваться ему, многие домохозяйки совершают целенаправленные усилия, чтобы загородить его повсюду, где он появляется, из-за предубеждения против выцветания занавесок и ковров. Нельзя отрицать, что солнечный свет заставляет некоторые краски выцветать, но курьёзный недостаток чувства соразмерности, свойственный невежественным умам, проявляется в том факте, что поблекшие цвета считаются важнее физического здоровья и чистоты, которые приносит солнечный свет. Цивилизация постепенно распространяется, но есть ещё много городов и деревень, в которых суеверия, ведущие своё начало от обычаев наших праотцов, незнакомых с наукой, не дают принять современные методы санитарии.

Даже среди людей, считающих себя передовыми, всё ещё выживают курьёзные маленькие осколки первобытных суеверий. У нас ещё есть много таких, кто не начнёт нового предприятия в пятницу и не станет участвовать в компании из тринадцати человек. Есть и многие, кто считает некоторые дни недели или месяца счастливыми для себя, а другие — несчастными, позволяя этому расписанию управлять своей жизнью. Я не готов отрицать, что из множества примеров, которые можно было бы разумно объяснить совпадением, можно вывести, что с судьбой некоторых личностей или семей всегда каким-то образом связаны определённые числа. Я пока ещё не вполне понимаю, что за этим кроется, но было бы глупо отрицать факт только потому, что у нас под рукой не оказалось адекватного объяснения. Тех, кому интересно дальше исследовать этот вопрос, я отошлю к приложению к «Любопытным мифам средних веков» Баринга Гаулда.*

* Baring Gould, «Curious Myths of the Middle Ages.»

Я не сомневаюсь в существовании того, что обычно называют влиянием планет, ведь я уже дал объяснение скрытой стороне этих влияний; но я утверждаю, что хотя они могут облегчить или затруднить выполнение определённого дела в определённый день, ни в одном из них, или даже во всех вместе, нет ничего такого, что могло бы не позволить человеку волевому и решительному распоряжаться своей жизнью так, как он считает лучшим. Как было сказано, мудрец управляет своими звёздами, а дурак повинуетсЯ им. Позволять себе стать рабом таких влияний — значит создать на их почве суеверие.

Боязнь сплетен

Вероятно, самое большое и губительное из всех табу, которыми мы окружаем себя, это страх того, что скажут наши соседи. Есть множество мужчин и женщин, которые, похоже, живут только для молвы о себе; по крайней мере такой вывод можно сделать из того, что они соотносят всё именно с этим, как с основным мерилом. Один и единственный критерий, применяемый ими в отношении любого образа действий, — это впечатление, которое они произведут на своих соседей.

Они никогда не спрашивают себя, «правильно или неправильно так поступать?», но ставят вопрос так: «если я это сделаю, что скажет миссис Джонс?».

Пожалуй, это самая страшная форма рабства, от которой может страдать человек, и всё же, чтобы освободиться от неё, необходимо всего лишь решение отстоять эту свободу. То, что говорят о нас другие, имеет для нас только такую важность, какую мы сами этому придаём. Нам нужно лишь осознать, что сказанное кем-то другим не имеет никакого значения, и мы сразу же совершенно свободны. Это урок, который оккультисту нужно выучить ещё на раннем этапе своего прогресса. Он живёт на более высоком уровне и может позволить себе подвергаться влиянию лишь высших соображений. Он берёт в расчёт скрытую сторону вещей, о которой большинство людей не знает ничего, и основывая на этом своё суждение, он сам решает, что правильно и что неправильно, а решив, думает о том, что скажут другие, не в большей мере, чем мы беспокоимся о кружащихся вокруг нас мухах. Что говорит о нас кто-то другой, никогда не имеет ни малейшего значения, но для нас много значит то, что говорим мы сами.

Лучший аспект

К счастью, эта могучая сила мысли может использоваться не только во зло, но и во благо, и в некоторых отношениях давление общественного мнения иногда оказывается на стороне праведности и истины. В конце концов, общественное мнение представляет мнение большинства, а потому его давление в целом благоприятно, когда оно действует на тех, кто находится ниже уровня этого большинства. На самом деле лишь существование этой массы общественного мнения делает возможной общественную и цивилизованную жизнь; а иначе мы были бы отданы на милость самого сильного и беспринципного из нас. Но изучающий оккультизм пытается подняться на уровень *намного выше* большинства, и для этого ему необходимо научиться мыслить самостоятельно, а не принимать готовые мнения, не исследуя их. По меньшей мере достаточно сказать, что если даже общественное мнение ещё не задаёт очень высокого уровня поведения, то по крайней мере высок общественный идеал, и общество не может не откликнуться на пример героизма и благородства, который ставят перед ним. Классовое чувство и корпоративный дух вредят, когда склоняют человека презирать других, но они приносят пользу, когда устанавливают стандарт, падать ниже которого человек считает недопустимым.

В Англии мы обычно относим свою мораль на счёт религии, тогда как истина, похоже, заключается в том, что между ними мало действительной связи. Следует признать, что у множества людей культурных классов почти в любой европейской стране вообще нет настоящей религиозной веры. Пожалуй, они до некоторой степени как нечто разумеющееся принимают некоторые догмы, просто потому что никогда по-настоящему не задумывались о них и не взвешивали их в уме, но было бы ошибкой полагать, что религиозные соображения управляют их действиями или вообще играют в их жизни хоть сколько-нибудь значительную роль.

Однако они в значительной мере подвергаются влиянию другой группы столь же неосязаемых идей, и влияние это всегда благотворное — я имею в виду чувство чести. У джентльмена каждой расы есть свой кодекс чести; есть некоторые вещи, которых он делать не должен, и которых он просто не может сделать, потому что он джентльмен. Для него сделать любую из них — упасть в собственных глазах и потерять уважение к себе. Но фактически у него никогда не бывает даже искушения их совершить, потому что он считает их для себя невозможными. Сказать неправду, совершить подлый или бесчестный поступок, проявить неуважение к даме — эти и другие подобные вещи, как он скажет вам, в его кругу *не делают*. Давление такого классового чувства, как это, во всех отношениях действует только к лучшему, и его следует поощрять всеми средствами. То же самое, в меньшей степени, можно найти в традициях наших великих школ или колледжей, и многие мальчики, чувствуя сильное искушение совершить бесчестный поступок говорили себе: «Я не стану делать этого ради нашей старинной школы — пусть никогда не скажут, что кто-то из её учеников опустился до такого». Так что в этом вопросе общественного мнения есть как плохая сторона, так и хорошая, и наше дело — всегда применять великую добродетель распознавания, чтобы отделять желательное от нежелательного.

Ещё один момент, который стоит помнить, состоит в том, что эта огромная, неуклюжая и неразумная сила общественного мнения сама может подвергаться медленному и постепенному формированию и влиянию. Мы сами — члены общества, и по всеобщему закону наши взгляды в какой-то мере влияют на взгляды других. Удивительные изменения, произошедшие за последние тридцать лет в современной мысли в связи с теми предметами, которые мы исследуем, были достигнуты в значительной мере благодаря настойчивой работе Теософического Общества. Все эти годы мы постоянно выступали, писали, а главное — здраво и разумно мыслили обо всех этих вопросах, и тем излучали вибрации, эффект которых явственно виден в великих изменениях мысли нашего времени. К теософии можно привести лишь тех, кто готов, но в тысячи раз больше людей могут пройти половину пути, придя в движение «Новой мысли», спиритизм и либеральное христианство. В этом случае, как и во всяком другом, знать закон — значит быть в состоянии владеть его силами.

Глава XI

ВЛИЯНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Похороны

Пока что мы рассматривали в основном влияния, которые, исходя от природы или окружающих нас человеческих существ, непрерывно оказывают на нас достаточно постоянное давление, которого мы обычно не замечаем именно потому что оно постоянно. А теперь неплохо было бы упомянуть скрытую сторону таких событий, которые случаются в нашей жизни лишь иногда, как, например, хирургическая

операция, присутствие на похоронах, на лекции, на политическом митинге или спиритическом сеансе; или, например, когда происходит возбуждение религиозной деятельности, отмечается большой национальный праздник, или когда в мире случается война, землетрясение, извержение вулкана или какое-нибудь иное бедствие.

Сперва посмотрим, как воздействует на человека скрытая сторона похорон. Я имею в виду не воздействие его собственных похорон, хотя этот вопрос, впрочем, тоже представляет интерес, так как некоторые люди испытывают это воздействие в необычайной степени. Ни один философски мыслящий человек не станет беспокоиться о том, что делают с его прежним телом, которое в конце концов — лишь изношенная одежда, но в мире есть множество людей, которые вовсе не философы, и для них это иногда является вопросом большой значимости.

Классическая история убеждает нас, что древние греки чрезмерно беспокоились о том, чтобы после смерти их телам были обеспечены достойные похороны — главным образом потому, что они находились под иллюзией, что если этого не будет сделано, они не смогут следовать должным путём, которым им надлежит двигаться после смерти. Большинство древнегреческих историй о привидениях рассказывают о людях, вернувшихся с того света, чтобы устроить должные похороны своих тел.

Более бедные классы современных ирландцев, похоже, тоже разделяют это необычное беспокойство о захоронении своих тел, поскольку иногда мне приходилось встречать ирландских женщин, единственной посмертной мыслью которых была не забота о благе или прогрессе своей души, а о том, чтобы количество экипажей, следующих в их похоронной процессии, не было меньше определённого числа, или чтобы гроб не был ни в каком отношении хуже, чем у миссис такой-то несколько недель назад.

Однако, это было просто отступление, а то, что мы должны рассмотреть — это влияние похорон на оставшихся в живых, а не на умершего (который, тем не менее, обычно тоже присутствует и может относиться к этой процедуре по-разному, в зависимости от его темперамента).

Похороны — это мероприятие, которого оккультист должен определённо избегать, но иногда он может оказаться в таких обстоятельствах, при которых его отказ присутствовать может быть неверно истолкован его невежественными родственниками, не понимающими в этих делах. В таком случае он должен проявить усилие воли и привести себя в решительный и позитивный настрой, чтобы никоим образом не подвергнуться окружающим влияниям, и в то же время быть в состоянии мощно влиять на других.

В первую очередь он должен думать об умершем (который скорее всего присутствует) с сильным, дружественным участием и любовью, решительным, волевым образом желая ему мира и продвижения. Относительно скорбящих он тоже должен поддерживать положительный настрой ума, стараясь впечатлить их мыслью о том, что им не следует предаваться горю, поскольку человек, которого они оплакивают, в действительности ещё жив, и их скорбь будет только мешать

ему в новых условиях, в которых он оказался. Нужно стараться ментально сдерживать их, чтобы не дать им скатиться в беспомощную истерику.

Современные похороны далеки от идеала. В том, что с избавлением «я» от сброшенного им одеяния должна быть связана какая-то церемония, похоже, существует установившееся единство мнений, но несомненно, нужно изобрести нечто лучшее, чем то, что обычно совершается сейчас. Похороны в деревенской церкви не лишены уместных черт, и даже несут некоторое утешение. Скорбящие находятся в здании, с которым у них связаны все виды святых и возвышенных ассоциаций, а служба, проводящаяся англиканской церковью, красива, хотя в некоторых местах хотелось бы внести в неё ноту более восторженной уверенности.

Но о службе, проводимой в кладбищенской часовне, ничего такого сказать нельзя. Это место никогда не используется ни для каких иных целей, кроме похоронных, и вся его атмосфера проникнута безнадежным горем. Обычно всё настолько мрачно и убого, как только возможно, и сами стены пропахли склепным духом. Мы должны помнить, что на одного человека, который знает правду о смерти и смотрит на неё разумно и с надеждой, есть сотни тех, у кого о ней самые что ни на есть иррациональные и безобразные представления. Потому такие места наполнены самым чёрным отчаянием и чрезвычайным умственным страданием, а следовательно, из всех мест являются самыми нежелательными для посещения теми, кто пережил то, что представляется им тяжёлой утратой.

Избавление от мёртвых тел

Никто из имеющих хотя бы малейшее видение скрытой стороны вещей не сможет одобрить наш нынешний варварский метод избавления от тел умерших. Даже с физической, земной точки зрения нет ни одного довода в его пользу, и имеется много весомых соображений против. Даже с точки зрения чувств невозможно понять, как кто-либо может примириться с идеей, что отброшенное одеяние того, кого он любил, должно быть предоставлено медленному и отвратительному разложению в условиях, от воображения которых сжимаешься от ужаса. А если к этому добавить огромную опасность болезней для живых, происходящую от несказанного загрязнения воздуха и воды, то можно начать понимать, что наши похоронные обычаи являются одним из многих свидетельств того, что наша хваленая цивилизация в конечном счёте являет собой лишь внешний лоск.

И это впечатление получит ещё более явное подтверждение, если мы бросим взгляд на ту сторону этого предмета, которая пока что неизвестна большинству. Мы тогда узнаем, какого сорта существа привлекаются процессом медленного гниения, и увидим, что оставшимся в живых этим тоже наносится ужасный вред, которого можно было бы избежать.

Для умершего, если он мудр, имеет мало значения, что станет с его изношенной оболочкой, но следует помнить, что не все умершие обязательно мудры, и что некоторых из них, не знающих лучшего учения, этот отвратительный обычай

заставляет сделать серьёзную ошибку, которой при других условиях они бы не совершили.

Средний человек при своём заурядном мышлении не привык разделять себя на тело и душу столь определённо, как делает это изучающий оккультизм. Верно, что умерший наконец отбросил свой физический проводник, и для него практически невозможно вновь им завладеть; но он очень привык к нему, и частоты вибраций тела ему знакомы и сродны. При нормальных, правильных и чистых условиях он совершенно порывает с ним, но есть такие, кто не имея при жизни никаких идей и представлений, превышающих пределы физического, сходят с ума от страха, когда обнаруживают, что совершенно отрезаны и уносятся от него. Такие люди иногда делают отчаянные попытки вернуться хоть в какое-то соприкосновение с физической жизнью. Большинству это не удаётся, но когда кому-либо из них в какой-то ограниченной степени это удаётся, достигнуто это может быть лишь при помощи их собственных физических тел.

Тот раппорт, который всё ещё сохраняется у них с разлагающимся трупом, иногда позволяет им черпать из него основу для несовершенной и неестественной частичной материализации, далеко недостаточной, чтобы снова привести их в соприкосновение с физическим миром, но всё же достаточно сильной, чтобы на время оторвать их от здоровой астральной жизни. Такие люди временно (к счастью, только временно) создают для себя неясный, серый мир ужаса, в котором они видят физические события, как через тёмное стекло или мир тумана, в котором они плывут потерянные и беспомощные.

Они не могут полностью вернуться в плотные тела; человек, который сделал бы это, стал бы вампиром. Но они держатся за эфирную материю своих отброшенных проводников, таская её с собой, и в этом причина всех их страданий. И пока они не смогут избавиться от этой привязанности и сквозь этот серый мир вынырнуть в свет, им не будет покоя. Кроме того, существуют неприятные формы чёрной магии, известные в восточных странах, а также тем, кто изучал методы вуду и обеих, успех которых зависит от разлагающихся физических тел; хотя к счастью это соображение не имеет практической важности для тех, кто живёт в обществах, не знакомых с такими злыми традициями.

По меньшей мере ясно одно — что всех этих возможностей, ведущих к злу как для мёртвых, так и для живых, можно избежать путём рационального способа избавления от сброшенной плотской оболочки. Когда мы вернёмся к обычаю кремации, практикующемуся индусами, а ранее применявшемуся греками и римлянами, мы так быстро, как только возможно, сведём физический проводник к составляющим его элементам способом, который одновременно чист, приличен и вполне удовлетворяет эстетические чувства, равно как и отвечает рациональным взглядам разумного человека.

Некоторые высказывали опасения, что умерший, особенно в случае внезапной смерти, может быть не совсем ещё отделён от тела и почувствует жар пламени, таким образом испытывая страдания от сжигания тела. Но даже если смерть случайная, если это *на самом деле* смерть, астральная и эфирная материя полностью отделяются от плотной физической, и совершенно невозможно, чтобы

при каких-либо обстоятельствах умерший чувствовал, что делается с его физическим телом. Я имею в виду, что он не может *действительно* чувствовать это, потому что связь, через которую он чувствовал, определённо разорвана; но, пожалуй, возможно, что видя кремацию, он может испытать некоторый страх и вообразить, что он как бы чувствует этот огонь.

Я никогда не наблюдал таких случаев в связи с кремацией, но из одного источника, заслуживающего доверия, слышал о молодом человеке, чьи зубы после смерти вырвал нечестный могильщик, чтобы продать их в качестве искусственных. Молодой человек явился своему отцу с кровью, текущей изо рта, в большом негодовании крича, что его пытаются, выдёргивая зубы. Тело было эксгумировано, и обнаружилось, что его рассказ верен. В данном случае, если человек был действительно мёртв, совершенно невозможно, чтобы он чувствовал какую-нибудь боль; но он узнал о том, что делается и пришёл в сильный гнев. Несомненно, он действительно мог считать, что ему больно, так как при жизни идея о вырывании зубов всегда связана с большой болью.

Разница в отношении ко всей теме смерти, которую производит знание скрытой стороны вещей, очень хорошо проиллюстрирована двумя рисунками, приведёнными в нашей книге «Мыслеформы». На них показаны мысленные образы, созданные двумя людьми, стоявшими на похоронах рядом друг с другом. Можно видеть, что у человека, живущего в полном невежестве относительно смерти, не было в связи с ней никаких мыслей, кроме эгоистичного страха и подавленности; тогда как человек, понимавший факты, был совершенно свободен от всякого намёка на подобные чувства, и единственными его переживаниями были сочувствие и симпатия к скорбящим, а также благоговение и высокое устремление.

В самом деле, знание скрытой стороны жизни совершенно изменяет отношение человека к смерти, ведь оно быстро показывает ему, что вместо того, чтобы быть концом всего, как часто невежественно предполагают, это просто переход из этой стадии жизни в другую, которая более свободна и приятна, чем физическая, а потому её скорее следует желать, чем страшиться. Ему сразу становится видно, каким крайним заблуждением является теория о том, что сбросившие свои физические тела для нас потеряны, ибо он знает, что они близки к нам так же, как и раньше, и всё, что мы потеряли — это способность их видеть. Для сознания человека, обладающего даже астральным зрением, так называемые мёртвые видны столь же определённо присутствующими, как и так называемые живые, а поскольку он видит, как легко они подвержены воздействию вибраций, которые мы к ним посылаем, он понимает, как вредно скорбное и печальное настроение, в которое, к сожалению, так часто входят их друзья, всё ещё сохраняющие физические тела.

Знание скрытой стороны жизни вовсе не учит нас забывать умерших, но оно учит нас быть чрезвычайно разборчивыми в том, как думать о них. Оно предупреждает, что наше отношение должно быть решительно бескорыстным, что мы должны совершенно забыть о себе и испытываемой нами боли кажущейся разлуки, и думать о них не со скорбью или страстным желанием вернуть их, а с сильным любящим пожеланием им счастья и прогресса.

Ясновидящий видит, каким именно образом воздействуют на них такие желания, и сразу постигает истину, которая лежит в основе учения католической церкви касательно нужности молитв за умерших. Такие молитвы помогают и живым, и мёртвым. Живым, вместо скорби и беспомощного чувства, что нельзя ничего сделать, поскольку между ими и их любимыми пролегла пропасть, предлагается обратить свои любящие мысли на определённое действие, способствующее счастью и продвижению тех, кто скрылся из виду, покинув физический мир. Обо всём этом и многом другом я достаточно полно написал в книге под названием «По ту сторону смерти», так что здесь я лишь касаюсь этой темы и отсылаю к этой работе всех желающих получить более подробную информацию.

Хирургическая операция

В наши дни торжества хирургии нередко случается, что человеку приходится подвергнуться операции. У этого события меньше скрытых сторон, чем у других, так как использование анестезии совершенно выводит человека из физического тела. Но во время этого самого отсутствия происходит многое, что могло бы представлять для него интерес, так что было бы неплохо попытаться замечать и запоминать происходящее. Это сделать трудно, ещё труднее, чем перенести воспоминания из астрального мира; ведь то, что вытесняется наркозом — это эфирная часть физического человека, а поскольку эфирный двойник — лишь часть физического тела, и сам по себе никоим образом не является совершенным проводником, человек обычно не может сохранить ясных воспоминаний.

Я помню один случай, когда по просьбе жертвы такого наркоза следил за происходящим. Этот человек интересовался оккультной стороной этого дела и хотел запомнить всё, что мог. Он был помещён на операционный стол, и была применена анестезия. Почти сразу же он вышел в астральном теле, узнал меня и бросился ко мне через комнату с выражением живого восторга на лице, очевидно от радости обнаружить себя полностью сознательным в астральном мире. Но через мгновение из физического тела вытекло большое облако эфирной материи, вытесненной анастатическим средством. Это облако незамедлительно окутало его, и я увидел, как разум стал исчезать с его лица, пока оно не стало просто маской.

Когда через два дня мне разрешили снова видеть его, его воспоминания точно соответствовали тому, что я видел. Он ясно помнил, как вырвался из тела, и увидел меня в другом конце комнаты; при этом он очень обрадовался тому, что всё выглядело столь реальным. Тогда он двинулся ко мне, но почему-то так меня и не достиг, и больше ничего не помнил до того, как снова вернулся в тело через час после окончания операции. В этом случае я ощутил, какое преимущество дало бы врачам, участвовавшим в ней, обладание ясновидением. Они дали пациенту слишком большую дозу обезболивающего, и были на грани полного изгнания всего эфирного двойника, вместо лишь части его, как требовалось. Как веско заметил мой ясновидящий спутник, они едва оставили ему частичку эфирного тела размером с монетку в полкроны, в результате чего пациент опасно приблизился к смерти, и им даже пришлось десять минут нагнетать в его лёгкие кислород, чтобы вообще вернуть его к жизни.

Несколько лет назад посещение зубного врача часто означало подобную, хотя и меньшую операцию, при которой из-за применения окиси азота пациент проходил через похожий, хотя и более краткий опыт, и в связи с этим проявлялись многие любопытные феномены. Пример этого можно найти в моей книге «Сны» (глава IV). В нашу эпоху местного наркоза дантист обычно может выполнять свою работу без применения газа, а потому переживания, связанные с его операциями, имеют менее оккультную природу.

Лекция

В предыдущей главе мы рассмотрели последствия, сопровождающие посещение церкви; теперь же мы рассмотрим внутреннюю сторону присутствия на лекции, политическом митинге, спиритическом сеансе, а также результаты религиозного возбуждения.

Из всех этих форм возбуждения лекция обычно бывает самой мягкой, хотя даже это в некоторой мере зависит от её темы. На лекции аудитория обычно бывает менее единообразной, чем собрание прихожан в церкви. У приверженцев одной веры часто имеет место решительное согласие по многим пунктам, тогда как люди, заинтересовавшиеся лекцией на какую-то конкретную тему, могут прийти из многих разных кругов и представлять все виды различных типов. Всё же, временно между ними существует связь — их связывает интерес к какой-то теме, а потому, какими бы разными ни были их умы, у всех их временно приведена в действие одна и та же часть ума, и это создаёт некоторую поверхностную гармонию.

Поскольку изучающим теософию часто приходится читать лекции, равно как и терпеливо выслушивать их, пожалуй, было бы неплохо не пренебрегать скрытой стороной этого. Следует отметить, что если лектор желает эффективно подействовать на ментальные тела своих слушателей, он прежде всего должен позаботиться о том, чтобы идея ясно выражалась в его собственном ментальном теле. Серьёзно обдумывая разные части своей темы и пытаясь изложить их перед публикой, он создаёт серию мыслеформ, причём, благодаря усилию, необычайно мощных.

Он располагает прекрасной возможностью, потому что аудитория в значительной степени уже находится в восприимчивом состоянии. Эти люди взяли на себя труд прийти, чтобы послушать об этом конкретном предмете, а потому мы должны полагать, что они готовы слушать. Если при таких благоприятных условиях лектору не удаётся сделать так, чтобы его поняли, причина этого должна быть в том, что его собственные мысли на эту тему недостаточно ясны. Неуклюжая и неопределённая мыслеформа производит лишь незначительное впечатление, и то с большими затруднениями. Но чётко очерченная мыслеформа активно воздействует на ментальные тела слушателей, стараясь в них воспроизвестись. Их представления о ней почти всегда будут менее определёнными и удовлетворительными, чем она сама, но всё же, если её края достаточно резки, она в некоторой мере передаст идею. Но если та мыслеформа, которую им предстоит

копировать, уже сама размыта, то весьма вероятно, что её повторения окажутся уж совсем неузнаваемыми.

Иногда выступающий получает неожиданную помощь. Тот факт, что он усиленно думает о каком-то конкретном предмете, привлекает внимание тех развоплощённых существ, которые тоже интересуются этой темой, и часто аудитория насчитывает большее количество людей в астральных, чем в физических телах. Многие из них приходят просто послушать, как и их братья в физическом мире, но иногда случается, что один из привлечённых лекцией знает о её предмете больше, чем сам докладчик. В таком случае он иногда помогает предложениями или иллюстрациями. Они могут достигать лектора различными путями. Если он ясновидящий, то может видеть своего помощника, и новые идеи и иллюстрации материализуются перед ним в тонкой материи. Если же он не ясновидящий, помощнику скорей всего потребуется впечатлить идеями его мозг, и в таком случае он вполне может принять их за свои собственные. Иногда помощник не развоплощён, а лишь временно вышел из тела, поскольку это одна из областей работы, которую часто берут на себя невидимые помощники.

В некоторых случаях «я» лектора проявляет себя любопытным внешним образом. Например, я слышал от Анни Безант, что когда она, читая лекцию, произносит одно предложение, она обычно уже видит следующее материализующимся в воздухе перед ней в трёх разных вариантах, из которых она сознательно выбирает тот, который считает лучшим. Это может быть работой «я», хотя несколько трудно понять, почему оно избирает этот метод коммуникации, поскольку в конце концов это оно само читает лекцию через физические органы. С первого взгляда кажется, что ему было бы столь же легко, пожалуй, даже легче, выбрать вариант самостоятельно и запечатлеть в низшей материи только его; равно как и послать его прямо в мозг, чем материализовывать в воздухе перед ним.

Возвращаясь от лектора к его слушателям, мы можем заметить, что они могут оказать ему огромную помощь в его работе. Иногда можно слышать, как более старые члены теософической группы говорят, что не считают необходимым приходить на собрание ложь, поскольку лекция будет на тему, с которой они уже основательно знакомы. Не говоря уж о большой самонадеянности, подразумеваемой заявлением о *полном* знакомстве с каким-то из учений теософии, можно отметить, что утверждение о бесполезности присутствия человека, потому что он знает предмет, неверно. Гораздо больше истины было бы в совершенно противоположном заявлении — ведь зная предмет основательно, он тоже может создавать сильные и ясные мыслеформы многих требуемых иллюстраций и пояснений, таким образом оказывая лектору огромную помощь в его усилиях по передаче аудитории желаемых впечатлений.

Чем больше на лекции людей, глубоко понимающих её предмет, тем легче будет всем тем, для кого он в новинку, получить о нём ясное представление. Потому лектору определённо помогает присутствие тех, кто может полностью его понять. Ему также может сильно помочь или помешать общее отношение аудитории. В основном оно бывает дружественным, поскольку большинство людей, пришедших на лекцию, пришли туда потому, что интересуются её предметом и хотят о нём

что-то узнать. Однако иногда появляются один или двое, чьё главное желание — критиковать, и их присутствие вовсе не способствует процессу.

Политический митинг

Этот последний эффект гораздо больше проявляется на политических митингах, поскольку, как правило, хотя одни люди приходят чтобы поддержать оратора, другие приходят просто с целью оспаривать его и мешать ему. Потому чувства, выражаемые на митингах, и наблюдаемые там мыслеформы нелегко предсказать заранее. Но часто можно наблюдать случаи того, как мыслеформы, составленные в основном или исключительно мыслями приверженцев одной партии создают мощные волны энтузиазма, которые проносятся над аудиторией, окружают оратора и действуя на него, приводят его в соответствующее состояние.

Помню, как много лет назад я присутствовал как раз на таком митинге, и был сильно поражён эффектом того, как люди соединились в пении. Должен был выступить кто-то из больших шишек этой партии, и потому уже за два часа до начала огромный зал был набит так, что не продохнуть. Но организаторы митинга были по-своему очень предусмотрительны и самым эффективным образом использовали это время, чтобы привести эту огромную и разнородную толпу в состояние преданного энтузиазма. Разнообразные патриотические песни быстро сменяли одна другую, и хотя немногие на самом деле знали мотив, и ещё меньше было знавших слова, зато по крайней мере в энтузиазме уж не было недостатка. Два часа ожидания прошли, подобно развлечению, и я думаю, что многие были удивлены, как быстро пролетело время.

Оккультная сторона среднего политического митинга, однако, вовсе не привлекательна, поскольку с астральной точки зрения картина нередко напоминает чрезвычайно яростную грозу. Часто там много воинственных чувств и даже личной вражды. В целом обычно имеет место преобладание грубоватого веселья, часто пронзаемого, однако, копьями беспокойной озабоченности организаторов. Если это не является вашим долгом, то в целом лучше избегать таких собраний, поскольку столкновения астральных потоков, которые всегда там происходят, не могут не вызвать огромной усталости у любого хотя бы немного чувствительного человека.

Толпы

Желательно также, насколько возможно, избегать того смешанного магнетизма, который воздействует на нас в тесной толпе. Мы вовсе не должны полагать, что люди, составляющие толпу, обязательно ниже или хуже нас. Для изучающего теософию такое самомнение и чувство собственной праведности — самая нежелательная вещь. Вероятно, верно, что в целом цели и стремления большинства людей в любой толпе являются более мирскими, чем у него, но было бы неправильно и глупо из-за этого их презирать. Значение имеет не то, лучше мы

их или хуже, а разница в частотах вибраций, вследствие которой постоянный контакт с другими вызывает в различных проводниках возбуждение, которого лучше избегать.

Тем не менее, когда нам по нашему долгу необходимо или желательно войти в толпу, в нашем распоряжении есть разные средства защиты. Самое обычное — это создание оболочки, будь то эфирной, астральной или ментальной; но лучшая защита из всех — это чистота и лучающаяся добрая воля. Вопросу защиты я посвящаю одну из последующих глав.

Спиритический сеанс

Из всех форм собраний одним из самых интересных с оккультной точки зрения является спиритический сеанс, хотя бывает столь много разных типов их, что вряд ли можно сказать что-то, равно приложимое ко всем из них — разве, пожалуй, только то, что для них почти неизменно характерной бывает атмосфера радости и надежды. Кружки, в которые часто допускаются посторонние — те, о которых мы слышим и иногда читаем в газетах, — в конечном счёте составляют меньшинство, а действительное тело спиритизма составляют два других типа, о которых мы слышим очень мало.

Есть обыкновенные сеансы, устраиваемые бедняками, где медиумом обычно бывает женщина вроде крепкой прачки — там не происходит сенсационных феноменов, а духи часто бывают неграмотны. Тысячи таких сеансов проводятся по всему миру, и между ними есть сильное фамильное сходство. Для посетителя они могут оказаться весьма интересны. Обычно медиум читает что-то вроде банальной этической проповеди, или она действительно даётся *через* медиума, но в любом случае в ней воспроизводятся все его любимые ошибки в грамматике и произношении. Как правило, несколько слов адресуется лично каждому из присутствующих, что часто принимает форму описания их ситуации или обстановки, окружающей духов, которые, как считается, витают над ними. Обычно эти описания предельно смутные и неясные, но снова и снова встречаются поразительные попадания в точку — их гораздо больше, чем можно было бы объяснить простым совпадением. И каким бы скучным это ни казалось постороннему, это несомненно несёт мир членам кружка, давая им живое знание и убеждённость в продолжении существования человека после смерти, к стыду фешенебельных церквей, которые не могут сделать этого.

В скрытой стороне такого сеанса часто встречается нечто трогательное. Обычно за медиумом стоит так называемый дух-руководитель — умерший человек, иногда при жизни принадлежавший к тому же классу, что и медиум, а иногда относящийся к определённому более высокому типу. Это умерший, научившийся путём множества терпеливых усилий довольно уверенно влиять на неуклюжий организм медиума, который, как бы он ни был неудовлетворителен во многих других отношениях, по крайней мере обладает неоценимой способностью с разумной степенью достоверности тем или иным путём передавать сообщения. Терпение, с которым это существо работает с бедными душами, приходящими к

нему по обе стороны завесы, достойно восхищения — ведь ему приходится приводить в гармонию не только слёзную непоследовательность множества печалющихся родственников на этой стороне, но также и лихорадочное возбуждение шумной толпы духов, пытающихся проявиться с другой. По-своему и среди своего класса подобные люди творят много добра, и их остающиеся незамеченными труды в каком-нибудь тёмном районе вносят большой вклад в сумму человеческого счастья, чем многие более эффектные усилия, завоёвывающие большее доверие в глазах публики. Даже такой сеанс для астрального зрения выглядит подобно вихрю, в который отовсюду устремляются умершие, желая проявиться или увидеть проявление.

Есть и другая разновидность сеансов, о которых немногие что-либо знают — проводимые в закрытом семейном кругу, куда никогда не допускаются посторонние. Это бесконечно более удовлетворительная сторона спиритизма, поскольку на них многие тысячи семей день за днём сообщаются со своими друзьями и родственниками, ушедшими из физического мира, не только узнавая множество интересных фактов, но и поддерживая свою мысль на высоком уровне благодаря постоянному размышлению о духовном. Обычно центральной фигурой таких сеансов является какой-нибудь умерший член семьи, а сообщения как правило имеют характер маленьких проповедей любящего характера, часто несколько восторженных.

Но иногда, когда отошедшему родственнику случается быть человеком оригинально мыслящим или научного склада ума, постепенно собирается большой объём вполне определённой информации. Существует гораздо больше таких частных откровений, чем обычно полагают, потому что вряд ли даже один из ста получающих такие сообщения бывает готов выставить на потеху публике то, что для него превыше всего святого, в надежде на столь маловероятный результат, как убеждение какого-нибудь незнакомого скептика.

На подобных сеансах нередко примечательные феномены, и иногда самые поразительные материализации бывают частью ежедневной программы. Часто так называемые мёртвые являются такой же частью повседневной жизни семьи, как и живые, как например в случае явлений, имевших место в доме Морела Теоболда в Хэслмире. Сеансы, описанные Робертом Дэйлом Оуэном в большинстве своём имеют именно такой характер, и представляют наивысший из возможных видов спиритизма, хотя по самой своей природе такой случай вряд ли является вообще доступным для рядового исследователя.

Скрытая сторона таких сеансов, как эти, поистине великолепна, поскольку они образуют точки постоянного контакта между астральным и физическим мирами — это опять же вихри, но на этот раз вихри самых высших и благородных разновидностей астральной жизни. Окружающие их мыслеформы бывают религиозного или научного типа соответственно природе проявлений, но это всегда благотворные мыслеформы, поднимающие ментальный или духовный уровень района, в котором они присутствуют.

Помимо этих двух больших классов существует сравнительно меньшая группа публичных сеансов, которые для посторонних представляют весь спиритизм.

Обычно туда за небольшую сумму денег допускаются самые разные люди, а существа, появляющиеся на астральной стороне, являют собой столь же курьёзный конгломерат, как и те, кто ожидает их на физической. Почти всегда таким сеансом тоже заведует дух-руководитель. Среди завсегдатаев таких сеансов не встречаются высшие типы астральных существ, но обычно там обилие умерших, посвятивших себя идее быть полезным для оставшихся на физической земле путём демонстрации феноменов и предоставления разнообразных маленьких доказательств.

Аура такого сеанса в целом обычно бывает несколько неприятной, поскольку в астральном мире он привлекает большое внимание, как и в физическом, и потому вокруг всегда собирается шумная толпа самых нежелательных существ, которых лишь силой удерживают, не давая им наброситься на медиума и завладеть им. Среди опасностей, связанных с посещением таких сеансов есть возможность того, что какое-нибудь из этих отчаянных существ может напасть на любого чувствительного участника и одержать его; и хуже того, оно может последовать за ним домой и наброситься на его жену или дочь. Таких случаев было много, и обычно от такого существа, одержавшего тело живого человека, избавиться бывает почти невозможно.

Скрытая сторона такого сеанса — это обычно спутанная сеть пересекающихся потоков, хороших и плохих; среди них нет очень хороших, но встречаются очень плохие. Ясновидящий, присутствующий на таком сеансе, может кое-чему научиться, наблюдая разнообразные методы, которыми производятся феномены, и методы эти иногда бывают весьма изобретательными. Его поразит, как ловко делаются персонификации, и с какой удивительной лёгкостью можно обмануть тех, кто ничего не знает об этой стороне жизни.

Религиозное возбуждение

С точки зрения исследователя внутренних миров одним из самых примечательных явлений нашего времени является то, что называют «религиозным возрождением». В физическом мире оно обычно выглядит как собрание людей из низших классов, чьи чувства воспламенены высоко эмоциональными и часто жгучими призывами какого-нибудь фанатичного толкователя Евангелия из той или иной секты. Такие собрания происходят день за днём, и часто сопровождаются самыми необычными явлениями нервного возбуждения.

Люди приводят себя в своеобразное истерическое состояние, в котором они чувствуют, что спасены, как они это называют, то есть ускользнули из пут обычной мирской жизни и стали членами духовного сообщества, имеющего высшее назначение. Часто они склонны исповедоваться на публике в том, что считают своими грехами, и их раскаяние и эмоции совершенно непропорциональны тому, в чём они признаются. Волна нервного возбуждения распространяется подобно заразной болезни, и обычно длится несколько недель, хотя часто к концу этого периода проявляются симптомы общего истощения, и всё это несколько стыдливо затухает, снова переходя в обычную банальную жизнь.

В части случаев, составляющей небольшой процент, этот душевный подъём, похоже, сохраняется, и пережившие его продолжают жить уже более возвышенной жизнью, чем до этого, но в значительно большем количестве случаев либо внезапно и драматически, либо медленно и постепенно, они скатываются к точно такой же жизни, какую они вели до того, как на них нашло это возбуждение. Статистика показывает, что кульминация этого эмоционального возбуждения сопровождается большим беспорядком в половой жизни, и количество незаконных союзов всех видов временно сильно возрастает. Есть некоторые секты, которые сильно видоизменённую форму этого возбуждения сделали частью регулярной системы, и там считают, что новым членам необходимо пройти через кризис, который иногда называют «убеждением в грехе», а в других — «приобщением к религии».

Самые экстравагантные формы принимает такое возбуждение у американских негров, среди которых оно достигает уровня неистовства, необычного для белых рас. Они находят необходимым выражать свои чувства танцами, прыжками и самыми дикими изгибами, что часто продолжается четыре часа и сопровождается криками и стонами весьма пугающего характера.

То, что подобное имеет место в XX веке среди людей, считающих себя цивилизованными — это конечно же весьма примечательный феномен, заслуживающий тщательного исследования со стороны изучающего скрытую сторону вещей. Для обладающего астральным зрением такой выброс представляет удивительное, но неприятное зрелище. Миссионер или проповедник, первым начинающий такое движение, обычно движим высшими мотивами. Под впечатлением переполняющей любви божьей или зол, поражающих какую-то часть общества, он чувствует, что дух движет его провозглашать первое и порицать второе. Дойдя до состояния сильнейшего эмоционального возбуждения, он приводит своё астральное тело в колебания, значительно превышающие пределы безопасного.

Ведь человек может предаться эмоциям лишь до определённой степени, имея возможность восстановиться, как выравнивается накренившееся судно; но точно так же, как судно, крен которого превышает безопасный, переворачивается, так и человек, полностью упускающий астральное тело из под контроля, умирает, или же становится сумасшедшим или одержимым. Такое одержание не обязательно будет злым, хотя по правде сказать — всякое одержание есть зло; но здесь я хочу сказать, что мы не должны приписывать одержателю лишь злые намерения, хотя обычно он пользуется такой возможностью больше ради создания возбуждения и чувства, которое он сам от этого переживает, нежели из каких-либо альтруистических мотивов.

Однако во многих случаях таким одержателем бывает умерший проповедник той же религии, такого же стиля и типа, что и одержимый человек, и так две души временно действуют через одно тело. Получаемая таким образом двойная сила безрассудно изливается на любую собравшуюся аудиторию. Огромная амплитуда колебаний этой энергии делает истерику заразной, а поскольку такие «возрождения» обычно происходят среди людей, чьи эмоции не находятся под контролем сильно развитого интеллекта, проповедник скоро находит тех, кого

резонансными колебаниями можно привести в столь же неуравновешенное состояние, как и его собственное.

Каждый, кто раскачивается выше безопасного предела, добавляет силы этим разгулявшимся вибрациям, и скоро астральное возбуждение принимает характер гигантского водоворота. Со всех сторон к нему стекаются астральные существа, единственным желанием которых является получить ощущение — это не обязательно и даже не в основном человеческие существа, а все виды природных духов, которые радуются вибрациям дикого возбуждения и купаются в них, как дети в волнах прибоя. Это они поставляют и постоянно возобновляют энергию, которая тратится со столь ужасающим безрассудством. Это они стараются поддерживать уровень возбуждения так долго, пока они ещё могут найти людей, которых можно втянуть в этот водоворот и побудить давать им вожаемые приятные ощущения.

Помните, что эмоция — явление далеко не высокого типа, поскольку она сугубо личностна. Она всегда мотивирована возвышенным эгоизмом, желанием спасти свою душу; так что преобладающая идея — эгоистическая. Это определяет тип материи, которая приводится в движение в этих огромных вихрях, что в свою очередь ограничивает тип природных духов теми, которые получают удовольствие именно от таких вибраций и настроены в тон именно с этим типом материи. Естественно, они принадлежат вовсе не к высшим типам — обычно это создания, которые не обладают большой разумностью и не в состоянии понять что-либо о людях, ставших их жертвами. Так что они неспособны спасти этих людей от последствий их дикого возбуждения, даже если бы озаботились этим.

Такова скрытая сторона подобных движений, и вот что видит ясновидящий, наблюдая одно из этих поразительных собраний. Он видит множество людей, в прямом смысле выведенных из себя, чьи тонкие проводники временно им не принадлежат, а используются для поддержания вихря энергии. Все эти люди изливают свои эмоции, чтобы создать огромный астральный водоворот, в который, ликуя, бросаются природные духи, вновь и вновь погружаясь туда и проносясь через него в несдержанном диком удовольствии. Ведь они могут отдаться удовольствию с такой полнотой, о которой более тяжёлое человеческое существо ничего не знает. Вся их жизнь на время превращается в один дикий припадок, и это чувство опять отдаётся на людей, которые неосознанно доставляют им удовольствие, также давая им чувство сильнейшего ликования.

В этом и заключается объяснение страстности этих необычайных проявлений. Всё, чего желают эти природные духи — это сильные эмоции того или иного вида, получаемые ими от своих рабов — людей. Для них всё равно, религиозные это эмоции или сексуальные; вероятно, они даже не знают разницы. И уж конечно они не могут знать, полезны они или вредны для эволюции этих человеческих существ. Всё это — лишь дикая, бешеная оргия нечеловеческих существ, в точности такая же, как шабаш средневековых ведьм, но в этом случае вызванная эмоциями, которые многие считают принадлежащими благой, а не дурной стороне жизни. Но для природных духов в этом нет никакой разницы. Они ничего не знают о добре и зле; что им нравится — так это сильнейшее возбуждение, которое они могут получить, только одновременно приведя массы человеческих существ в

состояние, весьма опасное для их рассудка. Ни один человек в одиночку не мог бы достичь столь опасного уровня возбуждения — для этого нужно большое количество людей, взаимно подогревающих и заводящих друг друга. И я бы не советовал читателю присутствовать на подобных мероприятиях, потому что, если его здоровье и уравновешенность не вполне совершенны, для него существует определённая опасность оказаться сбитым с ног этой волной.

Я хочу, чтобы было ясно понято, что написанное мною никоим образом не отрицает того великого факта, что так называемые «внезапные обращения» иногда случаются, и для человека, пережившего такое, это всегда к лучшему.

«Обращение» (conversion) — слово благородное, если только не связывать его с недостойными обстоятельствами, подобными только что описанным. Оно означает «повернуть, чтобы идти с», и смысл его в том, что человек, до сих пор двигавшийся по собственной эгоистичной дорожке, впервые осознаёт ту великую истину, что есть божественный план для человека, и что в его силах разумно принять этот план и исполнять ту часть, что предназначена для него. Осознав это, он поворачивает и идёт вместе с божественной волей, вместо того чтобы невежественно действовать против неё. Раз сделав это, он никогда уже не сможет грешить, не чувствуя раскаяния. Хотя его проводники могут вырваться из-под его власти и ввести его во все виды излишеств, что у христиан называется «падением», он уже не сможет оставаться в неведении о том, что он пал, и будет сожалеть о своём падении.

Это познание великих фактов жизни называется на Востоке «обретением распознавания», или иногда «раскрытием дверей ума». Обычно это постепенный процесс, или по меньшей мере являющийся результатом постоянных мысленных усилий или рассуждений. Однако, иногда окончательное убеждение снисходит на человека внезапно, и это-то и есть тот случай, который называют внезапным обращением. Если человек, к которому пришла такая внезапная вспышка убеждения, ранее уже размышлял над этим (возможно, в прошлых жизнях) и почти убедил себя, то достаточно одного окончательного касания озарения, и тогда эффект такого обращения будет уже постоянным. Даже после этого человек может пережить многие падения, но он всегда будет от них оправляться и в целом совершать равномерный прогресс.

Как уже было описано, эмоциональный эффект мероприятий, проводимых участниками «религиозного возрождения», является очень мощным. Он не только даст маленький дополнительный толчок, необходимый для обращения тому, кто уже к нему готов, но иногда может захватить и человека, который вовсе к нему не готов. Это воздействие может оказаться достаточно мощным, чтобы перенести его через разделительную линию, и временно заставить его провозглашать (причём совершенно искренне), что он тоже обращён. Но постоянный эффект будет вовсе не таким. Во втором случае человек в действительности ещё не готов; в низшей части его природы имеется огромное количество неконтролируемой силы, и хотя временно над ней возобладали силы, присутствующие на религиозном собрании, она ещё утвердит себя, когда их действие прекратится, и человек неизбежно скатится к своему прежнему образу жизни. Мы не должны осуждать его за это — сила, необходимая для постоянного контроля за низшей природой, растёт очень медленно, и было бы неразумно ожидать, что она может развиваться при одной

вспышке энтузиазма. В случаях, где кажется, что это так, сила просто тайно накапливалась долгое время.

Так что я повторяю, что вовсе не отрицаю реальность внезапных обращений, случающихся иногда; также не отрицаю я и некоторую пользу, которую может принести преданный энтузиазм, вкладываемый в «религиозное возрождение». Но я также могу поручиться и за верность всего сказанного выше об общем эффекте подобных собраний и роли в них нечеловеческих существ; и по этой причине я не могу не прийти к выводу, что подобного возбуждения всем изучающим оккультизм следует избегать.

В редких случаях, когда огромная толпа движима преобладающей идеей, которая полностью бескорыстна, в игру вступает совсем другой разряд существ — астральные ангелы (кама-дэвы), активно радующиеся добру. Под их руководством временно усиленные вибрации оказываются безопасны и даже полезны, поскольку эти существа понимают человеческую природу и знают, как безопасно вернуть её в обычное состояние.

Несколько лет назад мне случилось видеть примечательный пример этого, но прежде чем дать его описание, я сначала скажу несколько слов о той добродетели, что послужила причиной этому взрыву эмоций. Ведь вся разница здесь в мотиве — в только что описанном случае он был в основе своей эгоистическим, тогда как здесь он был лишён эгоизма; в одном случае это была надежда на личное спасение, тогда как в другом это были верность и патриотизм.

Волна патриотизма

Патриотизм — добродетель, на которой в эти дни настаивать необходимо. Но мы должны убедиться в том, что понимаем под этим словом. Имеется в виду не предрассудок, не шовинистическая пустая похвальба. Есть люди, которые не видят ничего хорошего ни в одной стране, кроме своей собственной, и постоянно бахвалятся её преимуществами, оскорбляя и понося все другие. Они не патриоты, а просто хвастливые шовинисты, и демонстрируют не силу своей преданности родине, а глубину своего невежества.

Истинный патриотизм — сама противоположность всего этого; он признаёт, что у каждой страны есть свои преимущества и слабые стороны, и что у каждой нации есть свои достоинства, но также есть и свои недостатки, ибо никакая политическая или национальная система пока что не совершенна, и повсюду даёт о себе знать человеческая природа. Тем не менее, он видит, что человек в долгу как перед родителями, взрастившими его, и семьёй, частью которой он является, так и перед страной, в которой он родился, ибо рождение в ней — не дело случая, а следствие кармы. Он помещён туда, потому что именно таковы заслуженные им условия; кроме того, они лучше всего способствуют его эволюции, и он помещён в них не только чтобы получать, но и чтобы давать, ведь лучше всего человек учится служением. Потому он должен быть готов быть призванным на работу для своей страны и с охотой соглашаться на те меры, которые могут быть необходимы для

общего блага, даже если ему лично они несут убыток. Ради интересов страны он должен забыть свои личные желания и интересы, и когда появляется возможность, щедро отдавать себя служению ей.

Я в курсе, что среди приверженцев так называемого передового мышления есть те, кто насмехается над патриотизмом как над признаком низкого уровня развития и считают его такой добродетелью, которая наполовину является пороком. Но это ошибочное воззрение, потому что в таком случае по тем же причинам можно было бы насмехаться и над семейными чувствами. Верно, что и любовь к своей семье, и любовь к своей стране являются более ограниченными чувствами, чем универсальная любовь, тем не менее, они — этапы на пути к ней. Если примитивный человек думает только о себе, то распространение своей любви на то более широкое «я», которое мы называем семьёй, будет для него прогрессом, а научиться чувствовать и мыслить в национальном масштабе станет ещё одним шагом на том же пути. Позже он научится мыслить и чувствовать в категориях всего человечества, а затем увидит, что и животные, и растения — тоже наши братья, хотя и меньшие, и что вся жизнь есть божественная Жизнь, и таким образом любовь, некогда ограниченная лишь своей личностью, своей семьёй, своим родом и своей нацией, станет столь же широка, как безбрежное море божественной любви.

Но весьма необходимым этапом на пути к этой цели является тот патриотизм, который заставляет человека поступиться интересами своего покоя и комфорта, отмести соображения личной выгоды и даже пожертвовать своей жизнью ради служения родине. Естественно, что олицетворением страны для него становится её правитель, и так он развивает в себе ещё одну добродетель — преданность, и его характер таким образом очищается и возвышается. То, что короли часто бывали недостойны этого высокого чувства — печальный факт, но это не мешает другому факту — пользе этого чувства для тех, в ком оно пробуждается. Когда же случается, что самодержец как раз таков, каким и следует быть правителю, мы наблюдаем стечение обстоятельств, в которых верность ему может принести наибольший эффект, и правитель и его народ достигают великолепных результатов.

Примечательным примером этого был энтузиазм, вызванный празднованием бриллиантового юбилея королевы Виктории. Внутренняя сторона этого была для тех, кто мог видеть её, незабываемым зрелищем. Случилось так, что благодаря доброте друга мне удалось наблюдать эту процессию из окна одной из контор в Сити, находившейся на маршруте её движения. Даже с физической точки зрения украшения преобразили сумрачные лондонские улицы. Фасады высоких зданий по обеим сторонам мрачной улицы были целиком покрыты своеобразными лесами, которые образовывали перед каждым окном временные балконы, тесно облепленные мужчинами, женщинами и детьми, так что унылые здания украсились рядами лиц, идущими один над другим, и процессия шла как бы в ущелье, стены которого были построены из человеческих тел.

Большинство людей были бизнесменами со своими жёнами, семьями и сельскими друзьями. Эти последние вносили элемент веселья и любопытства, непривычный для строгих и тёмных улиц Сити, ведь как правило, они радовались этому случаю

и критически изучали туалеты своих соседей. Сами же люди из Сити в большинстве случаев не могли освободиться от своих забот, и всё ещё были окружены мыслеформами, связанными с ценами и процентами. Иногда проносился какой-нибудь привилегированный экипаж, или проходил полк солдат, который должен был участвовать в шествии, но они редко привлекали более чем мимолётное внимание этих деловых людей, которые почти незамедлительно возвращались к своим расчётам. Даже когда наконец появилась сама процессия, их интерес был лишь половинчатым, и они видели её на фоне акций и финансовых интересов.

Время от времени какого-нибудь особо популярного деятеля встречали небольшой овацией, но в целом астральный облик этой огромной толпы мало отличался от наблюдаемого при других подобных собраниях. Радость детей по поводу столь необычного праздника проявляла себя многочисленными вспышками и переливами цвета, тогда как мысли их отцов часто представляли неприятную противоположность этому, выглядя как тёмные свинцовые заплатки, пятнами зиявшие на разнообразном блеске этой сцены, поскольку волны возбуждения, которые начали перепрыгивать с одной стороны улицы на другую, влияли на них лишь незначительно. Но вибрация чувств становилась сильнее и сильнее, и когда великолепие процессии кульминировало в приближении самой королевы, произошла поразительная перемена — все тысячи местных цветочных вспышек и завихрений полностью исчезли, затопленные огромным водопадом смеси голубого, розового и фиолетового, настоящей Ниагарой изливавшимся по обеим сторонам этой живой долины лиц.

Лишь с одним можно сравнить этот ровный, непреодолимый стремительный поток — он столь же впечатляющ, как величайший водопад, если смотреть на него снизу, но здесь к этому добавлялось богатство неописуемо великолепных цветов, которые далеко за пределами всяких представлений физического плана. Никакие слова не могут дать представления об эффекте этого огромного одновременного выброса энтузиазма, переливающегося водопада любви, верности и почтения, и всё это сходило на карете, где восседала императрица, которая не могла сдерживать слёз, сопереживая эмоциям, переполнявшим её подданных. И они тоже плакали — от чистой радости и глубины чувств. Зачерстевшие бизнесмены на время полностью забыли свои низменные финансовые расчёты, свои заботы и даже самих себя, и перенеслись в высший мир — они поднялись над собой на тот уровень мыслей и чувств, которого многие из них не касались с ранних дней невинного детства.

Это уникальный опыт, который нелегко получить в столь прозаические времена, как эти, и он не может не оставить благотворного отпечатка на всяком, кто прошёл через него. Эта сильная душевная встряска, несомненно, была временной, и всё же каждое сердце было тогда тронуто до самых глубин благородным и бескорыстным чувством, став от этого лучше.

Подобная, и даже более великолепная демонстрация таких бескорыстных чувств имела место и во время коронации его величества короля Георга V. Самому мне не довелось её наблюдать, но отчёты тех ясновидящих, которые видели её, показывают, что она даже превзошла вышеописанную.

Война

Ещё одним событием, происходящим, к счастью, лишь иногда и всё реже, но которое, тем не менее, глубоко трогает сердца людей, является война. Полагаю, что немногие в наши дни решатся отрицать тот факт, что война — это абсурдный и жестокий анахронизм. Если мы на минуту задумаемся, то прекрасно поймём, что результат сражения никоим образом не решает первоначального вопроса, из-за которого оно разгорелось. Он может показать, чей генерал умнее или чья артиллерия мощнее, но конечно же *не* показывает, которая сторона права, если тут вообще могут быть правые. Что касается индивидуальностей, то все они, за исключением некоторых представителей низших классов, давно прошли тот этап, когда они пытались решать личные споры с помощью драки. Когда наши представления о границах владений не совпадают с мнением наших соседей, мы уже не собираем своих слуг, чтобы решить вопрос с помощью ружей и дубинок, а передаём дело в суд, в беспристрастности которого обе стороны могут быть уверены.

Однако как нации мы ещё не достигли того уровня развития, на котором мы находимся как индивидуальности. Сравнительно маловажные вопросы мы (по крайней мере, некоторые из нас) соглашаемся решать в законном порядке, но пока что ещё нет суда, которому нации мира доверяли бы в такой степени, чтобы принять его решение по жизненно важным для них вопросам. Так что нерациональное обращение к грубой силе всё ещё остаётся возможностью, нависающей над жизнью наций подобно грозовой туче.

Поэты пели войне славу, но легионы Красного Креста, которые идут на поле боя, чтобы не ранить, а помогать, когда пушки и винтовки сделали своё дело, могут рассказать нам кое-что об истинном характере войны и всех ужасах, сопровождающих как успешную атаку, так и крепкую оборону. Иногда война всё ещё может оставаться необходимостью — меньшим из двух зол; но это так лишь по причине плачевного несовершенства нашей хвалёной цивилизации. И всё же, как бы ужасно и бесчувственно это ни звучало, война годится для некоторого полезного применения; у неё есть своя роль, которую она играет на ранней стадии эволюции.

Несомненно, «я», воплощённые в зулусских ордах, которые под командой Чако или Сетэвайо без колебания отправились на верную смерть, приобрели тем самым качества послушания, самоконтроля и самопожертвования, которые окажутся для них ценными в следующих рожденьях, в той обстановке, где им можно будет найти более разумное применение; и именно к дикарскому уровню развития война по праву и принадлежит. Однако такие же уроки требуются и многим из тех, кому достаётся рождение в более высокоразвитых расах, и потому, нисколько не отказываясь от своего отвращения по поводу жестокости и бессмысленности войны, мы всё же признаём, что преданность абстрактной идее патриотизма, которая может повести человека на смерть ради родины, означает определённый шаг вперёд по сравнению с обычным отношением того класса, из которого обычно набираются наши солдаты. Близко знакомые с нашим крестьянским населением

также не могут не заметить, какую перемену производит в молодых людях служба в армии или на флоте, как из людей, медленно отвечавших и соображавших, они становятся внимательными, проворными, находчивыми и приобретают самоуважение. К сожалению, в то же время они иногда приобретают и другие, куда менее желательные привычки, но по крайней мере в большей степени становятся людьми, и их уже не назовёшь быдлом.

Однако нет такой причины, которая бы и при мире во всём мире мешала бы ввести хорошую систему физической тренировки, которая давала бы все преимущества, приобретаемые людьми, проходящими выучку в армии и на флоте, но без грешной и смехотворной потери жизни и денег в военных действиях. Шаг в этом направлении уже сделан замечательной организацией бойскаутов, и будем надеяться, что она распространится по всему миру, чтобы её благами могли воспользоваться все.

Какой бы злой и ужасающей ни была война, когда она случается (то есть когда её уже нельзя предотвратить), она всегда используется силами, стоящими за эволюцией, и обращается ими на благо, хотя бы в некоторой степени компенсирующее зло. Иногда она используется и как альтернатива чему-либо ещё худшему, или же небольшая война допускается, чтобы избежать более бедственной и разрушительной.

Мне говорили, что если бы не случилась англо-бурская война, которую вела Англия в южной Африке, то неизбежно началась бы огромная и ужасная война в Европе, которая повлекла бы куда более масштабные и повсеместные разрушения. Кроме того, очевидно, что эта война была использована, чтобы более тесно связать между собой разные части Британской Империи, чтобы сражаясь бок о бок, люди могли научиться по-братски относиться к своим товарищам и лучше понимать друг друга. Действительно, часто последствием войны бывает согласие разных групп внутри страны забыть свою рознь и объединиться против общего врага. Нападение Италии на Триполи может быть или не быть оправданным с абстрактной точки зрения, но жившие в то время в Италии не могут сомневаться, что это соединило несколько разнородное население страны в более тесный союз и оно стало осознавать своё единство как нация.

Скрытая сторона самих военных действий, пожалуй, менее примечательна, чем можно было бы ожидать. Звуковые формы, образуемые артиллерийскими разрывами и постоянным грохотом стрелкового оружия, естественно, имеют поразительный характер, но что касается астрального мира, то главной чертой окрестностей поля битвы является волнующаяся смешанная масса. В ней неизбежно присутствует некоторое количество страха, исходящего от тех, кому ещё в новинку эта отвратительная работа, но обычно сравнительно мало настоящей ненависти. Боль и горе раненых ужасны, и всё же даже тогда в большинстве случаев личной ненависти мало. Обычно присутствует сильное чувство порядка, послушания, решимости, которое, пожалуй, исходит в основном от офицеров и старых солдат. Но если наблюдатель не воспринимает мыслеформ генералов, то трудно бывает получить какое-то связное представление о сцене в целом.

Во время битв собирается множество невидимых помощников, чтобы встретить убитых и оказать им любую помощь, в которой они могут нуждаться.* Но в целом война возбуждает гораздо больше чувств в умах мирных жителей и родственников воюющих, чем у самих солдат, принимающих в ней участие.

* Эта книга вышла в свет незадолго до Первой мировой войны. Более подробно о работе невидимых помощников во время войны и прочих связанных с этим явлениях говорится в XVII главе дополненного издания книги Ледбитера «Невидимые помощники», выпущенного в 1920-х годах, а также в полученной спиритическим путём книге Э. Баркер «Письма живого усопшего о войне». — *Прим. пер.*

Катастрофы

Иногда, помимо войн, мир постигают и другие катастрофы. При землетрясении в Мессине внезапно погибло 200000 человек; какова же оккультная сторона такого происшествия? Внутреннее зрение помогает нам с б`ольшим пониманием смотреть на подобные события, и нисколько не меньше жалея пострадавших, мы избегаем того ужаса и бессилия, которые парализуют многих при одной мысли о такой катастрофе. Давайте подумаем спокойно, аналитически, что же собственно произошло при этом? Двести тысяч человек были внезапно освобождены от груза плоти. И как раз *их*-то нам не нужно жалеть — мы не можем назвать их пострадавшими, поскольку они были моментально и безболезненно перенесены в более высокую и счастливую жизнь, и при такой катастрофе в действительности бывает меньше страдания, чем в связи со многими отдельными случаями смерти.

Внезапная смерть причиняет страдания не самому умершему человеку, а его родственникам, которые, не понимая природы смерти, полагают, что потеряли его. Но как раз при таких больших катастрофах мало остаётся тех, кто плакал бы по другим, поскольку почти все семьи в области, которую постигло бедствие, бывают уничтожены целиком. Близкие родственники в большинстве случаев погибают вместе, а плакать по ним остаётся более дальним родственникам из других мест.

Но без сомнения, там есть те, кто испытывает ужасные страдания — люди, получившие телесные повреждения и долгие дни ожидающие помощи; и другие, оказавшиеся под завалами и медленно умирающие от голода или удушья. К ним-то и должно быть направлено наше сострадание. Но помните, что чаще всего их бывает не так уж много по сравнению с теми, кто каждую неделю умирает от голода в нашей столице — Лондоне. Ведь смерть от голода не обязательно наступает из-за полного отсутствия пищи в течение нескольких дней. Человек, получающий недостаточно пищи, или пищу недостаточно питательную в течение многих лет, обречён на такую же верную смерть от голода, как и тот, кто вообще не имеет еды, только в его случае страдание получается куда более продолжительным.

Ещё можно сказать, что землетрясение вызывает огромные страдания, потому что множество людей сразу становятся бездомными и лишаются средств к существованию. Это опять верно, и к ним мы тоже должны испытывать самое

искреннее сочувствие. В действительности мы знаем, что весь мир сочувствует им, и с оккультной точки зрения самым большим эффектом этого землетрясения была огромная волна сочувствия и сострадания, которые направлялись к этому месту из всех обитаемых частей земного шара, куда только дошли новости.

Так что не смерть должны мы считать злой судьбой; по меньшей мере этому должна была научить нас теософия. Мы должны жалеть не мёртвых, а живых, которые ещё продолжают страдать под стискивающим давлением всех ограничений этого странного физического мира. Для тех, кто не знает никакого иного мира, покидать этот мир кажется ужасным, но человек, чей взгляд простирается и в высшие миры, знает с уверенностью, которой ничто не может поколебать, что самый счастливый момент для всякого человека (если рассматривать его лишь с точки зрения ощущения счастья), — это тот, когда он ускользает из этого мира в более широкую и более реальную жизнь, которая выше.

Нам требуется пройти развитие, которое возможно лишь при здешних тяжёлых условиях, и вот по этой причине наша физическая жизнь является необходимостью. Мы приходим в неё подобно человеку, который отправляется на какую-то неприятную работу, которая, как он знает, тем не менее должна быть сделана. Так что состарайтесь изо всех сил тому бедному парню, который изгнан из высшей жизни, но не тратьте свою печаль на тех, кто вернулся домой — к красоте, великолепию и покою.

Отсюда, из физического мира, всё видится искажённым, потому что мы можем видеть лишь крошечную часть бытия, а затем со странной глупостью настаиваем на том, чтобы принимать эту часть за целое. Оккультизм учит нас более точной соизмеримости, показывая нашу жизнь в верной перспективе, и потому, нисколько не теряя в сочувствии к действительно страдающим, мы узнаём, что в нашем сострадании больше всего нуждаются вовсе не те, на кого неразборчивый мир изливает свою жалость наиболее безудержно.

Всякий из этих миров есть часть великого Солнечного Логоса, в нём мы «живём, движемся и существуем», и поскольку мы не можем выпасть из его владений, лишившись его присутствия и его водительства, какое значение могут иметь переходы между этими мирами?

Глава XII

ВЛИЯНИЕ НЕВИДИМЫХ СУЩЕСТВ

Чувствительные люди

Случаи, которые мы до сих пор рассматривали, таковы, что могут произойти в жизни почти каждого. Но есть и другой класс происшествий, которые случаются обычно лишь с людьми определённого типа, но на последних они оказывают столь

значительное влияние, что его не вдруг и оценишь — часто оно бывает столь огромным, что изменяет весь ход жизни. Среди нас есть такие, кто чувствительнее большинства людей; они живут в снах и видят видения, и для них эти видения являются важнейшим фактом жизни. Естественно, что таких людей привлекает изучение оккультизма, так что среди наших читателей их пропорция вероятно будет гораздо больше, чем в мире, который подобными вещами не интересуется. У этих видений тоже есть скрытая сторона, изучение которой имеет огромную важность.

Видения бывают многих типов — одни незначительные и маловажные, а другие — представляющие глубокий интерес и способные повлиять на тех, кто их переживает, и повлечь далекоидущие последствия. В некоторых случаях их происхождение очевидно; в других же свою роль играют любопытные и неожиданные связи, и несколько совершенно разных причин могут сложиться в такую комбинацию, которая будет представляться целостной историей.

Поскольку я написал несколько книг об условиях астрального мира, нередко случается, что люди, пережившие психический опыт или видения, которых они не могут вполне понять, посылают мне отчёты о них, спрашивая, подсказывает ли мой опыт в этой области какое-либо объяснение. На такие письма не всегда бывает просто ответить — не потому, что составление гипотезы, подходящей к фактам, представляло какую-то трудность (обычно это было как раз нетрудно), а потому, что таких гипотез получалось слишком много. Почти всякий описанный опыт с равной лёгкостью мог быть произведён любым из полудюжины способов, и без специального и подробного исследования часто невозможно сказать, какой же из них был применён в каждом конкретном случае. Естественно, лишь немногие из сотен сообщаемых случаев представляют достаточный общий интерес, чтобы такое расходование времени и сил было оправданным; но однажды мне встретился особенно характерный. Он представлял собой столь хороший пример своего типа, что его анализ может оказаться полезным многим другим людям, переживавшим нечто подобное.

Примечательный случай

Отчёт об этом случае я недавно получил от одной женщины — это было описание долгого и сложного видения, или серии видений в совокупности с впечатляющими переживаниями, которые оставили после себя долговременные последствия. Чтобы понять, что в действительности произошло, понадобились некоторые исследования, в ходе которых стало видно, что в создании любопытных эффектов, описание которых я получил, участвовали несколько разных отдельных факторов. Каждый из них нужно было исследовать отдельно и проследить его источник, и я думаю, что изучающих едва ли не заинтересует исследование того, как эти независимые и не связанные между собой причины произвели в некотором роде поразительное целое.

Здесь я кратко излагаю присланную мне историю, во многих случаях используя выражения самой рассказчицы, но сжав её настолько, насколько я это могу

сделать, не теряя духа и стиля оригинала. Нужно заметить, что эта леди уже не могла довольствоваться религиозными доктринами, воспринятыми в детстве, и начала заниматься сравнительным изучением религий, прочитав несколько книг по теософии — среди прочих и «Тайную доктрину». Она очень искренне желала знать истину и сделать любой возможный для себя прогресс. В ходе своего чтения она наткнулась на книгу Свами Вивекананды «Раджа йога» и практиковала рекомендованные там дыхательные упражнения. В результате она быстро развила определённый тип ясновидения и начала записывать автоматическим письмом. Около пяти дней она потакала своим астральным руководителям, записывая целый день всё, что они желали.

Похоже, она была сильно против идеи смертной казни и ощущала огромное сочувствие и жалость к убийце, недавно казнённому по соседству. Среди прочих существ пришёл вступить в контакт и этот мёртвый убийца, приведя с собой и других людей того же сорта. Она делала самые искренние попытки помочь этим людям, пытаясь любым способом дать им надежду и утешение и преподавая им столько теософии, сколько она знала. Однако, она скоро обнаружила, что убийца возобладал над ней и одержал её, и она была не в состоянии изгнать его. Положение её быстро ухудшалось, и сами её жизнь и рассудок висели на волоске. Долгое время никакие усилия не могли ослабить её страданий, и ничто не подсказывало ей, как это сделать, хотя она постоянно молилась изо всех сил своей души.

В конце концов однажды она осознала присутствие другого существа, принесшего ей облегчение. Этот человек сказал ей, что молитва её духа была услышана, и он назначен её руководителем, и по причине её духовного развития и силы, которую он показала в молитве, она была признана особенно перспективной и скоро должна была получить самые необычайные милости. В действительности, он так много говорил о её примечательном положении и признании её заслуг, что она с удивлением спросила:

— Так кто же тогда я?

— Ты Будда, — был поразительный ответ.

— А кто *вы*? — спросила она.

— Я Христос, — ответил он, — и возьму теперь руководство над вами.

Наша корреспондентка тут показала чувство здравого смысла и своё значительное превосходство над большинством принимающих подобные сообщения, совершенно отказавшись верить этим заявлениям, но тем не менее она приняла руководство (а также учение, в том, что касалось других моментов) существа, сделавшего такие поразительные притязания.

Тогда он сказал ей, что она должна пройти через посвящение, и если преуспеет в этом, будет допущена к «совету небес», который созывается для решения, должен ли быть мир уничтожен или нужно предпринять ещё одну попытку его спасения. Он попросил её поторопиться, чтобы подготовиться к присутствию на этом

совете, поскольку судьба мира всё ещё висит, балансируя, так что она смогла бы отдать свой голос в пользу спасения. Её умственное отношение было любопытным — она, конечно же, не принимала эти экстравагантные заявления, но всё же она наполовину верила в то, что нужно совершить какое-то великое дело, и решила продолжить эксперимент и последовать руководству существа, спасшего её от одержания.

Ей было указано, что для подготовки к посвящению ей нужно поставить кровать в комнате, которую она могла бы запереть на ключ, лечь на неё и чувствовать себя удобно. Затем руководитель инструктировал её делать дыхательные упражнения, как учил Вивекананда. Он сказал, что её прежние попытки подняли змеиный огонь в солнечное сплетение, и что теперь она должна поднять его в мозг — этот процесс должен был ей помочь и направить её.

Затем она описала ощущения, точно напоминающие родовые муки, с тем исключением, что боль чувствовалась вдоль позвоночника, а рождение, казалось, должно было произойти в мозгу. Много раз её страдания становились столь невыносимыми, что она приходила в отчаяние и была готова уже оставить борьбу, но её руководитель был очень настойчив и всегда убеждал её не сдаваться и пройти через испытание до конца. Он витал над ней как дежурящий врач или сиделка, ободряя её, направляя, помогая и делая всё возможное, что могло бы способствовать этому рождению. Наконец она преодолела испытания, и рождение, как она утверждает, представлялось ей столь же определённой и реальной вещью, как рождение собственного ребёнка. Когда это произошло, её руководитель получил огромное облегчение и воскликнул «слава Богу, всё закончилось».

Этот необычайный опыт был, однако, лишь прелюдией к долгому ряду чудесных видений, продолжавшихся почти двенадцать дней по нашему физическому времени. Отчасти они были сугубо личного характера, а отчасти — имели природу общих наставлений. Часто они были бессвязными и неопишуемыми, но всегда впечатляющими и интересными. Личная часть состояла в её отношениях с так называемым «советом небес» и их результатами, а также включала некоторые любопытные символические видения, в которых люди, хорошо знакомые ей в физической жизни, играли заметную роль в мире, который она пыталась спасти, а также видения главного врага, Сатаны — падшего ангела, который ей сопротивлялся. Здесь она уместно замечает, что это было ещё более странным, поскольку уже много лет назад она переросла всякую веру в личного Дьявола или необходимость того, что обычно называют «спасением».

Общие наставления, которые она получала, в целом по своему характеру имели отношение к теософии и главным образом относились к этапам творения и эволюции разных коренных рас. Первую стадию этого она описывает следующим образом:

«У меня было удивительное видение. Сначала среди темноты я увидела огромную Темноту, которая как бы высиживала что-то целыми веками. Затем началось лёгкое движение, как если бы это был самый слабый *сон* в этой великой темноте. Понемногу оно росло, пока наконец не стала развиваться определённая *мысль*. Понемногу стали появляться постоянно меняющиеся формы. Всё было хаосом.

Даже формы были посреди хаоса, и родовые муки Вселенной были ужасны. Всё было едино. Казалось, что это попытка развить порядок и создать из столь многих форм связанное целое, что без сомнений демонстрировало, что всё это делалось Единым Великим Существом, и что боль и ответственность чувствовались им одним. Это продолжалось долгое время, и было другое выражение рождения, с ещё большими результатами, но такой же неизменной торжественностью.

Я не знаю, когда я впервые начала видеть *души*. Поначалу это было удивительным зрелищем, и я очень отчётливо помню, как густо они присутствовали повсюду среди хаоса и среди форм. В постоянной вибрации этой чудесной эволюции души поглощались формами, а формы опять превращались в души. Эти души были яйцеобразными и всех размеров, от крошечных до более крупных, но ни одна из них не была столь большой, как та, что я увидела в удивительном продолжении.

Через некоторое время панорама чудес переменялась, и мир принял облик, знакомый моему типу мышления. Символ за символом проходили, включая всю историю и мифологию. Тысячи картин проходили в этом обзоре, будто давая откровение всего Космоса и истории. Сейчас я могу вспомнить лишь немногие, но одна послужит иллюстрацией этому.

Я увидела корову огромных размеров — почти с гору. К ней была приставлена лестница, и по ней медленно и многотрудно, круг за кругом, взбирался человек. Он представлял человечество. Когда наконец он достиг её спины, он протянул руки вперёд и схватил её за рога. Человечество требовало продуктов и богатств Земли для всех, а не только для немногих. Мой руководитель назвал эту корову «коровой Деметры». Из своего чтения классики я знала, что Деметра представляла землю.»

По-видимому, на этой стадии она и была представлена «совету небес». Она обнаружила, что он состоял из небольшого количества колоссальных фигур, сидевших полукругом. Его члены, похоже, были недовольны миром и решили, что он должен быть уничтожен, но она искренне просила, что человечеству нужно дать ещё один шанс, говоря, что она много раз жила и умирала ради мира и полностью готова снова посвятить себя служению ему. Её руководитель потом сказал ей, что она, живя в физическом мире, не представляла, сколь красноречива она была в своих мольбах об этом. Похоже, в совете была какая-то разница во мнениях, но наконец большинство его членов удалось умиловить и они обещали послать ей и её руководителю помощь, дабы они могли трудиться ради мира. (Исследование той реальности, которая стояла за этим примечательным видением «совета небес» оказалось одной из самых интересных особенностей этого исследования, о чём я напишу позже). После этого полутеософические видения возобновились. Далее я снова цитирую её письмо:

«Той ночью последовали и другие видения, но символизм их изменился. Я увидела долину, в которой находилось человечество, а над ним витал рой существ, облачённых в белое, но эта белизна не излучала света. Человечество же было тёмным и затенённым. Я бросилась, чтобы пробудить их, но при моём приближении фигуры в белом построились в сильные и решительные группы, чтобы не дать мне выполнить своё назначение. Я распознала в них духов-

обманщиков, самозванных учителей и проповедников Земли, и они решительно прижимали вниз и удерживали там ослеплённое и темное человечество. Но всмотревшись, я стала там и сям замечать среди множества людей пробуждающиеся души. Как только такая душа начинала сиять своим внутренним светом, она поднималась из своего распостёртого положения и начинала двигаться над спящим миром, пытаясь разбудить остальных. Я как бы стояла на удалённой горе, но могла отчётливо видеть, как душа пробуждалась и начинала светить, и прежде чем видение прошло, я видела многие такие вспышки в разных местах, и от этого вершины окружающих гор начали золотиться солнечным светом. По мере того, как это золотое сияние росло, фигуры в белом убегали. Однако, они продолжали энергично противодействовать моим усилиям помочь миру и как следует прожить свою жизнь.

Видения продолжались всю ночь, но к утру стали неясными. Мой руководитель разбудил меня и сказал мне встать и выпить чашку кофе, чтобы собраться, так как я столько была в духе, что чуть полностью не покинула тело. Когда я послушалась, то была ошелоmlена. Всё время, пока я пыталась развести огонь и приготовить чашку кофе, мой руководитель присутствовал, и я ощущала самое удивительное состояние. Мне казалось, что меня окружают ангелы и поют гимны благодарения. Было утро дня благодарения, и прежняя бурная погода уступила место спокойной. Я открыла дверь и обратила лицо на юго-запад. Я чувствовала что окружена высшими Существами и пела вместе с ними чудесный хвалебный и благодарственный гимн. Это напоминало благовещение, непорочное зачатие, рождение и присутствие чудесного Дитяти сразу. Особо освежающий, но незнакомый аромат наполнял атмосферу. Мой руководитель сказал, что это ангелы воскуряют ладан. Позднее тем же днём он снова сказал мне лечь в постель.

Видение было пречудесным. Снова я наблюдала творение, но на этот раз оно было иным. Я видела расы в совокупности. По мере того, как они появлялись и исчезали, мой руководитель торжественно объявлял: «И был вечер, и было утро — день первый», «...день второй», и так далее. Как-то, хотя и не могу объяснить как, но я тогда чувствовала, что пятая раса родилась в четвёртый день, и мне это казалось имеющим особую важность. К этому рождению особо было привлечено моё внимание, когда вполне развившийся человек пятой расы лежал, распостёршись на руках великого Существа, его как бы протянули мне посмотреть. В этом видении я видела, что вплоть до пятой расы человечество было всех видов — некоторые люди были большими, а некоторые маленькими, Преобладал хаос, и мало было порядка повсюду в человеческой вселенной. Но после рождения пятой расы я увидела, что все стали одинаковыми и всё стало действовать в совершенной гармонии. Также в это время я увидела, что раса приняла чёткую форму, вроде как построившись в фалангу. Однако форма эта была круглой, и всю массу охватывала лента, проходя от человека к человеку, и ни один из них не мог выбраться из этой связывающей ленты. Уход этой расы был отмечен тем, что всё человечество внезапно преобразовалось в форму души — яйцеобразную.

В шестой расе развитие было весьма примечательным. Индивидуумы были одинаковы, но гораздо крупнее, чем в пятой расе. Вся раса была более склонна двигаться вверх, и движение сильно ускорилось. Примерно к завершению пятой и

началу шестой расы — я не могу точно вспомнить, когда — я снова увидела солнечный свет, золотящий вершины. Раса вышла из тени на солнечный свет, и её стремление вперёд и вверх становилось быстрее и быстрее. И тогда, когда снова пробил час, яйца лежали вместе, как они лежат в гнезде, но их количество было бесчисленным.

Здесь мой руководитель оставил меня. Он сказал, что не может идти со мной, и я должна идти одна и сама интерпретировать смысл своих видений. Он предупредил меня, чтобы я была осторожна и не отдавала свою жизнь, поскольку от моего успешного прохождения и сохранения жизни зависит мой успех и спасение мира, ради которого и делалось всё то, что мы видели. Иными словами, я верила, что прохожу через страшное испытание ради спасения мира.

Когда я наблюдала развитие седьмой расы, мне казалось, что я поднимаюсь на невообразимые высоты. Лента, которую я первый раз увидела связывающей пятую расу, сильно охватывала шестую и седьмую. Она стала неразрушимой. Всматриваясь в лица людей седьмой расы, я увидела, что они всё ярче и ярче сияют внутренним светом. Их сияние приходило уже не извне, но каждое сияло живым, ослепительным светом.

Моё тело к тому времени очень устало, и когда наступил вечер, я попросила отдыха. Но его мне не дали. Меня провели через много испытаний. Некоторые были ужасны, и чтобы выстоять, мне требовалось полное напряжение своих сил. Какова была природа этого, я не знаю. Знаю только, что я обещала доставить послание Бога при любых условиях, какими бы они ни были, если он потребует этого. Но испытания были страшными. В одно время я отказалась от видений, хотя они становились всё более прекрасными. Они прекратились, и мне казалось, что я оказалась во власти Сатаны. (От всех этих ортодоксальных понятий лично я давно отказалась, но в видениях они снова стали реальными).

Некоторое время я верила, что в наказание за моё упрямство, или скорее в результате моей ошибки, я потеряла всё. Ужасный кризис прошёл. Мир пропал в результате моей неудачи, и казалось, что пропал не только *этот* мир, но и вся Вселенная. Как я тогда молилась и как боролась! Прежде чем я смогла восстановиться, я пообещала отдать не только свою жизнь, но и жизни моих детей и даже самую *жизнь моей души*, если это понадобится для спасения мира.

На этом я не могу задерживаться. К утру в моё тело вошло удивительное дыхание, проходя вверх и вниз по позвоночнику, как если бы в моём теле не было никаких препятствий, и протекая через меня, оно пело чудесный, божественный гимн, что закончилось чудным союзом, в котором я чувствовала себя полностью единой с Богом. Это было такое состояние, что глупо было бы пытаться его описать.

В это время я лицезрела новую серию видений — все они были видениями славы. Там не было форм, которые я могла бы вспомнить, но одно великолепие *цвета* сменяло другое, и каждое было ярче и величественнее предыдущего. Наконец, появился чудный фиолетовый цвет, и когда он светил на меня в невыразимом великолепии, мне было сказано, что я могу пройти дальше и увидеть Бога, если захочу. Я спросила, смогу ли я вернуться оттуда, и мне

ответили, что не смогу. И тогда я снова сказала, как и при сотне других испытаний — я должна жить, чтобы спасти мир. И когда я отказалась продолжать, в том мире, который я затем восприняла, взошло солнце, и я смотрела на своё прекрасное видение, думая, как тускло в сравнении с ним солнце, и тогда видение постепенно угасло.

Не могу сказать когда точно, но примерно в это время ночью меня положили на крест, поместили в могилу, и я поверила, что моё тело мертво. Моё сердце, как я думала, остановилось, и боль, которую я терпела, была очень мучительна. Но блаженство моей души в высших видениях было столь же великим, как и боль тела в испытаниях распятия.

После этого мне придётся прекратить всякие попытки описания. Я правда не могу рассказать странные вещи, случившиеся со мной, да и не осталось в моей памяти ясного воспоминания о них. Одна из идей была в том, что я проходила подготовку к работе, которую должна была исполнить; другая, как мне показалось, имела отношение как к инволюции, так и к эволюции. Возможно, она представляла собой переживания души, готовящейся к воплощению.

Когда я наконец выбралась из всего этого, я обнаружила семью, с грустным видом собравшуюся у моей кровати. Они думали, что я умираю. С начала моего ненормального состояния до финального заключения прошло двенадцать дней, и из них пять дней и ночей я не спала. В последний день я уже поверила, что мне не жить больше на этом свете, и когда я проснулась и ко мне вернулось обычное сознание, голос, который я слышала, таинственно постепенно заглох, как и видения, и ни то, ни другое более не являлось мне с тех пор.

Но с тех пор я сознаю новую духовную жизнь, в медитации я достигаю состояния блаженства, и я уверена, что со мной произошло нечто удивительное.»

Результаты исследования видения

Следует понимать, что вышеприведённые выдержки составляют лишь малую часть видений, описанных нашей корреспонденткой, но думаю, что я дал хороший их пример и не упустил ни одного момента, представляющего особый интерес.

Всякий, кто привык анализировать психические явления, сразу же увидит, что в этом отчёте есть несколько особенностей, отличающих его от тех, что встречаются чаще всего. Многие видения, даже весьма связные, подробные и совершенно реальные для переживающего их человека, при исследовании оказываются полностью созданными им самим. Я имею в виду, что сначала человек сам обдумывает какую-то тему в определённом направлении, тем создавая серию мыслеформ, а затем во сне или в трансе выходит из тела, видит эти мыслеформы, не узнавая в них своё творение, и принимает эти несовершенные отражения за действительность. Таким образом он твёрдо укрепляется в своих верованиях или суевериях, какими бы они ни были, потому что сам видел всё это в видении, которое он вне всяких сомнений считает небесным. Такой человек, конечно,

совершенно искренен в своём убеждении, и даже совершенно прав, утверждая, что видел определённые вещи; его слабое место лишь в том, что он не обладает той подготовкой, которая позволила бы ему распознать природу увиденного. Однако в случае, представленном нашему рассмотрению, присутствуют многочисленные маленькие штрихи, которые уж никак не могли бы быть мыслями женщины, имевшей это видение, и это значимое свидетельство того, что за значительную часть увиденного был ответственен некий ум, отличный от её собственного.

Поскольку она очень хотела понять происхождение своих видений, а её история обещала присутствие каких-то необычайных особенностей, мне показалось, что стоит провести полное расследование этого дела.

Потому с женщиной был установлен раппорт, а далее оказалось необходимо исследовать и связанные с ней астральные и ментальные записи, дабы выяснить, что же действительно с ней произошло. Скоро стало очевидно, что в этом деле участвовало много отдельных факторов, и лишь терпеливо распутывая нити и прослеживая каждую из них к её источнику, можно было ясно увидеть причины. Если быть кратким, то дело было так:

Женщина, как и сотни других людей, устроила себе серьёзные неприятности неосмотрительной практикой дыхательных упражнений. Её отчаянные попытки избавиться от результатов этих упражнений привлекли внимание умершего человека, который был достаточно силен, чтобы оказаться ей в некоторой степени полезным. Но у него были свои собственные цели — они не были сознательно эгоистическими, но принадлежали к его собственной курьёзной личной иллюзии, и помогая этой женщине, он осознал, что в ней он может обрести мощный инструмент продвижения своих планов. Он быстро изменил свой план, выделив в нём ей заметную роль, и провёл её через опыт, который без него она не получила бы наверно ещё в течение нескольких воплощений.

Многие из результатов, очевидно, получились совсем не такими, как он ожидал, хотя он отважно пытался обратить их себе на пользу. Но в конце концов он бросил её, отчасти предупреждённый тем, какой оборот принимало дело, а отчасти потому, что начинал видеть, что не мог использовать её так, как надеялся. Исход всего приключения, насколько это касается нашей корреспондентки, оказался благополучным, но это везение, за которое она должна благодарить судьбу, поскольку риск был огромным, и по всем обычным расчётам вряд ли оставалась малейшая возможность, чтобы она смогла выбраться из такого опыта, сохранив жизнь и рассудок.

Чтобы уяснить всё случившееся, сначала нужно попытаться понять, что за человек был её «руководитель» и как он таким стал. При жизни он был мелким фермером, добрым, но невежественным человеком, фанатически религиозным, причём придерживавшимся узкого протестантизма. Единственной его книгой была Библия, над которой он размышлял долгими зимними вечерами, пока вся его жизнь не стала насыщена его собственными представлениями об её учениях. Излишне говорить, что обычно его представления оказывались неверными, и зачастую материальными до нелепости, но он был человеком столь искренним, что невозможно было смеяться над ним.

Он жил в малонаселённой части страны, и поскольку оказалось, что его немногочисленные соседи не симпатизируют его религиозным взглядам, с годами он всё больше уединялся, скромно живя с урожая малой части своей фермы, и всё с большим рвением посвящал себя изучению своей единственной книги. Постоянная фиксация на одной идее в конце концов привела его в состояние религиозной мании, и он начал верить, что он сам и есть избранный спаситель мира, Христос, которому предназначено снова предложить миру возможность спасения, которая две тысячи лет назад была принята лишь частично. Важной частью его плана было избавление от ложных верований огромной массы нехристиан, и его идея была в том, что это нужно делать не обычными миссионерскими методами, а путём влияния на великих лидеров человечества. Именно эта часть его программы, как мы далее увидим, заставила его проявить столь глубокий интерес к нашей корреспондентке.

Полностью охваченный этими религиозными иллюзиями, сей достойный фермер скончался. Вполне естественно, что его астральная жизнь была просто продолжением физической, но она как бы получила новую силу. Скоро он оказался среди сыроватых мыслеформ золотого Иерусалима, особого уголка, созданного им для себя в соответствии со своим образом мыслей. Результаты его попыток представить описания, данные в Апокалипсисе, иногда были оригинальными и по-настоящему изобретательными. Особенно моё внимание привлек его образ двадцати четырёх старцев, которые, в восхищении падая ниц перед божеством, сидящим на престоле, слагали к его ногам свои золотые венцы, которые тут же взлетали с земли и автоматически возвращались на их головы, только чтобы быть сложенными снова. Его «море стеклянное, подобное кристаллу» и смешанное с огнём, было не вполне удачным и напоминало скорее какой-то необычайно странный продукт вулканического извержения. Образ Бога Отца был вполне обыкновенным — суровый старик с длинной белой бородой. В ранний период своей физической жизни у него был и мысленный образ Христа — обычная невозможная комбинация распятия и агнца с хоругвью, но позже, когда он убедил себя, что он сам и есть Христос, эта фигура более не усиливалась и стала совсем неактивной и неприметной.

Среди этих его мыслеформ и нужно было искать «совет небес», игравший столь важную роль в видении нашей корреспондентки, и состав этого совета оказался и интересным, и поучительным. Очевидно, первоначальная идея была в том, что этот совет был избран из десяти или более персонажей Библии (Илья, Моисей, св. Пётр и т.д.), представленных колоссальными фигурами, полукругом рассаженными на с виду неудобных золотых стульях с высокими спинками, которые, хотя были призваны изображать небесные троны, очевидно были позаимствованы из несовершенных воспоминаний о сиденьях в каком-то готическом соборе. Председательствовал в совете сам Господь Бог.

Первоначально члены этого совета были ничем иным, как мыслеформами, но к тому времени, когда мы натолкнулись на них в ходе наших исследований, некоторые из них были захвачены и одушевлены живыми существами, и это одушевление привнесло некоторые новые и интересные факторы. Двое из них были умершими религиозными людьми, каждый из которых действовал со своей точки зрения. Один, немецкого происхождения, при жизни был сапожником. Это

был простой, необразованный человек, не лишённый сходства с описанным нами фермером. Он тоже прилежно изучал Библию, и тоже предавался смутным, мистическим мечтаниям. И он тоже чувствовал, что у него есть, что предложить миру, некое откровение или толкование, но оно было куда более разумным, чем у фермера. Он чувствовал, что главная истина и суть христианства — в мистическом союзе Христа с его небесной невестой, Церковью. Для него Христос был не столько исторической личностью из Евангелия, сколько живым духом Церкви, а задачу истинного христианина он видел в том, чтобы пробудить этот Христов дух в себе. Он думал, что послание, в котором нуждается человечество, состоит в том, что каждый человек может и должен стать Христом, и оно представлялось ему столь ясным и простым, что казалось, достаточно доставить эту весть так, чтобы она моментально привлекла внимание, и этим мир будет спасён от греха и сразу поднят в свет истины. Он начал проповедовать это, ещё будучи в физическом воплощении, но умер, не успев много сделать в области обращения человечества.

По прибытии в астральный мир он столь же ревностно, как и раньше, был настроен распространять свои взгляды, и встретив фермера, завязал с ним дружбу. У них было много общего, и каждый чувствовал, что другой может помочь ему в продвижении его плана. Сапожник не признавал фермера единственным Христом, но приложил к нему свою теорию и считал его человеком, в котором дух Христов исключительно развит. Фермер лишь смутно понимал главную идею сапожника, но сознавал, что нашёл человека, который согласен сотрудничать с ним в спасении мира. Каждый считал другого несколько чужаковатым, и в то же время имел хитрые намерения использовать другого для своих целей.

Вместе они придумали курьёзный «совет небес», членами которого они оба были; или, возможно, они нашли такую мыслеформу, созданную кем-то другим, и просто приняли её и присоединились к ней. Тренированному взгляду очевидно, сколь неуклюжи и несовершенны были эти мыслеформы, хотя несомненно, они полностью удовлетворяли своих создателей. Моисей, например, был серьёзно недоделан. Он чопорно сидел, будто проглотив аршин, как бы приклеенный к своему неудобному золотому трону, но в действительности у него были лишь лицо и передняя часть тела, сзади же он так и не был окончен. В этом отношении он напоминал многие мыслеформы, встречающиеся в «стране лета», где нередко можно видеть матерей, которые ласкают детей, имеющих тот же самый недостаток. Создатели подобных форм всегда вполне счастливы с ними и никогда не замечают их несовершенства, ведь так как в этих куклах нет иной жизни, кроме вложенной в них мыслью, эта мысль всегда будет откликаться на импульсы того, кто её породил, причём точно так, как он ожидал. Ещё одной бездеятельной персоной этого совета был св. Пётр. В его виде не было никакой значительности, но по крайней мере у него была большая связка ключей, позвякивание которыми и было его главным вкладом в обсуждения.

Хотя большинство участников совета принадлежало к только что описанному типу, мыслеформы Бога, св. Павла (его образ был выбран для оживления сапожником) и пророка Ильи были более определёнными и оригинальными. Последний просто совершенно удивил нас своей активностью, и при исследовании обнаружилось, что он тоже был занят (или по меньшей мере использовался как нечто вроде рупора) другим умершим, валлийцем, который в какой-то ранний

период своей жизни испытал опыт, именуемый «обращением», а затем эмигрировал в Америку, где прожил несколько лет, а затем умер. При жизни он всегда искал религиозного опыта эмоционального типа; например, он присутствовал на нескольких собраниях «религиозного возрождения», проводимых неграми, где видел знаменитые «иерусалимские прыжки» и сам участвовал в них. К его религиозности была примешана курьёзная склонность к социалистическим идеям, и он мечтал о золотом тысячелетии, видение которого наполовину слагалось из иррационального, эмоционального христианства, а наполовину — из материалистического социализма.

Он лучше других уяснил соотношение между физическим и астральным мирами, а также возможности, которые даёт последний, и понял, что прежде чем он может надеяться повлиять на физический мир, он должен так или иначе войти с ним в контакт. Он не думал о перевоплощении, поскольку никогда не слышал о нём, но он знал, что перешёл из физического мира в астральный, и считал, что следовательно должен быть и путь назад. Эта проблема занимала его внимание, и когда он обнаружил, что фермер нашёл медиума, через которого мог в некоторой степени соприкоснуться с физическим миром, он решил использовать обоих так, как сможет. Ему это казалось первым возможным шагом к достижению своих целей, и он вошёл в мыслеформу Ильи в «совете небес», видя в этом средство быстро подать себя так, чтобы сразу обеспечить уважение со стороны других. Я не думаю, что делая это, он был тщеславен или корыстен — для него это было просто средством к достижению цели, поставленным на его пути провидением.

Но здесь последовал неожиданный результат. Выступая под маской Ильи, он пытался вести себя, как по его мнению приличествовало вести себя пророку, и придать своей персонификации ветхозаветный аромат. Это повлияло и на его обычную астральную жизнь — он начал всё время жить в таком образе, и постепенно начал задумываться, а не на самом ли деле он Илья! Он находится буквально в процессе самотрансформации, и непременно скоро станет маньяком, одержимым этой идеей. Во время нашего исследования он ещё знал, что он валлиец, играющий роль Ильи, но я уверен, что в недалёком будущем он пройдёт эту стадию и будет так же уверен, что он Илья, как тот фермер был уверен, что он — Христос.

Так что он не представился двум другим человеческим существам в этом совете, но льстил себе тем, что как Илья он будет внушать большее уважение и фактически направлять их решения. И вот, мы видим поразительное зрелище совета, единственными действующими членами которого были трое умерших, причём каждый из них думал, что манипулирует другими для продвижения своих собственных целей. И всё же ни одна из этих целей не была эгоистичной, и все эти люди были религиозными, благонамеренными и искренними в своих намерениях. Только в астральном мире возможна такая необычайная комбинация, и всё же самое поразительный и характерный факт в этой истории ещё впереди.

Я уже упоминал, что по идее участников совета на нём председательствовал сам Бог Отец. Конечно, он, как и прочие библейские персонажи, был мыслеформой, но иногда проявлял судорожную и неуместную активность, что показывало присутствие какой-то внешней силы, отличной от остальных. Тщательное

исследование показало, что в точности как форма Ильи была одушевлена валлийцем, эта форма божества была одушевлена игривым природным духом!

Я уже описывал некоторые из характерных черт этого радостного царства природы. Можно вспомнить, какое глубокое удовольствие получают некоторые из этих существ, участвуя в театрализованных постановках в своей среде и в любом маскараде (особенно, если удаётся восторжествовать, введя в заблуждение члена более высокой человеческой эволюции), а также как они любят рассказывать какой-нибудь захватывающий рассказ своим товарищам. Учитывая всё это, мы сразу же увидим, что с точки зрения шаловливого природного духа здесь представилась совершенно уникальная возможность. Он мог (и смог) подшутить над тремя человеческими существами, и этот розыгрыш имел такой колоссальный масштаб, какой можно было только измыслить, и легко представить, какую тешащую душу историю он мог рассказать потом своим восхищённым друзьям. Не нужно и говорить, что у него не было ни малейшего представления о непочтительности; вероятнее всего, он был не в большей степени способен иметь такую идею, чем, например, муха. Всё это для него было ничем иным, как непревзойдённой возможностью для поистине великолепного розыгрыша, и тут он сделал всё, что было в его силах.

Конечно, он не мог понимать дискуссий и участвовать в них, так что в основном он сохранял таинственное молчание, что было весьма эффектно. Он как-то подхватил несколько библейских фраз, приличествующих его роли, и иногда, подобно попугаю, выдавал их совету, очевидно, не имея представления об их смысле. «Так говорит Господь», «Аминь, да будет так», «Я Господь, Бог твой, и да не будет у тебя других богов пред лицом моим», «Я поражу Землю проклятием» — вот некоторые перлы из его коллекции и образцы его бессознательного красноречия. Временами даже для него шутка заходила слишком далеко, а может просто ограничения мыслеформы оказывались чересчур утомительными, и он покидал её на некоторое время, чтобы высвободить перенапряжённые чувства дикими танцами и взрывами смеха где-нибудь вне поля зрения совета. Когда это происходило, интереснее всего было наблюдать, как мыслеформа возвращалась от живости к безучастию, и несчастные люди, участвовавшие в совете, сразу же делали предположение, что произошло нечто, вызвавшее гнев божий, который всегда играет видную роль в этом типе религии.

Такова была реальность, стоявшая за этим внушавшим трепет «небесным советом», перед которым написавшая нам женщина расточала столь искренние мольбы. Нужно понимать, что кроме неё лишь умершие могли вносить действительный вклад в любые обсуждения, имевшие там место; другие члены совета не могли ничего породить, хотя у них было достаточно живости, чтобы ответить на предложения формальным согласием.

Чтобы понять ту роль, которую играли в видении мыслеформы, связанные с теософией, мы должны взглянуть на историю нашей корреспондентки и на состояние её ума. Отпав от довольно материалистичной формы христианства, она стала практически атеисткой. Затем она потеряла любимого ребёнка, и на такую натуру все эти переживания глубоко повлияли, породив сильные эмоции, каждая из которых сыграла роль в формировании её темперамента. В этот период она

соприкоснулась с теософией и начала её изучение с такой сложной книги как «Тайная доктрина». Не страшась трудностей, она занялась старательным её изучением и в попытках ухватить её учение создала мысленные образы того, что описано в станцах Дзиан. Некоторые из этих идей обладали для неё особой притягательностью. Одной из них была мысль о посвящениях с их таинственными и опасными испытаниями; другой была идея о последовательности рас вкупе с большим вопросом о том, кто же пройдёт последнюю проверку и безопасно достигнет другого берега. В некоторой мере всё это неизбежно было окрашено её прежними христианскими представлениями об «обращении» и «спасении», несмотря на то, что в то же самое время перед ней раскрывались великолепные горизонты великих восточных религий.

Таким образом получилось, что она окружила себя огромной массой сильных мыслеформ более или менее теософического характера, и самым этим фактом бессознательно запустила в действие некоторые оккультные законы. В высших мирах подобное притягивает подобное, и её мыслеформы скоро притянули к себе другие подобной же природы. В нескольких сотнях миль от места, где она жила, находилась серьёзная теософическая ложа, которая, помимо прочих видов деятельности, проводила занятия по «Тайной доктрине». Этой группой порождалось и выбрасывалось множество мыслеформ и умозрений, и наша корреспондентка вскоре оказалась в соприкосновении с этим астральным складом. Я не видел, как произошёл первый контакт. Возможно, путешествуя в астральном теле, она была привлечена этими представлениями предмета, которым она так глубоко интересовалась, или же кто-то из участников группы астрально обнаружил её мысли и постарался добавить к ним свои. А может быть, мыслеформы притянулись благодаря резонансу вибраций, как это неизменно с ними происходит, без всякого человеческого вмешательства. Как бы то ни было, факт остаётся фактом — она была окружена огромной массой мыслеформ определённого типа, и в то же время сама находилась именно в том состоянии, в котором была наиболее глубоко подвержена их влиянию.

В этот период она начала практиковать дыхательные упражнения и тем самым открыла себя астральным влияниям. Её глубокое сочувствие к страдающим заставило её разыскать казнённого убийцу, или, возможно, привлекло его к ней, а автоматическое письмо и последовавшее одержание были лишь естественным ходом событий. Убийца применил всю свою силу, чтобы сохранить приобретённое преимущество, и она отчаянно боролась, чтобы защититься и освободиться, своими неистовыми усилиями и количеством выделяемой энергии сделав себя на время очень заметным объектом в астральном мире.

Когда фермеру случилось оказаться неподалёку, эта схватка привлекла его внимание, а считая себя Христом, он чувствовал, что его долг — вмешаться и изгнать убийцу. Он никогда раньше не встречал такого яркого астрального тела; не видал он и такого впечатляющего окружения, как то, в котором находилась личность, которую он освободил — настолько необычны были эти формы (связанные с космическими процессами, представленными с восточной точки зрения), и настолько они превосходили своим количеством те, которые, как правило, сопровождают обычного человека. Там были формы восточных богов, основателей религий, Учителей, адептов, ангелов, и всех видов великолепных, но

незнакомых ему концепций. А если мы вспомним, что фермер не мог знать, что это просто мыслеформы, а неизбежно должен был принять их за настоящих живых существ, то неудивительно, что с его невежеством в подобных вещах и постоянным ожиданием небесной помощи он должен был почувствовать, что специально был направлен провидением помочь личности, которая сможет отплатить ему взаимностью, — личности, имеющей в восточном мире важность, соизмеримую с той, которую он приписывал себе в мире западном. Он сразу же ухватился за эту возможность и объявил себя назначенным ей руководителем, взявшись за её дальнейшее развитие.

Любопытный факт, замеченный здесь, состоял в том, что хотя он выступал как руководитель, он в значительной мере подвергся влиянию мыслей нашей корреспондентки и во многих случаях просто возвращал ей эти же мысли, изложенные на другом языке. Он ничего не знал о змеином огне, но думал о нём, как о некой форме божественного вдохновения; он видел, что с его помощью совершается какой-то процесс пробуждения, и он сделал всё возможное, чтобы помочь и способствовать этому. Их совместные усилия смогли пробудить то, что можно назвать верхними слоями этой таинственной силы, хотя к счастью для женщины, благодаря незнанию того, что нужно на самом деле для полного достижения, они не смогли расшевелить его до глубин, иначе её тело непременно было бы разрушено. Кроме того, они, очевидно, не знали, через какие центры нужно провести кундалини, чтобы добиться непрерывного сознания, и таким образом, не добились своей цели. Но описание страданий, которые выдержала женщина, является весьма точным в том, чего оно касается, и некоторые использованные ею выражения поразительно хорошо передают идею. Как опасны эти эксперименты, можно видеть из этого описания, а также из свидетельства семьи о том состоянии, в котором она была. Вся эта история даёт весьма впечатляющее предупреждение против рискованных попыток преждевременного развития в этом направлении.

Бесполезно подвергать подробному критическому рассмотрению то, что можно назвать теософической частью видения; какими бы чудесными ни были они для видевшей их, и какой бы трепет и подъём ни вызвали, в конце концов все они представляют не действительные явления эволюции, а лишь комбинацию и синтез множества мысленных образов. Некоторые символы были интересны и озаряющи, тогда как другие очевидно требовали усовершенствования. Ясно, что некоторые черты, такие как пение ангелов, появились из-за влияния потока мыслей христианского характера в уме руководителя. Вместе с нашей корреспонденткой он наблюдал, как разворачиваются видения, но будучи несведущ в восточном учении, мало что из них понимал. Например, он, похоже, смешивал последовательно сменяющиеся расы с разными коленами Израиля, и пытался увязать увиденное с историей о «запечатлённых» ста сорока четырёх тысячах.*

* Откровение Иоанна, гл. VII. — *Прим. пер.*

Именно в идее-фикс руководителя нам следует искать причину тяжёлого чувства ответственности, тенью нависавшего над всем видением, и убеждения, что от успеха нашей корреспондентки зависит спасение мира. Этот вид наивного

самоомнения или мании величия является одной из самых характерных черт сообщений, получаемых с астрального плана. Похоже, это одна из самых обычных иллюзий у умерших, а именно, что если ему удастся заполучить какую-нибудь женщину, которая будет действовать в качестве медиума, то он сможет революционизировать всё мышление планеты простым возведением нескольких самоочевидных фактов. Но в данном случае у бедного фермера было более чем обычное оправдание. Он был под глубоким впечатлением от мысли, что если мир не примет его в этот раз, то потеряет последний шанс на спасение, и однажды высказал эту идею божеству на совете. Это случилось в тот момент, когда природный дух был на своём посту. Маловероятно, чтобы у духа могло быть какое-либо ясное представление о сути вопроса, но он по меньшей мере понял, что спрашивают его согласия по поводу какого-то предложения, и он дал его в самой помпезной форме. Естественно, это только укрепило фермера в его заблуждении, и оно стало доминирующей мыслью всей его жизни. Без его влияния подобная мысль никогда не пришла бы в ум женщины, чьё представление о своём положении и своих способностях было более скромным и трезвым.

Представление мира и Дьявола в человеческих формах тоже появилось вследствие мышления руководителя, поскольку со своими знаниями женщина уже не могла верить в личного Сатану. Похоже, это произошло в период, когда её силы были больше всего истощены, а потому она находилась под более полным влиянием ума руководителя и была в меньшей степени способна применять свою естественную способность распознавания. Нервное напряжение, связанное с опытом, через который она прошла, должно быть неопишущим; фактически, оно опасно приблизило её к возможности физической галлюцинации. Она пишет о некоторых знаках почтения, изъясняемых ею животными в физическом мире, но исследование этого не подтверждает, показывая, что действия животных были вполне нормальными и продиктованными их обычным инстинктом, хотя женщина, будучи в состоянии перенапряжения, давала им другую интерпретацию.

Особый интерес этого случая для тех, кто его исследовал, составляло то, как несколько независимых и совершенно обычных астральных факторов образовали комбинацию, давшую драматичное и внушительное целое. Управляющей силой была воля руководителя и сила его необычайного заблуждения, но одной её было недостаточно, или она бы подействовала совсем по-другому, если бы наша корреспондентка безрассудно не открыла себя астральным влияниям. Группа по изучению «Тайной доктрины» и её мыслеформы, другой умерший в совете, шаловливый природный дух — все они сыграли свою роль, и не будь одной из этих составляющих, картина была бы менее полной, или сюжет развивался бы по иным линиям.

Мне представляется, что ценность этой истории в том, что она показывает поразительную плодovitость и изобилие ресурсов астрального мира, а также настоятельную необходимость того полного знания, которое приобретается лишь основательной оккультной подготовкой. В ней мы видим, как по-настоящему хорошие люди, имевшие только благие намерения, из-за недостатка этого знания самым жалким образом вводили друг друга в заблуждение, часто ставя себя в такое положение, что нельзя удивляться тому, что они были обмануты. Следует предположить, что им нужно было пройти эту трудную школу опыта. Также

неплохо бы вспомнить, что никакие испытания подобной природы никогда не приходят без соответствующих возможностей для подготовки к ним. Никто, изучавший Библию столь же тщательно, как этот дух-руководитель, не мог не заметить содержащихся там предупреждений о лжехристах и лжепророках, и даже в книге свами Вивекананды можно найти серьёзное предостережение против преждевременного или неразборчивого использования его инструкций. К сожалению, люди никогда не применяют эти предупреждения к себе, но неизменно относят их на счёт своих ближних или оппонентов.

И всё же следует отметить, что общий результат для нашей корреспондентки оказался хорошим. Виденные ею формы были по большей части иллюзорными, но пробуждённые ими высокие эмоции, благоговение и восторг дали постоянные результаты, которые не могли не оказаться во многом благотворными. Безграничный энтузиазм к духовным предметам, бескорыстное желание помочь ценой любых жертв — сами по себе могучие силы, и будучи порождены, они вызывают отклик из миров куда более высоких, чем любой из тех, которых достигало сознание в ходе самого видения. Само чувство было подлинным, каким бы несовершенным ни было то, что его вызвало; так что мы поздравляем нашу корреспондентку с тем, что она успешно прошла через опасности куда более страшные, чем сознавала, и будем надеяться, что мир и подъём, обретённый в этих испытаниях, окажутся её вечным достоянием. Глубокое ощущение единства с божественным, принесшее с собою такое блаженство, безусловно было касанием нижней кромки мира интуиции, а достижение его несомненно стоит всех тех страданий, которые она перенесла. Но изучающим известно, что всё это (и гораздо большее) может быть достигнуто без такой боли и такого ужасного риска, если вложить то же количество энергии в более обычные методы, проверенные мудростью веков. Рваться в неизведанные царства без руководства действительно знающего — значит навлекать на себя бедствие; и это опасность, подвергаться которой никому нет необходимости, ибо древние пути всегда открыты, и древнее высказывание всегда остаётся в силе — «когда готов ученик, явится и Учитель».

Сочинение книги

Многие из нас постоянно подвергаются влиянию со стороны невидимых существ множеством способов, о которых не имеют и малейшего представления. Мы говорили о расовой и кастовой гордости, но это явление часто встречается в ещё более сильной форме в виде семейной гордости, и в этом случае основной причиной вовсе нередко бывает влияние предков. Я знал несколько случаев, в которых людям удавалось долго удерживаться в астральном мире, чтобы витать над своими потомками и пытаться побуждать их поддерживать честь рода. Например, покойная королева Елизавета чувствовала столь сильную любовь к своей стране, что лишь недавно перешла в небесный мир, проведя всё прошедшее с её смерти время почти в безуспешных (до недавнего времени) попытках внушить своим преемникам свои представления о том, что нужно сделать для Англии. Её случай, пожалуй, был крайним, но в некоторых других королевских фамилиях преемственность традиций также в значительной мере обеспечивалась постоянным намеренным давлением более старых её членов из астрального мира.

Для отцов и матерей, имевших особые планы на конкретный брачный союз для своих сыновей и дочерей, вовсе нередки попытки и после смерти добиваться от них исполнения своих пожеланий. В более редких случаях они даже являются в виде привидений, чтобы настоять на своих указаниях, но чаще употребляют влияние, остающееся незаметным, поскольку о нём не подозревают. Оно заключается в постоянном представлении своего мнения уму человека, на которого они хотят повлиять — это постоянное давление, которое обычный человек, скорее всего, примет за своё собственное подсознательное желание.

Случаи, в которых мёртвые сами становились ангелами-хранителями для живых, весьма многочисленны — таким способом матери часто защищают своих детей, умершие мужья — своих вдов, и эта защита может длиться много лет. Иногда такие влияния не носят защитного характера, а применяются умершими в качестве средства выражения каких-то своих идей, которые им очень хочется представить миру. Человек, на которого оказывается воздействие, иногда сознаёт это, а иногда и вовсе не сознаёт. Один выдающийся писатель сказал мне, что замечательные сюжеты своих романов неизменно приходят к нему в виде эдакого вдохновения, и он пишет, заранее не зная, каким будет их дальнейшее развитие, и что фактически, по его выражению, они пишутся через него. Писатели и композиторы подвергаются такому влиянию гораздо чаще, чем мы думаем, так что многие книги, приписываемые живым, в действительности являются трудами умерших.

В некоторых случаях умерший желает объявить о своём авторстве, и книги, такое авторство которых указано, уже вполне становятся заметной чертой современной литературы. Пожалуй, лучше эту идею можно выразить, сказав, что многие из нас постепенно начинают признавать, что такой вещи как смерть (в старом, неверном смысле слова) не существует, и что хотя человек, отбросивший своё физическое тело, может столкнуться с определёнными трудностями при попытке написать книгу собственноручно, он вполне может продиктовать её, как любой живой автор. Иногда такие книги являются нравственными или метафизическими трактатами, но иногда это романы, и эта последняя разновидность книг несомненно совершает благое дело, поскольку достигает многих из тех, кто едва ли наткнулся бы на более серьёзный трактат на оккультные темы, и вряд ли стал брать на себя труд по его изучению, даже если бы он попался ему.*

* В русской литературе примером такого творчества являются, в частности, романы Крыжановской-Рочестер. — *Прим. пер.*

Хорошим образчиком этого класса (становящегося из года в год всё более многочисленным) является «Странная история Ахринзимана» — книга, привлекавшая моё внимание несколько лет назад. Позвольте мне использовать её в качестве примера и объяснить, как она была написана. Я знаю, что первым порывом тех, кто дремлет в удобном тумане, который окружает заурядный ум и подобно подушкам закрывает его от настоящих фактов жизни, будет объявить всё это чепухой, исходя из нехитрой теории, что мёртвый уж точно мёртв, а потому совершенно невозможно, чтобы он мог что-нибудь продиктовать; и даже более сведущие люди поддадутся искушению и станут подозревать, что приписывание авторства человеку, покинувшему тело — не более чем современная рекламная

уловка. Так что, пожалуй, мне лучше начать с заверения, что эта книга по меньшей мере является подлинной диктовкой из астрального плана, хотя это вовсе не гарантирует, что её притязания подтверждаются и во всех других отношениях.

Людам, незнакомым с условиями жизни тех, кого мы привыкли неправильно называть «мёртвыми», похоже, не удаётся осознать, насколько естественна эта жизнь во всех отношениях, или понять, что по ту сторону могилы человеческая природа демонстрирует все свои разнообразные аспекты столь же причудливо, как и по эту. Умершего вовсе не надо идеализировать — он не становится вдруг святым, почтенным и степенным; он точно такой же человек, как был и раньше, столь же подверженный тщеславию или ревности, и столь же склонен совершать ошибки.

Астральный автор может применять ту же литературную технику, что и физический, и излагать свой рассказ в той форме, какая ему нравится. Когда Райдер Хаггард от первого лица рассказывает истории Аллана Квотермэйна или Людвиг Горація Холли, это вовсе не обязательно значит, что он излагает собственный опыт, или что такие персонажи исторически существовали. Точно так же нужно понимать, что когда умерший диктует от первого лица «Историю Ахринзимана», он может давать нам более или менее видоизменённую автобиографию, или же просто излагать аллегорию в привлекательной и поражающей воображение форме романа, и такое предположение должно влиять на наше мнение о добросовестности автора не в большей степени, чем предыдущее замечание о Хаггарде.

Как бы то ни было, Ахринзиман рассказывает нам хорошую историю, причём вполне восточную в своём построении. Он предстаёт там как незаконный сын персидского царя. Его мать, греческая дева-весталка, захваченная персами в одном из своих походов, была убита царицей в припадке ревности, и во избежание дальнейших неприятных проявлений этой всепоглощающей ревности ребёнок был отослан на воспитание к крестьянам, в горы в отдалённом уголке империи. Ребёнок от природы был в некоторой степени ясновидящим и мог видеть окружающих его природных духов, а также свою мать. Вскоре он вошёл в контакт со жрецами, многому у них научился, и был взят в храм, и стал для них медиумом. Недовольный этим, он бежал и присоединился к банде разбойников, орудовавших в горах, но через несколько лет оставил и их. Затем он встретил человека, практикующего чёрную магию, и стал его учеником. Однако его учитель погиб, пытаясь навести на кого-то свои чары, и ученик не разделил его судьбу только благодаря вмешательству своей умершей матери.

В дальнейших своих странствиях он встретил принца, который в действительности был его сводным братом (сыном царицы, убившей его мать), и благодаря своей способности к ясновидению смог излечить его от одержания. Принц законным образом унаследовал престол и удостоил нашего героя почётного положения при дворе, ничего не зная, однако, об истинных родственных связях между ними. К сожалению, к тому времени Ахринзиман женился на совершенно недостойной женщине, которая никогда его по-настоящему не ценила, и без колебания изменила ему, когда обнаружила знаки внимания со стороны царя. В силу своего частичного ясновидения Ахринзиман узнал об этом, и в ярости

устроил убил царя с помощью астральных средств. Он сам занял трон, объявив о своём происхождении, но после недолгого царствования сам был убит другим претендентом на трон.

Остальная часть книги посвящена описанию его переживаний в астральном мире. Сначала он, исполненный ненависти и гнева, заводит знакомство со всеми видами отвратительных существ, чтобы с их помощью отомстить, но постепенно хорошее в нём берёт верх, и он старается не вредить, а помогать, и так, долгим и многотрудным путём восхождения в конце концов достигает совершенного блаженства.

Насколько же возможно, чтобы всё это было правдой? Можем ли мы принять это целиком или частично, как автобиографию (на что эта история и претендует), или мы должны считать её просто романом? Непременно, о многом в ней мы можем сказать «*Se non e vero, e ben trovato*» (если это и неправда, то здорово придумано). Что касается физической части истории, то мы располагаем лишь скудными указаниями на то, что она произошла в Персии в V веке до н.э., и наша фрагментарная история этого периода, насколько далеко она идёт, точно совпадает с тем, что пишет Ахринзиман. Интерес изучающего скрытую сторону вещей, естественно, будет сосредоточен в основном на астральных переживаниях, ради которых главным образом и была написана книга, и он захочет узнать, насколько их описания могут быть подтверждены с точки зрения тех оккультных знаний, которые уже достигли нашего западного мира.

Наиболее глубоко изучавшие их первыми признают, что мы пока что лишь собираем камушки на берегу огромного океана знаний, и что вся наша информация далека от того, чтобы быть исчерпывающей. А поскольку чудесное разнообразие астральных условий и их приспособляемость весьма велики, то утверждение о невозможности чего-либо было бы чересчур необдуманным и поспешным. Всё же вполне установлены некоторые общие правила, и некоторые из них в истории Ахринзима нарушаются, по крайней мере, если мы возьмём её буквально, хотя если мы допустим некоторые ограничения с его стороны, всё легко встанет на свои места. Если всё это — просто притча, то хорошо и замечательно, но интересно посмотреть, как могло получиться так, что Ахринзиман был в своём рассказе совершенно искренним, хотя некоторые моменты в нём противоречат общепринятым фактам.

Первый большой вопрос — как это вообще возможно оставаться на астральном плане в течение 2300 лет, когда мы знаем, что средний срок пребывания там для обычных людей составляет 20 или 30 лет. Верно, что человек необычайной силы воли может значительно продлить свою астральную жизнь, разжигая свои страсти и желания и бросая все свои силы в низшую свою сторону вместо высшей, и это — именно то, что сделал Ахринзиман, как он сам и говорит. Я читал о случае в Германии, когда один заблуждавшийся был привязан к земле на протяжении 400 лет, и сам знал один случай, когда амбиции и решительная воля удерживали человека в астральной жизни 300 лет, но такие примеры не часты, и ни один из них даже не приближается к тому множеству веков, на которые претендует Ахринзиман. Ясно также, что он вовсе не считает себя каким-то особым случаем, поскольку говорит о многих друзьях и современниках, которые всё ещё с ним,

причём некоторые опережают его в прогрессе, а некоторые отстают от него. Потому, если принимать его историю за подлинную, то скорее следует считать её попыткой описать условия, через которые он прошёл за первое столетие после смерти, нежели нечто существующее сейчас.

Хотя и охочий до оккультного знания, он не показал большого стремления к духовности, кроме как в детстве — его действия были в основном продиктованы честолюбием, страстями и желанием мести, и он умер насильственной смертью в расцвете жизни. Учитывая все эти факторы, можно ожидать продолжительного и бурного астрального существования, ранняя часть которого должна быть крайне неприятной. Мы можем ожидать также и того, что постепенно эти страсти будут исчерпаны, утвердится лучшая сторона его природы, и у него появятся возможности для прогресса.

Всё это Ахринзиман и описывает, но окружает это таким богатством аллегорий, что всё можно легко понять неправильно, и растягивает на 2300 лет то, что вполне могло занимать 40 или 50. Мы не должны забывать, что в астральном мире недоступен ни один из наших обычных методов измерения времени, и что если даже в физическом мире несколько часов страдания кажутся нам почти бесконечными, то в существовании, сама суть которого — чувства и страсти, это явление усиливается в сотню раз. Хотя вряд ли мыслимо, что Ахринзиман действительно провёл на астральном плане две тысячи лет, легко поверить, что его пребывание там *казалось* ему вечностью.

Тем не менее, остаётся следующий факт — если верить физической части истории его жизни, со времени его убийства прошёл примерно такой период времени — так что же он делал все эти годы? Лично я не знаком с ним и не имею права устраивать ему неучтивый допрос, но случай, в чём-то схожий с этим, который я как раз недавно расследовал, может предложить нам возможное объяснение.

Со мной консультировалась женщина, заявлявшая, что её «дух-руководитель» был древнеегипетским жрецом. И поскольку советы, которые он давал, были хорошими, а его учение — точным, стоило исследовать причины, заставившие его сделать такое необычайное заявление, поскольку представлялось едва ли вероятным, чтобы столь достойный и праведный человек опустился до обычной и мелочной персонификации. Встретив его, я сразу же увидел, что он несомненно был посвящён в определённый уровень мистерий согласно египетскому уставу, и естественно, я удивился, как же могло получиться так, что он ещё активен на астральном плане. При исследовании этого я обнаружил, что после жизни египетским жрецом у него было другое воплощение, изнурительная и неудовлетворительная жизнь в стенах монастыря, посвящённая, очевидно, отработке какой-то накопившейся кармы. Однако после его смерти некоторые обстоятельства (*казавшиеся* просто случайностью) привели его в соприкосновение с мысленным потоком его прежнего египетского окружения.

Внезапно в его сознании вспыхнула память этой прежней жизни (думаю, он всегда был на пороге этого, и всегда чего-то жаждал, хотя не знал, чего), и она оказалась настолько более живой и реальной, чем скучный монастырский круг жизни, что последняя жизнь стала для него просто каким-то дурным сном. Скоро он

совершенно её забыл, или считал ничем иным, как утомительной частью своего астрального наказания, и потому в действительности был совершенно искренен в заявлении, что он *был* египетским жрецом — той могучей личностью, с которой он отождествлял себя вплоть до конца своей последней жизни в небесном мире, до своего спуска в сравнительно недавнее воплощение, в котором он стал монахом. Я не утверждаю, что случай Ахринзimana был подобен этому, но по крайней мере такая возможность есть.

Естественно, Ахринзiman пишет как человек своего времени, и пользуется привычной ему терминологией, многое из которой звучит странно для современного уха, особенно его постоянное смешивание символов с материальными фактами. Конечно, его утверждение, что люди разделены на три большие группы, возглавляемые ангелами, несущими соответственно белые, красные и золотые звёзды, в буквальном смысле не в большей степени верно, чем то, что Феб проезжает по небу с востока на запад в своей колеснице, или что Бог Солнца заново рождается в рождество, когда дни начинают прирастать. Однако это *верно*, что некоторые древние религии использовали систему символизма, близкую к той, что излагается в его книге, а человек, переходящий в астральную жизнь с умом, наполненным такими идеями, может долгое время продолжать интерпретировать всё в согласии с ними, игнорируя те факты, которых они не охватывают.

Верно, что существуют могущественные духи, чей метод эволюции столь радикально отличается от нашего, что *для нас* он может оказаться злом, но с ними мы обычно не контактируем, да и не о них Ахринзiman говорит, поскольку сам признаёт, что ангелы света и тьмы — в конце концов просто человеческие существа, прожившие свою жизнь на земле. Он живо описывает громадные мысленные сооружения, воздвигнутые страстями человека, хотя часто ему не удаётся отличить временные мыслеобразы от более постоянных реальностей тонкого мира. Он даёт ужасающее описание своеобразной астральной битвы, при которой равнина становится усеяна частями тел сражающихся — это отвратительная подробность, которая не могла иметь места, как сразу станет очевидно всякому, кто понимает флюидическую природу астрального тела.

В самом деле, если считать, что его замечания действительно представляют знания древних персов об астральных явлениях, мы будем вынуждены признать, что это представление является менее научным и не столь полным, как имеющееся в распоряжении изучающих оккультизм в наши дни. Например, у Ахринзimana, похоже, не было сколько-нибудь ясного представления о важнейшем факте перевоплощения, или, пожалуй, он считал его возможностью, которая выдаётся иногда, а не основным средством эволюции, предназначенным человечеству.

Его термины, пока не привыкнешь к ним, несколько запутывают, поскольку вполне очевидно, что он называет «духовным» то тело, которое мы называем астральным, а его «астральное тело» — не более чем эфирный двойник, как можно видеть из того, что он описывает его как несколько большее, чем физическое, и подверженное влиянию сильных кислот. Эти замечания верны применительно к эфирному телу, но будут неточны, если относить их к тому телу, которое сейчас называется астральным.* У него была также сбивающая с толку привычка

говорить о неприятных астральных условиях как о лежащих ниже земного плана, а о приятных — как о лежащих выше него, хотя он описывает и те, и другие, как менее материальные в сравнении с нашей землёй. Вероятно, он был введён в заблуждение тем, что более плотная астральная материя проникает наш физический земной шар, и те, кто ограничен наименее желательным её подразделением, часто могут действительно обнаружить, что находятся внутри земной коры. В дополнение к этому надо сказать, что мир, который ещё ниже физического, несомненно, существует, и к счастью, обычные человеческие существа не имеют никакой связи с ним, но он более, а не менее материален, чем тот мир, про который мы думаем, что знаем его.

* В ранней теософической литературе эфирный двойник тоже часто называли астральным телом. — *Прим. пер.*

Очень часто он описывает что-либо таким языком, который сразу убеждает исследователя, что он несомненно видел то, о чём пишет; и тут же он разочаровывает нас, давая этому запутанное и совершенно ненаучное объяснение, или трактуя поэтические символы так, как если бы это были материальные факты. Раз или два он показывает, что его представления находятся под влиянием теории о парных душах — направления мысли, которого следует тщательно избегать всем, кто желает насколько-нибудь действительно продвинуться в изучении оккультизма.

Он заблуждается, когда говорит о медиумизме как о вещи, необходимой для духовной эволюции, хотя, пожалуй, это снова вопрос терминологии, так как он мог использовать это слово в смысле психической чувствительности. Однако, и это очевидно, он совершенно неправ, когда утверждает, что для человека, ещё имеющего физическое тело, совершенно невозможно понять и контролировать астральные силы и существ, или обладать совершенным духовным зрением. Однако, это несомненно значит, или должно значить, что человек, который ещё *ограничен* своим физическим телом, не может обладать этими высшими способностями, ибо он ещё не осознал, что человек и при жизни может научиться покидать своё физическое тело в такой же полной мере, как при смерти, но при этом возвращаться в него, когда пожелает. Также он демонстрирует невежество относительно восточного учения, клеймя его как эгоистичное, и высказывая мнение, что оно «оставляет без удовлетворения голод многих, жаждущих света». В целом, однако, его учение похвально свободно от сектантства.

Так что, хотя изучающий оккультизм оказывается вынужден признать своё расхождение с Ахринзиманом по некоторым вопросам, я спешу добавить, что есть много вещей, по которым все мы должны с ним самым полным образом согласиться. Взяв навскидку несколько ценных мыслей, которые у него можно найти, можно упомянуть осуждение им войн и завоеваний, и его мысли об истории религий, которые замечательны. Все мы можем согласиться с ним, когда он пишет:

«Я считаю, что истину и заблуждение, добро и зло можно найти повсюду, во всех религиях и у всех народов; и как бы ни были чисты изначальные доктрины той

или иной веры, оказывается невозможно избежать того, чтобы честолюбие и вожделение, жадность и жестокость неразвитой человеческой души не извратили чистоты этих учений, не обратили их на самые низменные цели, и не скрыли их самыми грубыми заблуждениями... Абсурдные обряды, ужасные жертвоприношения, отвратительные практики, гротескные верования и фантастические теории, которые вкрались в учение этой религии, все являются наростами, один за другим выросшими на простую чистоту учения её основателя.»

Пожалуй, его выражения — не самые лучшие, но тем не менее, в его мысли, что всё злое есть извращение некоего хорошего качества, в которое оно однажды будет трансмутировано, много истины. Многие из его идей, касающихся духовного развития, также можно весьма одобрить. Вряд ли можно лучше сказать об опасностях медиумизма и гипнотизма, чем в его серьёзном предостережении:

«Пусть никто никогда не отдаёт полную власть над собой, своим умом и своим телом в руки другого, будь он священник или мирянин. Ибо человеческая свобода — его божественное право, и тот, кто уступает её другому, презреннее самого последнего раба».

И снова в одном из примечаний он объясняет:

«Совершенный транс должен быть сознательным полётом души в высшее состояние, из которого она должна вернуться отдохнувшей, набравшей сил и способной на более широкие мысли и более благородные и свободные дела, сильнее и совершеннее владея собой. Применять слово «транс» к проявлениям полусознательных ментальных aberrаций людей, чья чувствительность делает их доступными месмерическому контролю со стороны воплощённых или развоплощённых умов — значит распространять ошибочное представление, которое должно было уже давно быть опровергнуто. С распространением развития медиумизма всякую и каждую разновидность и степень проявления подсознательного стали называть «трансом», хотя с настоящим трансом развитого мистика старых оккультных школ они имеют не больше сходства, чем наркотический сон — со здоровым сном, при котором происходит восстановление сил. Гипнотический транс столь же вреден для души, как постоянное употребление наркотиков — для тела. Во плоти находится магнетизёр или нет, результаты будут те же самые; так что вошедшее в привычку использование магнетизма, чтобы вызвать сон или «транс», есть зло.»

Он точно описывает, как умершие низшего сорта толпами собираются на сеансах, и как так называемые духи-руководители вовсе не всегда оказываются достаточно сильны, чтобы не подпускать вредные влияния. Также он даёт ясное предупреждение насчёт того, как легко идеи земных исследователей смешиваются с откровениями, полученными через магнетизированного медиума. В результате при таком методе исследований человек обычно получает ту информацию или те советы, которых он желает или ожидает. Он понимает, что аскетизм *как таковой* — бесполезен, а часто и вреден, и что для того, чтобы видения были надёжными, физическое тело должно быть совершенно здоровым и полным сил. Он сознаёт также и некоторые трудности пути:

«Немногим, очень немногим из обладающих нужной ясностью видения удаётся научиться успешно пользоваться ею; и ещё меньше тех, чья неукротимая воля и неутолимая жажда знаний проведёт их через все опасности, испытания и разочарования, а также нескончаемые труды, которых требуют эти исследования.»

На его стороне — вся история, когда он говорит нам, что тем, кто развивают высшие степени сил, хорошо бы полностью удалиться от активной жизни в физическом мире, а странная компания его персонажей постепенно приходит к пониманию того, что лишь путём бескорыстия может быть достигнут настоящий прогресс.

Снова и снова перед глазами изучающего возникают крупницы знания, показывая, что у Ахринзimana был верный взгляд на вещи, хотя его выражение идей может быть и путаным из-за недостатка более определённой классификации фактов. Он понимает, как делаются талисманы и снадобья, и видит, как один мстительный поступок или даже мысль о мести открывает дверь злым влияниям, которые могут преследовать допустившего это действие многие годы; он описывает, как присутствие мёртвых заставляет живых думать о них, даже если они недостаточно развиты, чтобы их видеть.

Говоря об астральной жизни, он даёт прекрасное описание злой царицы, после смерти окружённой злыми мыслями и воспоминаниями, которые переживаются ею, как действительные события; а в его рассказе о рабе, который проводит всё своё время, ползая туда и сюда по тайному ходу, копая который, он был убит, сквозит мрачный реализм. Он рассказывает нам об умерших, у которых осталось смешанное впечатление, будто они ещё в земных телах, и о других, которые осознав своё отделение от тел, пытаются использовать земные тела живых людей для удовлетворения своих страстей. Он понимает, как люди, стоя бок о бок с точки зрения пространственной, тем не менее могут совершенно не сознавать присутствия друг друга; он знает величественную истину, что никакое зло не может быть вечным, и как бы далеко от Пути ни блуждала ошибающаяся душа, через долгое-долгое время она наконец найдёт дорогу домой.

Он заканчивает с надеждой, к которой все мы можем присоединиться — что подобно тому, как благодаря лучистой силе знания истончаются барьеры невежества, разделяющие народы, и начинает немного пробиваться свет братства, так и более широкое знание и более ясное озарение постепенно превратит в ничто воображаемый барьер, столь неверно называемый смертью, показав нам, что на самом деле никакого разделения вообще нет, ибо вне зависимости от того, есть ли у нас сейчас физические тела, все мы — члены того же великого братства, все движемся к той же цели, и все пребываем в солнечном свете той же Вечной Любви.

Глава XIII

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ЭТИМ ВЛИЯНИЯМ

Защитные оболочки

Мы рассмотрели примеры разных видов влияний, действующих на нас со всех сторон, и обнаружили, что среди них есть много нежелательных и беспокоящих; так что естественно возникает вопрос о том, как нам лучше всего их избежать или нейтрализовать. Образовать вокруг себя при необходимости нечто вроде доспехов из высшей материи, обычно называемых защитной оболочкой, — довольно лёгкое дело, но действительно ли это лучший способ решения проблемы? Как заметил один авторитет в этой области, что если говорить о самозащите, то первое, что надо предпринять в связи с оболочкой — это не создавать её, а раз уж создали, то как можно быстрее её разрушить! Конечно же, в этих словах есть большая доля правды, поскольку в большинстве случаев (по крайней мере для всех учеников, кроме самых начинающих), всё, что может быть достигнуто образованием оболочки вокруг себя, может быть сделано с большей эффективностью и меньшей опасностью другими способами, как мы увидим позже. Точное знание об образовании оболочек различных видов иногда полезно; но, как и всяким другим знанием, им возможно злоупотреблять, так что прежде чем направить свою энергию в этом направлении, желательно точно знать, чего мы хотим достичь и как это делается.

Первый великий принцип, который следует помнить, состоит в том, что оболочку следует гораздо чаще использовать для защиты не себя, а других. Например, невидимые помощники часто находят желательным создать подобную защиту для некоторых из тех, кого они пытаются спасти от разного рода зловредных влияний. Но средний интересующийся гораздо чаще подходит к этому с идеей защиты себя от разных внешних влияний, и обычно спрашивает, как создать оболочку для этой цели. Бывают случаи, когда такое действие допустимо, и мы, пожалуй, сгруппируем их под тремя заголовками, соответствующими эфирному, астральному и ментальному проводникам.

Во всех трёх случаях эти оболочки создаются силой воли, но прежде чем применять её, хорошо бы знать, из какого вида материи нужно построить оболочку, и что именно они не должны пропускать. Обычно даваемые указания состоят в том, что нужно подумать о своей ауре, окружающей нас в форме овоида, сильно сосредоточиться на её внешней поверхности, а затем применить волю, чтобы укрепить её так, чтобы она стала непроницаема для любых влияний извне. Эти указания хороши, и так можно создать достаточно крепкую оболочку, но усилия можно сделать менее трудоёмкими и более эффективными, если точно понимать, что мы делаем и почему, и посылать энергию своей воли только в верном направлении, вместо того, чтобы заливать все окрестности потоками неверно направленной силы. Давайте рассмотрим три разновидности оболочек несколько подробнее, и посмотрим, для каких целей каждая подходит.

Эфирная оболочка

Сначала мы рассмотрим оболочку, предназначенную для защиты физического тела (включая и эфирный двойник) от различных опасностей, которым оно может подвергаться. Есть три самых распространённых применения такой оболочки — защитить чувствительного человека, находящегося в толпе; защитить физическое тело перед тем, как покинуть его во сне; предотвратить опасность физического заражения в каком-либо случае, когда исполняя свой долг, приходится ей подвергаться. Во всех этих случаях очевидно, что для эффективного достижения цели оболочка должна быть из эфирной материи, и только из неё, хотя иногда может быть желательно одновременно создать оболочки и на других планах, чтобы создать защиту от других классов опасностей.

Цель оболочки, создаваемой для нахождения в толпе, обычно бывает двоякой. Там, где перемешано множество обычных людей, почти всегда много физического магнетизма, неприятного для ученика и даже нежелательного для него, и часть назначения оболочки — защита от этого магнетизма. Возможно также, что в любой большой толпе окажется несколько тех несчастных, кто испытывая какую-либо физическую слабость, постоянно вытягивает из других большое количество жизненной силы. Такое поглощение энергии часто происходит совершенно без ведома человека, подпитывающегося таким образом, так что его можно считать страдающим чем-то вроде бессознательной эфирной клептомании.

Того, кого угораздило стать таким вот бессознательным вампиром, можно сравнить с гигантской губкой, всегда готовой поглотить любое количество жизненности, которое только может получить. Если он ограничивает себя лишь захватом голубовато-белых излучений, выделяемых всяким нормальным человеком, то он не наносит вреда, поскольку составляющие этого излучения уже использованы человеком, из ауры которого они взяты. Но обычно этим дело не ограничивается, поскольку при приближении вампира это излияние значительно стимулируется его высасывающей силой, так что теряются не только использованные голубовато-белые флюиды, но вся циркуляция жизненности по телу жертвы столь ускоряется, что вместе с отходами через все поры тела высасывается и розовая материя, а её несчастный хозяин не успевает её усвоить, так что способный вампир может вытянуть из человека весь запас сил за несколько минут встречи.

Такой бессознательный вампир конечно же достоин жалости, и всё же было бы большой ошибкой из-за этой жалости добровольно подвергать себя истощению, думая, что этим мы оказываем услугу и помогаем нуждающемуся. Ведь вампир постоянно растрчивает эту жизненную силу, приобретённую нечестным способом. Она проносится через него и снова рассеивается без должного усвоения, так что его вечная жажда никогда не удовлетворяется, и пытаться путём самопожертвования восполнить его запас — это всё равно, что лить воду в решето.

Единственное, чем действительно можно помочь выявленному бессознательному вампиру — это поставлять ему жизненность, которой он жаждет, в строго ограниченном количестве, в то же время стараясь месмерическим действием восстановить эластичность его эфирного двойника, чтобы постоянный подсос и соответствующая течь более не имели места. Такая утечка через все поры тела всегда происходит из-за этого самого отсутствия эфирной эластичности, а не из-за

какой-то прорехи или раны на эфирном теле, как полагают некоторые изучающие — ведь представление о какой-то постоянной дыре несовместимо с условиями существования эфирной материи и строением эфирного двойника.

Одним из способов предохранения от такого вампиризма является прочная оболочка, и есть много людей, для которых это пока что единственный доступный путь.

У нормальных и здоровых людей обычно не бывает никаких трудностей с физическим телом, которое они покидают во сне или трансе, поскольку в маловероятном случае какого-либо нападения на это тело оно сразу же призвёт блуждающую душу, чтобы весь человек собрался и в случае необходимости защитил себя. У физического тела есть собственное сознание, совершенно отдельное от сознания живущего в нём человека — сознание довольно смутное, но всё же способное понимать, когда тело в опасности, и инстинктивно принимать все меры по его защите, что в его силах. Я сам видел проявление этого сознания, когда владелец тела был выведен из него дантистом при помощи веселящего газа. Оно проявилось в неясном вскрике и безуспешной попытке протеста, когда был вырван зуб, хотя сам человек потом сообщил, что абсолютно не сознавал операции.

А поскольку физическое тело всегда бывает тесно связано резонансными колебаниями с астральным, даже когда последнее далеко от него, всякое беспокойство, угрожающее физическому телу, почти наверняка будет моментально передано «я», которое срочно вернётся, чтобы выяснить, в чём дело.

Есть, однако, несчастные люди, случай которых нельзя считать нормальным, подвергающиеся нападениям некоторых существ, желающих захватить и одержать их тела, и такие люди часто находят необходимым принять сильные меры к тому, чтобы предотвратить захват их личной собственности. Или, например, обстоятельства могут вынудить ученика спать в чрезвычайно нежелательном окружении — как, например, в железнодорожном вагоне в близком физическом контакте с людьми, которые вампиризируют или излучают грубые и отталкивающие эманации. В любом из этих случаев сильная эфирная оболочка может оказаться лучшим способом справиться с затруднением, хотя у ученика есть альтернатива — создать сильную мыслеформу, одушевлённую назначением охранять тело. Такую мыслеформу можно сделать более действенной и живой, если удастся побудить войти в неё природного духа подходящего типа, чтобы он развлёкся выполнением её миссии.

Идея защиты от инфекции достаточно очевидна и не требует особых комментариев. Такая инфекция может проникнуть лишь посредством некоего рода физических зародышей, и против них плотная стена эфирной материи является верной защитой. Однако, никогда не следует забывать, что оболочка, которая *не впускает* материю определённого типа, также её и *не выпускает*; так что предохраняясь от микробов, которые могут нас заразить, мы также удерживаем в тесном соприкосновении с физическим телом огромную массу его собственных эманаций, многие из которых имеют определённо ядовитый характер.

В вышеупомянутых случаях оболочка делается только из эфирной материи, и человек, желающий создать её, должен вспомнить, что его эфирное тело вовсе не совпадает своими контурами с астральным или ментальным. Последние принимают вид и размер того овоидального сечения каузального тела, которое только и может быть проявлено в более низких мирах. Эфирное тело, однако, соответствует по форме физическому и немного выдаётся из него во все стороны — пожалуй, на полсантиметра или чуть более того. Потому, если человек решил уплотнить периферию своей ауры, он должен помнить, где она пролегает, и направлять свою силу воли соответственно.

Однако, он располагает альтернативой создать овальную оболочку из эфирной материи, извлечённой из окружающей атмосферы, и этот способ во многих отношениях более предпочтителен, хотя требует большего усилия воли и более определённого знания того, как при помощи воли придают форму физической материи. Такая оболочка, хотя и невидимая обычному зрению, полностью принадлежит физическому миру, а потому защищает своего создателя только от сугубо физических эманаций. Она ни в малейшей степени не препятствует входу блуждающих мыслей или астральных вибраций, склонных вызывать страсти и эмоции разных видов.

Некоторые чувствительные люди находят невозможным приближаться к страдающим от любых недугов или болезней, не воспроизведя немедленно в своих физических телах их симптомы. В таких случаях эфирная оболочка может оказаться полезной, поскольку без неё столь ненормально острое сострадание значительно мешало бы помогать таким людям.

Опять же, для тех, чьё дело вынуждает их жить и действовать среди ужасного грохота современной цивилизации, такая оболочка может иногда оказаться полезной, предоставляя усталым и издёрганным нервам по крайней мере хоть какую-то возможность для восстановления, на время защитив их от непрерывного стука всех разнообразных вибраций, составляющих современную жизнь.

Щиты

Иногда защита, к которой прибегают в некоторых случаях, представляет собой не оболочку, окружающую всё тело, а просто небольшой локальный щит для предохранения от какого-то особого временного контакта. Всем чувствительным людям известно, что западный обычай рукопожатия часто доставляет им настоящие мучения, нередко длящиеся несколько часов после момента контакта. А нежелание подавать руку часто вызывает обиду или создаёт впечатление гордости или надменности. Обычно этой трудности можно избежать, создав усилием воли сильный временный щит из эфирной материи, покрывающий правую руку. Он позволит чувствительному человеку выдержать неприятный контакт, не допустив в своё тело ни одной частички, заряженной нежелательным магнетизмом.

Ту же природу имеют и оболочки, иногда используемые для защиты от огня, хотя для их успешного применения требуется гораздо большее знание практической магии. Мне самому на спиритическом сеансе однажды сделали вокруг кисти руки такую оболочку из эфирной материи — она была столь эффективна, что будучи такой тонкой, что не воспринималась чувствами, она тем не менее позволяла мне несколько минут держать в руке горящий уголь, которым я тогда смог поджечь лист бумаги. Более широкое применение той же идеи — это гораздо больший щит, простираемый над горячим пеплом, или покрывающий ноги факиров, что позволяет совершать столь часто описываемое хождение по углям.

Предостережение

Учащихся, желающих для какой-нибудь цели защитить свои физические тела во время сна, стоит предупредить против повторения ошибки, совершённой некоторое время назад одним моим достойным другом, который приложил премного усилий для окружения себя особо непроницаемой оболочкой, нужной ему для особого случая, но сделал её из астральной материи вместо эфирной, и следовательно, взял её с собой, когда покинул своё физическое тело! Естественно, результатом было то, что физическое тело осталось совершенно незащищённым, в то время как сам он плавал над ним всю ночь, заключённый в тройные доспехи, будучи абсолютно не в состоянии послать ни одной вибрации в помощь кому-либо, или принять помощь или благотворное влияние через мысли любви, которые могли быть направлены к нему учителями или друзьями.

Астральная оболочка

Цели, преследуемые при создании астральной оболочки, естественно, имеют совершенно другой характер, поскольку должны быть связаны исключительно со страстями и эмоциями. Большинство этих целей опять же подпадают под какой-либо из трёх пунктов. Оболочка вокруг астрального тела может быть образована, во-первых, чтобы не пропускать эмоциональных вибраций (например, гнева, зависти или ненависти), намеренно направляемых на учащегося другими людьми; во-вторых, чтобы не пропускать вибрации низменного типа (такие как возбуждающие чувственность), которые не были намеренно направлены на учащегося, но плавали в окружающей атмосфере и воздействовали на него как бы случайно, в ходе обычной жизни; и в-третьих, он может найти полезным окружить своё астральное тело особой оболочкой на то время, которое он посвящает медитации, если его беспокоит вторжение мыслей низменного типа, несущих с собой астральную материю и, вероятно, способных вызвать нежелательные эмоции.

В каждом из этих трёх случаев усилие воли должно быть направлено на поверхность астрального тела — не на то соответствие из более плотной астральной материи, которое точно повторяет форму и размер физического проводника, а на яйцо окружающей его ауры, изображённое на иллюстрациях в

книге «Человек видимый и невидимый». В этом случае, как и во всех других случаях образования оболочек, нужно создать ясный мысленный образ, и в течение по меньшей мере нескольких минут вся сила воли человека должна быть сконцентрирована на усилиях по созданию необходимой формы. Следует также помнить, что такие уплотнения в некоторой степени неестественны, то есть они являются собой расположение материи, не предусмотренное в нормальной схеме вещей, а потому у задействованного проводника будет постоянная тенденция к возвращению в своё нормальное состояние, то есть к разрушению оболочки. Потому усилие воли должно создать определённое впечатление, достаточное, чтобы по меньшей мере в течение нескольких часов сопротивляться этому мягкому, но настойчивому стремлению к разрушению оболочки, иначе она постепенно станет дырявой, рваной и потому уже не сможет выполнять свою цель. Оболочка, присутствие которой требуется на сколько-нибудь долгое время, должна часто подновляться, так как без этого она скоро разрушится.

В связи с астральным телом нам нужно помнить то же соображение, которое я упомянул в связи с телом эфирным — а именно, что оболочка, не пропускающая вибрации внутрь, не будет и выпускать их наружу. Потому учащийся, создающий вокруг себя астральную оболочку, должен позаботиться о том, чтобы построить её лишь из материала низших подразделений астрального плана, поскольку исключительно эта материя и откликается на низкие и нежелательные вибрации, связанные с чувственностью, злостью, ненавистью, завистью и другими низменными страстями. Напротив, самые тонкие и чистые эмоции всегда выражаются через материю высшего подплана, и использовать в оболочке какую-либо материю этого рода нет никакой необходимости. В действительности, результаты использования такой материи в оболочке будут весьма неудовлетворительными, поскольку, во-первых, человек отсечёт от себя все потоки дружественных чувств, которые могут быть к нему посланы, а во-вторых, на время потеряет способность посылать подобные потоки любящих чувств к другим.

Могут спросить, как же обычный человек или даже начинающий ученик может знать, какой вид астральной материи он применяет в изготовлении своей оболочки. Ответ в том, что в конечном счёте это не труднее, чем создать концепцию о формировании оболочки вообще. Если он должен сделать оболочку из астральной материи, он должен сначала подумать о границах своей ауры, а затем перейти к уплотнению материи по всей этой поверхности. Этот процесс можно описать как разумное использование воображения; и лишь с чуть большими усилиями его можно направить на представление о том, что астральное тело состоит из семи степеней материи, разнящихся по плотности. Нужно направить волю на их сортировку и выбор материала, допустим, лишь трёх низших подпланов, чтобы сформировать оболочку исключительно из них; и хотя учащийся, не обладая ясновидением, может и не видеть результата своих усилий, ему не нужно сомневаться, что они дадут результат, и никакие типы материи кроме тех, о которых он подумает, не подвергнутся непосредственному влиянию потоков, которые он запустил.

Ментальная оболочка

Оболочка, создаваемая вокруг ментального тела, отличается от образуемой на астральном плане тем, что цель её состоит в предотвращении проникновения нежелательных мыслей, а не эмоций. Опять же, есть три основных случая, когда такая оболочка может быть полезна: во-первых, при медитации; во-вторых, при погружении в сон; и в-третьих, в особых условиях, когда без её помощи низменные мысли склонны становиться назойливыми.

Назначение ментальной оболочки при медитации — исключить массу мыслей низшего рода, которые постоянно резвятся в атмосфере. Никакая оболочка не может предотвратить возникновение блуждающих мыслей в собственном уме человека; однако большая их часть вызвана внешним воздействием от случайных плавающих мыслей, оставленных другими людьми, и уж по крайней мере их вторжение можно предотвратить оболочкой. Но здесь опять же желательно применять для создания такой оболочки лишь низшую ментальную материю, поскольку в противном случае будет прекращён доступ полезных мыслей, или же мысль медитирующего, направленная к Учителю, будет закупорена в этой оболочке.

Многих людей беспокоят потоки блуждающих мыслей, когда они пытаются заснуть, и ментальная оболочка избавит их от тех мыслей, которые приходят извне. Такая оболочка нужна лишь временно, поскольку всё, что требуется — это покой в период времени, достаточный для засыпания. Покинув физическое тело, человек унесёт эту оболочку из ментальной материи с собой, но её задача будет уже выполнена, поскольку всё назначение её заключалось в том, чтобы позволить ему покинуть тело. После распада оболочки поток праздных мыслей или умственное беспокойство, вероятно, возобновится, но поскольку человек будет уже вдалеке от своего физического мозга, это не помешает отдыху тела. Пока он в физическом теле, ментальная деятельность будет влиять на частицы мозга, производя там такую деятельность, которая легко может сделать оставление им физического проводника невозможным; но если уж он оказался вне его, те же беспокойства или блуждающие мысли не вернут его обратно в тело.

Третий из упомянутых случаев не так прост. Нередко случается, что определённые группы мыслей, некоторые из них вполне желательны, а некоторые — столь же нежелательны, тесно связаны вместе. Возьмём первый пример, который приходит на ум: хорошо известно, что глубокая набожность часто бывает почти неразделимо смешана с определённой формой чувственности. Человек, которого беспокоит эта неприятная связь, может получить все выгоды от религиозной преданности, не страдая от зловредных эффектов чувственности, окружив своё ментальное тело, насколько это касается его низших подразделений, крепкой оболочкой, тем эффективно отсекая низшие влияния, в то же время позволяя высшим беспрепятственно воздействовать на себя. Это лишь один пример феномена, у которого в ментальном мире есть множество разновидностей.

Лучшее применение оболочки

Когда требуется сделать оболочку, то вероятно, самым лёгким методом её создания будет указанный мною выше, но остаётся ещё другое соображение — вопрос о том, насколько же вообще оболочка является нежелательной вещью. У неё есть свои полезные применения, и для помощи другим людям она действительно бывает настоятельно необходима. Невидимые помощники часто находят её неоценимой, когда стараются дать облегчение какой-нибудь бедной измученной душе, у которой ещё нет сил защититься самостоятельно, будь то от определённых и намеренных атак извне, или от постоянного вихря утомительных блуждающих мыслей. Но применение оболочки для себя — это в некоторой мере признание своей слабости или недостатка, поскольку представляется почти несомненным, что будь всё так, как оно должно было быть, нам бы не потребовалось никакой защиты такого рода.

Красивая история

Это очень удачно иллюстрирует небольшая красивая история из предания христианской церкви. Она рассказывает о том, что где-то в пустыне за Александрией некогда был монастырь, настоятель которого обладал способностью ясновидения. Среди монахов были два молодых человека, у которых была репутация особо чистых и святых — эти качества должны бы быть общими для всех монахов, но иногда это бывает не так. Однажды, когда они пели в хоре, настоятель направил на них свои ясновидческие способности, чтобы выяснить, как им удаётся среди искушений повседневной жизни сохранять эту особую чистоту. Он посмотрел на первого и увидел, что тот окружил себя оболочкой, которая была будто из сияющего хрусталя, и что демоны-искусители (мы бы их назвали нечистыми мыслеформами), насканивающие на него, ударяются в неё и отскакивают назад, не причиняя ему вреда, так что он оставался спокойным, хладнокровным и чистым. Затем настоятель посмотрел на второго молодого монаха и увидел, что тот не выстраивал вокруг себя никакой оболочки, но его сердце было столь полно любви к Богу, что она постоянно излучается им во всех направлениях в виде потоков любви к своим ближним, так что свирепо насканивавшие на него демоны смывались этим могучим излиянием, и он оставался чист и неосквернён. Как говорится в истории, настоятель сказал, что второй монах был ближе к царствию небесному.

Лучший способ

Может быть так, что многие из нас ещё не достигли уровня этого второго монаха, но по крайней мере эта история ставит перед нами идеал более высокий, чем просто цель самозащиты, и мы можем извлечь из неё некоторый урок. Однако мы должны тщательно остерегаться чувства превосходства или отдельности. Нам следует избегать опасности слишком много думать о себе. Нужно постоянно поддерживать себя в состоянии излияния — мы должны быть активными, а не пассивными. Когда мы встречаем какого-нибудь человека, наше отношение конечно же должно быть не «как мне от него защититься», а «могу ли я что-

нибудь для него сделать». Именно это отношение и запускает в действие высшие силы, поскольку отражает отношение солнечного логоса. Именно когда мы даём, мы становимся годными для того, чтобы принимать; тогда мы являемся каналами для его могущественной силы.

Нам не нужно слишком много думать о личном прогрессе. Ведь можно оказаться настолько исключительно занятым мыслью «как мне продвинуться?», что забудется более важный вопрос: «что я могу сделать, чтобы помочь?». Ведь встречаются хорошие братья, даже среди лучших из нас, которые столь непрестанно проверяют, как идёт их прогресс, что напоминают тех детей, которые, получив для возделывания участки сада, постоянно выдёргивали свои растения, чтобы посмотреть, как растут корни. Эта чрезмерная озабоченность своим ростом представляет собой реальную опасность, и я знаю многих, кто совершая самые прекрасные альтруистические дела, тем не менее, никак не могут быть совершенно уверены в бескорыстности своих мотивов, поскольку всегда сомневаются — не движет ли ими эгоистичное желание избежать дискомфорта при виде чужой боли.

Такие братья должны помнить, что такое самоисследование может выродиться в болезненное самокопание, и что главное — выбрать для себя верное направление, а потом просто идти вперёд и делать всё лучшее, что в их силах, то есть, если выражаться языком приведённой нами христианской истории, нужно сначала наполнить свои сердца любовью к Богу, а затем (не тратя время на взвешивание этой любви, чтобы выяснить, растёт она или уменьшается) обратить всё своё внимание на практическое её выражение в любви к своим собратьям. Такое излияние любви есть не только защита, лучшая, чем любое количество оболочек, но и вложение, которое даст поразительные результаты. Ибо человек, совсем не думающий о результате есть именно тот, кто достигает величайших результатов из всех.

Мы читали о великолепном самопожертвовании нирманакай, которые, завоевав право бесчисленные века покоиться в несказанном блаженстве, всё же решили оставаться в соприкосновении с землёй, чтобы посвящать своё время порождению неисчислимых потоков духовной силы, изливаемой в могучий резервуар, из которого она может использоваться для помощи эволюции их менее развитым братьям. Распределение этой силы на благо «великому сироте», человечеству, доверено великой иерархии адептов, и именно оттуда они (и даже их ученики, под их руководством) черпают её, когда возникает необходимость.

Не нужно и говорить, что никакое из доступных нам дел не может приблизиться к великолепным достижениям нирманакайи хотя бы настолько, чтобы стало возможно какое-то сравнение, и всё же в силах каждого из нас добавить к содержанию этого огромного резервуара хотя бы по крошечной капельке, ибо когда бы мы ни изливали любовь или благоговение, совершенно лишённые всякой мысли о себе, мы создаёт результаты, лежащие далеко за пределами нашего постижения.

Всякая любовь, привязанность или преданность, какой бы благородной она ни была, если несёт в себе хотя бы малейшую мысль о себе (как в случае тех, кто желает ответной любви, пусть даже просто интересуясь — а насколько такой-то

любит *меня*, или награды, защиты или спасения за свою преданность), посылает свою силу по замкнутым кривым, которые возвращаются к пославшим её, и карма, которую создаёт эта сила, связывает человека, вновь вовлекая его в рождение, чтобы он мог получить её плоды, столь же неуклонно, как если бы это была плохая карма.*

* Как образно выражают эту идею буддисты, плохая карма приковывает к сансаре железными цепями, а хорошая — золотыми. — *Прим. пер.*

Но когда «я» совершенно забыто, и мысль о себе не имеет никакой доли в изливаемом потоке, когда линия, по которой изливается сила, уже не замкнута, тогда карма *не* связывает человека и не влечёт его обратно на землю. И всё же эффект производится — эффект, превосходящий всякое наше воображение, потому что эта линия достигает самог`о солнечного логоса, и именно от него приходит отклик. С этим ответом в качестве следствия неизбежно приходит некоторое продвижение человека, чья любовь или преданность его вызвала, но в то же самое время духовная сила добавляется и в великий резервуар адептов. Таким образом выходит, что всякая мысль, в которой нет ни малейшего оттенка своекорыстия, самым прямым образом помогает миру, так что сильное излияние любви — защита лучшая, чем самая крепкая из оболочек, и человек, который полон сил этой божественной Любви, не нуждается ни в какой защите, ибо живёт в сердце самого Бога.

Раздел третий

КАК МЫ ВЛИЯЕМ НА СЕБЯ

Глава XIV

ВЛИЯНИЕ НАШИХ ПРИВЫЧЕК

Еда

Христу приписывается высказывание о том, что «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека». Говорил он когда-нибудь такое или нет, не может быть сомнений, что человек самым определённым образом может загрязнить себя тем, что кладёт себе в рот.

Пища, которую мы едим, принимается в тело, и мы действительно делаем её частью себя, и отсюда вполне очевидно, что магнетизм, которым она заряжена, является для нас вопросом огромной важности. Важны и её физическая, и

магнетическая чистота, и всё же одни люди пренебрегают одной, а другие — другой. Например, в Индии большой вес придаётся магнетической чистоте, и человек не станет есть пищу, подвергнувшуюся магнетизму представителя более низкой касты. С другой стороны, там гораздо меньше внимания, чем у нас на Западе, уделяют физической чистоте при готовке, забывая, что ничто грязное физически не может быть магнетически чистым. Мы же обычно разборчивы в том, что касается физической чистоты, но никогда не задумываемся над вопросом чистоты магнетической.

Факт, наиболее серьёзно влияющий на магнетизм пищи, состоит в том, что в ходе её приготовления её очень много касаются руки повара. А наиболее сильно особый магнетизм человека течёт именно через его руки, и потому пища, которой руки касались, не может не быть сильно заряженной этим магнетизмом. Особенно верно это в случае хлеба и кондитерских изделий, тесто для которых в странах, слишком отсталых, чтобы применять технику, месят руками. Вся еда, приготовленная таким способом, вообще была бы непригодна в пищу, если бы не тот факт, что действие огня в процессе выпечки или варки устраняет следы большинства видов физического магнетизма. И всё же очень желательно, чтобы повар касался еды так мало, как только возможно, так что при приготовлении и сервировке любой пищи нужно всегда использовать половники и ложки, которые могут быть легко демагнетизированы, и держать их нужно в строгой чистоте.

Чтобы избежать всякого предотвратимого смешения магнетизма, многие оккультные ученики настаивают на том, что надо всегда пользоваться своей собственной чашкой и ложкой. Блаватская очень рекомендовала это и говорила, что когда это невозможно, чашка и ложка перед всякой едой должны быть демагнетизированы. Обычный человек не уделяет вообще никакого внимания подобным вещам, но изучающий оккультизм, который стремится вступить на Путь, должен быть более осмотрителен. Пищу можно демагнетизировать твёрдым усилием воли, и после небольшой практики простое мановение руки, сопровождаемое сильной мыслью, сделает это почти мгновенно. Но следует помнить, что такая демагнетизация не убирает ни физическую грязь, ни её астральное соответствие, хотя и может устранить другие астральные влияния, и потому нужно предпринять все предосторожности, чтобы убедиться, что во всех кулинарных операциях соблюдается совершенная чистота.

Еда также поглощает и магнетизм тех, кто находится в непосредственной близости от нас, когда мы едим. Именно по этой причине в Индии люди предпочитают есть в одиночку, и даже избегают быть увиденными за этим занятием представителями низших каст. Смесь магнетизма, происходящая от еды на публике, среди толпы незнакомцев, как в ресторане, всегда нежелательна, и её следует избегать, насколько возможно. Магнетизм своей семьи обычно находится в большей симпатии, и по крайней мере более привычен, так что вероятнее всего он будет менее вреден, чем внезапное вторжение комбинации совершенно чуждых вибраций, многие из которых скорее всего совсем не гармонируют с вашими собственными.

Однако в каждом продукте питания всегда есть два типа магнетизма — внутренний и внешний; первый относится к его собственному характеру, а второй

наведён на него извне. Магнетизмы торговца, продавшего продукт, и повара, приготовившего его, относятся ко второму типу, а потому могут быть устранены действием огня, но магнетизм, присущий самому продукту, вовсе не подвержен его действию. Например, сколько бы мы ни варили мёртвую плоть, это не может устранить присущий ей неблагоприятный характер и чувства боли, ужаса и ненависти, которыми она насыщена. Никакой человек, способный видеть этот магнетизм и создаваемые им вибрации, не станет есть мясо.

Опьяняющие напитки

В самом деле, многие из пагубных привычек, сопровождающие жизнь этого невежественного мира, сразу стали бы невозможны, кабы люди только могли видеть скрытую сторону своего эгоистичного самопотакания. Даже неразвитые представители человечества, толпящиеся вокруг стойки бара, непременно бы отшатнулись в ужасе, если бы могли видеть, существами какого типа они окружены — а это низшие и самые жестокие представители зачаточной эволюции, подобные обрюзгшим, бледным, неописуемо ужасным плесневым грибам, — но куда хуже их — отвратительные толпы мёртвых пьяниц, поскольку они деградировали из существ, которые могли бы быть намного лучше. Эти пропитанные алкоголем отбросы человечества, потопившие свой божественный образ в глубинах ужасающей распушенности, теперь кучкуются вокруг своих преемников, побуждая их к ещё более дикому кутежу с мерзкими взглядами и издевательским смехом, и при этом с отвратительным вожделением, на которое ужасно смотреть.

И всё это в дополнение к совершенно отдельному эффекту несомненной порчи астрального и ментального тел, к которой приводит злоупотребление спиртными напитками. Люди, которые охотно ищут оправдание удовлетворению своих низменных желаний, часто утверждают, что еда и питьё, принадлежа сугубо к физическому миру, могут оказать лишь небольшое влияние на внутреннее развитие человека. Это заявление очевидно не находится в согласии со здравым смыслом, поскольку в человеке физическая материя находится в чрезвычайно близком соприкосновении с астральной и ментальной — настолько, что одна в значительной мере является соответствием другой, и грубость и загрязнённость физического тела подразумевают подобное состояние и более высоких проводников.

Есть много типов и степеней плотности астральной материи, так что один человек может иметь астральное тело, построенное из очень грубых частиц, тогда как у другого оно может быть гораздо более чувствительным и утончённым. Поскольку астральное тело — проводник эмоций и страстей, человек, у которого оно более грубого типа, будет в основном подвержен более низким и грубым их разновидностям, тогда как человек с более утончённым астральным телом обнаружит, что его частицы более охотно вибрируют в ответ на более высокие и утончённые эмоции и желания. Таким образом, человек, который строит себе грубое и нечистое физическое тело, в то же время строит себе подобные же астральное и ментальное тела. Этот эффект сразу же очевиден тренированному

ясновидящему, и он легко отличит человека, питающего своё физическое тело чистой пищей, от того, кто загрязняет его одурманивающими напитками или разлагающейся плотью.

Не может быть и сомнения, что долгом всякого человека является настолько, насколько возможно развивать все свои проводники, чтобы сделать их совершенными инструментами души, которая сама учится быть подходящим инструментом солнечного логоса и совершенным каналом для божественной любви. Первый шаг этого состоит в том, чтобы сам человек научился полностью управлять своими низшими телами, чтобы в них не было никаких мыслей или чувств, кроме одобренных им.

Потому все эти проводники должны быть в состоянии наивысшей возможной эффективности; они должны быть чисты и незапятнаны; и очевидно, что этого никогда не добиться, пока человек вводит в физическое тело нежелательные составляющие. Даже физический проводник и его чувственное восприятие не будут в лучшем виде, если пища не будет чистой, и то же самое в гораздо большей степени верно относительно высших тел. Их чувства тоже не могут быть ясными, если в них вводится нечистая или грубая материя; всё, что имеет такую природу, засоряет и притупляет их, и душе становится труднее их использовать. Злоупотребление алкоголем и мясное питание абсолютно губительны для всякого истинного развития, и те, кто не бросают этих привычек, ставят на своём пути серьёзные и ненужные трудности, которых можно было бы избежать.

В связи с этим нужно учитывать не только эффект таких привычек в физической жизни. Мы не должны забывать, что человек, введивший в своё физическое тело нечистые частицы и тем выстроивший себе недостойное и нечистое астральное тело, именно в этом деградировавшем проводнике будет вынужден провести первую часть своей загробной жизни. Как здесь, в физическом мире, его грубость привлекает к нему все виды нежелательных существ, которые, подобно паразитам, делают его тело своим домом, находя в нём лёгкий отклик на их низменные страсти, так и после смерти он будет остро страдать от подобного же сообщества и осуществления в астральной жизни условий, причины которых он запустил в действие ещё здесь.

Мясоедение

Всё вышесказанное приложимо не только к злоупотреблению алкогольными напитками, но и к распространённой практике питания мертвечиной. Эта привычка, подобно пьянству, порождает соответствующие следствия, и подобно ему, собирает вокруг её приверженцев все виды нежелательных существ — ужасные зияющие красные пасти, подобные тем, что собираются вокруг боев, чтобы поглощать эманации крови. Ясновидящему поистине странно и жалко видеть леди, считающую себя изысканной и утончённой, которая окружена совершенно неподходящим её имиджу кошмаром из подобных форм в лавке мясника, куда она пришла выбирать трупы, оставленные жестокой и непрекращающейся бойней на поле битвы между зверской и хищной жаждой

крови человека и божественной жизнью, воплощённой в животном царстве. Будь эта женщина действительно утончённой, она бы в таком месте вообще не оказалась. Она мало сознаёт, что придёт время, когда те, чья поддержка сделала возможным это отвратительное пятно на истории человечества — ежедневное, жестокое и бесполезное массовое убийство форм, через которые терпеливо пытается проявиться божество, — предстанут перед ликом его невыразимого величества, и от гласа, вызвавшего к существованию мира, услышат ужасающую истину: «как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, так сделали мне».

Несомненно, наступило время, когда это отвратительное пятно на нашей так называемой цивилизации, которое существует несмотря на весь наш хваленый прогресс, должно быть устранено. Даже если бы это было нужно только из эгоистических соображений и наших собственных интересов, это должно быть сделано. Помните, что каждое из этих убиваемых созданий является определённым существом — не постоянной перевоплощающейся индивидуальностью, но всё же существом, у которого есть своя жизнь в астральном мире. Каждое из них остаётся там на довольно значительное время, изливая ужас и негодование на все причинённые ему мучения и всю несправедливость. Пожалуй, таким образом можно хотя бы немного осознать, какая ужасная атмосфера висит над бойнями и мясными магазинами, и как всё это во многих отношениях воздействует на человечество.

Больше всего эти ужасы воздействуют на тех, кто менее всех способен им сопротивляться — на детей, которые являются более утончёнными и чувствительными, чем очерстевшие взрослые. Для них в атмосфере присутствует постоянное чувство страха, что проявляется у них как страх темноты или боязнь остаться в одиночестве хотя бы на несколько мгновений. Всё время вокруг нас действуют страшные силы огромной мощности, которые может понять лишь изучающий оккультизм. Всё мироздание так тесно взаимосвязано, что мы не можем совершать этого страшного убийства братьев наших меньших без последствий для наших собственных невинных детей.

Достойно жалости, что женщина действительно *способна* войти в мясной магазин — ведь из-за того, что её предки злоупотребляли этой шокирующей формой пищи, её проводники столь очерствели, что она может находиться среди этих кровоточащих останков безо всякого отвращения, и жить среди самых отвратительных астральных ужасов, ни в малейшей степени их не сознавая. Если привести в подобное место любого человека, который никогда не разлагал себя поеданием падали, он, без сомнения, с отвращением отшатнётся от этих кровоточащих масс плоти и почувствует удушающее действие злых и воинственных астральных существ, которые там кишат. А пока мы имеем печальное зрелище женщины, которая должна бы по праву своего рождения быть чувствительной и утончённой, но чьи физические и астральные фибры столь огрубели, что она не замечает видимых и не чувствует невидимых ужасов, которые её окружают.

Достойно сожаления и то, что огромного количества зол, которое люди навлекают на себя такими пагубными привычками, можно было бы легко избежать.

Никакому человеку не требуется ни мясо, ни алкоголь. То, что без них ему лучше, демонстрируется снова и снова. Это тот случай, когда все аргументы на одной стороне, а в пользу другой нет решительно ничего, кроме утверждения человека «я буду есть эти отвратительные вещи, потому что они мне нравятся».

Относительно мясоедения, например, нельзя сомневаться в том, что 1) правильно подобранные овощи содержат больше питательных веществ, чем то же количество мёртвой плоти; 2) от отвратительной привычки пожирания трупов происходят многие серьёзные болезни; 3) человек от природы не является хищником, и потому эта ужасающая еда для него не подходит; 4) на растительной диете люди становятся более сильными и здоровыми; 5) трупоядение ведёт к злоупотреблению алкоголем и разжигает в человеке животные страсти; 6) растительная диета не только лучше, но и дешевле, чем мясная; 7) с той же площади земли может прокормиться гораздо больше народу, если её использовать для земледелия, а не под пастбище; 8) кроме того, при этом больше людей получают здоровую работу; 9) мясоеды ответственны за грехи и деградацию забойщиков скота; 10) мясная пища фатальна для настоящего развития и производит в астральных и ментальных телах самые нежелательные результаты; 11) долг человека по отношению к животному царству — не безрассудно истреблять его, а помогать ему в его эволюции.

Это не те вопросы, по которым может быть много сомнений; более полные свидетельства в поддержку каждого из этих пунктов можно найти в моей книге «Проблески оккультизма».* Никому из людей такие продукты не нужны, и употребление их — просто вопрос эгоистичного потакания своим желаниям. Большинство совершают это, не ведая о том вреде, который они наносят, но помните, что продолжать это, когда истина уже известна — преступление. Как бы ни было это широко распространено, это ничто иное, как вредная привычка, и с небольшими усилиями её можно бросить, как и всякую другую.

* С. W. Leadbeater, «Some Glimpses of Occultism». Глава, которую имеет в виду автор, издавалась в виде отдельной брошюры под названием «Вегетарианство и оккультизм», а её русский перевод был издан в составе сборника «Реальность астрального плана». — *Прим. пер.*

Курение

Другой обычай, тоже пагубный и столь же широко распространённый — это курение. В этом случае, как и в очень многих других, человек сразу негодует на любые предложения бросить эту дурную привычку и говорит: «почему я должен бросать, если мне это нравится?». С мясной пищей всё ясно, потому что она не только серьёзно вредит человеку, принимающему её, но и предполагает страшные преступления и жестокости при её добыче. Насчёт алкоголя тоже можно дать ясный ответ, потому что совершенно помимо последствий для самого пьяницы, он ещё поддерживает вредный бизнес, создавая спрос на спиртные напитки, что соблазняет тысячи его товарищей впадать в излишества и влечёт их к

собственному уничтожению. Никто, покупающий алкоголь, чтобы выпить, не может избежать своей доли ответственности за это.

Могут сказать, что с курением положение несколько иное, потому что для получения табака не требуется никаких жестокостей, и он не разбивает жизни людей, как алкоголь. Это верно, и если курильщик может полностью изолировать себя от контактов со своими близкими и не имеет желания к какому-либо прогрессу, имеющему оккультный характер, его аргументы пока что могут быть приняты. Но если он, не будучи настоящим отшельником, по меньшей мере иногда приходит в соприкосновение со своими братьями, он не имеет права становиться для них наказанием. Многие — те, кто сами уже глубоко погружены в то же самое загрязнение, не имеют никаких возражений против тошнотворного запаха табака, но все, кто сохранил чистоту, знают, насколько сильное отвращение неизменно вызывают его грубые и зловонные эманации. И всё же курильщику нет до этого почти никакого дела. Как я уже говорил в другом месте, это единственная вещь, которую будет намеренно делать джентльмен, зная, что она неприятна другим. Власть этой вредной привычки над своими рабами столь велика, что они совершенно неспособны ей сопротивляться, и в этом безумном и ненавистном эгоизме все их джентльменские принципы забываются.

Всего, что может оказать подобное воздействие на характер человека, все мудрые люди будут избегать. Нечистота табака столь велика и проникающая, что человек, привыкший к его употреблению, совершенно пропитывается им и становится весьма противным для обоняния более чистых людей. По этой чисто физической причине никому из тех, кто контактирует со своими товарищами, нельзя предаваться этой предосудительной практике, а если человек это делает, он тем самым демонстрирует, что думает лишь о своём эгоистическом удовольствии, которое он готов получать даже ценой больших страданий своих братьев. И всё это помимо эффекта деградации и болезней, к которым приводит курение — характерным для курильщиков заболеваниями горла и сердца, раку полости рта, расстройству пищеварения и другим. Ведь никотин, как известно, — смертельный яд, и эффект даже небольших доз не может быть хорошим.

Почему же кто-либо должен заводить привычку, ведущую ко всем этим неприятным результатам? На это нет абсолютно никакого ответа, кроме того, что люди приучаются любить курение, поскольку невозможно притворяться, что оно в каком-либо смысле полезно или необходимо. Я думаю, это совершенно верно, что в некоторых обстоятельствах оно успокаивает нервы — это часть притупляющего эффекта яда, но этот результат столь же хорошо достигается и другими, гораздо менее предосудительными средствами. Для человека всегда плохо приобретать привычку, которой он становится рабом, — я имею в виду, что это зло для него самого. Но вдвойне плохо, когда эта привычка несёт с собой плохую карму причинения постоянного раздражения другим.

Никакому ребёнку от природы не нравится отвратительный вкус этого зловредного растения, но поскольку старшие злоупотребляют им, он болезненно преодолевает естественную тошноту, которую оно вызывает у него поначалу (это протест молодого и здорового тела на вторжение загрязнения), и постепенно заставляет себя выдерживать её, в конце концов становясь рабом курения, как и

его родители. Оно задерживает его рост и приводит в дурную компанию. Но что ему с этого? Он утверждает свою возмужалость, доказывая себе, что способен на «мужской» порок. Я знаю, что родители часто говорят своим детям, чтобы те не курили, но возможно, если бы они сами являли для них пример воздержания, их мудрые советы возымели бы больший эффект.

Нечистота, которую несёт с собой эта непристойная практика, не только физическая. Можно принять за аксиому, что физическая грязь всякого рода предполагает и наличие астрального загрязнения, поскольку соответствие того, что нечисто, чистым быть не может. Как физические нервные вибрации притупляются этим ядом, подобному же воздействию подвергаются астральные и ментальные колебания. Для оккультного прогресса человеку нужно, чтобы все его проводники были настроены так тонко, как только возможно, чтобы они были готовы в любой момент в симпатии откликнуться на любой вид вибраций. Потому не следует отуплять свои мысленные волны и отягощать своё астральное тело грязными и ядовитыми частицами. А ведь многие называющие себя учениками ещё цепляются за эту неприятную привычку и пытаются изыскать все виды оправданий, чтобы скрыть тот факт, что им недостаточно силы, чтобы вырваться из-под её тирании. Но факты остаются фактами, и никто из тех, кто видит последствия этой разрушительной привычки для высших проводников не может избежать осознания серьёзного вреда, который она наносит.

Примечателен эффект, оказываемый ею в астральном мире после смерти. Человек, наполнивший своё астральное тело ядом, добился того, что оно стало сковано под его влиянием, и потеряло способность правильно функционировать или свободно двигаться. Такой человек долгое время как бы парализован — он может говорить, но не может двигаться, и почти полностью отрезан от всех высших влияний. Со временем он выйдет из этого неприятного положения, когда часть астрального тела, подвергшаяся действию яда, постепенно изнашивается.

Наркотики

Употребление опиума и кокаина, хотя, к счастью, и менее распространено, чем курение, однако столь же вредно, ибо с оккультной точки зрения оно совершенно губительно и фатально для прогресса. Эти наркотики иногда необходимы, чтобы снять сильную боль, но применять их следует так умеренно, как только возможно, и ни в коем случае не позволять этому выродиться в привычку. Однако те, кто знают, как это делается, могут устранить вредные эффекты опиума из астрального и ментального тела после того, как он сделает свою работу в физическом.

Почти все наркотики действуют на высшие проводники вредоносно, а потому их следует избегать так, как только возможно. Есть определённые случаи, когда ясно, что они требуются, будучи особыми средствами против некоторых болезней, но случаи эти редки, и в гораздо большем количестве случаев сама природа совершит быстрое исцеление, если присутствуют чистые и здоровые условия.

Что касается тела, то профилактика радикально лучше лечения, и те, кто живут рационально, редко будут нуждаться в услугах врача. При любых обстоятельствах следует полностью избегать животных сывороток и продуктов, полученных путём вивисекции или каким-то образом связанных с ней. Следует помнить, что чай и кофе в основе своей содержат наркотики, соответственно называемые теином и кофеином, которые ядовиты, так что излишество в употреблении этих напитков вредно, особенно для растущего организма. В самом деле, я склоняюсь к мнению, что хотя в умеренных дозах они не наносят серьёзного вреда, тем, кто находят, что способны избегать их, лучше без них обойтись.

Чистота

Врачи обычно согласны в том, что касается необходимости физической чистоты, но требования оккультизма куда более строги. Ненужная материя, постоянно выбрасываемая из тела в виде незаметной испарины, отвергается им потому, что это ядовитые и разлагающиеся отбросы, а астральные и ментальные соответствия этих частиц имеют самый нежелательный характер. В высших мирах грязь часто даже более неприятна, чем в мире физическом, но как и в нём, она не только отвратительна и ядовита сама по себе, но также неизбежно является рассадником опасных микробов — в тонких мирах она привлекает природных духов низкого класса, определённо неблагоприятных для человека. И всё же многие люди привычно носят с собой оболочку грязи, тем обеспечивая для себя неприятную свиту из астральных и эфирных существ.

Потому полная ежедневная ванна есть скорее оккультная, чем гигиеническая необходимость, и чистоты ума и чувств не добиться без чистоты тела. Физические эманации грязи неприятны, но эманации в астральном и ментальном мирах гораздо более чем просто неприятны — они вредоносны в высшей степени, и опасны не только для самого человека, но и для других. Именно через поры тела исходит магнетизм человека, неся с собой неиспользованные остатки жизненной силы. Потому, если эти поры закупорены грязью, магнетизм, проходя через них, отравляется, и оказывает пагубный эффект на всех окружающих.

Мы должны помнить, что постоянно обмениваемся частицами своих тел с окружающими, и потому наши тела не полностью наши собственные — мы не можем поступать с ними, просто как захотим, по причине того факта, что они постоянно влияют на тела наших братьев, детей нашего общего Отца. Понимание самой элементарной идеи братства покажет, что поддерживать свои тела чистыми и здоровыми — наш неременный долг по отношению к остальным. Если человек совершенно чист, его эманации будут нести силу и здоровье, так что делая себя чище, мы помогаем также и другим.

Оккультная гигиена

Самое сильное излучение магнетизма идёт из кончиков пальцев рук и ног, так что строжайшей чистоте этих каналов влияния постоянно следует уделять более чем обычное внимание. Беспечный человек, позволяющий грязи скапливаться под ногтями, всё время изливает с кончиков своих пальцев то, что в астральном мире точно соответствует потоку особо зловонных сточных вод в физическом. Этот эффект делает соседство с ним для всякого чувствительного человека исключительно неприятным, и заставляет его наносить вред там, где иначе он мог бы творить добро.

По той же причине желательна и особая забота о ногах. Их никогда не следует заключать в слишком тесную для них обувь; кроме того, толстые и тяжёлые ботинки нельзя носить ни мгновением больше, чем это действительно необходимо — сразу нужно переобуваться в что-то мягкое, лёгкое и свободное. В действительности гораздо лучше, когда это только возможно, вообще не закрывать ноги ничем, а если это невозможно, нужно носить лёгкие сандалии без чулок или носков. Вряд ли это будет выполнимо на улице среди ужасной грязи наших городов, но конечно же это возможно в сельской местности или у моря. В домах же так следует поступать повсюду, и это будет здоровее и удобнее с физической точки зрения, равно как правильно и с оккультной. Но пока все мы настолько являемся рабами моды, что всякий человек, живущий и одевающийся рационально, будет, вероятно, сочтён за сумасшедшего, я полагаю, что невозможно ожидать от людей достаточного здравомыслия, чтобы они делали то, что со всей очевидностью является для них лучшим.

С точки зрения оккультной гигиены большое внимание нужно уделять также и голове, которую нужно оставлять непокрытой, когда только возможно, и никогда не позволять ей перегреваться. Шляпа — предмет гардероба, который вовсе не является необходимым, и людям во всех отношениях было бы лучше без неё, но здесь, как всегда, глупость обычая стоит на пути здравого смысла. Она сразу станет очевидной, если мы вспомним, что даже в самую холодную погоду наше лицо обычно остаётся совершенно непокрытым, хотя обычно на нём лишь немного волос, в то время как мы нахлобучиваем значительную и весьма антисанитарную ношу на верхнюю часть головы, которую природа уже обильно покрыла волосами! Подумайте также, сколько денег можно было бы сэкономить, избавившись от ненужных и определённо вредных предметов гардероба — шляп, тубель, чулок, воротничков, манжет и корсетов.

Но в таких делах люди никогда не прибегают к помощи своих мозгов — они думают лишь о том, что делает кто-то другой, и не сознают, что их хваленая свобода — просто подделка, поскольку они никогда не чувствуют себя свободными поступать согласно простейшим велениям своего разума, даже в отношении тех вещей, которые со всей очевидностью являются их личным делом, как собственная одежда. Будущие и более просвещённые поколения с удивлением и жалостью будут смотреть на мрачное и уродливое однообразие, на которое нас обрекает это бездумное рабство у обычаев.

Ещё одним предосудительным обычаем современной цивилизации является стрижка волос. Это возмутительно, что мы должны в течение часа позволять лапаты нашей голову человеку, который обычно бывает не самого высокого

развития, неприятно пахнет табаком, луком или помадой, дышит нам в лицо и беспокоит нас потоком пустой болтовни, а до этого трогал головы множества других подданных Её Величества, не моя в промежутках руки. Учитывая тот факт, что голова — именно та часть тела, которая подвержена влиянию неприятного чуждого магнетизма сильнее всего, и что именно через руки этот магнетизм легче всего протекает, можно сразу видеть, насколько это ненаучно и отвратительно. Я не хочу сказать, что каждый должен отращивать волосы на полную длину — это исключительно дело его личного вкуса, но я имею в виду, что человек, который его стрижёт, должен быть его женой или матерью, братом или сестрой, или по крайней мере членом семьи или близким другом, чей магнетизм в целом гармоничен и скорей всего чист. Может быть, что пока мы не напрактикуемся достаточно, стрижка будет получаться не такая хорошая, как у профессионального парикмахера; но за это нам более чем воздастся отсутствием головной боли, неприятных запахов и чужеродных влияний.

Физические упражнения

Чтобы реакция физического тела на высшие проводники была удовлетворительной, его необходимо регулярно упражнять. То, о чём нам говорят врачи как о желательном с точки зрения физического здоровья, ещё более желательно с точки зрения нашего здоровья в других мирах. Неиспользуемые мышцы не только слабеют и атрофируются, но такое их состояние создаёт закупорки, пресекающие правильный и здоровый ток магнетизма, а это означает слабое место в эфирном двойнике, через которое могут легко проникнуть враждебные влияния. Человек, поддерживающий в хорошей форме физическое тело, также поддерживает в хорошем порядке и тело эфирное, что в первую очередь значит, что он гораздо менее подвержен проникновению неприятных физических зародышей — например, инфекции. Во-вторых, благодаря реакции на это астрального и ментального тел, депрессивные мысли и животные страсти практически не смогут его захватить. Отсюда мы видим, что правильные и регулярные физические упражнения с оккультной точки зрения очень важны; можно сказать, что все практики, которые на опыте показали свою пользу для здоровья физического тела, также оказывают благоприятное воздействие и на высшие проводники.

Чтение и учёба

Оккультная сторона есть у каждого дела нашей повседневной жизни, и часто получается, что если мы её знаем, то можем совершать эти дела совершеннее или с большей пользой. Возьмём, например, чтение. Говоря в общем, мы читаем с двумя целями — для изучения и для развлечения. Исследуя при помощи ясновидения человека, читающего с целью учёбы, часто поражаешься, как мало из реального смысла написанного проникает в ум читателя. Если книга написана тщательно, с целью последующего её изучения, то каждое предложение или абзац обычно содержат ясное изложение какой-то определённой идеи. Эта идея выражается в

мыслеформе, вид которой варьируется соответственно предмету. Но будь она маленькой или большой, простой или сложной, она по крайней мере является по-своему ясной и определённой. Обычно она окружена разными вспомогательными формами, являющимися выражениями логических связей или неизбежных выводов из основного заявления. В уме читателя должна быть построена точная копия этой самой мыслеформы, созданной автором — возможно, сразу, а возможно, и постепенно. Будут ли появляться мыслеформы выводов, зависит от природы ума изучающего — способен ли он сразу увидеть все следствия из того или иного утверждения.

Как правило, у хорошего читателя главная идея довольно точно воспроизводится сразу, а окружающие её образы появляются друг за другом по мере того, как он прокручивает её в уме. Но к сожалению, у многих людей даже центральная идея воспроизводится вовсе не точно. Менее развитые ментально, они вовсе не могут создать ясное её отражение, выдавая вместо геометрической формы какую-то аморфную и неправильную массу. Другие создают форму, в которой можно узнать первоначальную, но с притуплёнными краями и углами, или с одной частью, непропорциональной по отношению к другим — фактически, это как плохой рисунок.

Другим удаётся создать нечто вроде скелета этой формы, что значит, что они уловили идею в общих чертах, но не могут сделать её живой для себя или наполнить её подробностями. Другие — и, пожалуй, этот класс наиболее многочисленный — касаются лишь одной стороны идеи, не замечая другой, таким образом строя только половину формы. Другие схватывают один момент и пренебрегают всем остальным, создавая фигуру, точную в тех местах, которые воспроизведены, но в которой нельзя узнать копию мыслеформы автора книги. И эти люди будут утверждать, что они изучили книгу, хотя если их попросить извлечь из памяти её содержимое, их пересказы будут иметь мало общего.

В первую очередь это означает недостаток внимания. Эти люди, вероятно, прочитали слова, но идеи, выраженные этими словами, не нашли прибежища в их умах. Ясновидающему часто бывает легко увидеть причину этого, поскольку, если он понаблюдает ментальное тело такого читателя, то увидит, что оно занято дюжиной предметов одновременно. Там и домашние дела, и беспокойства по работе, и мысли о недавних удовольствиях, и предвкушения новых, и чувство усталости, и отвращение к учёбе, и томительное ожидание того, когда же истекнут оставшиеся полчаса времени, отведённого на неё. Все такие чувства бурлят в мозгу человека и занимают 90% материи ментального тела, тогда как оставшаяся жалкая десятая часть делает отчаянные попытки овладеть мыслеформой, которую он, как считается, усваивает из книги. Вполне естественно, что при таких условиях нельзя надеяться на какую-то реальную пользу, и скорей всего такому человеку вообще не стоило бы браться за учёбу.

Из такого исследования скрытой стороны учёбы вытекают определённые правила, которым неплохо бы следовать тем, кто действительно желает чему-то научиться. Во-первых, начать следует с того, чтобы очистить свой ум от всех посторонних мыслей и убедиться, что ни одной из них не будет позволено вернуться до окончания времени учёбы. Нужно освободить ум от всех беспокойств и забот, а

затем полностью сконцентрироваться на изучаемом предмете. Нужно медленно и внимательно прочитать абзац, а затем остановиться, чтобы убедиться, ясный ли образ создан в уме. Затем следует читать высказывание снова с тем же вниманием, чтобы посмотреть, не добавятся ли к созданному ментальному образу новые черты, что следует повторять до тех пор, пока не будет чувствоваться полное усвоение предмета, и что никаких новых идей о нём сразу уже не добавляется. По достижении этого будет полезно посмотреть, удалось ли уловить какие-то идеи, логически связанные с основной, которые можно было бы расположить вокруг центральной мыслеформы подобно спутникам.

Всё это время масса других мыслей будет шумно требовать допуска в ум, но если учащийся достоин этого имени, он будет строго отказывать им, направляя ум исключительно на изучаемый вопрос. Первоначальная мыслеформа, описанная мною, отражает представления автора на тот момент, когда он писал, но при серьёзном изучении всегда возможно войти в соприкосновение с умом автора. Через мыслеформу можно достигнуть его самого и получить дополнительную информацию или пролить свет на трудные моменты. Обычно изучающий, если он не достиг высокого развития, не может войти в *сознательный* контакт с автором, чтобы по-настоящему обмениваться с ним идеями — каждая новая мысль скорее всего покажется ему его собственной, поскольку в любом случае мысли приходят в его мозг сверху — порождены они его собственным ментальным телом или предложены извне. Однако это имеет малое значение, коль скоро он получает ясное представление о предмете.

Основательность и систематичность

Всё это для оккультного ученика является делом самым собой разумеющимся, и он практикует это ежедневно с образцовой регулярностью, ибо признаёт её важность — во-первых, потому что знает необходимость систематической работы или тренировки, а во-вторых, потому что считает основательность своим долгом. Его девиз должен быть следующим: «Что бы ни пришлось делать твоим рукам, делай это изо всех сил». Он знает — что бы он ни делал, он должен сделать это лучше, чем мирской человек, и никакие усилия нельзя считать достаточными, кроме максимально возможных. Он знает, что должен непрестанно стремиться к достижению совершенства во всех своих трудах, для этой цели развивая до предела все свои проводники.

Чтение романов и газет

Даже когда мы читаем для развлечения, всё же весьма желательно, чтобы сосредоточение на том, что мы читаем, вошло у нас в привычку. После долгой учёбы или тяжёлой умственной работы любого рода чтение хорошего романа часто приносит огромное облегчение, и в этом нет никакого вреда, пока соблюдается умеренность. Человек, отдающий всю свою жизнь чтению романов, занимается ментальным транжирством, и если он будет продолжать так

обращаться со своим умом, то вероятно, скоро он может обнаружить, что такой ум уже мало пригоден в качестве инструмента для серьёзного изучения. Но, как я уже сказал, время от времени читать романы для отдыха — безвредно и даже полезно.

Но даже тогда не стоит читать невнимательно, а лучше попытаться составить ясное представление о каждом персонаже, чтобы они предстали перед нами, как живые. При написании своего повествования автор уже создал такую серию мыслеформ. С тех пор многие другие читатели входили с ними в контакт и укрепляли их (хотя некоторые предпочитают создавать новый набор своих собственных), так что часто можно воспринять умом первоначальный набор, созданный автором и точно следовать его замыслу.

У некоторых известных историй есть множество представлений в ментальном и астральном мирах. Например, для библейских историй каждая нация обычно создаёт своё особое представление, и часто персонажи облачены в её собственные национальные костюмы. У детей воображение сильное и живое, так что книги, много читаемые детьми, непременно хорошо представлены в мире мыслеформ; мы находим там много отличных и полных жизни портретов таких людей как Шерлок Холмс, капитан Кеттл, Джон Силвер или доктор Никола.

Однако в целом мыслеформы, вызванные к жизни современными романами, вовсе не столь ясны, как созданные нашими предками для Робинзона Крузо или персонажей пьес Шекспира. Это происходит главным образом из-за того, что мы редко уделяем чему-либо более, чем половину своего внимания — даже хорошему роману, — а это, в свою очередь, есть следствие курьёзных литературных условий нашего времени. В прежние дни, если человек вообще читал, он читал серьёзно и сосредоточивался на том, что делает. Если он брался за какой-то предмет, то читал по нему серьёзные книги. А в наши дни множество людей почти всю свою информацию получают из газет и журналов, статьи в которых дают в форме, удобной для лёгкого усвоения, некоторое количество поверхностной информации по любой теме, какой бы она ни была. Её достаточно, чтобы человек мог легко болтать об этом за обеденным столом, но недостаточно, чтобы потребовать от него каких-то умственных усилий. Сейчас век лоскутной информации, и крайним выражением его духа стало огромное распространение таких газеток как «Жареные факты» и «Ответы». Ум, получающий информацию таким путём, не владеет по-настоящему никаким предметом — у него нет твёрдой базы, а поскольку он привык кормиться такими острыми кусочками, он оказывается неспособен переварить более существенную пищу.

Неприятной чертой современной прессы является огромная важность, уделяемая убийствам, разводам и тому подобному, и день за днём публику снабжают отвратительными подробностями этих дел. Это довольно плохо с любой точки зрения, но когда к обычным соображениям мы добавим те, что показывает нам изучение скрытой стороны всех этих вещей, мы просто ужаснёмся. Результатом этого публичного полоскания грязного белья становится то, что по всей стране постоянно генерируются массы живых и самых нежелательных мыслеформ. Люди представляют ужасные подробности убийства, или возбуждённо смакуют красноречивые подробности или замечания, связанные с делом о разводе; в первом случае мыслеформы имеют устрашающий характер для всякой нервной

системы, которая может подвергнуться их влиянию, а во втором случае будут создавать определённое искушение к злым мыслям и делам у всех, в ком есть зародыши чувственности. Это не просто предположение — это констатация фактов, которые *происходят постоянно*. Ни один ясновидящий не может не заметить огромного роста неприятных мыслеформ во время хода любого из таких сенсационных судебных процессов.

С другой стороны, справедливо будет не забывать, что эта курьёзная отрывочная литература в наши дни достигает множества людей, которые в старые времена не читали вообще. А человек, который по своему складу является серьёзным исследователем, всё ещё изучает так же, как в старину. Некоторые люди, которые в прежние времена могли бы изучать серьёзно, сейчас отвращены от этого лёгкостью, с которой они могут получать поверхностные сведения в малых дозах, но зато гораздо большее количество людей, которые ни при каких обстоятельствах не взялись бы за серьёзное изучение, теперь получают хоть какую-то информацию, привлечённые лёгкостью, с которой можно это сделать. Многие покупают журнал в дорогу, чтобы почитать в поезде какую-нибудь историю, и прочтя её до окончания путешествия, проводят время, поглощая остальное содержание журнала, таким образом узнавая много вещей, которых они не знали раньше. Внимание такого человека даже может быть привлечено к какому-то предмету, который его заинтересует и которым он впоследствии займётся всерьёз.

Так что можно сказать, что эти любопытные упаковки разнообразной информации приносят не только вред, но и пользу, ведь хотя сам по себе вкус к отрывочному чтению и низкопробным шуткам не будет большим приобретением для мальчика-посыльного или работника магазина, всё же это будет для них началом знакомства с литературой, и займёт какую-то часть их времени, которое иначе они бы провели в пивной или в сомнительной компании. Когда не было общедоступных школ, место дешёвых журналов занимали в основном устные истории, и стоит думать, что многие из таких историй, рассказываемых молодыми людьми в своей компании, часто были такого сорта, что их уж точно не допустили бы в наши еженедельные газеты. Так что не следует всецело презирать такие вещи, хотя серьёзному изучающему хорошо бы их избегать, хотя бы потому, что они заполняют ментальное тело массой мелких бессвязных мыслеформ, похожих на щебёнку, вместо того, чтобы строить в нём упорядоченное здание.

Речь

Совершенно необходимо помнить, что речь должна быть абсолютно правдивой. Точность выражений — качество, редко демонстрируемое в наши дни, и беспечные преувеличения стали обычным делом. Многие привыкли выражаться так вольно, что теряют весь смысл слов; они постоянно говорят «ужасно», когда имеют в виду «очень», или описывают что-то как «убойное», когда хотят передать идею о чём-то несколько забавном. Эти обычаи не должны уводить оккультиста прочь от правды, и во всём, что он говорит, он должен быть педантично точен. Есть люди, считающие допустимым сказать неправду, как это они называют, для розыгрыша, а затем смеяться над легковерием другого, за которое его в

действительности нельзя порицать, поскольку он просто доверял рассказчику как джентльмену, который говорит правду. Вряд ли нужно говорить, что такая ложь совершенно недопустима. Ни при каких обстоятельствах нет ничего забавного в том, чтобы сказать ложь или ввести кого-то в заблуждение, и слова или действия, сказанные и сделанные для этой цели, так же плохи, как и во всяком другом случае.

Мудрый человек никогда не станет спорить. У каждого человека есть определённое количество сил, и он ответственен за применение их с максимально возможной пользой. Один из самых дурацких способов растратить их — расточать их в спорах. Иногда ко мне приходят люди и хотят дискутировать о теософии. Я неизменно отказываю. Я говорю, что у меня есть определённая информация, которую я могу дать, и я могу засвидетельствовать, что я сам видел это и знаю это на собственном опыте. Если такое свидетельство чего-то для них стоит, тогда добро пожаловать, и я рад поделиться ей с ними, как делал снова и снова в этой и других книгах, но у меня нет времени на споры с теми людьми, которые мне не верят. Они имеют полное право на своё мнение и вольны верить или не верить по своему выбору. Я не ссорюсь с теми, кто не может принять моего свидетельства, но я и не трачу на них время, потому что это время можно гораздо лучше провести с теми, кто готов принять то послание, какое я должен доставить.

Говорят, что Уистлер в ходе разговора об искусстве однажды заметил: «Я не спорю с вами, я сообщаю вам факты». Мне представляется, что это самая мудрая позиция для изучающего теософию. Мы исследовали некоторые вещи, и насколько мы продвинулись, знаем, что они верны и хотим объяснить их. Если люди ещё не готовы их принять, это исключительно их дело, и мы пожелаем им успехов в тех исследованиях, за которые они пожелают взяться. Споры же постоянно ведут к накалу чувств и враждебности, — а и того, и другого всеми средствами нужно избегать. Когда необходимо обсудить какой-то предмет во всех его аспектах, чтобы принять решение о том, в каком направлении действовать, пусть это делается умеренно и мягко, и пусть каждый изложит свою позицию тщательно и доброжелательно, и со всей вежливостью и уважением выслушает мнения других.

Медитация

Точно так же, как человек, желающий стать сильным, находит разумным практиковать упражнения, предписанные для развития физического тела, так изучающий оккультизм использует определённые упражнения для развития астрального и ментального проводников. Лучше всего это достигается медитацией. Есть много её видов, и каждый учитель предписывает тот, который считает самым подходящим. Все религии рекомендуют её, и её желательность признана всеми школами философии. Здесь не место предлагать какую-то конкретную систему; те, кто принадлежит к Теософическому Обществу, знают, что в нём есть школа для таких практик, и желающих получить дальнейшую информацию мы переадресуем туда.

Все системы ставят перед собой определённые цели, которые нетрудно понять. Все они предписывают человеку каждый день посвящать определённое время устойчивому и исключительному мышлению о святых вещах, и цели, с которыми это делается, следующие: во-первых, обеспечить условия, при которых по крайней мере раз в день человек будет думать о подобных вещах, чтобы хотя бы раз в 24 часа он выходил из ограниченного круга повседневной жизни, со всеми её заботами и легкомысленными занятиями; во-вторых, чтобы человек привык думать о таких вещах, и через некоторое время они образовывали как бы фон его повседневной жизни — то, к чему ум возвращается с удовольствием всякий раз, когда освобождается от неотложных требований своих дел; в-третьих, как я уже сказал, это нужно как нечто вроде астральной и ментальной гимнастики, позволяющей поддерживать здоровье высших тел и поток через них божественной жизни (следует помнить, что для этого первостепенную важность имеет *регулярность* упражнений); и в-четвёртых, потому что это путь, ведущий к более высокому развитию и более широким знаниям, пусть даже это лишь первый шаг такого пути; врата той дороги, которая после многих усилий и борьбы ведёт к достижению ясновидения, а в конечном счёте и к высшей жизни всецело за пределами этого мира.

Хотя человек в своей ежедневной медитации может видеть лишь небольшой прогресс, и ему может казаться, что его усилия совершенно неудовлетворительны и не дают результатов, ясновидящий, наблюдающий его, увидит, как астральное и ментальное тела из хаоса медленно приходят в порядок, постепенно расширяясь и обучаясь откликаться на всё более высокие вибрации. Такой наблюдатель может увидеть, как незаметно для медитирующего каждое усилие истончает завесу, отделяющую его от мира непосредственного знания, и как его мыслеформы изо дня в день становятся всё более определёнными, а жизнь, вливающаяся в них свыше — более полной и более сильно действующей на их породителя, хотя сам он может этого совершенно не сознавать. Так что, исходя из своих знаний о скрытой стороне вещей, ясновидящий всем стремящимся посоветует медитировать, и медитировать регулярно, продолжая свою медитацию с полной уверенностью, что, чувствуют они это или нет, их усилия приносят результаты и неуклонно приближают их к своей цели.

Говорят, старина Уоттс сочинил гимн, в котором говорилось, что «для праздных рук у Сатаны всегда найдётся какое-нибудь пакостное дело». Возможно, он имел в виду только физический мир, но мудрый человек знает, что это верно и в отношении ума. Злые мысли возникают в уме именно тогда, когда он пребывает в праздности и ничем не занят. Потому самый верный путь избежать искушения — постоянно занимать его работой, а поскольку даже самый неутомимый из смертных не может работать всегда, для этих опасных моментов досуга ему нужно иметь защитное средство в виде какого-то определённого предмета, к которому инстинктивно возвращается его ум, когда не занят ничем другим. У большинства людей есть подобный мысленный фон, но часто он имеет характер мелочный или даже нежелательный. Есть люди, у которых фоном ума всё время являются нечистые мысли, а у некоторых это ревность или ненависть. Многие матери всё время думают о своих детях, а влюблённые постоянно держат перед собой образы

своих любимых, которые часто занимают не только фон, но и передний план их ума.

Человек, который приобрёл достоинство обладания верным мысленным фоном своей жизни, находится в гораздо более безопасном положении. Для некоторых этот фон обеспечивает религия, но такие натуры редки. Большинству его может обеспечить лишь изучение великих истин природы — лишь то знание о месте и порядке вещей, которое в наши дни мы называем теософией. Когда этот великий план бывает однажды воспринят, он занимает и ум, и высшие эмоции, и вся природа человека настолько наполняется им, что для него уже невозможна никакая иная мысль и никакое иное отношение, кроме как посвятить себя и всё, что у него есть, этому великому плану, и стать, насколько позволяют его задатки, сотрудником замыслившего этот план Логоса.

Так это становится фоном его ума — доминирующей мыслью, от которой ему приходится отвлекаться, чтобы уделить внимание подробностям внешней жизни, и к которой он моментально и с удовольствием возвращается, когда его долг по отношению к ним исполнен. Когда человеку удалось достичь такого состояния, он гораздо больше обезопасил себя от злых мыслей, и ему не нужно бояться, что эта постоянная занятость ума высшими предметами может как-то повредить его эффективности здесь, на земле. Свои повседневные дела он сможет выполнять лучше, а не хуже, потому что за ними теперь стоит нечто более великое и постоянное, ведь именно люди с такой высшей мотивацией были самыми эффективными работниками в мире.

Как выразил это Кибл, «В этой ошеломляющей волне человеческих забот и преступлений есть те, с кем постоянно пребывают мелодии вечного колокольного звона», и он говорит о них, что «они выполняют повседневные дела лучше, потому что их тайные души повторяют святое напряжение».

Глава XV

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ

Дома

Сейчас модно придавать огромную важность влиянию среды, и это вовсе не лишено оснований. Применяя это выражение, люди обычно имеют в виду ту среду, в которой они родились, или ту, которая им была навязана извне, вне зависимости от их воли. Есть, однако, и другая среда, о которой часто забывают: среда, которую мы создаём себе сами. Мы забываем об огромном влиянии, которое ежедневно оказывает на нас место, которое мы выбрали для проживания, и предметы, которыми мы по своей воле окружили себя. Посторонний наблюдатель часто может заметить, что во внешнем облике дома есть что-то от характера его обитателей, а комната человека в некоторой степени является его

выражением, поскольку демонстрирует его вкусы в отношении книг, картин, статуй, мебели, обоев и цветов. И каждая из этих вещей постоянно воздействует на него, даже если он никогда об этом не думает.

Тот, кто изучает оккультизм, в выборе дома для себя будет руководствоваться многими соображениями, которые скорей всего и не придут на ум человеку обыкновенному, который обычно основывает своё суждение главным образом на таких вещах как размеры дома и арендная плата, исправность канализации и близость к остановке трамвая или железнодорожной станции. Естественно, область его выбора определяют именно такие моменты, но исследование скрытой стороны вещей, вовсе их не отменяя, предлагает некоторые дополнительные соображения. С нашей точки зрения существенно иметь вокруг дома как можно больше пространства — чтобы он был насколько возможно удалён от соседних домов. Даже если соседи такие хорошие, каких можно только пожелать, всё же всегда лучше избегать смешения разных вибраций. Иногда мы можем искренне желать общества соседа, но ведь всегда можно зайти к нему или пригласить его в гости к себе. Но постоянная тесная близость к нему, при которой чувствуется всякое изменение в его ауре — положение дел, которого никогда не стоило бы допускать, хотя, к сожалению, это бывает слишком часто.

В непрерывных рядах домов, которые столь обычны в наших больших городах, невозможно с оккультной точки зрения скрыться от своего соседа. Каждый раз, когда он подходит к разделительной стене, его аура обязательно выдаётся через неё, и можно видеть, что когда соседи с обеих сторон подходят близко, мы оказываемся практически в одной комнате с двумя семьями, вкусы и интересы которых могут полностью отличаться от наших собственных, а мысли и устремления совершенно противоречат тем, которым мы желаем себя посвятить. Даже крайний дом лучше, так как по крайней мере нам приходится разделять квартиру лишь с одной семьёй, но по правде соприкасающихся домов вообще не должно быть, как бы ни была дорога земля. И конечно же, никто из тех, кто понимает силу невидимых влияний, не займёт дом, стоящий в ряду других, если имеет возможность этого избежать. С той же трудностью мы сталкиваемся в современных многоквартирных домах. У них может быть много преимуществ, и в них могут быть все удобства, каких можно только желать, но против них всегда остаётся это весьма серьёзное возражение. Если же, однако, обстоятельства *вынуждают* человека жить вместе с другими, он по крайней мере должен сделать всё, что в его силах, чтобы найти гармоничных соседей.

Ещё одно весомое с оккультной точки зрения обстоятельство — это на какую сторону выходят окна дома. Исходя из соображений, связанных с физическим здоровьем, следует выбирать скорее солнечный, чем сумрачный дом, а если подумать о высших мирах, то важность этой рекомендации значительно возрастет. Я уже кое-что говорил о настоятельной необходимости солнечного света и всего, что он с собою несёт. От прямых лучей солнца бегут прочь не только физические болезни, но и раздражительность и депрессия, так что изобилие солнечного света и свежего воздуха — первейшая и величайшая необходимость.

Влияние того, что находится по соседству, тоже следует учитывать. Ни при каких обстоятельствах не стоит выбирать дом, находящийся поблизости от пивной,

тюрьмы, бойни или мясного магазина. Также чрезвычайно нежелательно находиться в тесной близости к конторе ростовщика или ломбарду, или ко всякому месту, где часто происходят ссоры и ведутся яростные споры. Последнее нежелательно в силу утомляющего воздействия раздражающих и гневных вибраций, а первое — из-за излучений печали и отчаяния, всегда связанных с такими делами, а часто и острой ненависти. Следует избегать и соседства клубов, если там разрешены азартные игры.

Тип, к которому принадлежали прежние жильцы, тоже сильно влияет на удобство дома. Если они были транжирами, постоянно ссорились или сильно страдали от долгой депрессии, место может быть столь заражено мыслеформами этого характера, что окажется совершенно непригодным для обитания любой чувствительной семьи. Однако это затруднение можно преодолеть тщательной демагнетизацией, если ученик знает, как это делается.

Следует учитывать не только расположение дома по сторонам света, но и то, как он выглядит. Нельзя выбирать дом безобразный, мрачный или подавляющий с виду — не только по причине эффекта, оказываемого им на нас, когда мы на него смотрим, но и потому, что он постоянно окружён облаком мыслеформ, созданных соседями и прохожими, которым его вид внушил отвращение. Даже если сам дом красив, он не годится, если ближайшее окружение убогое и безобразное. Прежде всего нужно избегать длинных, однообразных линий убогих домов, какие можно видеть в некоторых пригородах Лондона. Наличие любого сада — очень ценное преимущество. Фактически, небольшой домик посреди большого сада лучше, чем самый великолепный дом, стоящий вплотную к улице в ряду других.

Улицы

Если дом расположен на улице, характер этой улицы имеет огромную важность. Если она вымощена гранитными блоками или другим покрытием, способствующим шуму, её следует избегать любой ценой; если там более тихое покрытие, такое как асфальт или дерево, это будет говорить в её пользу. Улица, кишащая кричащими бесами в виде разносчиков, тоже не подходит для любого человека, крепость нервов которого не превышает обычную (пока наше правительство пренебрегает своим долгом по защите нас от этого вопиющего нарушения спокойствия). Не стоит и говорить, что следует избегать улиц с постоянным большим движением и непосредственного соседства железной дороги или трамвайной линии — такого, из-за которого мы бы страдали от шума, ибо шум, как я уже объяснял — один из величайших дефектов нашей дефективной цивилизации.

Хотя со временем человек привыкает к шуму, и едва ли замечает его, тем не менее, каждый новый его взрыв — это удар по астральному и ментальному телам, и эффект тут тот же самый, как и от постоянных ударов по физическому телу — каждый в отдельности может быть невелик, но со временем кумулятивный эффект вредит очень сильно. Для физического тела это означало бы боль, и мы сразу распознали бы её и поняли, в чём её причина; для астрального же тела это

раздражительность, а для ментального — чувство утомления и неспособность к ясному мышлению. Но когда нас преследуют раздражительность и утомление, мы не так легко понимаем их и не всегда распознаём их истинную причину. Потому соседства всякого здания, распространяющего шум (равно как и дым или запах химикатов), каким может быть фабрика, следует тщательно избегать.

Положение многих моих читателей может быть таким, что для них окажется невозможным принять все эти рекомендации, так что я предлагаю их лишь как руководство на тот случай, когда их применение возможно. Если человеку ничто не препятствует в выборе дома или места для него, я бы посоветовал ему руководствоваться указанными мною критериями, но мне хорошо известно, что у большинства людей выбор ограничен деньгами, доступом к месту работы и некоторыми другими личными соображениями. В таких случаях человеку нужно просто взвешивать преимущества и недостатки, выбирая наиболее подходящее из доступного и принимая отсутствие лучших вариантов как результат его собственных действий в прошлом.

Картины

Вопрос, в котором у человека обычно гораздо больше свободы — это украшение своей комнаты, и он имеет значительную важность. Например, картины, которые мы вешаем на стены своих домов, всё время оказывают на нас незаметное влияние — не только потому что постоянно держат перед нашими глазами выражение некоторых идей, но и потому что художник вкладывает в свои работы большую часть себя, свои самые сокровенные мысли и чувства, и эффект всего этого сохраняется в картине и излучается ею так же непременно, как распространяется запах от розы. У всякой картины есть скрытая сторона — тот замысел, что был в уме и сердце художника. Когда этот замысел был создан, он ясно выразился в астральной и ментальной материи, даже если в физический мир художнику удалось передать его лишь частично.

Всякий истинный художник признает, что какой бы великолепной ни была его работа, она всегда недотягивает до того, что он намеревался создать, и не вполне соответствует его ожиданиям. И всё же концепция в том виде, в каком он её замыслил, действительно и живо существует в ментальном мире, а чувства и эмоции, которые он старался выразить, существуют на астральном плане. Они, а мы можем назвать их невидимыми составляющими картины, всегда излучают вибрации собственного характера, каким бы он ни был, а потому оказывают непрерывающееся воздействие на тех, кто живёт в сфере их влияния.

Потому очевидно, что нам нужно быть внимательным к тому, какие произведения искусства мы собираем. Мы должны избегать всех картин, темы которых низменные, подлые или ужасные, каким бы искусно они ни были переданы. Хорошо бы также избегать даже тех, которые, будучи сами по себе безобидны, могут навести неразвитые умы на нечистые мысли, потому что такие мыслеформы останутся возле картин и станут оказывать постоянное вредное влияние. С этой точки зрения современную моду на бездумное воспроизведение женского лица и

фигуры определённо не следует поощрять. То же самое можно сказать и о той форме реализма в искусстве, который видит лишь самую тёмную сторону жизни и не признаёт естественным ничего, в чём нет испорченности и упадка.

Картин убогих сцен низменной жизни — крестьян, пьянствующих в пивной, или охотников, собравшихся, чтобы убить несчастную лису, а также батальных сцен мудрому человеку следует избегать. Он должен позаботиться о том, чтобы окружать себя лишь такими картинами, которые облагораживают, утешают, помогают, и всегда изливают на него и его близких влияние, способствующее счастью и миру. Обычно лучше всего для этого подходят красивые пейзажи и морские виды, а также изображения великих старинных соборов, поскольку эти великолепные здания несут с собой мирные ассоциации. Иногда годится портрет какого-то реального или вымышленного лица, если это лицо действительно прекрасно, но ни при каких обстоятельствах оно должно быть внушающим грусть, боль или гнев.

Например, из картин на религиозные темы никогда нельзя выбирать изображающие распятие Христа или сцену в Гефсиманском саду, но допустимо взять изображение воскресшего и воссиявшего Христа или Девы с младенцем. То же самое и со статуями; в вашем доме должно найтись место лишь статуям изысканной красоты, но при этом в связи с ними ни у кого не должно возникать и малейших нечистых мыслей. Ведь человек должен думать не только о себе, но и о слугах и возможных посетителях. У порядочного человека в связи с любой картиной или статуей не возникнет иных мыслей, кроме самых чистых, но если произведение искусства висит или стоит там, где его могут увидеть другие, не стоит игнорировать тот факт, что умы низкого сорта создадут и низкосортные образы, и таким образом предмет, который для нас является прекрасным и благородным, может начать излучать отвратительные влияния.

Внимание надо проявлять и по отношению к фотографиям. Конечно, фотографии ваших друзей или известных деятелей, которыми вы восхищаетесь, вполне допустимы, но ни в коем случае не следует вешать фотографии актрис, поскольку они всегда привлекают самые нежелательные мыслеформы от множества нечисто мыслящих людей. Похвальный обычай — иметь на видном месте хороший портрет правителя страны, постоянно окружая его мысленными волнами любви и преданности, поскольку таким образом он станет излучать это влияние на всех входящих в комнату.

Безделушки

Многие люди любят окружать себя всевозможными любопытными маленькими вещицами — изделиями из керамики, фигурками, вырезанными из слоновой кости или чёрного дерева, и тому подобным. Большинство из этих вещей достаточно безобидны, хотя их очень трудно поддерживать в полной чистоте, а без этого они становятся неприятной обузой. Но в отношении некоторых из этих памятных вещей желательно проявлять некоторую осмотнительность. Многие из них стары и имеют свою историю — иногда ужасную. Например, известно, что в Лондоне

одна женщина некоторое время держала в своём доме египетский саркофаг, и связанные с ним влияния имели такой серьёзный характер, что ей срочно пришлось избавиться от него из-за серии бед, постигавших всех, кто его касался. Это крайний случай, но и другие виды редкостей тоже могут обладать нежелательными или вредными аурами.

Многие из таких предметов рассказывают свою историю, хотя владелец часто этого не сознаёт. У чувствительного человека в уме могут внезапно возникнуть совершенно незнакомые ему пейзажи или сцены из жизни какой-нибудь чужой страны. Они могут прийти из разных источников. Это могут быть картины, созданные воображением — его собственным, или воображением кого-то, находящегося по соседству, живого или умершего; они могут быть проявлениями спонтанного ясновидения на расстоянии; но они могут быть, и часто бывают, примерами произвольной психометрии, и тогда их источник можно проследить к одному из предметов, находящихся в комнате.

Ведь всякое тело, какова бы ни была его природа, несёт в себе способность показать тем, кто может видеть, картины своей прошлой истории, и иногда они выходят на поверхность совершенно неожиданно. Некоторые из них хорошие, а некоторые — плохие, одни безобидны, а другие — весьма неприятны. Приобретая какой-нибудь древний предмет, история которого неизвестна, человек обычно не имеет средств определить, окажется ли он полезным или вредным, но если он понаблюдает за ним внимательно, то скоро увидит. Нежелательность некоторых типов сувениров очевидна с самого начала — например, таких как копья, мечи, кинжалы и прочие вещи, которые могут быть связаны с кровопролитием.

Книги

Проницательному глазу человек покажет свою природу своим выбором книг — этот выбор имеет огромную важность. Человек читает книгу, затем он откладывает её в сторону, и, возможно, забывает о ней, но тем не менее она лежит на его столе или книжной полке и продолжает оказывать на него постоянное влияние, будь то к добру или ко злу. Верно, что многие книги не имеют ярковыраженного влияния, и потому могут считаться нейтральными. Но если книга принесла нам благо, её влияние обычно и дальше остаётся благотворным, за исключением того случая, когда мы совершенно переросли её — тогда её влияние, возможно, будет тянуть нас назад.

Главное — избегать книг определённо вредных: ужасных, невротичных исследований характеров, которые лучше бы вообще не изучать; рассказов неестественных и неприятных женщин, которые всегда, насколько им хватает наглости, приближаются к грани какой-нибудь непристойности; историй, несущих сомнительную мораль, рассказывающих о тёмных делишках, или просто бессодержательных и пустых. Для всех этих вещей у разумного человека не найдётся места на книжных полках, потому что во-первых их вообще не стоит читать, а во-вторых, потому что они обязательно будут излучать нечистое и нездоровое влияние. Основным критерий при составлении библиотеки —

допускать в неё лишь здоровые и разумные книги, поскольку книги являются особо сильными центрами сосредоточения мыслеформ, и их незаметное влияние на жизнь человека часто бывает очень мощным. Не нужно слишком много книг, но главное, чтобы все они были хорошими.

Обстановка

Скрытая сторона есть даже у столь бытового вопроса, как выбор мебели и цвета стен, поскольку у всякого цвета — своя частота колебаний, и некоторые из этих частот помогают человеку, тогда как другие определённо являются помехой. Если говорить в общем, хороши светлые и утончённые оттенки, тогда как тяжёлых, грубых и тёмных цветов обычно следует избегать. Следует учитывать и назначение комнаты — например, некоторые оттенки красного могут быть вовсе не уместны в столовой, но окажутся очень нежелательны в комнате, предназначенной для сна или медитации.

Ювелирные изделия

Ещё одним причиндалом обычной жизни, где скрытая сторона имеет большое значение, являются ювелирные изделия. В целом их ношения не следует поощрять, поскольку хотя у каждого камня есть свои особые свойства и влияние, самый заметный производимый ими эффект — возбуждение зависти и жадности в сердцах других. Очень многие женщины, похоже, не в силах смотреть на драгоценный камень без жадного желания обладать им, так что вряд ли найдётся камень какой-либо красоты или ценности, не ставший центром сходящихся к нему потоков завистливого желания.

В случае великих исторических камней дело усложняется ещё и тем, что в связи с ними совершались все виды отвратительных преступлений, а потому всякому чувствительному человеку они внушают скорее чувство ужаса, чем красоты. Драгоценные камни представляют собой высший уровень развития минерального царства, а потому обладают гораздо большей способностью воспринимать и сохранять впечатления, чем практически любой другой предмет. Камни гностиков, применявшиеся в церемониях посвящения две тысячи лет назад, всё ещё остаются активными центрами магнетического влияния, в чём может убедиться всякий чувствительный человек, который возьмёт на себя труд исследовать некоторые из них, хранящиеся в Британском Музее.

В местах, где были совершены какие-либо большие преступления, или действовали сильные эмоции страха, гнева, ненависти или мести, остаются астральные впечатления, которые сразу же очевидны для ясновидящего, представая перед ним во всех своих ужасах, и часто ощущаются даже людьми, в которых высшие чувства совершенно неразвиты. И в ещё большей степени это верно для драгоценных камней, которые были причиной многих преступлений, присутствовали при них и впитали эффект всех тех страстей, которые толкнули

людей на них. Такие камни с непревзойдённой ясностью сохраняют эти впечатления тысячи лет и продолжают излучать свойственные для них вибрации, а психометрист увидит вокруг них все эти картины во всех их неопишуемых ужасах. Женщина, которая носит камень на себе, часто их не видит, но их пагубное влияние тем не менее постоянно на неё оказывается.

Это неприятное обстоятельство встречается не только в связи с великими историческими камнями, поскольку мне встретилось несколько случаев, в которых рядовые драгоценные камни становились причиной ужасных преступлений среди добывавших их старателей. В одном из них нашедший был убит другим человеком, но прожил достаточно долго, чтобы наложить на камень, из-за которого он потерял жизнь, страшное проклятие. И через пятьдесят лет после этого оно продолжало столь определённо действовать на всех, кто носил его, что лучшим и самым безопасным выходом казалось бросить его в море, что и было сделано.

Талисманы

По указанным причинам оккультист в общем избегает всех ювелирных украшений, и уж точно не станет носить их, чтобы покрасоваться перед другими. В то же время тот факт, что драгоценный камень столь совершенно сохраняет магнетизм долгое время и позволяет запасти столько силы в таком малом объёме, делает его очень удобным, когда для какой-нибудь цели требуется изготовить талисман. Ведь талисманы не являются, как часто полагают, просто пережитком средневековых суеверий — они могут быть вполне определёнными и весьма действенными помощниками в повседневной жизни. Талисман — это какой-нибудь небольшой предмет, сильно заряженный магнетизмом для какой-либо цели тем, кто знает, как это делается. Будучи правильно изготовлен, он продолжает излучать этот магнетизм с неослабевающей силой много лет. Целей, для которых могут применяться такие предметы, почти бесконечное множество.

Например, многих учеников в начале пути сильно беспокоят нечистые мысли. Естественнo, такой ученик начинает бороться с ними, поддерживая постоянную бдительность, чтобы они не возникали, но мыслеформы неприятного характера многочисленны и коварны, и иногда какой-то из них удаётся угнездиться в его уме, причинив ему много неприятностей, прежде чем он наконец сможет стряхнуть её. Возможно, в прошлом у него была привычка предаваться подобным мыслям, не сознавая их вреда, и если это так, его мысль приобрела в этом направлении инерционный момент, который нелегко преодолеть. Талисман, сильно заряженный мощным магнетизмом чистых мыслей, может оказать ученику, предпринимающему эти усилия, неоценимую помощь.

Принцип его действия понять нетрудно. Нечистая мысль выражает себя в виде определённого набора колебаний в астральном теле и низших уровнях ментального, и найти путь в проводники человека она может лишь когда они в сравнительном бездействии или вибрируют столь слабо, что её вторжение может легко преодолеть существующую частоту колебаний и занять её место. Талисман

сильно заряжен совершенно противоположными колебаниями, и эти две частоты не могут сосуществовать. Одна из них должна пересилить другую и привести её в гармонию с собой. Нечистая мысль, скорее всего, была послана каким-то случайным человеком без всякого определённого намерения; обычно это просто отзвук пережитых некогда низших страстей или побуждение испытывать их вновь. Потому сама по себе такая мысль не имеет большой силы, но она вполне может произвести эффект совершенно несравнимый с её собственной силой из-за готовности, с которой средний человек принимает её и на неё откликается.

Талисман же, напротив, был намеренно заряжен с определённой целью кем-то знающим, как мыслить; а это такое дело, в котором определённая тренировка имеет такое значение, что малейшая мысль человека, умеющего думать, намного сильнее беспорядочных умственных блужданий заурядного человека в течение целого дня. Так что когда два этих потока мысли придут в соприкосновение, то не может быть и малейшего сомнения в том, какая из них победит другую. Если мы предположим, что носитель амулета забыл свои благие намерения и действительно некоторое время желал нечистых мыслей, можно не сомневаться, что он притянет их, несмотря на талисман, но всё время он будет ощущать огромный дискомфорт, происходящий от разлада между двумя наборами вибраций.

В большинстве случаев человек, стремящийся к лучшему, падает лишь из-за потери бдительности. Нечистая мысль прокрадывается незаметно и захватывает его врасплох, прежде чем он это осознает, а затем он уже быстро достигает того состояния, в котором даже и не хочет сопротивляться. Ценность талисмана в том, что он даёт ему время собраться. Дисгармония между его колебаниями и вибрациями блуждающей мысли не может не привлечь внимания человека, так что пока он его носит, он не может быть захвачен врасплох, и если уж падёт, то падёт намеренно.

Опять же, некоторые люди страдают от беспричинного с виду страха. Часто они совершенно не в состоянии дать своим чувствам какое-нибудь объяснение, но иногда, особенно по ночам, когда они одни, на них нападает сильная нервозность, которая постепенно может перерасти в настоящий ужас. Этому может быть несколько объяснений. Пожалуй, самой распространённой причиной является присутствие какого-нибудь враждебного астрального существа, преследующего жертву этих страхов — иногда в надежде получить через неё какие-нибудь ощущения, каких ему хочется, иногда — в попытках получить над ней контроль и одержать её, а иногда — из простого хулиганства и желания показать свою власть над человеческим существом. Это опять тот случай, в котором средневековое средство имеет определённую практическую ценность. Естественно, талисман от нечистых мыслей тут не поможет, поскольку требуется совсем другой вид колебаний. То, что требуется в этом случае — это центр, сильно заряженный вибрациями, выражающими смелость и уверенность в себе, или, если талисман носит человек религиозного склада, то мыслями о защищающей силе того божества, которому он поклоняется.

Ведь амулет обладает двойным действием — он не только влияет непосредственно излучаемыми им волнами, как мы только что объяснили, но и само знание о его присутствии обычно пробуждает у его обладателя веру и смелость. В случае

талисмана против страха, который мы теперь рассматриваем, ярковыраженными будут оба вида действия. Храбрость выражается в астральном и ментальном телах силой и устойчивостью полос, а также спокойным устойчивым сиянием цветов, указывающих на разные высшие качества. Когда человеком овладевает страх, все эти цвета приглушаются и забиваются мертвенным серым туманом, а полосы исчезают в дрожащей желеподобной массе. Такой человек временно теряет способность контролировать свои проводники и руководить ими.

Вибрации силы и смелости, постоянно излучаемые талисманом, совершенно не подвержены воздействию чувств носящего его человека, и когда у него начинает проявляться первый трепет страха, эти колебания встречают на своём пути затруднение. Если бы им не противодействовали, они бы постоянно нарастали, усиливая друг друга, пока их сила не стала бы непреодолимой. Роль талисмана в том, что он не даёт им достичь этого состояния непреодолимого ускорения. Он препятствует им в самом начале, когда они ещё слабы. Оказываемое им сопротивление имеет тот же характер, что и действие гироскопа, который противодействует всяким попыткам отклонить его от прежней оси вращения. Он скорее разрушится, чем позволит повернуть себя в другую сторону. Так что если ввести подобную силу в столкновение с безумной паникой, это, вероятно, приведёт к полному разрушению астрального тела, но если гироскопическая сила талисмана уже действовала до того, как стала ощущаться тревога, её настойчивое действие в своём собственном направлении пресечёт страх в самом начале, тем сделав наступление поздних стадий панического ужаса невозможным.

Это прямое действие талисмана, но он также и косвенно действует на ум человека, который его носит. Чувствуя, что к нему подкрадывается страх, он, вероятно, вспомнит про амулет и сожмёт его в руках, а затем у него возникнет мысль: «почему я должен бояться, имея с собой столь мощный центр магнетизма?». И таким образом, вместо того, чтобы поддаваться вибрациям страха и позволить им увеличиваться, пока они не станут непреодолимыми, он обратится к резервам собственной силы воли, утвердив себя в качестве хозяина своих тел, что в действительности и есть всё, что нужно.

В связи с талисманом существует и третья возможность, которая в некоторых случаях оказывается даже сильнее, чем первые две. Этот предмет, каким бы он ни был, сильно заряжен каким-то человеком, который, вероятно, высоко развит и обладает разными силами, а потому может проявить высокую чувствительность. Если это так, то талисман является связующим звеном с его создателем, через которое можно привлечь его внимание. При обычных условиях связь талисмана с его создателем самая незначительная, но когда носящий его оказывается в отчаянном положении, он иногда действительно взывает к его создателю, во многом так же, как в средние века религиозные люди обращались к своему святому-покровителю. И этот зов несомненно достигает создателя талисмана и вызывает у него отклик. Если он ещё живёт в физическом воплощении, он может и не сознавать зова своим физическим мозгом, но во всяком случае его «я» будет сознательно и откликнется усилением вибраций талисмана сильной волной своей собственной могущественной мысли, несущей с собой силу и утешение.

Многие невежественные люди станут насмехаться над такой идеей, как над пережитком средневековых суеверий, и тем не менее, это действительно научный факт, демонстрировавшийся в сотнях случаев. Насколько это касается непосредственного действия талисмана, он будет действовать лишь в том направлении, для которого он был создан, но его косвенное воздействие на веру его обладателя иногда может принимать самые неожиданные формы. Помню, как однажды я сделал оберег для одной благородной леди, чтобы защитить её от вспышек крайней нервозности и даже настоящего страха, которые иногда захватывали её, когда она оставалась ночью одна. Потом она сказала мне, что этот амулет оказал ей огромную помощь в чрезвычайной ситуации, о которой я конечно и помыслить не мог, когда его создавал.

Случилось так, что она ехала через лес в двуколке, в которую была запряжена очень норовистая лошадь (думаю, её муж никогда не пользовался лошадьми, с которыми мог справиться кто-то другой, сделав из этого что-то вроде предмета гордости). Лошадь чего-то испугалась, закусил удила и понесла, устремившись прочь с дороги и поскакав галопом прямо по лесу, среди деревьев. Конюх, сидевший на заднем сиденье, был настолько уверен, что они обречены на немедленную смерть, что сразу же выскочил, сильно покалечившись при падении. Однако женщина потом рассказала, что её мысль сразу же обратилась к оберегу, который был тогда на ней, и что она твёрдо знала, что не погибнет, пока находится, как она выразилась, под его защитой. Благодаря этой полной уверенности она оставалась совершенно спокойной и собранной и продолжала управлять экипажем с совершенным мастерством. Она говорит, что в общем чаще двигалась скорее по воздуху, чем по земле, поскольку колёса подпрыгивали на корнях и проламывались через кусты. Тем не менее, она держалась смело, пока лошадь не устала и она не восстановила над ней контроль. Она горячо благодарила меня, что я спас её жизнь с помощью этого оберега, но в действительности это было не прямым действием талисмана, а произошло благодаря силе её веры в него, которая позволила ей одержать столь блистательную победу. Несомненно, это было главным фактором, но могло здесь присутствовать и некоторое количество прямого действия, потому что успокаивающий эффект сильных вибраций талисмана мог пресечь зарождающееся чувство страха, хотя я готовил его скорее против первых симптомов страха, возникающих постепенно, чем против такой внезапной опасности.

Существуют различные предметы, которые в значительной мере являются естественными амулетами. К этой категории можно причислить все драгоценные камни, ибо у каждого есть определённое влияние, которое можно использовать двумя способами. Во-первых, это влияние обязательно привлекает к такому камню элементарную сущность определённого рода, а также все те мысли и желания, которые естественным образом через неё выражаются. Во-вторых, эти естественные особенности делают его подходящим проводником для магнетизма, который должен действовать по той же линии, что и упомянутые мысли и эмоции. Представьте, например, что желательно отогнать нечистые мысли. Обычно такие мысли представляют собой сложный набор вибраций, в целом, однако, действующих в определённом ключе. Чтобы сопротивляться им, нужно выбрать камень, естественные колебания которого не находятся в гармонии с этим ключом,

представляя для нечистых побуждений наибольшее возможное препятствие. И если нужно сделать талисман против таких нечистых мыслей, то камень, представляющий им естественное сопротивление, является проводником, который легче всего будет зарядить противодействующим влиянием.

Вибрации частичек камня находятся на физическом уровне, тогда как вибрации эмоций — на астральном, несколькими октавами выше, но камень, частицы которого естественно колеблются на физическом плане в ключе, который на этом уровне тождественен с ключом чистоты на более высоких уровнях, будет и сам, без магнетизации, благодаря своим обертонам действовать как препятствие для нечистых чувств и мыслей. Более того, на астральном и ментальном уровнях он может быть легко заряжен колебаниями чистых мыслей и чувств, которые находятся в том же ключе.

Примеры ярковыраженного магнетизма этого рода есть и в растительном царстве. Хорошим образцом этого являются ягоды рудракши, из которых в Индии часто делают ожерелья. Колебания, связанные с ними, особенно когда они ещё маленькие и не созрели, делают их особенно подходящими для магнетизации там, где требуются постоянные святые мысли или медитация, и там, где нужно не подпускать беспокоящие влияния. Другой пример — чётки из растения тульси, хотя их влияние имеет несколько другой характер.

Интересную группу естественных талисманов образуют те предметы, которые издают сильные запахи. Мы уже упоминали, что благовония создают сильный эффект в этом направлении, и смолы, из которых они состояются, выбраны специально за их излучения, благоприятные для духовных и благоговейных мыслей и не гармонирующие с любыми формами волнения или беспокойства. Возможна и другая комбинация ингредиентов, создающая курение с противоположным эффектом; его иногда готовили средневековые ведьмы, и делают сейчас для сатанистских ритуалов. В целом желательно избегать грубых и тяжёлых запахов, таких как мускуса и сухих духов, поскольку многие из них настроены в тон с разного рода чувственными мыслями.

Силой талисмана может обладать и предмет, не заряжавшийся намеренно для этой цели. Подарок, полученный от того, кого любит принявший его, если последний может носить его на себе или с собой, постоянно служит ему напоминанием о дарителе, и часто даёт ему ощущение присутствия этого человека, не давая ему совершать вещи, которых он не стал бы делать, будь тот рядом. Я слышал не об одном случае, когда человек, носящий кольцо или цепочку, которые ему дала мать, был тем самым спасён от совершения какого-нибудь сомнительного поступка или злоупотребления каким-нибудь низменным удовольствием, поскольку когда он уже собирался уступить искушению, его взгляд падал на предмет, что вызывало у него сильную мысль о матери и о том, что бы она почувствовала, если бы могла сейчас его видеть — и он тут же отказывался от своего плана. Известны и случаи того, когда письмо, которое человек носил в кармане, служило той же цели. Он думал: «Как я могу сделать это с её письмом в кармане — как я могу оказаться в ситуации, за которую мне было бы стыдно, если бы она увидела меня?» Я помню один случай, когда подобная борьба кончилась

тем, что человек разорвал и выбросил письмо, чтобы быть в состоянии потакать своим страстям, но обычно результат бывает противоположным.

Вещи, которые мы носим с собой

Из вышесказанного видно, что предметы, которые мы носим с собой в карманах, могут оказывать на нас явное влияние. Например, часы, которые человек всегда носит с собой, становятся сильно заряжены его магнетизмом, и если, поносив их несколько лет, он отдаст или одолжит их другому, они будут постоянно напоминать последнему, если он вообще чувствителен, о его друге, и он будет переживать такое чувство, как будто друг рядом. Я помню, как один видный член Теософического Общества, сейчас уже давно покойный, часто дарил часы тем ученикам, в которых он был особенно заинтересован, предварительно заряжая эти часы тем качеством, в котором по его мнению ученик больше всего нуждался. Поскольку его молодые друзья, естественно, носили эти часы, в некоторых случаях ему удалось добиться значительных перемен в их характере.

Деньги

Есть неприятная (с одной из точек зрения) вещь, которую всем нам приходится носить с собой — это деньги. Человек с юмором тут естественно заметит, что он не отказался бы встретиться с приличным количеством неприятностей такого рода. Я вполне понимаю такую точку зрения и признаю, что в нашей нынешней цивилизации владеть некоторым количеством презренного металла желательно, и даже необходимо иметь немного с собой на случай неожиданных ситуаций. Тем не менее, факт остаётся фактом — хотя с абстрактной точки зрения деньги, несомненно, хорошая вещь, если знаешь, как мудро ими распорядиться, деньги в конкретной форме, в виде монет и банкнот, часто бывают заряжены магнетизмом, наихудшим из возможных. Новые банкноты и монеты достаточно безобидны, но после того, как они хотя бы немного времени находятся в обращении, к ним пристаёт не только все виды физической грязи, но и много разновидностей влияний, почти все из которых чрезвычайно неприятны.

Причину этого нетрудно понять, ведь магнетизм, окружающий монеты, создаётся мыслями и чувствами тех, кто имел с ними дело или носил их с собой. Первый и общий принцип тут состоит в том, что даже если не учитывать каких-то особых чувств, всякая монета, прошедшая через руки множества людей, неизбежно должна быть заряжена смесью самого разнородного магнетизма. Потому, с вибрационной точки зрения, она является центром дисгармонии, где в диком смешении кипят все виды борющихся влияний. Влияние такой вещи — беспокоящее и раздражающее, и на астральное и ментальное тела она производит тот же самый эффект (но в гораздо большей степени), какой производит на физическое тело постоянная бомбардировка радиоактивным излучением.

Некоторые учёные на своём горьком опыте открыли, что если носить в кармане жилета кусочек радия, это быстро приводит к образованию на коже под ним особо неизлечимой язвы; и таков же, только больше в масштабах, эффект, оказываемый на тонкие проводники присутствием монеты, долго находящейся в обращении. Хуже всего в этом отношении медные и бронзовые монеты — пожалуй, за исключением старых и грязных банкнот. Золото и серебро тоже поглощают окружающие влияния, но их качества делают их несколько менее восприимчивыми к самым худшим из них. Из всего этого явствует, что лучше не держать постоянно в кармане больше денег, чем действительно необходимо. Я знал учеников, которые частично решили это затруднение, нося медные или бронзовые монеты в кошельке, столь сильно намагнетизированном, что он был практически непроницаем для неприятных вибраций. Многие страны осознали негодность этих металлов для повседневного применения, и в качестве замены стали использовать никель, который, хотя и не будучи столь «благородным» металлом, как золото или серебро, куда менее восприимчив к вредным влияниям, чем медь. В алхимическом смысле благородный металл — это тот, который легко откликается на длины волн высоких мыслей, но оказывает сопротивление низшим.

Одежда

Теперь мы подошли к теме, относительно которой все соображения, диктуемые зрением высших миров и дополнительными знаниями, которые даёт оккультизм, оказываются почти во всех отношениях в полном противоречии с модами, преобладающими сейчас на Западе. В ходе многолетних исследований мне случилось наблюдать при помощи ясновидения множество цивилизаций самых разных эпох и частей света, а также пришлось исследовать обитателей по меньшей мере двух других планет. Эти разные расы сильно отличались в обычаях и костюмах, но ни в одной из них и ни в какую эпоху я не видел ничего, приближающегося по своей отвратительности к одежде для мужчин, предписываемой европейскими обычаями.

Она крайне безобразна, нескладна и нездорова, и единственный довод (насколько я могу видеть), который можно выдвинуть в её пользу — это некоторое практическое удобство. Она тесно облегающая, тогда как всякая одежда должна быть свободной. Она делается в основном из материалов, которые с оккультной точки зрения являются самыми нежелательными, а единственные цвета (или их отсутствие), которые допускает обычай, — наихудшие из тех, которые можно только выбрать. Наша верхняя одежда обычно чёрная, коричневая или серая, а достаточно только обратиться к книге «Человек видимый и невидимый», чтобы увидеть, что эти оттенки означают. Если же иногда допускаются оттенки синего, то такие тёмные, что в них с трудом вообще удаётся различить синий цвет.

Для всех этих неприятных особенностей есть некоторые практические причины. Наша одежда облегающая, потому что мы желаем быть в любой момент готовыми к двигательной активности — бегу, прыжкам или верховой езде. Она делается из плотных шерстяных материалов, чтобы защищать нас от холода, а таких некрасивых тёмных цветов она делается для того, чтобы скрыть грязь, которая

накапливается на ней даже после одного дня ношения, причиной чему наша недостаточная цивилизованность — мы не можем ещё добиться, чтобы всякий огонь обеспечивал полное сгорание без дыма, и не научились ещё строить дороги, свободные от пыли и грязи. Если кто-нибудь захочет узнать, какой груз грязи он постоянно таскает с собой, пусть возьмёт любое ненужное старое пальто или другую верхнюю одежду и выстирает хорошенько в кадке с водой, как стирают подкладку. Цвет этой воды будет для него откровением.

С оккультной точки зрения ничто не оправдывает человека, живущего в такой грязи. Одежда, которая не только переносит стирку, но и стирается часто — это единственный вид одежды, допустимый с точки зрения мыслящего человека. Я прекрасно знаю, что при нынешнем положении вещей в Европе и Америке даже самый серьёзный учащийся не может соблюдать в этом отношении всё, что ему известно, ибо тирания обычая столь абсолютна, что человек не может жить среди своих собратьев, если не следует ей. Такое положение странно и дискредитирует эти нации, полностью отклоняя их притязания на то, чтобы считаться либеральными и свободомыслящими, но это так. Потому информация о том, что должно быть сделано в этой области, к сожалению, окажется бесполезной для наших западных братьев, так как они просто не смогут выполнить эти рекомендации. Но к счастью, есть и другие страны, которые, возможно, находясь в таком же рабстве у обычаев в других отношениях, имеют лучшие традиции в этом конкретном вопросе, так что для их обитателей информация об этом может оказаться полезной.

Человек одевается для приличия и для собственного удобства, но ему непременно нужно учитывать и то, какое зрелище он представляет для своих собратьев, и даже по одной только этой причине несравненное безобразие нашего современного костюма есть настоящий грех.

Я сознаю, что когда я говорю, что предписывает оккультизм в вопросах одежды, то по крайней мере для людей Запада я даю советы, которым они не смогут последовать. Но я не говорю об обычаях какой-либо расы или религии, или о том, что нравится какому-то человеку или группе людей. Я просто предписываю то, что диктуется научным рассмотрением высшей стороны жизни и её невидимых элементов. Предписания эти следующие:

Вся одежда должна быть свободной, развевающейся и ни при каких обстоятельствах не должна оказывать давление на какую-либо часть тела. Никакая её часть, касающаяся кожи, не должна быть шерстяной или кожаной. Как же тогда сохранять тепло? Например китайцы, которые на севере своей страны страдают от самого ужасного климата, придумали решать эту трудность использованием одежды из стёганого шёлка или хлопка, чем-то напоминающего ватные одеяла; и совершенно ясно, что наука вполне может дать нам несколько эффективных заменителей шерсти, если только на них будет спрос. Старорежимные английские врачи были помешаны на том, чтобы рекомендовать носить шерсть вплотную к коже, а ведь это самая последняя вещь, которую можно допускать к ней, ибо, как хорошо сказал один врач, «Шерсть — животный продукт, который никогда нельзя достаточно очистить, она создаёт неестественный жар, она может слезаться и закрывает поры, она очень медленно впитывает влагу и очень медленно сохнет,

она лишает сил и ослабляет всю систему, способствует простудам и ревматизму, часто вызывает сыпь и другие кожные болезни (и всегда усиливает имеющиеся), не переносит кипячения, а при стирке всегда садится.» С оккультной точки зрения доводы против неё будут ещё более сильными по многим другим причинам.

Одежда должна быть ярких цветов — не только, чтобы радовать глаза наших ближних, но и из-за воздействия цветов на нас самих. Нынешняя манера одеваться только в тусклые цвета несомненно порождает огромное количество депрессий и застоя в мысли, и из-за неё мы полностью лишены того эффекта, который могло бы оказывать на наше настроение и характер ношение разных цветов. Когда мы продвинемся настолько, что ношение разумного костюма станет возможным, то обсуждение качеств цветов и того, какие из них наиболее подходят для конкретных типов людей, будет представлять интерес; пока же от этого мало пользы.

Во многих восточных странах обычаи в этих делах куда более рациональны. Например, в Бирме, когда я в праздничный день выступал с лекцией у великой Золотой Пагоды в Рангуне, я видел, как моя аудитория сияет передо мной разными цветами подобно великолепной цветочной поляне. А китайцы по праздникам носят шелка тонких оттенков, которые на ярком тропическом солнце производят эффект, который нелегко превзойти. И можно только удивляться, что мы, принадлежа к более поздней расе, чем эти народы, и не без оснований притязая на то, что обогнали их во многих областях цивилизации, всё же так сильно и прискорбно отстаём от них в области одежды.

В действительности, худшие её черты появились довольно недавно. Я сам ещё помню из детства отдельные сохранившиеся образцы костюмов, которые были обычными сто лет назад, когда джентльмены облачались в яркие цвета не только по случаю выезда на охоту. Фактически, нам потребовалось примерно столетие, чтобы достичь в этом наинизшего уровня из возможных; сколько же нам потребуется, чтобы подняться вновь к красоте, изяществу и достоинству?

Тема одежды подводит нас и к теме постели, но об этом можно сказать немного, кроме разве что того, что с оккультной точки зрения перьевые перины и толстые матрасы всегда нежелательны, и что если в покрытие входит шерсть, нужно принять все меры предосторожности, чтобы она не касалась кожи спящего. Ведь если и в другое время нецелесообразно входить в тесный контакт с тем, что насыщено животными влияниями и является по сути своей животным, то в тысячу раз серьёзнее это воздействие будет, когда тело спит и особенно восприимчиво к таким влияниям. Плетёные кровати, такие, как обычно используются в Адьяре, одни из лучших с оккультной точки зрения.

Глава XVI

ВЛИЯНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Мыслеформы

Человек одевается и в других мирах, хотя и несколько иным образом. Ведь в астральном мире он образует вокруг себя настоящее одеяние из привычных для него чувств, а в ментальном — аналогичное одеяние из мыслей, которым он обычно предаётся. Я хотел бы внести полную ясность — я не выражаюсь символически, а описываю действительный факт, который на этих более высоких уровнях является вполне объективным. Уже неоднократно объяснялось, что наши мысли и чувства порождают определённые формы в тех типах материи, на которые они соответственно воздействуют, и что эти формы следуют за мыслями и чувствами, их породившими. Когда мысли и чувства направлены к другому человеку, формы в самом деле перемещаются к нему через пространство и воздействуют на его ауру, а во многих случаях и смешиваются с ней. Однако когда мысли имеют эгоцентричный характер (а я опасаясь, что нам придётся признать, что мысли большинства людей именно такие), формы не уходят, а остаются, скапливаясь вокруг человека, который их породил.

Так мы обнаруживаем, что каждый человек построил себе оболочку из таких мыслеформ, которая на их уровне является настоящим одеянием; таким образом все эти мысли и чувства постоянно воздействуют на самого человека. Он породил их, выделил их из себя, и теперь они — нечто внешнее по отношению к нему и способны на него воздействовать, хотя сам он ничего не знает об их близости и мощи. Когда они плавают таким образом вокруг него, излучаемые ими силы кажутся ему пришедшими всецело извне, и часто мысль, которая на самом деле является лишь отражением его вчерашнего или более давнишнего мышления, он считает искушением, приходящим из какого-то внешнего источника. «Как человек мыслит, таков он и есть». И так это потому, что его собственные мысли — самые ближайшие к нему и постоянно на него влияют, поскольку для этого у них лучшие возможности, чем у любых других.

Постоянные излучения, изливаемые его мыслеформами, заряжают неодушевлённые предметы вокруг него, так что даже стены и мебель его комнаты отражают на него привычные ему мысли и чувства. Если человек, сидящий на одном и том же стуле в той же комнате, посвящает много дней подряд какой-нибудь тренировке или определённому типу мышления, он наполняет окружающие предметы, стул, стол, и сами стены комнаты, вибрациями, которые выражают этот тип мысли. Он неосознанно магнетизирует эти физические предметы, так что они приобретают способность навевать мысли того же самого типа любому другому человеку, который подвергает себя их влиянию. В собраниях историй о подобных вещах можно найти множество поразительных примеров. Я уже упоминал один, где несколько человек один за другим совершили самоубийство в одной тюремной камере, потому что она источала эту идею, и они чувствовали, как на них действует внешняя сила, которой их мысль была вынуждена подчиняться.

Из этих соображений следуют две основные идеи относительно наших чувств, которые с первого взгляда кажутся совершенно противоречащими друг другу. Во-первых, мы должны быть чрезвычайно осторожны со своими чувствами, а во-вторых, чувства вовсе ничего не значат. Но поискав объяснение этого кажущегося

противоречия, мы увидим, что оно заключается в том факте, что в этих двух утверждениях мы не используем слова «чувства» точно в одном и том же смысле. Мы должны быть внимательны к тому, каким чувствам мы позволяем возникать в нас, и мы не должны уделять внимания тем чувствам, которые оказывают на нас давление извне. В первом случае мы имеем в виду изначальные чувства — *мыслечувства*, исходящие из наших умов; во втором же случае мы имеем в виду настроения, приходящие без всякого волеизъявления с нашей стороны. Вот ими-то мы можем позволить себе полностью пренебрегать. Настроение — результат нашего вчерашнего мышления, а мы не можем изменить его или как-то на него повлиять. Наше дело — наша свежая сегодняшняя мысль, ибо это мышление в нашей власти, и когда мысль предложит себя, мы можем принять её или отвергнуть. То же верно и в отношении наших чувств. Вы можете сказать, что вы не властны над своими чувствами; так думает обыкновенный непонимающий человек, но это совершенно неверно. Вы *можете* управлять ими и исправить их, если захотите.

Настроения

У всех нас был опыт того, как на нас находили разные настроения. То мы чувствуем радость, не зная почему, то переживаем депрессию и пессимизм. Этому последнему чувству может быть много причин, и самой распространённой является нарушение пищеварения в той или иной форме. Депрессия также часто наступает от недостатка упражнений, солнечного света и открытого воздуха, а также от чрезмерной работы по ночам, но часто это также просто воздействие на нас наших собственных прежних мыслей, а иногда и мыслей кого-то ещё. Она может наступить и в силу присутствия астрального существа, находящегося в состоянии депрессии и сумевшего передать свои вибрации нашему астральному телу. Но какова бы ни была её причина, депрессия должна быть отброшена, и мы должны продолжать свою работу, как будто её и не было.

Это в значительной мере вопрос чувства, что затрудняет строгое научное рассмотрение, и тем не менее, это именно то, что мы должны постараться сделать. Наши настроения никоим образом не изменяют факты жизни. Тогда почему мы должны позволять им влиять на нас? Наша судьба лежит перед нами, и на неё не влияет то, что иногда мы смотрим на неё оптимистично, а иногда — пессимистично. Зачем же тогда позволять себе беспокоиться сегодня просто потому, что мы беспокоились вчера, или потому что беспокоится какое-то астральное существо? Скрытая сторона всех этих настроений показывает, что они происходят от различных причин, но также она ясно демонстрирует, что каковы бы ни были эти причины, наш долг — продолжать свою работу и совершенно не обращать на них внимания.

Повторяющиеся мысли

Ещё мы должны внимательно следить за действием повторяющихся мыслей. То, что сначала было безосновательным подозрением, — причём, возможно, подозрением недостойным, — может вскоре затвердеть в предубеждение; не потому, что появятся какие-то дополнительные доказательства, а просто в силу его собственного повторения. Так мы принимаем, часто без веской причины, определённое отношение к кому-либо или чему-либо, и затем, просто потому что мы его приняли, упорствуем в нём. И даже если мы вполне сознаём, что поначалу это было не более чем просто подозрение, то просто из-за того, что мы думаем о нём снова и снова, мы начинаем верить, что оно вполне обосновано, и делать из него выводы, как если бы это был факт. Именно так часто рождаются предубеждения, а мы уже объяснили, что они фатальны для прогресса.

Кроме того, реакция мыслеформ склоняет нас к развитию определённых качеств. Многие, начав с совершенно правильного решения быть внимательными в расходовании своих денег, из-за того, что их энергичная мысль об экономии воздействует на них снова и снова, пока не становится доминирующей идеей в их уме, приобретают качество скарелности. Но мыслеформа изливает своё влияние не только внутрь, на своего создателя — она также излучает и вовне. И эффект этих выпускаемых вовне вибраций состоит в том, что они притягивают другие подобные мыслеформы, которые усиливают действие первоначальной. Потому в таких вопросах нам необходимо быть настороже — внимательно следить за возникающими у нас мыслями и чувствами, и различать между теми, которые пришли свыше, от высшего «я», и теми, которые просто плавают на нижних уровнях.

Влюблённость

Ещё одним примером повторного действия мыслеформы является то, что обычно называют влюблённостью. Есть как минимум две ясно различимых её разновидности, которые обычно определяются писателями как «постепенный рост чувства» и «любовь с первого взгляда». Это последнее явление (если оно действительно случается, а я склонен думать, что да) должно значить, что «я» узнало того, с кем хорошо было знакомо в прошлых жизнях, но первая, и более обычная разновидность влюблённости обычно наступает из-за усиленного действия повторяющейся мысли.

Если говорить на эту тему с какой-то толикой здравого смысла, это может сделать вас непопулярным, потому что каждый мужчина считает свою возлюбленную единственной женщиной в мире, являющейся воплощением всех достоинств, и готов защищать это положение даже со шпагой в руках, если это будет необходимо. И всё же, если бы он мог бесстрастно и разумно взглянуть на это дело (что для него, конечно, невозможно), ему пришлось бы признать, что хотя *для него* она — всё, есть в мире и другие женщины, занимающие то же положение в умах других людей — теоретически, столь же разумных и способных составить своё мнение по такому вопросу, как и он сам.

Почему же тогда (если тут не играют роль узы, созданные в прошлом воплощении) он должен выбрать определённую девушку из всех прочих в мире, чтобы она стала для него воплощением всего благородного и прекрасного? Правда тут совершенно неромантична — это в большой мере вопрос соседства. Нормальный молодой человек, которого обстоятельства привели в близкое общение с нормальной девушкой, скорее всего в неё влюбится; и хотя он никогда в это не поверит, но если бы он попал в подобные близкие отношения с любой из сотни других нормальных девушек, он бы так же легко влюбился в неё!

Сначала девушка просто производит на него мимолётное приятное впечатление, и если он больше её не встретит, то вероятно, через несколько дней он перестанет думать о ней, но если он видит её часто, созданная им её мыслеформа укрепляется, и он начинает, сам того не зная, всматриваться в эту девушку глубже, чем сначала. Это продолжается, пока ему не удаётся увидеть в ней божественную реальность, стоящую за всеми нами. Она стоит за всеми одинаково, но он научился видеть её только в своей возлюбленной, и потому для него божественное приобретает её форму; а как только он раз увидел его через эту форму, то по крайней мере для него оно уже не может принять другой формы. Так в своём воображении он наделяет её всеми видами добродетелей и великолепных качеств — которые в ней *есть*, как есть они и во всех нас, хотя другим глазам они могут быть и не видны проявленными через неё. Они в ней присутствуют, потому что её «я», как и все другие, есть искра Божественного Огня; ему эти качества присущи и существуют в нём в совершенстве. Их проявление в этом физическом мире может оказаться в ней не большим, чем у сотни других людей, но он видит их в ней, потому что вообще распознавать их он впервые научился именно через неё.

Так что, по правде говоря, с точки зрения оккультиста восторженные слова тысяч влюблённых об объектах своего восхищения все истинны, даже хотя и кажутся взаимоисключающими; ибо истина в том, что то, что все они любят — это Единое, хотя для каждого оно проявляется через другой проводник, а поскольку в своём частичном видении они не могут отличить Единое от его проявления, они наделяют это особое проявление качествами, принадлежащими не ему, а Тому, что через него сияет. Так что они правы относительно качеств, которые видят, и неправы только в утверждениях об исключительности их проявления через ту форму, в которой они научились видеть их.

Часто объективному внешнему наблюдателю, рассматривающему это с точки зрения физического мира, бывает трудно понять, что увидел определённый мужчина в определённой женщине такого, что вызвало у него желания сделать её своей женой. Ответ в том, что увидел он в ней нечто такое, что невидимо на физическом плане, нечто, что можно различить, только взглянув гораздо глубже, и тянет его к ней потому, что через неё ему открылся этот аспект Божественного.

Люди часто говорят, что воображение влюблённого приписывает его потенциальной невесте качества, которыми она в действительности не обладает. Оккультист сказал бы, что влюблённый прав — она обладает ими, потому что ими обладает Бог, частью которого она является. И для того, кто в неё влюблён, она является каналом, через который он может его увидеть. Но другие, для кого она

таким каналом не является, не могут увидеть через неё эти качества, хотя в то же время могут видеть их через кого-нибудь другого.

Одно из великих преимуществ этого состоит в том, что если женщина действительно хорошая, она будет стараться жить так, чтобы соответствовать уровню мыслеформы, которую создал для неё влюблённый. Она вполне сознаёт, что он её идеализирует и наделяет её качествами, которыми, по её мнению, она вовсе не обладает, но чтобы не разочаровать его и быть достойной его любви и доверия, она упорно старается развить в себе эти качества — чтобы быть такой, какой он её представляет. А поскольку в сущности она именно такая, как он о ней думает, поскольку в стоящей за ней монаде эти качества *существуют*, она часто добивается успеха — ей удаётся, хотя бы в какой-то мере, провести их в проявление. Так доверие влюблённого бывает оправдано, а его вера в неё проявляет её высшее «я» и помогает ей на пути эволюции.

Следует заметить, что всё это действует обоюдно, и женщина пытается обрести свой идеал через мужчину, как мужчина — через женщину. Человек в нынешнем своём состоянии обычно легче всего находит свой идеал в представителе противоположного пола, но это не обязательно всегда так. Иногда молодой человек восхищается кем-то старшим, и через своё восхищение им и привязанность к нему получает проблеск того истинного мира, который мы называем идеальным; иногда то же чувство возникает между молодой женщиной и более старшей и опытной.

А поскольку этот реальный идеал стоит за всеми нами, мистик, живущий в уединённом созерцании, может столь же совершенно найти его внутри себя. Искать его, через своё или другое «я», — это склонность каждого человека, и чувство, которое подвигает нас на эти поиски, есть божественно привитая сила эволюции, желание найти Божественное, из которого мы все изошли, и вернуться к нему. Ведь сила, которая на этой ранней стадии может проявляться только описанным способом, — та же самая, что позже приведёт человека к окончательному единению. Как красиво выразил это св. Августин, «Боже, ты создал нас из себя, и нет нашим сердцам покоя, пока они не обретут свой покой в тебе».

Ранние цветы

Красивой разновидностью этого, хотя часто понимаемой неверно, является детская «влюблённость». Бесчувственные взрослые часто насмеваются над ней, потому что знают, что в девяти случаях из десяти объект этой любви совершенно неподходящ, она не будет длиться долго и кончится ничем. Всё это верно, но по сути это чувство — то же самое, что приходит во взрослой жизни, и обычно представляет собой гораздо более чистую и бескорыстную его форму. Если бы вы могли проникнуть в самое сердце молодого влюблённого десяти или двенадцати лет, вы обнаружили бы, что часто он даже и не мечтает жениться на своей возлюбленной и жить с ней в счастье и уюте; скорее он думает о том, чтобы принести себя ей в жертву, проявить великолепный героизм, защищая её, и

умереть у её ног. Несомненно, это абсурдно романтично, но не лишено благоприятного эффекта для молодого сердца, а в действительности, и для обоих.

Изливать подобные мыслеформы действительно полезно и для того, кто их создаёт, и для того, кто их получает, и они готовят людей для более зрелого, хотя и не более прекрасного чувства, которое придёт в дальнейшей жизни. Видели ли вы, как много цвета набирают вишнёвые и сливовые деревья? Могут подумать, что природа зря растрчивает энергию, поскольку эти цветы никогда не принесут плодов. Однако ботаник скажет нам, что они вовсе не бесполезны — у них есть важное назначение: тянуть сок и тем укреплять дерево, таким образом, готовя путь плодам, которые не смогли бы без этого существовать. Эти невинные детские романы производят именно тот же результат: они укрепляют природу и готовят её к более полному развитию, которое наступит позже.

Оккультизм и брак

И всё же несмотря на сказанное выше — несмотря на красоту и возвышенность любви, должны ли мы с оккультной точки зрения советовать жениться тем, кто изучает оккультизм? Я думаю, что лучший ответ можно найти в словах нашей великой основательницы, Е. П. Блаватской.

«Это зависит от того, какого человека вы имеете в виду. Если речь о человеке, который намерен жить в миру и, будучи хорошим, серьезным теософом и ревностным нашим сотрудником, всё же имеет желания и привязанности, приковывающие его к миру; который, говоря коротко, не чувствует, что он навсегда покончил с тем, что люди называют жизнью, и что он желает одной единственной вещи — познать истину и быть в состоянии помочь людям, — то у него нет причин не жениться, если он, конечно, хочет рискнуть в этой лотерее, где проигрышных билетов куда больше, чем выигрышных.» («Ключ к теософии», раздел XIII, гл. «Теософия и брак»)

Но если человек собирается достичь большего и посвятить всю свою жизнь теософической работе, если он стремится стать учеником одних из великих Учителей Мудрости, тогда мы не советуем ему делить своё внимание между тем миром и этим. Далее Блаватская говорит нам:

«Позвольте вам напомнить, что практический оккультизм — слишком серьёзное и опасное для человека занятие, если он не искренен в высшей степени и не готов пожертвовать всем, *и прежде всего собою*, чтобы достичь цели. ... Я говорю лишь о тех, кто твёрдо решил вступить на путь ученичества.» (Там же).

Нет ничего, что не позволяло бы человеку любить свой идеал так сильно, как он хочет; ошибка лишь в желании безраздельного владения, в животной страсти, которую не удовлетворяет восхищение на расстоянии, в ревности, которую злит, что другие тоже любят и поклоняются. Ученик, желающий предельно посвятить себя работе, должен освободиться от всякой привязанности, чтобы быть свободным для работы. И пусть он, как бывало с многими, не обманывается

правдоподобными резонами своей страсти, и не впадает в заблуждение, что в цепях он сможет работать лучше. Но, напоминая ещё раз, это лишь для людей, которые твёрдо решились идти до конца. Но если такой высокой решимости нет, всё равно остаётся огромное количество полезной работы, которую можно исполнить, и даже прогресса, который можно совершить, воспользовавшись преимуществом неприятностей и испытаний обычной мирской жизни и стараясь жить высшей жизнью, даже будучи в цепях.

Другое оправдание, которое иногда приводят в пользу брака, состоит в том, что необходимо обеспечивать тела для высокоразвитых «я», которые должны прийти в воплощение для исполнения работы, и что ученики непременно произведут их лучше, чем просто хорошие люди из внешнего мира. Вероятно, это так, и потому в некоторых редких случаях ученикам указывают жениться для этой самой цели, но конечно же мудрее подождать такого указания из источника, достоверность которого не подлежит сомнению. К тому же у нас в Теософическом Обществе уже есть множество женатых членов, которые совершенно пригодны для обеспечения телами оккультных работников будущего. Поистине, нет большей чести, чем быть избранными кармическими божествами для обеспечения этих тел, кроме ещё большей чести — их тренировки, когда они произведены. И пусть работой учащегося, который ещё сохраняет узы, связывающие его с миром, будет обеспечение этих тел, а те, кто чувствуют, что способны на более высокую жизнь, пусть помогают в воспитании детей. Ибо воистину никто не может служить двум господам, а путь оккультизма требует всех энергий тела, души и духа.

Изменения в сознании

У человеческого сознания есть удивительные возможности, и то, что мы обычно им называем, есть лишь та частица сознания, которой мы можем пользоваться в данный момент. Пожалуй, можно привести аналогию из области наших физических чувств. Существует огромная гамма всевозможных колебаний, но лишь одна их небольшая группа вызывает к нашим чувствам как свет, а другая, более низкого уровня, — как звук. Разными способами мы сознаём и действие других, промежуточных групп. Но из наших научных знаний нам хорошо известно, что спектр колебаний простирается в обе стороны далеко за пределы наших способностей восприятия.

Можно предположить, что человеческое сознание подобно этой гамме, и та его часть, что действует сейчас в физическом мозге, соответствует, скажем, тому диапазону колебаний, который мы называем звуком. Следуя той же аналогии, мы можем сравнить своё астральное сознание с длинами волн, которые мы называем светом, но опять же есть множество световых колебаний, которых мы не можем видеть — находящихся выше и ниже границ нашего зрительного диапазона. Точно так же, ниже нашего физического сознания и выше него, и выше и ниже нашего астрального сознания, существуют другие диапазоны вибраций, к которым сознание может приспособиться, но пока этого не сделало.

Есть два способа, которыми оно может к этому приспособиться — либо постоянно и намеренно, путём развития сознания, благодаря чему оно сможет принимать больше волн, находящихся выше и ниже его обычных возможностей, либо временно, из-за какой-либо болезни или отклонения от нормы, которые смещают нашу октаву сознания вверх или вниз. Примером первого способа является развитие психических способностей всех видов. Нет необходимости их здесь рассматривать, поскольку я уже сделал это в других книгах — «Ясновидение», «По ту сторону смерти» и «Проблески оккультизма»*. Различные наркотики обладают способностью временно изменять или расширять спектр сознания, и потому позволяют видеть вещи, обычно нами невидимые — иногда за счёт способности обычного зрения, которой они на время лишают, а иногда и не отнимая её.

* C.W. Leadbeater, «Some Glimpses of Occultism».

То, что мы называем своим физическим сознанием, не есть фиксированное и определённое количество, которое всегда было тем же самым. Оно постепенно росло, и многие вещи, которые раньше входили в его кругозор, ушли из него — точнее, оно так развилось, что поднялось над ними. Его уровень постепенно поднимается, и наши потомки будут в состоянии видеть цвета, сейчас для нас невидимые — более высокие, чистые и утончённые. Потеряют ли они при этом способность ощущать некоторые из грубейших цветов, известных нам теперь, остаётся неясным.

Состояние бреда смещает сознание со своего обычного уровня и часто полностью отсекает нас от повседневного мира, который нам знаком, иногда вместо этого доставляя нам воспоминания нашего прошлого — не только этой жизни, но и давно позабытой эпохи жизни человечества. Зрение, которое даёт горячка, часто включает в себя способность видеть мыслеформы, созданные самим больным или другими, а иногда и астральных и эфирных существ, которые его окружают. Например, в случае белой горячки видимые пьяницей змеи и прочие ужасы — это почти всегда существа низкого типа, которые пируют на алкогольных испарениях, выделяемых его телом.

Глава XVII

ВЛИЯНИЕ НАШИХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Детские игры

Даже у такой, обычно считающейся маловажной вещи, как игры детей, есть скрытая сторона. Если родители вообще и задумываются о них, то вероятно, в основном с физической точки зрения. Они либо осудят какие-то игры, как портящие одежду или отвлекающие ребёнка от школьных занятий, либо условно

одобряют их, как занимающие ребёнка на несколько часов, в течение которых он не будет путаться у них под ногами, или дающие ему физическое упражнение, которое они признают необходимым для развития его тела. Иногда они также проявляют разборчивость в отношении социальных связей ребёнка, а иногда и подходят к этому с религиозной или моральной точки зрения, но вероятно, что большинство родителей считают игры чем-то вроде неизбежного зла.

Они нисколько не осознают, что игра, если в неё играют как следует, является уроком, важность которого трудно переоценить, ибо она как ничто другое способна прививать честь, бескорыстие и благородство. Во-первых, честь, из-за необходимости с предельной верностью следовать правилам игры, так как достижение кажущегося успеха путём их нарушения, не важно, насколько малого, будет вовсе не успехом, а глубочайшим позором вне зависимости от того, станет ли этот бесчестный поступок известен другим или будет лишь пятном на совести самого нарушителя. Кроме того, игры способствуют избавлению от эгоизма, поскольку для достижения успеха во многих играх совершенно необходимо полное подчинение единицы целому, и каждый игрок должен стремиться не к личной славе, а к пользе для стороны, на которой он играет. Всякий, кто видел мгновенное, добровольное, лишённое всяких колебаний подчинение игроков капитану крикетной команды или гребцов рулевому лодки, не может не заметить, насколько это ценная школа дисциплины, приучающая каждого основательно исполнять порученный ему долг, больше заботясь об интересах своего клуба, чем о своих личных желаниях. И наконец, игры воспитывают благородство и рыцарство, благодаря джентльменскому правилу давать сопернику преимущество при всякой сомнительной ситуации и отказываться воспользоваться случайными преимуществами. Беда той стране, среди детей которой нельзя встретить такой честности, такого бескорыстия и такого рыцарства, поскольку дети — будущие взрослые, и если искривлён росток, то будет кривым и дерево.

Великий принцип, который нужно внушить ребёнку — что со своей стороны он всегда должен делать всё возможное, и на самом деле неважно, кто выиграет, поскольку полученные тренировка и удовольствие в любом случае те же самые. Нужно объяснить, что он не только должен играть честно, но быть милосердным и доброжелательным, быть готовым аплодировать хорошей игре чужой команды, и никогда не злорадствовать над проигравшими, а стараться найти их проигрышу оправдание и уменьшить разочарование, которое они, естественно, испытывают.

Верно, что другие не всегда будут так вести себя по отношению *к нему*, но ему нисколько не нужно беспокоиться или сердиться по этому поводу, поскольку это просто показывает, что они ещё не достигли того уровня, когда могут поставить себя на место своих противников. Это естественно, что мальчик будет радоваться победе своей команды или школы, но он должен научиться не демонстрировать эту радость так, чтобы это как-то ранило чувства других.

Никогда, ни на мгновение не должен он находить удовольствие в чём-либо, что ранит или злит другое живое существо, будь то его школьный товарищ или животное. Склонность некоторых невоспитанных детей дразнить животных или других детей есть проявление жестокости, и ребёнку надо объяснить, что любая жестокость есть худшее из преступлений. Он должен всегда уметь почувствовать

себя на месте другого, и так проявлять братство, доброту и любовь, будучи всегда готовым отложить свои желания, чтобы доставить удовольствие другим детям, делая то, что им нравится.

Присутствуя на соревнованиях по гребле между факультетами в одном из наших великих университетов, я встретил интересный пример благородства. Один факультет много лет держал несомненное лидерство в водных видах спорта, но в этот раз несколько первых мест, а в результате и завидное положение «чемпиона реки» достались другому факультету. Естественно, результатом была большая радость, и образовалась триумфальная процессия, в которой под ликующие овации несли не только флаг победившей лодки, но и её вёсла и руль. Этой толпе нужно было пройти вдоль реки перед длинной линией лодочных ангаров, и внезапно я заметил, что ликующая толпа замолчала, свернула флаг и опустила вёсла, очевидно, стараясь не привлекать внимания и вести себя как можно скромнее. Когда я спросил, в чём дело, мне объяснили, что они приближаются к ангару факультета, который ранее столь долго удерживал лидерство, и конечно было бы дурным тоном торжествовать над ними, прошестввав перед ними победным парадом. Потому наши победители постарались временно выглядеть, как обычные студенты, тихо возвращающиеся домой, но эта их великодушная попытка по крайней мере частично не удалась, поскольку прежде чем они прошли мимо, они были замечены членами проигравшей команды и их товарищами по факультету. Те сразу же выскочили из своего ангара, радостно их приветствуя, тогда как капитан побеждённой команды побежал к большому флагштоку своего ангара и приспустил флаг своего факультета в знак стойкого принятия судьбы. Это спонтанное выражение добрых чувств со стороны молодых людей, только окончивших школу, сильно меня порадовало, и я не мог не признать, что сложившееся у них общественное мнение было завидно здоровым.

Охота

К сожалению, развлечения взрослых не всегда столь полезны и безобидны, как игры детей. Ничего нельзя сказать против крикета и гольфа, а гребля и плавание всегда похвальны, как приводящие эфирное, астральное и ментальное тела в более близкое соприкосновение с природными духами воды и их влияниями, которые являют приятный контраст тем, что можно встретить на суше. В ещё большей степени это верно для купания в море, поскольку их разнообразие там больше. Такая перемена впечатлений всегда хороша, поскольку придаёт вибрацию новым частям наших разных тел, тем внося значительный вклад в их общее здоровье.

Но не найдётся слишком сильных слов осуждения для той возмутительной жесткости, которую иногда совершенно неверно называют «спортом». Излишне говорить, что преступление, связанное с убийством незащитных животных значительно перевешивает любую пользу, попутно извлекаемую от физического упражнения и пребывания на свежем воздухе. Всё это отвратительно так, что просто нет слов, и трудно понять, как это возможно, чтобы цивилизованные и во всех других отношениях добрые и сердечные люди не только участвовали в таком безобразии, но по всей видимости ещё и наслаждались кровопролитием и

жестокостью, соревнуясь друг с другом в этом дьявольском разрушительном занятии. Ни одна страна, где происходят такие вещи, не может притязать на звание действительно цивилизованной, и мы не можем сомневаться, что наши потомки, оглядываясь на нашу эпоху, будут находить немыслимым, что мы действительно получали удовольствие от таких массовых варварских развлечений.

Подобного осуждения достойны все формы охоты. Ведь помимо боли, страданий и смерти, причиняемых лисам, оленям, зайцам или выдрам, стоит ещё вопрос жестокости, прививаемой собакам при их подготовке для этого. Собака — одно из домашних животных, доверенных заботе человека, чтобы он мог помогать продвижению их эволюции. Но он не только не помогает ей, но и самым пагубным образом ей мешает, когда учит животное быть ещё более свирепым, чем волк или тигр — то есть учит убивать не только для добывания пищи, как делают дикие звери, а просто из жажды убийства и для удовольствия. Это беспричинное разрушение чудесного дара жизни, «который всякий может взять, но никто не может дать», непременно навлечёт тяжёлое возмездие на все индивидуальности, принимающие в нём участие, и на страну, общественное мнение которой считает это позволительным.

Ещё одна ужасная вещь, связанная с этим, состоит в том, что дети имитируют нашу бездумную жестокость, и так молодые души, которые от природы были добры и настроены на помощь, склоняются к совершению тех же самых преступлений. Вряд ли стоит удивляться, что мальчик ловит рыбу, охотится или науськивает свою собаку убивать какое-нибудь живое существо, когда он постоянно видит, как его отец занимается тем же самым. Мы так внедряем в молодых людей жестокость, что склонность к ней сохраняется у них даже после смерти, и мы можем обнаружить, как в астральном мире мальчик, как и при земной жизни, пытается на кого-то охотиться, причинять боль и вызывать страх. Правда если постыдный пример, который был перед ним, не сделал его насквозь злым, то в астральном мире легче, чем в физическом, пробудить в мальчике добрые чувства, поскольку мы сразу же можем показать ему, что чувствует существо, на которое охотятся, так как это очевидно по цветовым изменениям и вспышкам. Так что мы можем взывать непосредственно к лучшей природе мальчика, показывая ему, что же именно он делает. Также у нас там есть то преимущество, что мы можем перенаправить жестокий охотничий инстинкт и страсть к разрушению в безопасное и полезное русло — на рассеивание отвратительных мыслеформ, таких как образы дьявола, создаваемые несчастными, страдающими от проклятия кальвинистского или другого подобного богохульного учения. Эти мыслеформы, хотя и не опасные для тех, кто понимает их природу, часто приводят невежественных людей в сильный ужас, а поскольку сами мыслеформы не являются эволюционирующими живыми существами, то в их разрушении нет ничего плохого. Такое занятие развивает в мальчиках и благородство, и смелость, призывая их уподобиться странствующим рыцарям, которые защищают слабых и помогают им, сходясь ради них лицом к лицу с внушительными и устрашающими с виду соперниками.

Рыбалка — ещё одно проявление жажды убийства, и ей предаются многие люди, которые с отвращением бы отшатнулись от других подобных развлечений, в который кровопролитие более очевидно. В то время как охотники убивают или ранят птицу одним выстрелом, рыбаки вытаскивают рыб из их естественной среды и оставляют медленно умирать от удушья. Как бы ни было трудно понять, как такое возможно, я в действительности думаю, что эта жестокость совершается в основном от бездумности, а отравляющий эффект коллективных мыслеформ, собравшихся вокруг этого обычая, достался нам от варварских времён Тёмных Веков.

Скачки

Скачки — это ещё один так называемый спорт, который не заслуживает ничего, кроме осуждения. Сами по себе соревнования между лошадьми, если их не бьют или не проявляют к ним какой-то иной жестокости, вызывают не больше возражений, чем соревнования по бегу между мальчиками или взрослыми спортсменами, но при нынешнем состоянии дел идеи, сосредоточенные вокруг ипподрома, в массе своей в высшей степени предосудительны, и с оккультной точки зрения атмосфера бегов представляет собой сущий ад. Все эти мошенничества и обманы, дикая жадность и тревога, вся ненависть и намеренная ложь создают неопишимо кошмарный фон. Однако порядочные люди показываются в подобных местах, и хуже того, подвергают этому ужасающе зловредному магнетизму своих жён и дочерей. Опять же, конечно, виной этому бездумность и невежество; никакой злонамеренности тут нет, но результаты, тем не менее, серьёзные.

Азартные игры

Всякий, кто участвует в скачках своими ставками, несёт свою долю ответственности за все из тех зол, которые происходят от связанного с ними тотализатора и за крушения жизней тысяч людей, которые он в результате повлёт. Вред азартных игр и пари достаточно очевиден даже на физическом уровне, но если добавить к этому зрение высших миров, то мы увидим, что они ещё в сто раз более предосудительны. Люди погружаются в это глупое занятие, потому что оно возбуждает, но это та форма возбуждения, которая пробуждает все самые худшие человеческие страсти, и не может принести ничего, кроме вреда, ибо в нравственном отношении тот ущерб, который несёт выигравший, как минимум столь же значителен, как и тот, который понёс проигравший.

Читавшие нашу книгу «Мыслеформы» вспомнят приведённые там изображения отвратительных мыслеформ, созданных победителем и проигравшим, а тем, кто может видеть подобные вещи сам, и не нужно говорить о вреде азартных игр. В любых их формах не может быть ничего, кроме плохого, но если сравнивать между ними, тот их вид, который практикуется в пресловутых казино Монте-Карло, определённо менее предосудителен, поскольку там по крайней мере

ведётся честная игра и жертва заранее знает свои шансы. Кроме того, человек там играет против безличной сущности — банка, и не столь очевидно и намеренно разоряет своих собратьев.

Азартные игры, употребление алкоголя, трупоядение и убийство живых существ под видом спорта являются с оккультной точки зрения великими пятнами на честной репутации английской нации. Если бы от них можно было избавиться, мы бы сделали несколько больших шагов по направлению к цивилизации.

Хотя оккультизм без обиняков осуждает все формы так называемого спорта, при которых наносится какой-либо вред живым существам, он не имеет ничего общего с пуританской точкой зрения, согласно которой всё, что доставляет удовольствие, обязательно плохо. Напротив, в уме оккультиста задача способствовать удовольствию стоит следующей после задачи способствовать прогрессу. Доставить кому-либо удовольствие — хорошо, помочь ему на пути прогресса — гораздо лучше, но лучше всего, если возможно сочетать и то, и другое. Потому оккультист приветствует безобидные развлечения; единственное условие — они *должны* быть безобидными, и не должны быть связаны не только с причинением боли и страданий каким-либо живым существам, но даже с созданием им неудобств и насмешками над ними.

Театр

Скрытая сторона театрального представления всецело зависит от природы исполнения. Страсти, изображаемые актёрами, не будучи в каком-либо смысле настоящими, практически не оказывают воздействия на высшую материю, но к сожалению, с исполнением, похоже, нередко бывает связано много тщеславия, а также ревности по отношению к другим актёрам. В той мере, в какой они присутствуют, они оказывают нежелательное влияние. Основной эффект, наблюдаемый в театре, является результатом чувств, вызванных в зрителях, а они опять же зависят от характера постановки.

Похоже, почти всегда присутствует некий подспудный поток чувственности по отношению к основным актрисам, хотя люди, составляющие большинство аудитории, обычно следуют сюжету и испытывают умеренное количество ненависти к негодяям и нечто вроде мягкого удовольствия, когда герою удаётся победить злоумышленников. Есть и простодушные люди, всем сердцем и душой принимающие спектакль, который на время стал для них подобен реальной жизни. По ходу пьесы они посылают сильные эмоции разных видов, но обычно количество таких людей недостаточно, чтобы вносить большой вклад в общую ауру театра. К сожалению, много современных пьес сами по себе имеют весьма предосудительный характер, и мыслеформы тех, кто их посещает, естественно, неприятны.

Резюмируя, можно сказать, что для многих посещение театра подобно чтению романа, но персонажи представлены в такой манере, которая делает их более реальными для зрителей. С другой стороны, есть и другие люди (пожалуй,

обладающие более развитым воображением), которые, читая роман, сами создают себе мыслеформы всех героев, и эти формы кажутся им гораздо более живыми и подходящими, чем может быть любое театральное представление. Такие люди, когда видят постановку одного из своих любимых сюжетов, всегда бывают разочарованы.

Те же, кто не обладает достаточной силой воображения, чтобы самостоятельно облечь персонажей в определённые формы, бывают очень рады, когда искусство драматурга делает это за них. Для них, а они и составляют большинство театралов, поход в театр не более вреден, чем чтение романа, за исключением неизбежного неприятного окружения, которое окрашено чувственностью аудитории и тщеславием и ревностью актёров, о чём я уже говорил, а также необходимости провести пару часов в загрязнённой атмосфере среди более или менее возбуждённой толпы. С оккультной точки зрения эти соображения скорее перевешивают преимущества от любого удовольствия, получаемого от исполнения.

Раздел четвёртый

КАК МЫ ВЛИЯЕМ НА ДРУГИХ

Глава XVIII

ВЛИЯНИЕ НАШЕГО СУЩЕСТВА

Взаимоотношение людей

До сих пор мы рассматривали влияния, которым мы подвержены, а также то, как благодаря реакциям, которых мы не замечаем, мы постоянно влияем на самих себя. Теперь мы перейдём к третьей большой части нашего предмета — к вопросу о том, как мы влияем на других. Ранее сказанного уже достаточно, чтобы показать, что мы неизбежно должны на них влиять, хотим мы этого или нет; ибо если все эти разнообразные влияния постоянно воздействуют на нас, как мы уже видели, то совершенно ясно, что и мы в свою очередь должны составлять часть влияний, которые действуют на тех, кто рядом с нами. Все мы находимся в столь тесных взаимоотношениях, что ни один человек не может прожить свою жизнь только для себя — каждая мысль или действие оказывают своё воздействие на других, и не только потому что люди видят наши действия в физическом мире и имитируют их, но и потому что они подвергаются действию невидимых излучений вибраций наших мыслей и чувств.

Мы влияем на людей тройко: тем, чем мы являемся, тем, что мы думаем и желаем, и тем, что мы говорим и делаем.

Во-первых, скажем о влиянии нашего существа. Ведь то, чем мы являемся, выражает себя в наших разных проводниках, а они постоянно посылают волны влияния, которые склонны воспроизводить себя, то есть как бы заражать собою других людей. Так что какими бы мы ни хотели видеть других людей, для этого в первую очередь такими должны стать мы сами. Какая же идея обозначит нашу цель в этом вопросе. Многие скажут: «быть хорошими», и конечно же, это первое соображение, но оно и так само собой разумеющееся. Всякий, кто дошёл хотя бы до мысли о своём долге по отношению к миру, связанном с таким влиянием, предположительно уже должен прилагать все усилия, чтобы вести добропорядочную жизнь. Так что давайте примем за основу благие намерения и искренние усилия, и посмотрим, что же мы можем сделать для того, чтобы своим примером улучшить мир вокруг нас. Я думаю, что первым пунктом будет долг счастья и мира.

Долг счастья

Первым рассмотрим счастье. Несомненно, по замыслу логоса человек должен быть счастливым. И быть счастливыми — это наш долг. Я не имею в виду просто философское спокойствие, хотя это, несомненно, хорошая вещь; я имею в виду активное счастье. Это долг не только по отношению к божественной силе и к себе самим, но и к другим, как я скоро покажу; и этот долг будет нетрудно исполнять, если мы только применим бесценную способность здравого смысла. И всё же большинство людей, очевидно, часто бывают несчастны; — почему же?

Несчастье есть умственное состояние. И хотя страдания, происходящие от болезней или несчастных случаев, строго говоря, не входят в нашу тему, тем не менее, даже у них часто есть ментальная составляющая, которую можно значительно уменьшить, применив рассудок. Миром правит вечная справедливость, и потому нет никакой возможности, чтобы с нами случилось что-то такое, чего бы мы не заслужили. А поскольку вечная справедливость есть также и вечная любовь, то всё происходящее с нами предназначено для того, чтобы помочь нам в развитии, и оно сможет исполнить это назначение, если мы только примем правильное отношение и постараемся выучить урок, который оно должно нам преподать. И поскольку это так, — а те, кто глубоко проник в тайны жизни и смерти, знают, что это правда, — сетовать или жаловаться на страдания — это очевидно не просто бесполезная трата большого количества сил, но и совершенно неверный и глупый взгляд на жизнь и упускание благоприятных возможностей.

Чтобы выяснить, как можно избежать этого распространённого несчастья, давайте рассмотрим некоторые из его наиболее частых причин. Человек продемонстрировал чрезвычайную изобретательность в придумывании себе причин для того, чтобы быть несчастным, но большинство их можно отнести к тому или другому из следующих четырёх типов — желание, сожаление, страх и беспокойство.

Желание. Много несчастья возникает из-за того, что люди постоянно тоскуют по тому, чего у них нет — желают богатства, славы, власти, положения в обществе и

успеха во всех видах предприятий. Я не забываю о том, что удовлетворённость может иногда означать застой, и что неперенным условием для прогресса является то, что называли «божественной неудовлетворённостью». То, что мы должны непрерывно стремиться к самосовершенствованию, улучшению нашего положения и увеличению нашей способности помогать другим — это всё хорошо и ценно, и способствует нашей эволюции, но б`ольшая часть нашей неудовлетворённости — какая угодно, но только не божественная, потому что это не стремление к совершенствованию и полезности, а скорее просто эгоистичное желание личного наслаждения, которое мы ожидаем получить от богатства или власти, и вот почему от этого происходит столько бед. Стремитесь вперёд так ревностно, как хотите, но будьте счастливы в своём напоре, не унывайте при неудачах, и никогда не будьте слишком заняты, чтобы протянуть руку помощи своему товарищу-спутнику.

Из многочисленных и разнообразных форм этого великого сорняка, желания, одними из самых ядовитых являются зависть и ревность. Если бы люди только научились думать о своём деле, а других оставили в покое, исчезли бы многие плодотворные источники несчастья. Что вам до того, что у другого человека больше денег, больше дом, больше слуг или лучшие лошади, или что его жена может лучше удовлетворять свои капризы по части поразительных нарядов? Все эти вещи предоставляют ему определённую возможность — испытание его способности верно их использовать. Он может достичь в этом успеха или потерпеть неудачу, но в любом случае не вам его судить, и ваше дело — не тратить своё время на критику и зависть, а позаботиться о том, чтобы самим как можно лучше исполнять тот долг, который соответствует вашему собственному положению в жизни.

Пожалуй, из всех страстей, которые лелеет бедная человеческая натура, самой смешотворной является ревность. Она претендует на пылкую любовь, и тем не менее возражает против того, чтобы кто-либо разделял эту преданность; тогда как бескорыстная любовь только радуется, когда обнаруживает, что объект её любви высоко ценят все. Больше всего для неё отвратительно видеть свидетельства нежности других к её идолу, и всё же она всегда нетерпеливо высматривает подтверждения своих подозрений, и затратит любые усилия, чтобы убедиться в существовании того, что она больше всего ненавидит! Можно видеть, скольких ненужных неприятностей избегает человек, который достаточно силён и разумен, чтобы думать только о своём деле и отказаться впутываться в сети зависти или ревности.

Так что обуздывайте желание и культивируйте удовлетворённость; пусть ваши хотения будут простыми и немногочисленными, а амбиции направлены скорее на прогресс и полезность, чем на материальные владения, и вы обнаружите, что искоренили одну из самых плодотворных и мощных причин страдания.

Сожаление. Вызывают жалость те многие тысячи людей, которые каждый день страдают от ненужного, бесполезного и безнадёжного сожаления. Допустим, у вас были деньги, и вы их потеряли, у вас было положение, и вы утратили его. Нет никакой причины расточать свои силы и время на бесполезную скорбь. Сразу же возьмитесь за зарабатывание новых денег и приобретение нового положения.

«Предоставьте мёртвым погребать своих мертвецов», и обратите свои мысли к будущему.

Это верно даже для того случая, когда потеря была следствием вашей собственной ошибки, и даже если вы считаете её грехом. Вы могли потерпеть неудачу, как многие до вас, но у вас нет времени на раскаяние. Если вы упали, не лежите скорбно в грязи, а сразу же вставайте и продолжайте свой путь более осмотрительно. Обратите своё лицо на дальнейший путь и решительно двигайтесь вперёд. Если вы упадёте даже тысячу раз, вставайте тысячу раз и отправляйтесь в путь снова; впадать в уныние совершенно бесполезно. Для тысячной попытки есть столько же оснований, как и для первой, и если вы выстоите, успех обеспечен, потому что с каждой повторной попыткой ваша стойкость только растёт. Учитель однажды сказал: «Единственное раскаяние, которое имеет хоть какую-то цену — это решимость не совершать тот же грех опять». Мудрый человек — не тот, который никогда не делает ошибок, а тот, кто никогда одну и ту же ошибку не повторяет.

Величайшее из сожалений, что мне очень хорошо известно, это сожаление о «прикосновении исчезнувшей руки и звуке голоса, который умолк». Но даже эта самая священная из печалей может быть рассеяна, если мы захотим взять на себя труд и понять. Когда те, кого мы любим, исчезнут с наших глаз, нам больше не придётся, уставившись в пустую стену, с отчаянной верой цепляться за какую-то туманную неясность, надеясь и не надеясь на какое-то отдалённое воссоединение, подобно столь многим из наших праотцов.

Там, где отступило невежество, ступает теперь наука, и всякий, кто готов исследовать доступные свидетельства, может убедиться сам, что смерть — лишь переход из одного пространства в другое, врата в более полную и возвышенную жизнь, и что мы ни в каком смысле не *утратили* наших друзей, как столь часто неправильно говорят, а лишь временно потеряли способность видеть их. Небольшое терпеливое изучение фактов скоро позволит нам от эгоистичного созерцания этой иллюзии тяжёлой утраты обратиться к уверенности в великолепной будущности, которая открывается перед теми, кто нам дорог больше, чем мы сами, и тем одна из самых печальных из всех форм несчастья сразу же значительно смягчается, даже если не исчезает полностью.

Страх. Я полагаю, что лишь те, кто подобно некоторым священникам, располагал возможностью знать сокровенную сторону жизней людей, могут знать, до какой степени человечество страдает от страха смерти. Многие из тех, кто выглядят смельчаками и держат улыбку, внутренне всё же постоянно стонут под давлением тайного страха, помня, что смерть должна прийти, и страшась, как бы на них не упал этот меч. Тем не менее, всё это совершенно излишне и происходит лишь от невежества, как в сущности и всякий страх; ведь те, кто понимают смерть, не чувствуют ужаса при её приближении. Они знают, что человек *не умирает*, а лишь отбрасывает своё тело, как выбрасывают изношенный костюм, и для них первое нисколько не страшнее, чем второе. Человек, в двадцатом веке не знающий фактов о том, что такое смерть, — это тот, кто просто не позаботился рассмотреть этот предмет, и если он страдает от страха перед тем, что не существует, ему остаётся ругать только себя.

Многих преследует опасение потерять собственность и скатиться в нищету. Есть тысячи людей, которые лишь сводят концы с концами, живя на свою зарплату; они чувствуют, что если из-за болезни или по какой-то другой причине они лишатся этого заработка, они сразу же впадут в нужду. Даже когда эта опасность реальна, от постоянных мыслей о ней приобрести ничего нельзя, эта вечная тревога нисколько не помогает, и их положение не становится насколько-нибудь более безопасным от того, что этот ужас висит над ними и омрачает каждый их день.

Эти бедные души тоже должны постараться понять жизнь и уяснить назначение этой великой эволюции, частью которой они оказались; ведь как только они немного постигнут этот план, они осознают, что ничто не происходит случайно, а на самом деле все вещи вместе работают на благо, и боль, беды и неприятности не могут прийти, если они не нужны и не должны сыграть свою роль в будущем развитии. Так они станут смотреть вперёд не со страхом, а с надеждой, зная, что если они каждый день будут делать всё то лучшее, что в их силах, им не за что будет упрекать себя, что бы ни принесло будущее.

Беспокойство. Те же соображения покажут нам никчёмность брюзжания и беспокойства. Если мир в божьих руках, и если все мы живём по неизменным божественным законам, то очевидно, что наше дело — выполнять свой долг на своём месте и стараться разумно двигаться с могущественным потоком эволюции; но сетовать на то, как действует этот закон или беспокоиться о том, как сложатся дела — это явно вершина глупости. Как часто мы слышим, как люди говорят: «Кабы не те несчастливые обстоятельства, в которых я оказался, я был бы отличным парнем, и вы бы скоро увидели, как далеко бы я пошёл в той или иной области, но как вы можете ожидать чего-то от меня, когда я стиснут обстоятельствами?»

Человек, который так говорит, не имеет представления о смысле жизни. Всякому человеку, несомненно, больше всего хотелось бы таких обстоятельств, которые дали бы ему шанс использовать те способности, которыми он уже обладает и показать, что он умеет делать. Но мы должны помнить, что Природа хочет нашего развития во всех направлениях, а не только в одном. И поэтому мы часто попадаем в условия, в которых мы *должны* сделать то самое, чего по нашему мнению мы сделать не можем, чтобы выучить этот урок и раскрыть эту способность, которая пока что заключена в нас в скрытом виде.

Так что наше дело — вместо того, чтобы сидеть и жаловаться на неблагоприятные обстоятельства, которым мы подчинены, постараться подчинить обстоятельства себе. Слабый — раб среды, сильный же учится овладевать ею, и именно это и есть исполнение его предназначения.

Опять же, посмотрите, как мы беспокоимся о том, что думают о нас другие, забывая о том, что то, что мы делаем, их не касается, коль скоро мы им не мешаем, и что их мнение, в конце концов, не имеет ни малейшего значения. Нам нужно стремиться исполнять свой долг так, как мы его видим, и стараться помогать нашим собратьям, когда представляется случай. И если ваша деятельность не идёт против вашей совести, никакой другой критицизм не должен вас беспокоить. За

свои дела вы отвечаете перед своим Отцом Небесным, а не перед миссис такой-то, которая подглядывает за вами сквозь штору.

Иногда какая-нибудь почтенная дама скажет о вас что-то оскорбительное, а полдюжины добрых друзей позаботятся о том, чтобы повторить это и преувеличить. Если вы поведёте себя глупо, сильно обидитесь и установится вражда, которая может длиться месяцы и в которую окажется вовлечено множество невинных людей, тогда вы можете попытаться переложить ответственность за все эти глупые неприятности на плечи той, на чьё замечание вы вздумали обидеться! Примените хотя бы на мгновение свой здравый смысл, и подумайте, насколько всё это смехотворно.

Во-первых, в девяти случаях из десяти окажется, что она вовсе ничего такого не говорила, или не имела в виду того смысла, в котором вы это поняли, так что вы вероятно к ней очень несправедливы. Даже в оставшемся десятом случае, когда она действительно это сказала, имея в виду это самое, вероятно, её что-то рассердило, и на то была какая-то причина, о которой вы ничего не знаете. Может быть, она не спала всю ночь из-за зубной боли или беспокойного ребёнка! Несомненно, это вовсе не добро и недостойно обращать внимание на слово, оброненное под влиянием раздражения. Конечно, она поступила неправильно и ей лучше бы демонстрировать то же ангельское милосердие, которое всегда демонстрируете вы, и я нисколько её не оправдываю. Я лишь имею в виду, что если она сделала одну глупость, это вовсе не причина вам делать другую.

В конце концов, что плохого она вам сделала? Это *не она* ответственна за ваше раздражение, а ваше собственное недомыслие. Что есть её слова, как не простое сотрясение воздуха? Если бы вы их не слышали, вы бы не чувствовали себя оскорблённым, а ведь *её* действие оставалось бы тем же самым. Потому ваш гнев — *ваша*, а не её вина, вы без всякой необходимости позволили себе впасть в сильное возбуждение по поводу чего-то такого, что в действительности не в силах на вас воздействовать. Это ваша собственная гордость разожгла ваш гнев, а не её пустые слова. Подумайте, и вы убедитесь, что это так. Простой здравый смысл и ничего более, и всё же сколь немногие видят вещи столь ясно, чтобы так поступать! И скольких несчастий можно было бы избежать, если бы мы больше работали своими мозгами и меньше — языком!

Эти соображения показывают нам, что облака несчастья можно рассеять разумом и знанием, и несомненно, наш долг — немедленно и энергично взяться за это. Это и в наших интересах, поскольку это продлит нашу жизнь и сделает её более плодотворной — «весёлый идёт целый день, а грустный устаёт уже через милю». Давайте всему лучшее толкование, а не худшее, высматривайте в мире добро, а не зло. Пусть ваша критика будет того счастливого характера, при котором жемчужины выискивают с такой же охотой, как обычный желчный критик набрасывается на недостатки; и вы даже не представляете, насколько более лёгкой и приятной станет ваша жизнь. Красота есть повсюду в природе, если только всмотреться, и всегда есть множество причин быть довольным, если искать их вместо поводов для брюзжания.

Это наш долг, ведь уже достаточно хорошо установлено, что и счастье, и несчастье заразительны. Всем изучавшим этот предмет известно, что постоянно излучаемые нами во всех направлениях волны, распространяющиеся в материи более тонкой, чем доступна глазу, разносят с собой наши чувства, радостные или печальные. Так что если вы позволяете себе уступать печали и терять надежду, вы в действительности излучаете мрак и уныние, омрачая божий свет для своих ближних и делая ношу своего брата более тяжёлой, а вы не имеете права этого делать.

С другой стороны, если вы полны счастья и излучаете радость на всех, кто окажется поблизости, вы становитесь настоящим солнцем, изливающим жизнь, свет и любовь в своём маленьком земном кругу, подобно логосу, который разливает их по всей своей вселенной; таким образом в своём крошечном масштабе вы становитесь его сотрудником.

Мир

За активным счастьем должен пребывать прочный мир, и его мы тоже должны стараться излучать. Недостаток покоя — одна из самых прискорбных черт нашего века. Не было ещё времени, когда бы человек больше, чем сейчас, нуждался в мудром совете св. Петра: «Ищи мира и следуй ему», но большинство людей даже не знают, в каком направлении начать эти поиски, и потому решают, что мир на земле недостижим и сдаются беспокойству.

Человек живёт сразу в трёх мирах — физическом, астральном (или эмоциональном) и ментальном (или мысленном), и в каждом из них у него есть тело, или проводник, через которое он себя там выражает. На всех этих уровнях, во всех этих проводниках должен быть мир, и всё же большинство из нас очень далеки от этого.

На физическом плане Земли трудно найти человека, который не жаловался бы на что-нибудь, и который не испытывал бы часто каких-либо недомоганий. У одного не в порядке пищеварение, у другого постоянные головные боли, у третьего расстроены нервы, и так далее. В мире эмоций дела обстоят не лучше, поскольку люди постоянно позволяют себе терзаться сильными чувствами — печалью, гневом, завистью, ревностью, и так они страдают без всякой необходимости. Не пребывает в мире и их ум, ведь они всё время поспешно бросаются от одной линии мысли к другой, суетливые и беспокойные, всегда желая новых вещей, ещё не поняв или не использовав старых.

Причин этого всеобщего беспокойства три — невежество, желание и эгоизм. Потому путь к миру состоит в покорении этих препятствий и их замене их противоположностями — в обретении знания, самоконтроля и бескорыстия. Люди часто думают, что причины их беспокойства внешние, и что беды и печали давят на них откуда-то снаружи, не сознавая, что ничто внешнее не может на них подействовать, если они не позволят ему этого сами. Никто, кроме нас, не может нам помешать или повредить, точно так же как никто не может сделать за нас

прогресс. По прекрасному восточному выражению, путь — внутри нас. Если мы только возьмём на себя труд исследовать это, мы увидим, что это так.

Чтобы обрести мир, сначала мы должны приобрести знание — знание законов, по которым работает эволюция. Когда мы невежественны относительно их, мы постоянно их нарушаем, всё время отклоняясь от пути прогресса человечества в своём преследовании каких-то воображаемых личных преимуществ или удовольствий. Постоянное давление закона эволюции отодвигает нас обратно, для нашей же пользы, на путь, который мы покинули, но мы неумны, мы боремся с ним и жалуемся на боль и беды, будто они напали на нас по простой случайности, тогда как всё время именно наше собственное сопротивление водительству закона заставляло нас ощущать его сдерживающую силу.

Наше здоровье страдает, потому что мы так часто ведём нездоровый образ жизни. Мы едим не ту пищу, носим неподходящую одежду, игнорируем проветривание и упражнения, проводим свою жизнь в антисанитарных условиях, а потом удивляемся, почему у нас болит голова или отказывают нервы и пищеварение. Человек, который знает законы гигиены и берёт на себя труд следовать им, избегает этих зол.

В точности то же самое верно и в отношении миров мыслей и эмоций — у них есть свои естественные законы, и их нарушение означает страдания. К сожалению, у многих сложилось представление, что все правила, касающиеся мыслей и эмоций, установлены совершенно произвольно. Религиозные учителя совершили катастрофическую ошибку, говоря о *наказании* за их нарушение, и тем скрыли простой факт, что это в той же мере законы природы, как и те, что знакомы нам по физической жизни, и то, что следует за любым пренебрежением ими — *не наказание*, а просто естественные *последствия*. Если человек схватится голой рукой за накалившуюся докрасна железку, он обожжётся, но мы же не назовём ожог «наказанием». И всё же мы часто делаем это, описывая следствия, которые столь же естественны, как и неизбежны.

Знание великой схемы эволюции и её законов не только показывает нам, как жить, чтобы обеспечить мир в будущем, оно также даёт нам мир прямо здесь и сейчас, потому что позволяет нам понять цель жизни, увидеть её единство сквозь всё её разнообразие, и узреть сквозь туман бед и смятения, кажущийся безнадежным, её великолепный окончательный триумф. Ведь как только схема раз усвоена, её цель становится уже предметом не слепой веры, а математической уверенности, а от этой уверенности и происходит мир.

Но к своему знанию мы должны добавить и самоконтроль — контроль не просто действий и слов, но и мыслей, желаний и эмоций.

Ведь все мысли и эмоции проявляют себя как волны в материи ментального и астрального тел соответственно, и в обоих случаях злые или эгоистичные мысли проявляются сравнительно более медленными вибрациями более грубой материи, тогда как добрые и бескорыстные мысли — более быстрыми колебаниями, действующими лишь в более тонкой материи. Но внезапная вспышка гнева, ревности или страха на время захватывает всё астральное тело, заставляя его всё

временно вибрировать с особой частотой. Эти колебания скоро успокаиваются и тело возвращается к своим обычным частотам колебаний. Но после этого оно уже всегда будет чуть более готово откликнуться на конкретную частоту, выражающую эту злую страсть.

Очень давно великий Будда учил своих последователей, что жизнь рядового человека полна скорби, потому что он привязывается к земным вещам, которые бренны и преходящи. Человек желает богатства, положения или власти, и он не удовлетворён, потому что не получает их, или получив их, обнаруживает, что они от него ускользают. Даже к своим друзьям он привязывается неправильно, потому что любит физическое тело, которое должно измениться и умереть, вместо того, чтобы любить истинного человека, который продолжает жить вечно, и когда его друг отбрасывает внешний проводник, он скорбит по нему как по «умершему» и думает, что потерял его.

Весь настрой нашей цивилизации — на увеличение желаний и умножение потребностей. Вещи, которые одним поколением считались роскошью, другим уже считаются необходимыми для жизни, и наше желание вечно устремляется всё в новых направлениях. Но если мы хотим мира, мы должны научиться ограничивать эти желания и жить более простой жизнью, довольствуясь удобством, но не жаждая роскоши — мы должны научиться отличать необходимости от излишеств. Лучше ограничить свои потребности и скорее оставить себе время на отдых, чем работать до изнеможения в отчаянных попытках удовлетворить постоянно растущие желания. Если мы хотим обрести мир, мы обязательно должны контролировать желания.

Ещё один плодovitый источник беспокойства — это имеющаяся у нас привычка вмешиваться в дела других людей и постоянно пытаться заставить их видеть вещи так, как видим их мы, и делать их так, как делаем мы. Похоже, многие из нас совершенно неспособны придерживаться каких-либо убеждений, будь то общественных, политических или религиозных, не вступая сразу же в спор, доходящий до ругани, со всяким, чьи убеждения окажутся другими. Когда мы научимся щедро признавать за другими ту же свободу мнений по любому предмету, которую мы без колебаний требуем для себя, и не осуждать их только потому, что они отличаются от нас, мы далеко продвинемся по тому пути, который ведёт к миру.

Больше всего для обретения мира необходимо отбросить личное «я» и приобрести бескорыстие. Пока мы эгоцентричны, пока осью, вокруг которой для нас вращается вся вселенная, является наше «я», мы бессознательно, но неизбежно ожидаем, что оно должно быть центром и для других; а когда мы обнаруживаем, что они действуют, не принимая нас в расчёт и не признавая наших притязаний на первоочередное внимание, мы становимся раздражительными, начинаем заниматься самоутверждением, и покой от нас ускользает.

Мы должны осознать, что мы — не тела, а души; а если мы (как люди обычно делают) отождествляемся с физическим проводником, мы не можем избежать придавания совершенно недолжной важности тому, что с ним происходит, и становимся в значительной мере его рабами, а также рабами его непрерывно

меняющихся чувств. Именно для того, чтобы избежать такого рабства, на Востоке принят образ мысли, благодаря которому наши обычные выражения «я голоден» или «я устал» заменяются более точными утверждениями «моё тело голодно», «моё тело устало».

И достаточно сделать всего лишь один шаг дальше, чтобы убедиться, что мы столь же ошибаемся, когда говорим «я разозлился», «я ревную». Истинное «Я» — за пределами всех этих проводников, и оно не может ревновать или злиться, хотя его астральное тело может. Но отождествлять себя со своим астральным телом настолько же ошибочно, как и с физическим. Человек не должен быть рабом какого-либо из своих тел, будь то ментальное, астральное или физическое; вместе все эти три тела составляют его личность, временное и частичное его выражение, но *им самим* они являются не в большей степени, чем является человеком его одежда.

Потому нужно сделать эти четыре шага. Путём учёбы мы должны приобретать знания, а приобретя их — применять их на практике; мы должны научиться ограничивать наши желания и эмоции, устранить низшую личность и отождествиться с стоящим за нею «Я». Эгоизм мы должны заменить альтруизмом и осознать Бога, сущего внутри нас, прежде чем сможем обрести «мир Божий, который превыше всякого ума».

Таков путь к миру. Да пребудет мир над нами всеми.

Глава XIX

ВЛИЯНИЕ НАШИХ МЫСЛЕЙ

Царство мысли

Изучающий оккультизм тренируется в искусстве мышления, и следовательно его мысль мощнее, чем мысль неподготовленного человека, а потому, скорее всего, имеет более широкий круг влияния и производит больший эффект. Это происходит совершенно помимо его собственного сознания и без всяких усилий с его стороны. Но именно потому, что он научился могучей силе мысли, его долгом становится применять её для помощи другим. А чтобы делать это эффективно, он должен точно понимать, как она действует.

Одной из самых поразительных особенностей окружающего нас невидимого мира является лёгкость отклика более тонкого типа материи, из которого он состоит, на мысли и эмоции человека. Тем, кто не изучал этот предмет, трудно усвоить абсолютную реальность этих сил и понять, что их действие на тонкий тип материи во всех отношениях столь же определённо, как действие электрического тока на физическую материю.

Всякий знает, что человек, имеющий в своём распоряжении большое количество паровой или электрической энергии, может совершать полезную работу и создавать вполне определённые результаты, но немногим известно, что у каждого человека в распоряжении есть некоторое количество этой иной и более высокой силы, и что с её помощью он может производить результаты столь же определённые и столь же реальные.

При нынешнем положении дел в физическом мире лишь немногие имеют в своём распоряжении достаточно большие ресурсы его сил, и лишь немногим они приносят обогащение. Но невидимая сторона жизни представляет живейший интерес той своей замечательной особенностью, что всякий человек, богатый или бедный, молодой или старый, уже имеет в своём распоряжении вовсе не незначительное количество её сил, так что богатства этих высших миров, получаемые путём правильного использования этих сил, находятся в пределах досягаемости каждого.

Вот сила, которой обладают все, но разумно пользуются пока что немногие, и конечно же стоит потратить время на то, чтобы исследовать этот предмет и попытаться его понять. В действительности для этого даже больше причин, чем было упомянуто, ибо на самом деле все мы, того не сознавая, в некоторой мере этой силой уже пользуемся, и из-за своего невежества применяем её неверно, принося вред вместо пользы. Обладание силой всегда означает ответственность, и чтобы избежать непреднамеренного причинения вреда и использовать эти великолепные возможности полно, будет неплохо узнать об этом предмете всё, что мы можем.

Эффекты действия мысли

Что же такое мысль, и как она проявляется? Впервые она является взгляду ясновидящего в ментальном теле, и выглядит она как вибрация его материи. Оказывается, что эта вибрация производит различные эффекты, и все они вполне находятся в согласии с теми ожиданиями, к которым нас приводит научный опыт в физическом мире.

1. Есть эффект, оказываемый мыслью на само ментальное тело, и мы обнаруживаем, что он имеет природу установления привычки. В ментальном теле есть много разных типов материи, и у каждого из них по-видимому есть своя особая частота колебаний, к которой он больше всего приспособлен, так что он охотно на неё откликается и склонен возвращаться к ней так скоро, как возможно, когда бывает сбит с неё каким-то сильным порывом мысли или чувства. Достаточно сильная мысль может временно придать всем частицам одного подразделения ментального тела колебания одной частоты, и с каждым разом, когда это происходит, ему уже чуть легче повторить это опять. У этих частиц ментального тела устанавливается привычка вибрировать на этой частоте, так что человек будет охотнее повторять эту конкретную мысль.

2. Есть эффект, оказываемый на другие проводники человека, которые по степени своей плотности находятся как ниже, так и выше ментального тела. Мы знаем, что физические возмущения одного типа материи легко передаются к материи другого типа — например землетрясение (то есть движение в твёрдой материи) может создать в море мощное цунами (то есть волну в жидкой материи), а с другой стороны, буря (то есть возмущение в газообразной материи) сразу же создаёт на море волнение, а вскоре и штормовые волны.

Точно таким же образом возмущение в астральном теле человека, которое мы обычно называем эмоцией, установит колебания в ментальном теле и вызовет мысли, этой эмоции соответствующие. И наоборот, волны в ментальном теле воздействуют на астральное тело (если они будут того типа, который может на него воздействовать), что будет означать некоторые виды мыслей, которые легко вызывают эмоции. И как волны в ментальной материи действуют на астральную, которая плотнее, так они неизбежно действуют и на материю каузального тела, которая тоньше. Так привычные мысли человека формируют качества самого «я».

Пока что мы говорили о воздействии мыслей человека на него самого; мы увидели, что во-первых мысль склонна повторять себя, а во-вторых, что она воздействует не только на эмоции человека, но и оставляет постоянный отпечаток на нём самом. Теперь же давайте обратимся к внешним эффектам, которые она производит, то есть оказываемым на море ментальной материи, которое окружает всех нас подобно атмосфере.

3. Каждая мысль производит излучение колебаний, которые могут быть простыми или сложными согласно природе мысли, которая их породила. При определённых условиях эти вибрации могут быть ограничены ментальным планом, но гораздо чаще они производят эффект в мирах выше и ниже него. Если мысль чисто интеллектуальна и безлична — например, мыслитель рассматривает какую-то философскую систему или пытается решить задачу из алгебры или геометрии, — тогда мысленная волна повлияет только на ментальную материю. Если мысль имеет духовную природу, окрашена любовью или устремлениями, полностью лишёнными эгоизма, она вознесётся выше, в высшее ментальное царство, и может даже приобрести что-то от великолепия интуитивного уровня, что сделает её чрезвычайно могущественной. Если же, напротив, мысль тронута каким-то эгоизмом или личным желанием, её колебания сразу же спустятся вниз и растратят большую часть своей силы в астральном мире.

Все эти мысленные волны воздействуют на соответствующие им уровни точно так же, как действуют световые или звуковые волны на физическом плане. Они излучаются во всех направлениях, ослабевая с увеличением расстояния от источника. И это излучение воздействует не только на океан ментальной материи, который нас окружает, но и на другие ментальные тела, движущиеся в этом океане. Все мы знакомы с тем опытом, когда на пианино или на скрипке берут ноту, которая вызывает звучание той же самой ноты на другом аналогичном инструменте, настроенном точно так же. Как колебания одного инструмента передаются через воздух и воздействуют на другой инструмент, так и мысленные колебания, установившиеся в нашем ментальном теле, передаются окружающей ментальной материи и воспроизводятся в другом ментальном теле, что, будучи

выражено с другой точки зрения, означает, что мысль заразительна. К этому соображению мы вернёмся позже.

4. Каждая мысль порождает не только волны, но и форму — определённый, отдельный объект, который наделён силой и жизненностью определённого вида и во многих случаях ведёт себя вовсе не непохоже на временное живое существо. Эта форма, как и волна, может быть только на ментальном плане, но гораздо чаще она спускается на астральный уровень и производит свой основной эффект в мире эмоций. Изучение этих мыслеформ представляет чрезвычайный интерес, и подробный отчёт обо многих из них с цветными иллюстрациями, отражающими их внешний вид, можно найти в нашей книге «Мыслеформы». Но в данный момент нас интересует скорее не внешность, а эффект мыслеформ и то, каким образом их можно использовать.

Давайте рассмотрим действие этих двух проявлений силы мысли по отдельности. Волна может быть простой или сложной, соответственно характеру мысли, но её сила изливается в основном на какой-то один из четырёх уровней ментальной материи, относящихся к четырём подразделениям, составляющим нижнюю часть ментального мира. Большинство мыслей заурядного человека сосредоточено вокруг него самого, его желаний и эмоций, и потому они производят волны в низшем подразделении ментальной материи. Фактически лишь та часть ментального тела, которая построена из этого типа материи, является у подавляющего большинства человечества вполне развитой и активной.

В этом отношении условия, в которых находится ментальное тело, совершенно отличаются от тех, в которых находится астральное. У обычного культурного человека пятой расы астральное тело столь же развито, как и физическое, и он вполне способен использовать его как проводник сознания. Он пока что не очень привык использовать его так, а потому не уверен в его способностях и робок в их применении; но тем не менее они в его распоряжении, и вопрос лишь в том, чтобы освоиться с их использованием. Когда он оказывается в астральном мире, будь то во время сна или после смерти, он вполне способен видеть и слышать, и может двигаться куда ему угодно.

Однако в небесном мире он оказывается в совсем иных условиях, поскольку ментальное тело ещё вовсе не вполне развито, и его развитие составляет часть той эволюции, которой в данный момент занято человечество. Ментальное тело может применяться в качестве проводника лишь теми, кто был специально обучен его использованию учителями, принадлежащими к Великому Братству Посвящённых, а у среднего человека его силы раскрыты лишь частично, и оно не может применяться в качестве отдельного проводника сознания. У большинства людей высшие части ментального тела пока ещё полностью в спящем состоянии даже тогда, когда низшие части в активном действии. Это неизбежно подразумевает, что в то время как на низшем подплане ментальная атмосфера колеблется мысленными волнами, на высших подпланах пока что сравнительно мало деятельности, что нам нужно будет ясно помнить, когда мы вскоре перейдём к рассмотрению практических возможностей использования силы мысли. Это также оказывает значительное влияние на расстояние, на которое может проникнуть мысленная волна.

Понять это нам поможет аналогия с распространением голоса оратора, выступающего на публике. Его голос будет слышен на определённом расстоянии, которое зависит от силы его голоса. В случае мыслеформы ей соответствует сила вибрации. Но расстояние, на котором оратор может быть *понят*, — это совсем другое дело, и часто оно больше зависит не столько от громкости голоса, сколько от ясности произношения. В случае мыслеформы ей соответствует определённость и чёткость очертаний.

Многие люди, не обученные ораторскому искусству, могут исторгать крик, который разнесётся на приличное расстояние, но будет совершенно неразборчив. Точно так же и человек, который испытывает сильное чувство, но не обучен искусству мышления, может послать мощную мыслеформу, которая достаточно сильно передаёт чувство, её вдохновившее — например, чувство радости, страха или удивления, — и всё же она может иметь такие смутные очертания, что не сможет передать никакого представления о природе или причине этой эмоции. Потому очевидно, что ясность мысли по крайней мере столь же необходима, как и сила.

Опять же, голос оратора может быть сильным и ясным, и его слова могут быть прекрасно слышны там, где стоит слушатель; но всё же эти слова не передадут слушателю никакой идеи, если он столь занят чем-то другим, что не обращает внимания. У этого в мире мысли тоже есть точное соответствие. Можно послать ясную, сильную мысль и даже направить её к другому человеку, но если его ум уже полностью занят его собственными делами, мыслеформа не произведёт на его ментальное тело никакого впечатления. Часто люди, находящиеся в дикой панике, даже не слышат советов или приказов, которые им кричат; и по тем же причинам они бывают столь же глухи к мыслеформам.

Большинство человечества вообще не знает, как мыслить, и даже те, кто продвинулся в этом немного больше, редко думают сильно и определённо, кроме как в моменты, когда они действительно поглощены каким-нибудь делом, требующим всего их внимания. Потому огромные множества умов всегда праздно лежат повсюду вокруг нас, готовые принять любые семена, которые мы в них посеём.

Мысленные волны

Действие мысленной вибрации обладает замечательной приспособляемостью. Она может точно воспроизвести себя, если найдёт ментальное тело, которое охотно откликается на неё во всех подробностях, но если это не так, она всё же может произвести примечательный эффект в направлении, в общем сходном с её собственным. Допустим, например, католик благоговейно преклоняет колени перед образом Пресвятой Девы. Он посылает во всех направлениях от себя сильные благоговейные мысленные волны; и если они ударят в ментальное или астральное тело другого католика, они пробудят в нём мысли и чувства, тождественные первоначальным, но если они подействуют на христианина какой-нибудь другой конфессии, которому незнакомо поклонение образу Девы, они всё

же пробудят в нём религиозные чувства, но они пойдут по привычному руслу и будут направлены к Христу.

Если они коснутся мусульманина, они пробудят в нём преданность Аллаху, у индуса объектом благоговения может оказаться Кришна, а у парса — Ахурамазда. Эти мысленные волны возбуждают благоговейные чувства какого-либо вида повсюду, где есть возможность отклика на подобные идеи. И если они коснутся ментального тела материалиста, которому чужда идея благоговения в любой форме, даже на него они окажут возвышающий эффект. Они не могут сразу вызывать тип колебаний, к которым человек совершенно не привык, но склонны побудить к некой активности высшую часть его ментального тела, и этот эффект, хотя и менее длительный, чем в случае приёмника, уже находящегося в симпатии, не может не быть благотворным.

Действие злой или нечистой мысли подчиняется тем же законам. Человек, который столь глуп, что позволяет себе думать о другом с завистью или злостью, излучает мысленную волну, которая склонна провоцировать подобные страсти и у других, и хотя они могут совершенно не знать того, на кого была направлена ненависть, и потому для них будет невозможно разделять эти чувства, тем не менее, волна может вызвать в них эмоции той же природы по отношению к совершенно иному человеку.

Мыслеформы

Действие мыслеформы имеет более ограниченный, но зато более точный характер, чем действие волны. Она не может воздействовать на столь многих людей — в действительности, она совсем не может подействовать на человека, если в нём нет ничего гармонизирующего с той вибрационной энергией, которая её одушевляет. Пожалуй, силы и возможности этих мыслеформ станут нам яснее, если мы попытаемся их классифицировать. Сначала давайте рассмотрим мысль, которая определённо направлена к другому человеку.

1. Когда человек посылает мысль любви или благодарности (или, как, к сожалению, случается, зависти или ревности) к кому-то другому, при этом, как и при всякой другой мысли, излучаются волны, которые стремятся воспроизвести свой общий характер в умах всех, кто окажется в сфере их влияния. Но создаваемая этой мыслью мыслеформа вдохновлена определённым намерением, и отделившись от ментального и астрального тел думающего, она направляется прямо к человеку, на которого была направлена эта мысль, и прикрепляется к нему.

Если случится так, что в этот момент он ни о чём конкретно не думает, а следовательно, находится в пассивном состоянии, она сразу же проникает в его астральное и ментальное тела и скрывается в них, как если бы комета попала в солнце. Она склонна вызывать в нём вибрации, подобные её собственным, а это означает, что человек начнёт думать о том же конкретном предмете, каким бы он ни был. Если он находится в состоянии умственной деятельности, и какая-то её

часть имеет ту же природу, что и прибывшая мыслеформа, она войдёт в его ментальное тело через ту его часть, которая выражает сродную мысль, и добавит свою силу к этой мысли. Если же ум человека настолько занят чем-то другим, что мыслеформа не может найти вход, она будет держаться возле него, пока он достаточно не освободится, чтобы дать ей возможность достичь своей цели.

2. В том случае, когда мысль не направлена на какого-то другого человека, но связана главным образом с самим мыслителем (каковыми в действительности и являются большинство мыслей людей), волна, как обычно, распространяется во всех направлениях, но вот мыслеформа плавает в непосредственном соседстве со своим создателем и имеет склонность постоянно воздействовать на него. Пока его ум полностью занят делами или мыслями какого-то другого типа, форма плавает рядом, ожидая своего часа, но когда караван его мыслей истощится, или его ум на мгновение окажется праздным, у неё появится возможность на него воздействовать, и она сразу же начнёт воспроизводить себя — вызывать у него повторение мысли, которой он ранее уже предавался. Многие люди окружены целой оболочкой таких мыслеформ и часто ощущают на себе их давление — постоянное внушение определённых мыслей как бы извне; и если это злые мысли, они начинают верить, что их искушает Дьявол, тогда как истина в том, что они сами являются своими искушителями, и злые мысли — полностью их собственное порождение.

3. Есть класс мыслей, которые ни сосредоточены вокруг думающего, ни направлены особо на какого-то другого человека. Мыслеформа, порождённая в таком случае, не будет иметь особого притяжения ни к своему автору, ни к какому-либо другому человеку, а будет лишь празднично плавать в том месте, где она была вызвана к существованию.

Таким образом, каждый человек, идя по жизни, создаёт три класса мыслеформ:

1. Те, что прямо направляются на определённую цель.
2. Те, что витают вокруг него и следуют за ним, куда бы он ни пошёл.
3. Те, которые он оставляет за собой в виде эдакого следа, отмечающего его путь.

Мыслями этого третьего типа, смутными и неопределёнными, наполнена вся атмосфера; и куда бы мы ни шли, наш путь пролегает сквозь огромные массы их. И если наш ум не занят ничем определённым, эти смутные, блуждающие фрагменты чужих мыслей часто серьёзно на нас воздействуют. Они проносятся через празднично лежащий ум, и, вероятно, большинство из них не пробуждают в нём никакого особого интереса, но иногда встречается и такая, что привлекает внимание. Тогда ум хватается за неё, развлекается с ней мгновение или два, и отпускает её уже несколько усиленной.

Естественно, что эта смесь мыслей из многих источников не обладает связностью, хотя любая из них может начать линию ассоциаций, тем самым придав уму какое-то направление мысли. Если человек, идя по улице, вдруг спросит себя: «О чём это я думаю, и почему? И как я достиг этого пункта в цепи своих мыслей?», и

попытается проследить назад линию своих мыслей за последние десять минут, он, вероятно будет весьма удивлён, обнаружив, как много праздных и бесполезных фантазий прошло через его ум за этот промежуток времени. Среди них не будет даже четверти его собственных мыслей; они — просто отрывки, которые он подобрал, проходя мимо. В большинстве случаев они совершенно бесполезны, и общая их тенденция склоняет скорее к плохому, чем к хорошему.

Что мы можем сделать мыслью

Теперь, в некоторой мере поняв действие мысли, давайте посмотрим, какую пользу можно извлечь из этого знания, и какие из него вытекают практические соображения. Зная эти вещи, что же мы можем предпринять, чтобы продвинуть своё развитие, и что мы можем сделать, чтобы помочь другим? Очевидно, научное рассмотрение того, как действует мысль, являет собой вопрос гораздо большей важности, чем обычно полагают, не только для нашей собственной эволюции, но и для эволюции других.

Когда мы рассмотрим этот вопрос в том, что касается воздействия мысли на других, окажется, что это вернёт нас к соображениям, которые мы уже подчёркивали, когда говорили об обратном действии этой силы на нас самих. Это естественно — ведь то, что способствует нашему прогрессу, должно способствовать и прогрессу других. Так что мы коснёмся этих предметов снова, хотя лишь мимоходом.

Поскольку всякая мысль или эмоция производит постоянный эффект, усиливая или ослабляя какую-либо склонность, и поскольку всякая мысленная волна и всякая мыслеформа действует не только на мыслителя, но влияет и на многих других людей, нужно проявлять величайшее внимание к тому, какие мысли и эмоции мы себе позволяем. Человек заурядный редко думает о том, чтобы попытаться контролировать эмоцию; и когда он чувствует, как она в нём нарастает, он предаётся ей и считает это вполне естественным. Тот же, кто научно изучает действие этих сил, сознаёт, что это как в его интересах, так и его долг — проверять всякое подобное проявление, и прежде чем позволить себе предаться ему, решить, не вредно ли оно для его собственной эволюции и эволюции его ближних.

Вместо того, чтобы позволять своим эмоциям уносить его прочь, он должен держать их под полным контролем, а поскольку та стадия эволюции, которой мы достигли, посвящена развитию ментального тела, он должен серьёзно взяться за это дело и посмотреть, что можно сделать, чтобы помочь этому развитию. Вместо того, чтобы позволять уму следовать всем своим капризам, он должен утвердить контроль над ним, признав, что ум — это не сам человек, а лишь инструмент, который человек должен научиться использовать. Его нельзя оставлять лежать праздно; если он не используется, то любая проходящая мыслеформа может проникнуть в него и впечатлить его. Первый шаг к контролю над умом — постоянно занимать его полезной деятельностью; иметь, как уже говорилось, определённый, хороший и полезный набор мыслей, который был бы фоном

работы ума, то есть такие мысли, к которым бы он всегда возвращался, когда нет срочной нужды использовать его в связи с исполнением долга.

Другой необходимый момент в тренировке ума — научить его всё, что бы он ни делал, делать основательно. Иными словами, нужно приобрести способность сосредоточения. Это нелёгкая задача, в чём убедится всякий не практиковавшийся в этом человек, если попытается удержать свой ум на одной теме хотя бы пять минут. Он обнаружит, что у ума есть сильная склонность к блужданию — что в него врываются все виды других мыслей, так что первая попытка держать свой ум на одном предмете в течение пяти минут скорей всего выльется в то, что всё это время будет потрачено на попытки вновь и вновь вернуть ум назад от разных побочных тем, которым он последовал.

К счастью, хотя сосредоточение само по себе нелегко, есть множество возможностей для попыток его развивать, а приобретение его окажется очень полезным в нашей повседневной жизни. Что бы мы ни делали, мы должны учиться фокусировать на этом наше внимание, и делать это так хорошо, как только мы можем сделать, прилагая все свои силы. Если мы пишем письмо, пусть оно будет написано хорошо и верно, и пусть никакая невнимательность в мелочах не задержит его и не испортит его эффект; если мы читаем книгу, пусть даже это роман, давайте читать её внимательно, стараясь уловить смысл, вложенный в неё автором, и получить из неё всё, что только можно из неё извлечь. Стремление постоянно чему-то учиться, чтобы ни один день не прошёл без какого-то определённого упражнения ума, весьма полезно, ибо лишь с упражнением приходит сила, а отсутствие упражнения всегда означает слабость и в конце концов приводит к атрофии.

Также очень важно научиться экономно расходовать энергию. Каждый человек располагает лишь определённым её количеством и ответственен за её применение с наибольшей выгодой. Человек заурядный растрчивает свои силы самым глупейшим образом. Он всегда распyleт их совершенно неоправдано и без малейшей к тому необходимости. То он горит желанием сделать что-то такое, в чём нет никакой необходимости, то беспокоится о каком-то воображаемом зле, которое ему якобы неминуемо угрожает. Временами он испытывает глубокую депрессию, точно не зная почему, но какой бы предлог он для этого ни нашёл, факт остаётся тем же: он находится в состоянии большего или меньшего волнения и возбуждения, потому что не подходит к вещам философски и не применяет к влияющим на нас событиям внешнего мира старый и мудрый принцип «ничто не имеет большого значения, а большинство вещей и вовсе никакого». Мысли и эмоции обычной толпы похожи на обитателей растревоженного муравейника, дико и бесцельно мечущихся в разных направлениях, вызывая лишь беспорядок и гам; вот почему оккультист неизменно избегает толп, если долг не направляет его туда. Изучающему оккультизм особенно необходимо научиться избегать рассеивать свои энергии зря.

Один из способов рассеивания большого количества сил, которому предаётся обычный человек — это ненужные споры. Похоже, для него просто невозможно придерживаться какого-то мнения, вне зависимости от того, относится ли оно к религии, политике, или какому-то вопросу повседневной жизни, и не стать при

этом жертвой желания навязывать это мнение всем и каждому. Кажется, он совершенно неспособен усвоить тот элементарный факт, что выбор другого человека — вовсе не его дело, и что он не уполномочен властями, правящими миром, совершать его обход и обеспечивать единообразие в мыслях и практике.

Мудрый же человек сознаёт, что истина многогранна, и ею во всей полноте не владеет ни один человек, или даже группа людей. Он знает, что почти по всякому мыслимому предмету есть место для свободы мнений, и потому в верованиях человека, точка зрения которого противоположна его собственной, может быть какой-то резон и какая-то истина. Он знает, что большинство предметов, о которых спорят люди, вовсе даже не стоят того, чтобы дискутировать, и что те, кто говорит громче всех и с самым уверенным тоном — обычно как раз те, кто знает меньше всех. Потому изучающий оккультизм отказывается тратить своё время в спорах. Если его спросят, он охотно поделится информацией, но не станет тратить время и силы на бесполезное препирательство.

Другой прискорбно распространённый способ растрачивания сил — это беспокойство, о котором я уже писал как о серьёзном препятствии на пути к миру. Многие люди постоянно пророчат и себе, и тем, кого любят, какие-нибудь беды — беспокоятся из-за страха смерти и того, что будет после неё, боятся разорения и потери положения в обществе. В этом бесполезном и неприятном направлении рассеивается огромное количество сил; но все эти глупости исчезают для человека, который сознаёт, что мир управляется законом абсолютной справедливости, что прогресс к самому высшему и есть божественная воля, что этого прогресса не избежать, и всё, что встречается на пути и происходит с ним, предназначено для того, чтобы помочь ему в этом прогрессе, и что единственный человек, который может его замедлить — он сам. Он больше не беспокоится и не боится за себя и за других; он просто идёт вперёд, исполняя свой ближайший долг так хорошо, как только может, будучи уверен, что если он делает это, всё у него будет хорошо. Он знает, что беспокойство ещё никогда никому не помогало и ему нельзя найти ни малейшего полезного применения, но оно было причиной огромного количества зол и растраты множества сил, и что мудрый откажется расходовать свои силы на эти зловередные эмоции.

И если для эволюции человека необходимо, чтобы он держал ум и эмоции под контролем, а не растрачивал глупо свои силы, то ещё более необходимо это с другой точки зрения, потому что только так он сможет стать полезным для своих собратьев, перестать вредить им и научиться делать добро. Если, например, он позволяет себе злиться, естественно, он навлекает на себя тяжёлые последствия, поскольку устанавливает вредную привычку и следующий раз, когда у него возникнет злое побуждение, ему будет уже труднее сопротивляться. Но он также серьёзно воздействует на окружающих, потому что излучаемые им вибрации неизбежно влияют и на других.

Если он делает усилия сдерживать свою раздражительность, то возможно, что то же самое пытаются делать и они, и его действия помогут или помешают им, пусть даже он вовсе о них и не думает. Каждый раз, когда он позволяет себе послать волну гнева, это может вызвать подобную вибрацию в уме или астральном теле другого человека — вызвать её, если её там не было, и усилить её, если она уже

была. Так он затрудняет своему брату работу над собой и наваливает на его плечи более тяжёлый груз. С другой стороны, если он контролирует и сдерживает волну гнева, он вместо этого излучает успокаивающие и облегчающие влияния, которые определённо помогают всем тем, кто рядом с ним занят той же борьбой.

Немногие люди сознают свою ответственность в этом деле. То, что всякая наша злая мысль передаётся тем умам в некотором радиусе от нас, которые ничем не заняты, это и так уже достаточно плохо. Но на самом деле всё ещё хуже. В каждом человеке есть зародыши или возможности зла, принесённые из прошлой жизни, но в этом воплощении ещё не введённые в активное состояние. Если мы посылаем злую или нечистую мысль, легко может случиться, что она пробудит к деятельности один из таких зародышей, и так из-за отсутствия у нас самоконтроля в жизнь человека придёт зло, которого иначе он мог бы избежать. Мы оживляем в нём спящую склонность, которая была уже в процессе умирания, и тем задерживаем его подъём и прогресс.

Пока такой зародыш дремлет, соответствующее качество постепенно умирает, но после того, как он снова пробуждён, оно может разрастись до любых размеров. Это похоже на проделывание в плотине дыры, через которую всё сильнее будет вытекать вода. Фактически, человек, пославший злую мысль, не может сказать, за какое количество зла он теперь ответственен, поскольку человек, ставший из-за этой мысли злым, в свою очередь влияет на других людей, а те — на следующих, потому в действительности из-за одной злой мысли могут страдать многие поколения. К счастью, всё это верно и в отношении добрых мыслей, и человек, понимающий этот факт, мудро использует силу, которую ему даёт этот принцип, и может оказывать благотворное влияние, масштабы которого будет невозможно подсчитать.

Ответственность за мысль

Обладая этой огромной силой, мы должны быть осмотрительны в её применении. Мы должны помнить, что следует думать о человеке так, каким мы хотели бы видеть его, поскольку его образ, создаваемый при этом нами, естественно, будет мощно на него влиять, стараясь постепенно привести его в гармонию с собой. Давайте удерживать свои мысли на хороших качествах своих друзей, потому что думая о любом качестве, мы придаём его вибрациям склонность укрепляться, а потому усиливаем его.

Из этого соображения следует, что привычка к сплетням и скандалам, которой бездумно потакают многие люди, в действительности есть отвратительное зло, для осуждения которого никакие выражения не будут слишком сильными. Ведь когда люди имеют наглость обсуждать других, обычно вовсе не самые хорошие их качества они настоятельно подчёркивают. Потому у нас имеется множество людей, сосредоточивающих свои мысли на каком-нибудь зле, приписываемом ими другому, и обращающих на это зло внимание других людей, которые могли его и не заметить. И если в человеке, которого они столь недолжным образом критикуют, действительно есть это плохое качество, они определённо усиливают

его, укрепляя те колебания, через которые оно выражается. Если же, как обычно бывает, порок существует лишь в их собственном похотливом воображении, а у человека, о котором они судачат, отсутствует, то этим они делают всё, что в их силах, чтобы пробудить в нём это плохое качество. И если в их жертве есть какой-нибудь спящий зародыш этого качества, их гнусные усилия очень даже могут оказаться успешными.

Тем, кого мы любим, мы можем помочь, мысленно держа перед ними созданный для них высокий идеал и сильно желая, чтобы они скоро смогли достичь его. Но если мы знаем о каких-то пороках или недостатках в характере человека, мы ни при каких обстоятельствах не должны позволять своим мыслям задерживаться на них, чтобы их не усилить. Наш план должен состоять в том, чтобы сформулировать сильную мысль о противоположных добродетелях, а затем послать волны этой мысли к человеку, который нуждается в нашей помощи.

Ведь обычно о других говорят примерно так: «Дорогой, ну какой же отвратительный характер у миссис такой-то! Как, ты не знаешь, только вчера она сделала то и это, и я слышала, что она постоянно... и т.д., и т.п. Разве это не ужасно?»

И это повторяется тридцати или сорока друзьям, и уже через час или два несколько сотен человек изливают потоки мыслей о гневе и раздражительности, сосредоточенные на их несчастной жертве. И разве стоит удивляться, что она вскоре оправдывает их ожидания и даёт им ещё один пример плохого характера, который они могут посмаковать?

Человек, желающий помочь в такой ситуации, должен тщательно избегать вообще думать о гневе, а вместо этого интенсивно думать так: «Я хочу, чтобы миссис такая-то была спокойной и невозмутимой, в ней ведь заложена такая способность к самоконтролю. Я буду стараться часто посылать ей сильные, успокаивающие и облегчающие мыслеволны, которые помогут осуществить заложенную в ней божественную возможность.»

В одном случае мысль была о гневе, тогда как в другом — о невозмутимости. В обоих случаях она неизбежно найдёт свою цель и попытается воспроизвести себя в ментальном и астральном телах человека, к которому она послана. В любом случае давайте стараться почаще с любовью думать о своих друзьях, но лишь об их хороших сторонах, и концентрируя на них своё внимание, стараться укрепить их и тем помочь своим друзьям.

Часто человек говорит, что не может контролировать свои мысли или свои страсти — что он часто пытался, но ему никогда это не удавалось, потому он пришёл к выводу, что такие попытки бесполезны. Эта идея совершенно ненаучна. Если злое качество или плохая привычка в нас обладают определённой силой, то это потому, что в прошлых жизнях мы позволяли этой силе накапливаться, а не сопротивлялись ей в самом начале, когда её можно было легко преодолеть. Так мы позволили ей накопить такой движущий момент, при котором с ней уже трудно справиться.

Фактически мы сделали для себя движение по одной линии лёгким, а по другой, соответственно, трудным — трудным, но не невозможным. Количество накопленной энергии обязательно должно быть конечным, и даже если накоплению такой энергии мы полностью посвятили несколько жизней (что маловероятно), всё же это время было конечным, а потому и последствия этого неизбежно будут конечными.

И если мы теперь, осознав сделанную ошибку, решили поставить привычку под контроль и нейтрализовать её импульс, нам будет необходимо приложить точно такое же количество силы в противоположном направлении, какое мы затратили на создание этого момента. Естественно, мы не можем сразу же приложить достаточно силы, чтобы полностью нейтрализовать то, что накапливалось годами, но каждая сделанная нами попытка будет уменьшать этот запас. Как живые души, мы можем прилагать силу сколько угодно, у нас есть бесконечный запас силы, из которого можно черпать, а потому можно быть абсолютно уверенными, что если мы будем держаться, то в конце концов достигнем успеха. Как бы часто нас ни постигала неудача, каждый раз из конечного запаса силы привычки что-то расходуется, и он исчерпается раньше, чем наш собственный запас сил, так что конечный успех — это просто дело механики.

Знание о том, как применять мысленные потоки, даёт нам возможность всегда помогать, когда мы узнаём, что кто-то опечален или страдает. Часто бывает, что мы никак не можем помочь страдающему физически, и наше телесное присутствие может оказаться для него бесполезным, так как его физический мозг закрыт для наших предложений предрассудками или религиозными догмами. Но его астральное и ментальное тела гораздо легче впечатляемы, чем физическое, и мы всегда можем подойти к ним с мыслью помощи или любви и с утешающим чувством.

Закон причины и следствия соблюдается в тонкой материи так же, как и в плотной, а потому изливаемая нами энергия должна достичь своей цели и произвести эффект. Не может быть сомнения, что образ или идея, которые мы хотим представить человеку для помощи или утешения, его достигнут; насколько же ясно они затем предстанут перед его умом, зависит во-первых от определённости очертаний, какую мы смогли им придать, а во-вторых от состояния его ума в данное время. Он может быть настолько занят мыслями о своих страданиях и испытаниях, что в нём останется мало места для нашей идеи; но в таком случае наша мыслеформа будет просто ждать своего часа, и когда его внимание наконец отвлечётся, или усталость заставит его приостановить активность своей последовательности мыслей, наша сразу проскользнёт внутрь и выполнит свою миссию милосердия. Есть так много случаев, в которых даже с лучшей в мире волей ничего нельзя сделать физически, но невозможно представить такого случая, в котором на астральном или ментальном плане при помощи упорной, сосредоточенной и любящей мысли нельзя было бы добиться некоторого облегчения.

Феномены лечения мыслью демонстрируют, насколько могущественной может быть мысль даже в физическом мире, а поскольку в астральной и ментальной материи она действует намного легче, мы можем живо осознать, насколько это в

действительности огромная сила, если мы только применим её. Мы должны высматривать всякую возможность оказать помощь таким способом, и почти не приходится сомневаться, что множество таких случаев тут же представятся. Когда мы идём по улице, едем в трамвае или поезде, мы часто видим тех, кто очевидно страдает от печали или депрессии. Вот и наша возможность, и мы незамедлительно ею воспользуемся, попытавшись пробудить их от депрессии и помочь им.

Давайте постараемся послать такому человеку сильное ощущение того, что несмотря на тучи его личных печалей и неприятностей, сверху над ними всё равно светит солнце, и в мире есть ещё много хорошего и прекрасного, всего такого, за что можно быть благодарным. Иногда можно видеть незамедлительный эффект наших усилий — лицо человека светлеет под влиянием посланных ему мыслей. Мы не можем всегда ожидать такого быстрого физического результата, но если мы понимаем законы природы, то в каждом случае можем быть одинаково уверены, что какой-то результат достигается.

Часто человеку, для которого эти исследования ещё в новинку, бывает трудно поверить, что он действительно влияет на тех, на кого направлена его мысль, но на опыте большого количества случаев мы убедились, что всякий, кто практикует такие попытки, получает свидетельства успеха своих усилий, и со временем их набирается столько, что ему уже невозможно сомневаться. Такие попытки помощи всем, кого мы знаем и любим, нужно сделать частью своей жизни. Находятся ли эти люди среди живых или среди так называемых «мёртвых», не имеет значения, ибо наличие или отсутствие физического тела никак не меняет действия сил, направленных на ментальные и астральные тела. Постоянной, регулярной практикой такого рода можно сделать много добра, ведь с практикой мы приобретаем силу, и в то время как мы развиваем свои силы и обеспечиваем себе прогресс, мир будет получать помощь от наших добрых усилий.

Таким образом, всё, что по-настоящему в наших интересах, также и в интересах всего мира, а что плохо для мира, в действительности никогда не может быть в наших интересах. Ибо всякое истинное приобретение обретается для всех. Многим это покажется странным заявлением, поскольку мы привыкли считать, что когда один человек что-то приобретает, другой это теряет, тем не менее в нём заключена великая истина. Ранее я уже показал, что если в сделке с одной из сторон обошлись нечестно и она потеряла, то не может быть истинной прибыли и для другой стороны.

Прямая, честная сделка означает прибыль для обеих сторон. Допустим, какой-нибудь торговец закупает товары оптом, а затем, стараясь говорить о них только правду, распродает в розницу, получая разумную прибыль. Тут все стороны не остаются в накладе, поскольку оптовик и розничный торговец зарабатывают себе на жизнь, а розничные покупатели согласны покупать товары по розничным ценам из-за удобства покупки в небольших количествах. Так каждый получает то, что он хочет, никто не проигрывает и все удовлетворены.

Это всего лишь поверхностный пример из физического мира, но как прекрасно действует это правило, лучше всего видно на высших планах. Допустим, человек

приобретает знания. Он может передать полученное сотне других людей, при этом ничего не потеряв. Более того, опосредованным образом от его знаний выиграют даже те, кому он этих знаний не передал. Ведь увеличив свои знания, он стал более мудрым и более полезным человеком; его слова будут более взвешенными, поступки более разумными, и таким образом от его учёности окружающим будет лучше.

Но мы можем углубиться ещё дальше. Поскольку человек знает больше, более мудрыми станут не только его слова и дела, но и его мысли. Его мыслеформы станут лучше, а волны, исходящие от его ментального тела — выше и богаче, и они обязательно окажут своё воздействие на ментальные тела окружающих. Подобно всем другим волнам в природе они будут склонны воспроизводить себя, вызывая подобную частоту колебаний во всём, с чем будут соприкасаться. Тот же закон природы, благодаря действию которого в физическом мире вы можете кипятить воду для чая или поджаривать хлеб, делает совершенно несомненным влияние дополнительной мудрости на других, даже если её обладатель не произносит ни слова.

Вот почему во всех религиях придаётся такая важность обществу добрых, мудрых и чистых. Человеческие качества заразительны, и поэтому очень важно обращать внимание на то, воздействию каких из них мы себя подвергаем.

Возьмём другой пример. Допустим, вы приобрели ценную способность самоконтроля. Предположим, вы были раньше страстным человеком, а теперь научились сдерживать это излияние силы и держать его в подчинении. Давайте посмотрим, как же это влияет на окружающих. В физическом мире это будет для них несомненно приятнее, но мы рассмотрим эффект, оказываемый этим на их тонкие проводники.

Когда раньше вы позволяли себе входить в ярость, от вас во всех направлениях изливались огромные волны сильного гнева. Никому из тех, кто видел иллюстрацию такой вспышки ярости, приведённую в «Человеке видимом и невидимом», не нужно и объяснять, какой бедственный эффект должны оказывать такие волны на астральные тела тех, кому не посчастливилось оказаться рядом с вами. Возможно, один из этих людей сам боролся против этой вредной привычки. В таком случае эманации вашей ярости возбудили подобную же активность в его астральном теле, и тем вы укрепили это зло, сделав задачу своего брата труднее, а его груз — тяжелее, чем он мог бы быть иначе. А я снова настаиваю на том, что вы не имели права этого делать.

Но теперь, когда вы приобрели самоконтроль, всё это изменилось самым счастливым образом. Вы всё ещё излучаете вибрации, ибо это закон природы, но теперь это уже не огненные вспышки гнева, а спокойный, размеренный ход сильных волн любви и мира. Они тоже воздействуют на астральные тела ваших собратьев и стремятся воспроизвестись в них, и если человек борется со страстью, их ровный ритм помогает ему и успокаивает его. Теперь ваша сила работает на него, а не против него, и так вы облегчаете его ношу и помогаете ему на пути восхождения. Разве не правда, что от вашего приобретения он тоже приобрёл?

Люди столь неразрывно связаны друг с другом, и человечество, несмотря на своё удивительное разнообразие, поистине представляет собой такое единство, что никто не может продвинуться вперёд или отступить назад, не помогая или не мешая прогрессу других. Потому нам следует заботиться о том, чтобы быть среди помощников, а не среди вредителей, чтобы никакому живому существу, будь то человек или животное, не стало хуже от каких-либо наших мыслей, слов или дел.

Глава XX

ВЛИЯНИЕ НАШИХ ДЕЙСТВИЙ

Работа для бедных

Вопрос, что же мы можем сделать, как раз из тех, на которые нельзя дать полного ответа, поскольку у каждого человека свои возможности, и нет двух наборов возможностей, которые были бы одинаковы. Нас часто спрашивают, должен ли теософ браться за обычные благотворительные направления деятельности, не связанные особо с Теософическим Обществом. Это вопрос, на который каждый должен ответить самостоятельно, поскольку ответ зависит от его собственных обстоятельств. Думаю, что за общее правило можно взять такое: если есть дело, связанное с теософией, которое он может делать, время нужно посвятить именно ему, поскольку такой вид работы может выполнять именно он, тогда как обычной благотворительной деятельностью не хуже его может заниматься множество людей.

Возьмём для примера случай того, что называют работой в трущобах, когда бедным помогают непосредственно, посещая их и оказывая им разные небольшие услуги. Никто не станет отрицать, что это прекрасная вещь и очень нужная, но если приходится выбирать между тем, потратить ли некоторое время за этим сугубо физическим занятием, или сделать что-то в более высоком мире, приближая тем самым время, когда трущоб вообще больше не будет, я бы сказал, что второе дело — более великое и было бы лучшим применением нашего времени. Ведь лишь тот, кто изучал теософию, может помогать распространять теософическое учение, тогда как раздавать еду и одеяла беднякам может любой добрый и сердечный человек, к какому бы классу он ни принадлежал.

Несомненно, помогать на строительстве дороги — хорошее дело, но мы не станем возлагать такую задачу на человека, который обладает достаточной квалификацией, чтобы работать врачом или инженером. Всякий, у кого есть талант в какой-то области или знания, необходимые для работы в определённом направлении, должен использоваться именно там, поскольку немного есть таких, кто мог бы делать это, тогда как неквалифицированную мирскую работу может выполнять каждый, и есть огромные множества людей, которые могут выполнять *только* её. Потому мне представляется, что если теософ может использовать своё время на распространение теософии и обучение ей, он не

должен откладывать это ради работы более обычного характера. Но если он находится в таком положении, что не может сделать ничего для пропаганды теософии, тогда он конечно же должен использовать своё свободное время для самого высшего типа благотворительной работы, какая только ему доступна.

Что здесь требуется, так это воспитывать дух доброй воли, всё время бдительно высматривая возможности оказать помощь и быть полезным. Конечно, если есть возможность быть полезным в высшем смысле, то лучше всего вести людей к теософии, но если это в данный момент невозможно, нужно оказывать помощь более обычным способом. Можно заняться посылкой благотворных мыслей или стараться приносить людям счастье в физическом мире. Идею помощи нужно внедрить во все малые повседневные дела. Каждый должен решить сам, как ему лучше это сделать, а изучение скрытой стороны вещей предложит много идей; кроме того, оно сделает повседневную жизнь намного более интересной и позволит нам быть гораздо полезнее, чем мы были бы без него.

Это показывает нам, что результаты многих с виду незначительных действий проникают дальше, чем мы думали, а потому сильно убеждает нас в необходимости жить внимательно и осматрительно. Это демонстрирует человеку, что у каждого действия есть свой эффект, оказываемый на окружающих, даже если с первого взгляда действие касается лишь его самого, и что за этот эффект он ответственен, но это же предоставляет ему и благоприятную возможность творить добро. Раз усвоив это, он осознаёт, что должен выстроить свою жизнь с этой точки зрения, и жить её, даже в мелочах, не для себя, а для других. Многие живут для других в том смысле, что руководствуются в жизни тем, что, как им кажется, думают о них другие, но альтруизм ученика должен быть другого рода. Он руководствуется двумя строгими правилами:

1. Всё должно делаться бескорыстно.
2. Всё должно делаться с определённой целью и настолько совершенно, насколько возможно.

Сила Учителя

Если человек живёт таким образом, то силы, правящие миром, скоро признают его и начнут его использовать, ведь живя так, он делает себя готовым каналом для силы Учителя и ценным инструментом в его руках. Верно, что помощь Великих главным образом даётся на высших планах, но она ими не ограничена и действует также и в физическом мире, если мы предоставляем ей возможность. Учитель не станет тратить свои силы, *форсируя* свою энергию, чтобы её поток проник в плотную материю этого низшего мира, потому что это неэкономично, то есть с духовной точки зрения не является применением энергии с наилучшей выгодой. Но если человек, уже живущий в нашем низшем мире, так организует свою жизнь, что станет для этой энергии подходящим каналом, положение меняется, и усилия Учителя в этом мире, которые иначе были бы невыгодны, уже стоят потраченного времени.

Нужно помнить, что канал должен быть открыт на обоих концах, а не только с одной стороны. Верхний конец канала составляют бескорыстие и преданность человека, сам тот факт, что он хочет быть использован и предлагает свою жизнь для этой цели. Нижний конец — это физическое тело человека, через которое должно будет проходить влияние, и оно тоже требует большого внимания, чтобы не испортить поток, посылаемый Учителем.

Помните, что мы имеем тут дело не со смутной абстракцией, а с физическим, хотя и невидимым потоком, который проходит через материю тела и выходит через поры кожи или выделяется из рук или ног. Потому тело должно быть чистым внутри — не загрязнённым мясной пищей, алкоголем и табаком, а также должно тщательно содержаться в чистоте снаружи частыми и основательными омовениями; особое внимание должно уделяться рукам и ногам. Иначе поток, столь тщательно трансмутированный с высших планов, при прохождении через человека будет загрязнён и не сможет служить цели, ради которой был послан.

Хотя достойным учеником эта сила излучается всё время, он может также собирать её и с определённым намерением направлять её на выбранную цель. В тринадцатой главе объяснялось, как обычный человек может защититься от вредных влияний при рукопожатии или в толпе, но ученик, вместо того, чтобы защищать себя, превратит эти неприятные обстоятельства в благоприятные возможности подействовать на других. Когда он пожимает человеку руку, он пошлёт ему энергию Учителя, проходящую по протянутой руке. Начинаящий может спросить: «Как же это делается? И даже если я попробую, как можно быть уверенным в успехе?»

Всё, что нужно — это твёрдая убеждённость и сильная решимость. Убеждение, что это выполнимо, основанное на изучении, и решимость сделать это, исходящая из глубокой преданности Учителю и искреннего желания исполнить его волю. Успех всех магических усилий зависит от полной уверенности; тот же, кто сомневается в своих способностях, уже потерпел неудачу. Так что всё, что необходимо — сочетать с сердечным приветствием сильную мысль: «Этим я передаю вам любовь Учителя», и такое излияние будет гораздо лучшей защитой, чем любая оболочка.

Изготовление талисманов

Ещё одно применение, которое можно дать этой силе — заряжать ею определённые предметы, тем самым превращая их в талисманы. Я уже писал о действии, оказываемом подобными оберегами, а теперь расскажу о способе их изготовления. Более сложные отрасли этого искусства требуют определённых знаний, приобретаемых лишь при длительном курсе обучения, но всякий искренний человек может сделать временный талисман, который будет очень полезен тому, кто нуждается в помощи.

Тот, для кого эта работа привычна, может совершить любой обычный процесс магнетизации или демагнетизации простым усилием воли, но начинающий обычно

находит необходимым помогать себе в концентрации воли, тщательно думая о разных стадиях процесса и используя соответствующие жесты. Представьте, например, что желательно намагнетизировать какой-нибудь небольшой предмет (такой как кольцо, ручка или медальон), чтобы сделать его амулетом против страха. Какой же самый лёгкий метод для этого?

Сначала нужно точно осознать, что требуется. Мы должны ввести в этот предмет эфирную, астральную и ментальную материю, сильно заряженную определённым набором вибраций — тех, которые придают смелость и уверенность. Подготовленный оккультист в таком случае собрал бы на каждом из этих уровней такие типы материи, которые наиболее легко принимают и сохраняют вибрации нужного характера; новичку же, который не умеет этого делать, придётся использовать любой материал, имеющийся под рукой, таким образом, затратив больше силы, чем применил бы его более опытный брат.

Изготовление амулета можно уподобить написанию надписи, а сбор подходящего типа материи соответствует получению совершенной поверхности для письма. Начинающему, который не может сделать этого, приходится писать с б`ольшим трудом и меньшим совершенством на той поверхности, которая окажется доступна. Первая трудность, с которой он сталкивается, состоит в том, что его «бумага» даже не является чистой — на ней уже есть надписи, которые нужно удалить, прежде чем её можно будет использовать. Если кольцо или медальон уже кто-то носил, он уже полон магнетизма этого человека — магнетизма, который может быть лучше или хуже магнетизма ученика, но в любом случае отличающегося от него, и таким образом составляющего препятствие — в точности как любая надпись, имеющаяся на бумаге, какой бы хорошей она ни была, препятствует новому письму. Даже если кольцо или ручка совершенно новые, скорее всего они содержат что-то от особого магнетизма изготовителя или продавца, так что в любом случае первое, что нужно сделать — удалить любой магнетизм, который мог там оказаться, то есть получить чистый лист для письма. Есть разные методы, какими это можно сделать, позвольте мне описать один простой.

Соедините кончики указательного и большого пальцев правой руки так, чтобы получилось кольцо, и представьте плёнку эфирной материи, перекрывающую это кольцо подобно коже, натянутой на барабан. Чтобы она появилась, нужно *применить волю*. Помните, что само усилие воли создаёт её, хотя вы и не можете её видеть. Помните также, что для успеха эксперимента существенно, чтобы вы были совершенно уверены в этом факте, то есть чтобы ваше предыдущее изучение убедило вас в том, что человеческая воля способна располагать тонкую материю тем или иным образом.

Затем, твёрдо фиксируя своё внимание на этой плёнке, чтобы прочно её держать, медленно пропустите через неё демагнетизируемый предмет. Это полностью очистит его от эфирной части его прежнего магнетизма. Я не имею в виду, что он останется совсем без эфирной материи, но все её частицы будут выметены оттуда и заменены. То же самое происходит с трубкой, наполненной газом, если её продуть — весь газ будет вытеснен, но она не станет пустой, поскольку давление окружающего воздуха сразу же наполнит её им. Так же и особо заряженный эфир

будет выведен из медальона или ручки, а его место займёт обычный эфир, которым проникнута окружающая атмосфера.

Следующим шагом будет дать эфирной плёнке раствориться, а затем заменить её плёнкой из астральной материи, через которую нужно снова пропустить предмет. Этот процесс можно повторить и с плёнкой ментальной материи. Тогда мы получим предмет, на всех трёх планах полностью свободный от любого вида особого магнетизма — чистый лист, на котором мы можем писать всё, что хотим. После некоторой практики ученик сможет создавать комбинированную плёнку, содержащую и эфирную, и астральную, и ментальную материю, чтобы пропустив через неё предмет, совершать всю операцию за один проход.

Затем оператор должен приложить все свои силы, чтобы наполнить себя качествами, которые должен будет нести амулет (в данном случае это бесстрашие и уверенность в себе), на время исключив все мысли о прочих свойствах и став живым воплощением указанных. Затем, когда он доведёт себя до высшего уровня энтузиазма, он должен взять предмет в левую руку или положить на стол перед собой, и изливать на него магнетизм через пальцы правой руки, всё время с предельной силой воли желая, чтобы он наполнился самой сущностью доблести, спокойствия и отваги.

Возможно, ему поможет в концентрации, если он делая это будет снова и снова повторять про себя такие слова: «смелость, уверенность, во имя Учителя», «туда, где этот предмет, не может войти страх», или любые другие, выражающие подобную идею. Пусть он делает это несколько минут, не позволяя своему вниманию ни на мгновение отвлекаться, и у него не должно быть и тени сомнения, что он создаст действительно эффективный талисман.

Начинающему, вероятно, для этого потребуется некоторое время, но человек, который приобрёл навык, делает это легко и быстро. Подготовленный оккультист постоянно пользуется этим как средством помощи тем, с кем он вступает в контакт. Он никогда не отправит письмо, или даже открытку, не подумав о том, какой добрый дар освежающего, утешающего или укрепляющего магнетизма он может с ним послать. В его распоряжении есть много других способов сделать талисман, кроме уже описанного мною, и пожалуй, их перечисление будет способствовать лучшему пониманию предмета, даже если они совершенно недоступны обычному изучающему.

Разные виды талисманов

Амулеты бывают всевозможных видов и сортов — есть буквально тысячи видов их — но для нашей цели их можно разделить на четыре класса, которые мы назовём обычными, индивидуальными, одушевлёнными и присоединёнными.

1. *Обычные.* Метод, предложенный мною выше, создаёт талисман как раз общего типа. Естественно, обученный человек получает его с меньшим трудом и с лучшими результатами, и не только потому что он умеет эффективно применять

свою волю, но и потому что научился выбирать наиболее подходящие материалы. Потому влияние его амулета сильнее, и продолжается несколько лет, а не несколько месяцев. Эта форма талисмана очень простая: его дело излучать равномерный поток колебаний, выражающих качество, которым он заряжен, и он будет продолжать это с неумещающейся энергией в течение периода, продолжительность которого зависит от первоначально вложенной в него силы.

2. Индивидуальные. Индивидуально приспособленный амулет — это такой, который тщательно приготовлен для того, чтобы подходить конкретному человеку. Его изготовитель изучает человека, для которого он предназначен, и внимательно отмечает все недостатки в его ментальном, астральном и эфирном телах. Затем из материи разных планов он собирает ингредиенты своего талисмана, точно как врач выбирает компоненты лекарства, выбирая один тип сущности, чтобы подавить нежелательную астральную склонность, другой — чтобы стимулировать какой-нибудь дефективный раздел умственной деятельности, где она идёт лениво, и так далее. Так он создаёт амулет, точно приспособленный к нуждам конкретного человека и способный сделать для него в огромной степени больше, чем обычный талисман, но от него будет мало пользы всем, кроме того человека, которому он предназначен. Его можно уподобить искусно изготовленному ключу со сложной бородкой, который точно подходит к своему замку, но не сможет открыть любой другой, тогда как обычный талисман похож на отмычку, которая будет открывать множество простых замков, но не будет полностью подходить ни к одному.

3. Одушевлённые. Иногда бывает желательно установить центр излучения, который вместо максимум нескольких лет должен продолжать изливаться его веками. В этом случае недостаточно зарядить предмет дозой магнетической силы — ведь какой бы большой она ни была, когда-нибудь она исчерпается. Чтобы добиться более постоянного результата, мы должны ввести сюда какую-то форму жизни, и для этого обычно применяют два метода.

Первый состоит во внедрении в физический амулет крошечной частички одного из тех высших минералов, которые достаточно живы, чтобы постоянно испускать поток частиц. Если так сделать, то запаса силы в амулете хватит на гораздо больший, почти неопределённый срок, поскольку вместо того, чтобы расходоваться самому, он остаётся в целости и лишь заряжает проходящие через него частицы. Таким образом, работа по передаче выполняется минералом, и тем самым обеспечивается огромная экономия энергии.

Второй план — так сочетать ингредиенты талисмана, чтобы он стал средством для проявления какого-либо из сравнительно неразвитых порядков природных духов. Есть целые племена этих созданий, которые, будучи полны энергии и сильного желания что-то ею сделать, не могут однако выразить себя, если не найдут ей какой-либо выход. Можно так намагнетизировать амулет, чтобы сделать его как раз требуемым выводным устройством, и тем обеспечить постоянный выход из него потока энергии под большим давлением, который может продолжаться тысячи лет — к радости природных духов и к огромной пользе всех тех, кто приблизится к этому центру магнетизма.

4. *Присоединённые*. Присоединённый талисман полностью отличается от всех других видов одной важной подробностью. Все ранее описанные талисманы делались и запускались в действие своими создателями, а затем им позволяли жить своей жизнью. Это подобно тому, как мастер, сделав часы, продаёт их покупателю и дальше уже ничего не знает о них. Но часовой мастер иногда предпочитает сохранять контакт со своим шедевром, следя за тем, чтобы часы были в порядке; и это соответствует тому плану, которому следуют в случае присоединённого талисмана. Вместо того, чтобы просто зарядить предмет влиянием определённого типа, оператор, магнетизируя его, вводит его в раппорт, то есть в тесную связь с собою, так что талисман может стать чем-то вроде форпоста его сознания, чем-то вроде всегда соединённого с ним телефонного аппарата, через который либо он сам может связаться с держателем талисмана, либо тот — с ним.

Амулет этого типа не действует механически, по принципу гироскопа, как другие, или пожалуй лучше сказать, что некоторым действием этого типа он тоже обладает, поскольку так сильно напоминает о присутствии своего создателя, что часто удерживает своего носителя от поступков, которые он не захотел бы совершать на глазах создателя. Однако основное действие такого талисмана — совсем другого рода. Он создаёт связь, через которую его носитель в критический момент может послать его создателю зов о помощи. Тот сразу же почувствует его и ответит изливанием силы того типа, который может потребоваться.

Он также может использовать такой талисман как канал, через который он периодически сможет посылать волны влияния, проводя тем самым курс лечения — нечто вроде эмоционального или ментального массажа. Такой метод (думаю, наши друзья, последователи Христианской Науки, называют это «лечением в отсутствие») может практиковаться и без всякого амулета, просто посылкой астральных и ментальных токов, но талисман облегчает работу и позволяет оператору лучше работать с эфирным двойником пациента.

Обычно эта связь создаётся только на физическом и астральном плане, а также на низших подпланах ментального, и потому ограничена личностью её создателя; но есть примеры того, когда кто-нибудь из Великих принимал решение подключить физический талисман к своему каузальному телу, и тогда его влияние продолжалось веками. Это делалось Аполлоном Тианским с физическими предметами, захороненными в разных местах, которым предстояло стать важными в будущем.

Демагнетизация

Нередко бывает желательно демагнетизировать предметы, которые по размерам больше тех, примеры которых были приведены выше. В таких случаях можно держать руки на определённом расстоянии друг от друга и представить широкую полосу эфирной материи, распростёртую между ними, при помощи которой прежний магнетизм удаляется, как было описано ранее. Другой способ состоит в том, чтобы держать две руки с разных сторон предмета и посылать сильный поток

эфирной материи от одной руки к другой, тем вымывая нежелательное влияние. Тем же методом можно часто пользоваться для снятия боли. Головная боль, например, обычно либо вызывается, либо сопровождается затором эфирной материи в мозге, и часто её можно вылечить наложением рук с двух сторон на виски страдающего и вымыванием этой закупорки усилием воли.

Ещё одно применение этой силе демагнетизации можно найти для очищения комнаты от нежелательных влияний. У вас может быть посетитель, который оставляет после себя неприятную атмосферу, или вы можете найти неприятными астральные условия, преобладающие в вашем номере в гостинице. В таких ситуациях полезно знать, как с ними справиться. Тот, у кого есть практика в этих лёгких формах магии, может справиться с делом за несколько мгновений усилием тренированной воли, но более молодой ученик, возможно, сочтёт за лучшее применить вспомогательные средства, в точности как делает католическая церковь.

Объём даже небольшой комнаты слишком велик для применения ранее рекомендованной тактики вымывания, так что мы должны привлечь великий принцип симпатии и антипатии, установив в комнате набор вибраций, настолько враждебный к зловерным влияниям, что они будут подавлены или изгнаны. Создать такие колебания нетрудно, но нужно найти средство для их быстрого распространения по всей комнате. Один сподручный метод состоит в воскурении благовоний в виде палочек или таблеток, другой — в окроплении водой; но сначала благовоние или вода должны быть подвергнуты процессу, рекомендованному для создания талисмана. Их первоначальный магнетизм должен быть устранин, и они должны быть заряжены мыслями чистоты и мира. Если сделать это основательно, то при сжигании благовония его частицы, каждая из которых несёт желаемое влияние, быстро распространятся по каждому кубическому сантиметру воздуха комнаты. Если же используется вода, которая разбрызгивается по комнате, то каждая её капля сразу же станет активным центром излучения. Ещё более эффективным средством распространения является испаритель; а если вместо обычной использовать розовую воду, работа ученика будет значительно облегчена.

Принцип действия этих средств эфирной или астральной дезинфекции очевиден. Беспокоящее влияние, от которого мы желаем избавиться, выражает себя в эфирных и астральных волнах определённой длины. Наши магнетические усилия наполняют комнату другим набором волн, которые имеют иную длину и мощнее прежних, поскольку были запущены намеренно, тогда как те, скорее всего, нет. Два не гармонирующих между собою набора колебаний не могут сосуществовать, так что более сильные преодолевают и подавляют слабые.

Таковы некоторые из способов, при помощи которых можно использовать силу, пребывающую в человеке и текущую через него. Здесь, как и во всех других случаях, знание — сила, а дополнительная сила означает дополнительную ответственность и дополнительные возможности. Если вы сможете развить эту способность так, чтобы делать эти вещи легко и быстро, это будет для вас благом в той мере, в какой вы пользуетесь этим бескорыстно, делая своими усилиями мир немного лучше и немного чище.

Делайте мелочи хорошо

Вспомните второй принцип — всё должно делаться настолько совершенно, насколько мы способны это сделать. Всегда заряжайте свои письма, делая из них талисманы — этим вы принесёте огромное благо, но не забывайте, что физический почерк тоже должен быть совершенным — во-первых, из уважения к получателю, а во-вторых, потому что работа, совершаемая для Учителя, должна выполняться с предельной тщательностью, даже в мельчайших деталях. А поскольку *вся* наша работа — это работа для него, во имя его и во славу его, это значит, что ничто вообще нельзя делать кое-как. Здесь может играть роль и бескорыстие — никто не имеет права доставлять другому неприятность неразборчивым почерком, экономя себе несколько секунд за счёт многих минут, потраченных другим.

Мы не должны думать, что благодаря тому, что мы знаем о скрытой стороне вещей больше других и можем наделять повседневные дела неожиданным благословением, мы тем самым освобождаемся от необходимости делать обычную составляющую этих дел так хорошо, как позволяют нам способности. Наша работа должна быть сделана не хуже, а лучше, чем у других, во всех отношениях и со всех точек зрения — в честь Учителя, которому мы служим. *Какую* работу он нам даёт, имеет мало значения, а вот достойное её исполнение имеет значение первостепенное. И человек, который всю жизнь делает мелкие ежедневные дела хорошо и аккуратно, не ударит в грязь лицом, когда однажды перед ним вдруг предстанет великая возможность.

Маленькие вещи имеют в жизни больший вес, чем большие — ведь их так много, и делая их, гораздо труднее сохранить устойчивость. Св. Августин заметил: «Много будет таких, кто умрёт за Христа, но немного будет тех, кто будет жить для него». Многие из нас сразу же охотно сделают для Учителя какое-нибудь великое дело, но обычно он этого не просит. Он просит нас благородно жить повседневную жизнь — не для себя, а для других; забыть себя и помнить только о благе человечества. Давайте потому сделаем так, чтобы помощь вошла у нас в привычку, ведь она быстро станет привычкой, как и всё остальное. Это непременно сделает жизнь интереснее, но прежде всего, это каждый день будет приближать нас к Учителю.

Написание письма

Несколько страниц назад я упомянул, что оккультист никогда не отправит письма, не вложив в него какого-то подкрепления и ободрения; но чтобы совершить такое элементарное магическое действие, не нужно быть человеком очень высокого развития. Приложив небольшой труд, это может сделать каждый, если понимает, как действуют эти силы.

Все мы знаем, что когда психометрист берёт в руку письмо, он может описать внешность его автора, состояние его ума во время написания, комнату, где он

сидел, любых других людей, которым случилось присутствовать при этом, и даже окружающий пейзаж.

Потому очевидно, что письмо несёт в себе гораздо больше, чем написанное в нём послание, и хотя только развивший способность к психометрии может ощутить это с достаточной ясностью, чтобы получить действительную картину, какой-то эффект подобного рода может быть оказан и на тех, кто её не видит. Вибрации, на которых основываются наблюдения психометриста, всё равно присутствуют, вне зависимости от того, может ли получатель видеть с их помощью; и они должны в какой-то мере подействовать на всякого, кто придёт с ними в непосредственное соприкосновение. А поскольку это так, мы видим здесь возможность, представившуюся для тех, кто понимает. Можно научиться использованию этих сил и затем направлять их разумно по своей воле.

Допустим, например, что нам нужно написать письмо утешения и сочувствия своему другу, который, как мы ошибочно выражаемся, «утратил» кого-то из близких и дорогих ему людей. Все мы знаем, как трудно писать такое письмо. В попытке сделать это мы изливаем на бумагу любые утешения, которые приходят нам на ум, пытаюсь выразить их так сильно и сочувственно, как можем, и всё же мы сознаём, что слова в таком случае бессильны и могут принести скорбящему лишь слабое облегчение. Мы чувствуем никчёмность и неэффективность нашего послания, хотя посылаем его, потому что желаем выразить свои соболезнования и знаем, что должны что-то сделать.

Но такое письмо не должно быть бесплодным и бессильным. Напротив, оно может произвести самый благотворный эффект и сильно облегчить страдания. Слова часто изменяют нам, но не так обстоит с мыслями, и при написании письма сердце человека может быть полно сильным желанием помочь и ободрить, как бы бедно его ни выражали написанные строки. И если он применит свою волю, он может заставить письмо нести его мысли и чувства, чтобы они подействовали на ум и эмоции адресата, когда тот будет читать его своими глазами.

Мы знаем, что потоки мысли и чувства можно послать скорбящему прямо, без физического посредства письма, и тот, у кого нет неотложного дела, несомненно может утешить и укрепить страдающего, посылая ему равномерный поток соответствующих мыслей и чувств. Написание письма никоим образом не мешает оказать действенную помощь и таким способом, но оно создаёт полезное дополнение к ней и несёт её в то время, когда ученик занят другими делами.

Те, кто в своём небольшом масштабе стараются помочь миру, быстро обнаруживают, что им предоставляется множество случаев, и что лучше всего поделить время между нуждающимися в помощи. Более продвинувшийся ученик оставит каждому из них мощную мыслеформу, которая будет излучать ободрение и поддерживать силы страдающего, пока ученик снова не вернётся к его случаю. Но тот, кто пока ещё не развил свои способности в такой мере, может достичь почти такого же эффекта, если для такой мыслеформы у него будет физическая основа. Письмо как раз предоставляет её, и в него можно влить исцеляющие и укрепляющие силы, пока оно не станет настоящим талисманом. Если пишущий будет сильно думать о любви и сочувствии и искренне захочет зарядить письмо

этими мыслями и чувствами, оно непременно доставит это послание. Когда оно достигнет места назначения, открывший его друг, естественно, признает добрые намерения пославшего, и тем самым откроет себя к его влиянию, бессознательно приняв восприимчивое отношение. Когда он станет читать письмо, мысли и чувства помощи будут постоянно действовать на его ум и эмоции, и оказанный ими на него эффект вне всякого сравнения превысит эффект от обычных слов.

Но действие письма на этом не кончается. Получатель прочтёт его, отложит в сторону, и возможно, забудет о нём, но его вибрации будут продолжать излучаться и влиять на него ещё долгое время после того, как само письмо исчезнет из его мыслей. Если случится так, что он положит письмо в карман и будет носить с собой, то влияние, естественно, будет ближе и сильнее, но в любом случае такое письмо помощи и добрых чувств наполнит всю комнату миром и утешением, так что скорбящий будет чувствовать его эффект всякий раз, входя в свою комнату, хотя не будет сознавать его источника.

Очевидно, что эта сила может использоваться не только для утешения. Мать, которая беспокоится из-за искушений, которые могут окружать её отсутствующего сына, может посылать ему письма, окружающие его ореолом чистоты и покоя, благодаря чему он будет оставаться чист среди угрожающих соблазнов, даже не замечая их. Здесь не нужно много слов — даже скромная открытка может доставить послание любви и укрепления и стать настоящим щитом от злых мыслей или побуждением к добру.

У некоторых наших читателей может возникнуть мысль, что прежде чем достигнуть получателя, письмо пройдёт через столько людей, что его магнетизм неизбежно будет иметь смешанный характер. В этом соображении много верного, но сортировщики, почтальоны и слуги, имеющие с ним дело, не проявляют к нему особого интереса, а потому влияние, оказываемое их мыслями, будет иметь самый поверхностный характер; тогда как автор намеренно вложил в него запас чувств, которыми оно стало основательно проникнуто, и достаточно сильный, чтобы преодолеть все случайные добавления такого рода.

К тому же, это помогает нам понять и ответственность, которая всегда связана с написанием письма. Мы можем зарядить свое послание огромной силой, направленной к добру, что требует особого усилия воли, но даже без каких-то особых усилий наше настроение при письме обязательно запечатлется на бумаге. Потому, если при сочинении письма человек будет в раздражённом или подавленном состоянии, эти эмоции точно отразятся в его работе, и письмо будет нести в себе эти вибрации и излучать их на получателя, даже если они вовсе не были ему предназначены, и раздражение или депрессия не были никоим образом с ним связаны. С другой стороны, если автор спокоен и счастлив, его послание, если даже это будет сухое деловое письмо, будет содержать в себе что-то от этих качеств и распространять вокруг себя благотворное влияние.

Потому чрезвычайно необходимо, чтобы человек, в обязанности которого входит написание множества писем, развивал спокойствие и добрый нрав, а также старался удерживать умственный настрой на помощь и сочувствие, чтобы его письма несли с собой это доброе влияние. Тот же, у кого плохой характер, кто

придирчив, склонен всех осуждать и имеет диктаторские наклонности, неизбежно будет распространять дискомфорт и раздоры среди всех тех, кто имеет несчастье с ним переписываться.

Предпочтение, которое многие сентиментальные люди отдают письму, написанному от руки, перед напечатанным на машинке, основано на том факте, что когда рука вновь и вновь проходит по бумаге, в письме запасается гораздо большее количество личного магнетизма. Но изучающий оккультизм, который печатает письма, может заряжать их магнетизмом одним усилием воли, причём намного более эффективно, чем они бессознательно заряжаются, когда пишутся от руки человеком, ещё не знакомым с этими фактами.

Оккультист может распространить эту идею во многих других направлениях. Каждый подарок, который он преподносит другу, делается, чтобы произвести более долговременный результат, чем просто удовольствие от его прихода. Если он дарит или даёт почитать кому-то книгу, он не забудет прибавить к аргументам автора своё собственное искреннее пожелание, чтобы мысли читателя стали более широкими и свободными. Давайте все постараемся распространять таким способом помощь и благословение, и наши усилия не останутся без должного результата. Каждый из окружающих нас предметов должен быть центром влияния, и мы можем сделать его действие сильным или слабым, полезным или вредным. Потому всякий раз, когда мы дарим другу подарок, нам нужно позаботиться о том, чтобы его влияние было мощным, определённым, и всегда направленным к добру. Во внешнем мире эти вещи пока что мало изучались, но всё это великие истины. Мудрые люди будут обращать на них внимание и направлять свою жизнь соответственно, тем делая себя и намного счастливее, и намного полезнее, чем те, кто довольствуется незнанием и остаётся в неведении относительно высшей науки.

Работа во время сна

Один из самых приятных дополнительных моментов, открываемых нам изучением теософии — это возможность с пользой применить те часы, в которые физическое тело спит. Хорошо помню, как в дни молодости я досадовал на необходимость тратить время во сне, когда меня осаждал огромный объём работы. Будучи здоровым и крепким, я на протяжении нескольких лет мог спать только по четыре часа в сутки, думая, что тем я выигрывал время для работы. Теперь, больше зная об этом, я сознаю, что заблуждался, и в действительности мог бы увеличить свою полезность, если бы позволял себе отдых в нормальном объёме — и это помимо того, что я обеспечил бы себе ещё более сильное тело для работы в последующие годы. Но когда я узнал из теософической литературы, что во время сна бесчувственно лишь тело, а истинный человек может продолжать свою работу и в действительности делать её даже больше и лучше, поскольку он уже не скован физическим проводником, это стало для меня настоящим утешением.

Но даже изучающие теософию, совершенно свыкшиеся с мыслью о высших мирах и возможности действовать в них, часто не сознают, в какой полной

мере *та* жизнь является реальной, а эта жизнь в физическом мире — лишь своеобразным антрактом в ней. Большинство из нас, будучи в состоянии бодрствования, всегда считает дневную жизнь реальной, а ночную жизнь — нереальной, сном, но истина являет совершенную противоположность, в чём можно легко убедиться, если вспомнить, что в *этой* жизни большинство из нас ничего не знает о *той*, тогда как в *той* мы помним всю эту. Таким образом, *эта* жизнь не имеет связности и в ней ежедневно случаются длинные перерывы, *та* же непрерывна от колыбели до могилы и даже далее. Более того, поскольку в той жизни физическое тело временно откладывают прочь, «я» может проявить в ней больше себя. Человек в астральном теле является самим собой в большей степени, чем то его скованное представление, которое мы можем видеть здесь. В действительности, там он отстоит лишь на одну ступень от проявления «я» в своём каузальном теле, где оно имеет связанное сознание, простирающееся на века — с того момента, как оно пробудилось из животного царства, и до лежащей перед ним бесконечности.

Давайте же посмотрим, что мы можем сделать с этой ночной жизнью, проходящей, когда мы откладываем для отдыха физическое тело. Перед нами открывается множество видов деятельности, и поскольку я достаточно полно написал о них в книге «Невидимые помощники», я не буду здесь повторяться. Я могу суммировать всё это следующим образом. В часы бодрствования мы, конечно, можем помогать тем, о чьих печалях или страданиях мы знаем, сев и сформировав сильный мысленный образ страдающего, а затем изливая на него поток сострадания, подкрепления и любви. Однако ночью мы можем сделать гораздо большее — мы в состоянии гораздо дальше провести это лечение, поскольку можем отправиться в астральном теле к кровати страдающего, чтобы увидеть, что точно ему требуется, и дать именно то, что нужно в данном конкретном случае, а не просто приободрять и предлагать общее утешение.

Помощь и ободрение можно дать не только живым, но и огромному множеству умерших, а они часто серьёзно нуждаются в ней — отчасти из-за ложного и злого религиозного учения, которое столь часто проповедуется, а отчасти из-за полного невежества относительно условий потустороннего существования, распространённого среди широкой публики по эту сторону завесы. Есть бесконечное разнообразие видов такой работы, но даже оно не может исчерпать всех возможностей, которые там перед нами открываются. В астральном мире мы можем и давать наставления, и получать их. Из анонимности астрального мира мы можем помогать, давать вдохновение и советы всевозможным людям, которые на физическом плане скорее всего просто не стали бы нас слушать. Мы можем предлагать хорошие и либеральные идеи министрам и государственным деятелям, поэтам, проповедникам и всем видам людей, пишущих книги, а также статьи в журналы или газеты. Можно подсказывать соответствующие сюжеты писателям и хорошие идеи — филантропам. Мы вольны отправляться куда угодно и выполнять любую работу, которая нам предоставится. При этом мы сможем посетить все интересные места в мире и видеть самые великолепные здания и самые красивые пейзажи; нам будут доступны самые изысканные произведения искусства и величайшая музыка, и совершенно бесплатно, не говоря уже о куда более великой музыке и более великолепном цветовом богатстве самого астрального плана.

Что же может сделать на физическом плане человек, чтобы подготовить себя к участию в этой великой работе? Жизнь есть явление непрерывное, и какие бы качества человек ни демонстрировал в физическом теле, он непременно покажет их и в астральном. Если здесь он бодр, полон радости и всегда ищет возможности для служения, тогда, даже если он ничего не помнит о ночном опыте, он может быть совершенно уверен, что он изо всех сил с пользой прилагает себя и в астральном мире. Но всякие недостатки характера, проявляющиеся на физическом плане, такие как например раздражительность, обязательно сузят сферу его полезности на астральном плане. Потому, если человек, не приносящий из астральной жизни никаких воспоминаний, хочет быть уверенным, что он находит там хорошее применение и целиком исполняет свой долг, он может легко добиться этого, тщательно приводя свою здешнюю жизнь в соответствие с известными ему требованиями, необходимыми для этой цели. Собранность, спокойствие, смелость, знание и любовь делают человека весьма полезным астральным работником, и все эти качества доступны всякому, кто возьмёт на себя труд их развивать.

Необходимость всех этих качеств нетрудно понять. Человек не может вкладывать всю свою энергию в такую работу, если высшая жизнь не является для него единственной целью. Он должен обладать знанием астрального мира, его свойств и обитателей; иначе он будет постоянно делать ошибки и окажется беспомощным в любой чрезвычайной ситуации. Очевидно, ему нужна и храбрость, как всякому человеку, углубляющемуся в неисследованные джунгли или отправляющемуся в плавание по глубокому океану. Он должен обладать и спокойствием — хотя и в физическом мире потеря контроля над собой влечёт серьёзные последствия, они могут быть бесконечно большими там, где нет физической материи, чтобы сдерживать полный размах вибраций гнева. Всякие проявления раздражения, возбуждения или нетерпения на астральном плане сразу же придадут человеку устрашающий вид, так что те, кому он хотел помочь, в ужасе убегут от него. Любовь к человечеству и следующее из неё искреннее желание помочь требуются в самой полной степени, ибо без них ему никогда не хватит терпения мягко обходиться с паническим страхом и нелогичной глупостью, которые столь часто можно встретить у умерших. Во многих случаях, с которыми нам приходится иметь дело, требуются столь великая доброта, мягкость и долготерпение, что никакой человек, каким бы энергичным и серьёзным он ни был, не окажется полезным, если он не полон истинной любви и не держит свои проводники под совершенным контролем.

Помимо той работы, которая представляет для нас особый интерес, в астральном мире совершается и много другой. Многие врачи во время сна своего физического тела посещают пациентов, случаи которых особо интересуют или волнуют их. В большинстве случаев они не сознают этого, будучи в физическом теле, но любая новая информация, получаемая врачом в его астральных исследованиях, часто приходит в его бодрствующее сознание в виде какой-то интуиции. Я знал врачей, которые могли делать это намеренно и в полном сознании, и естественно, что эта способность давала им огромное преимущество перед своими коллегами. Умерший врач часто и после смерти продолжает проявлять интерес к своим пациентам и иногда пытается лечить их с астрального плана или предлагать своему преемнику, принявшему заботу о них, лечение, которое могло бы оказаться

полезным, как он может видеть благодаря новоприобретённым астральным способностям. Я знал одного доктора (члена Теософического Общества), который сразу же после своей смерти обошёл своих пациентов, умерших ещё до него, собрал их и регулярно проповедовал им теософию, так что теперь в астральном мире его сопровождает большая группа учеников.

Я знал также много примеров дружбы, установившейся уже на астральном плане. Например, часто случается, что члены нашего Общества, живущие на разных концах земного шара и не имеющие возможности встретиться физически, тем не менее хорошо знают друг друга в астральной жизни. Если они действительно на противоположных сторонах, тогда в то время как у одного день, у другого ночь, но обычно периоды сна достаточно пересекаются между собой, чтобы сделать знакомство возможным. Те, кто охотно и успешно выступают с лекциями на физическом плане, обычно продолжают свою деятельность в этом направлении и во время сна. Группы изучающих продолжают свои встречи, а с дополнительными способностями, которые даёт им астральный план, они часто оказываются в состоянии решить те проблемы, которые представляли затруднения на физическом.

Так что весь день нас окружают не только умершие друзья, но и живые друзья с противоположной части света, хотя физическими глазами мы и не можем их видеть. Мы никогда не остаёмся в одиночестве, а поскольку в астральном мире видно и большинство мыслей, нам надлежит учитывать этот факт, чтобы не посылать беспечно астральных или ментальных вибраций, которые могут причинить боль тем, кого мы любим.

Глава XXI

ВЛИЯНИЕ СОВМЕСТНОЙ МЫСЛИ

Церковные гимны и обряды

В одной из предыдущих глав я объяснил, как влияют на паству и жителей прихода церковные обряды. Из сказанного нетрудно понять, как может влиять священник на окружающих. Ответственность, связанная с положением, которое он избрал, велика, и чтобы исполнять свой долг как следует, ему нужно знать кое-что о скрытой стороне вещей, благодаря чему он сможет понять истинный смысл служб церкви, к которой он принадлежит, и то, как их правильно проводить.

Невеждами выдвигалось много возражений против утверждения Церкви о том, что празднование евхаристии есть ежедневное повторение жертвы Христа. Но поняв, что с оккультной точки зрения жертва Христа означает нисхождение эманации второго аспекта логоса в материю, мы убеждаемся, что этот символизм верен, поскольку излияние силы, вызываемое освящением, имеет особую и тесную связь

с тем отделом природы, который является выражением этого самого божественного аспекта.

Священник, понимающий это, не откажет этой службе в должном внимании, и постарается окружить её кульминационный момент такими ритуалами и музыкой, которые увеличат её эффективность и подготовят прихожан более восприимчиво принимать в ней участие. Сознвая также, хранителем какого великого таинства он является, он подойдет к празднованию евхаристии с величайшим трепетом и благоговением, ибо хотя его отношение и не меняет главного факта и эффектов этой службы, тем не менее глубокая преданность, понимание и сотрудничество с его стороны могут вызвать нисхождение дополнительного влияния, которое окажет величайшую помощь его пастве и приходу. Священник, обладающий преимуществом знания оккультизма, имеет великолепную возможность расширить свою полезность.

Благодаря изучению магии он может в полной мере оценить эффект, создаваемый музыкой, и знать, как использовать её для создания гармоничных и могущественных форм. Очень многое можно сделать, побудив прихожан участвовать, насколько возможно, в исполнении церковной музыки. Они не смогут участвовать в создании более совершенных и великолепных форм, создающих далекоидущие эффекты на более высоких планах, но самим им такое исполнение окажет неоценимую помощь, если оно искренне, а гимны и песнопения хорошо подобраны и трогают чувства.

В английской ветви католической церкви это признаётся в более полной мере, чем в римской, и из этого извлекаются соответствующие преимущества. Могущественным влиянием гимна, сопровождающего процессию, не следует пренебрегать, поскольку он оказывает полезное воздействие во всех направлениях. Во-первых, когда хор спускается к пастве, медленно проходя через разные её части, прихожан это сильно ободряет, помогая им самим с энтузиазмом присоединиться к пению. Во-вторых, великолепный вид процессии, цвета, огни, богато расцвеченные хоругви и великолепные облачения, все вместе стимулируют воображение, поднимают мысли людей над прозаическим уровнем обыденной жизни и усиливают их религиозные чувства и энтузиазм.

Молитвенные собрания

Многие из этих соображений применимы и к священникам других деноминаций. Хотя они и не обладают способностью пользоваться запасом силы, предназначенным Христом для его церкви,* они могут сделать для своих паств многое — во-первых своими собственными преданностью и благоговением, а во-вторых, пробуждая эти же чувства в своих прихожанах. В их распоряжении ресурсы религиозной музыки, и если они могут довести своих последователей до определённого уровня, то от совместных благоговейных чувств большого количества людей могут быть получены удивительные результаты.

* Это замечание относится главным образом к разным протестантским религиозным общинам; священники же православной церкви, как утверждал автор в другом месте, обладают способностью совершать таинства так же, как и священники католической. — *Прим. пер.*

Таким образом, собранием людей, которые от всего сердца соединились для религиозной службы, может быть вызвано большое излияние силы, а также великолепная и действенная коллективная мыслеформа, но обычно получение такого результата очень затруднено, поскольку члены обыкновенного молитвенного собрания совершенно нетренированы в концентрации, а потому коллективная мыслеформа бывает обычно разорванной и хаотической массой, а не великолепным и организованным целым. Когда случается так, что к такому собранию принадлежат несколько изучающих оккультизм, они могут оказаться очень полезными своим молящимся братьям, сознательно собирая рассеянные ручейки преданности и собирая их в один гармоничный и могучий поток. Сразу же становится очевидным, что здесь у каждого члена собрания есть определённый долг.

Монастыри

Лучших результатов, чем у собрания обычных прихожан, часто добивается своими объединёнными благоговейными усилиями братия монахов, поскольку монахи постепенно учатся практике, в чём-то приближающейся к концентрации, а также хорошо привыкли работать вместе. Влияние, истекающее из монастыря какого-либо созерцательного ордена, часто бывает прекрасным и благотворным для всей окружающей местности — факт, который ясно показывает, как глупо и близоруко выдвигаемое иногда протестантами возражение, что мол деятельные монашеские ордена по крайней мере хорошо трудятся для бедных и больных, тогда как члены созерцательных орденов в эгоистической изоляции могут просто промечтать и проспать всю жизнь.

В большинстве таких монастырей часы молитвы строго соблюдаются, и результатом этого является регулярное, происходящее много раз в день истечение силы на окружающую местность. Есть монастыри, в храмах которых практикуется непрерывное поклонение освящённым дарам, и в таком случае мощный и ровный поток изливается всегда, день и ночь, принося окружающей области благо, которое трудно переоценить.

Влияние на умерших

Создаваемый во всех этих случаях эффект гораздо шире, чем может представить рядовой мыслитель. Начинающему оккультисту, если ему не случится быть ясновидящим, обычно оказывается трудно не забывать, что сонмы невидимых существ по своей численности гораздо больше видимых, а потому люди, получающие пользу от церковных служб и совместного излияния мыслей и

чувств, есть не только среди живых, но и среди умерших. Однако их круг не ограничивается человеческими существами — эту пользу получают и огромные сонмы природных духов, а также низшие подразделения ангелов. Естественно, что всякое чувство, пробуждаемое в них, отдаётся и на нас; таким образом, когда мы делаем любое усилие, направленное к добру, в укреплении наших усилий соединяются много разных факторов.

Христианская церковь намеренно направляет некоторые из своих усилий к своим умершим членам, и молитвы и мессы, которые служат по умершим, являются очень заметной чертой жизни в католических странах, и конечно, чертой очень полезной — ведь добрые пожелания и излияния сил помогают не только тем, кому они были направлены, являясь хорошим и милосердным предприятием и для живых, дающим удовлетворительный и утешающий выход их чувствам и позволяющим что-то делать для умерших вместо того, чтобы просто плакать по ним.

Спасение душ

Сотни добрых и искренних людей вкладывают много сил и преданности в усилия по «спасению душ», как они это называют, что обычно означает для них заключение людей в пределах какой-нибудь узкой и немилосердной секты. К счастью, их усилия в этом конкретном направлении не часто бывают успешными. Но мы не должны полагать, что вся их энергия и все их мысли обязательно растрачиваются при этом зря. Конечно, эта энергия не производит и половины той пользы, которую она могла принести, будь она разумно направлена, но даже в таком виде усилия эти бескорыстные и благонамеренные, а потому вызывают некоторый отклик с высших планов, который нисходит и на молящегося, и на того, за чью душу он молится. Если проситель искренен и свободен от самомнения, Природа отвечает ему скорее по духу, чем по букве, принося объекту его молитв общее благо и способствуя его эволюции, в то же время не навлекая на него проклятия узкой теологии.

Люди, которые не любят церемонии

В мире есть множество людей, умственный склад которых таков, что никакие церемонии их не привлекают. Могут спросить — а что же природа заготовила для них, и как им возмещена их неспособность оценить ритуалы или получать свою долю тех благодеяний, которые дают те разные направления церковной деятельности, о которых я написал. Во-первых, в значительной мере они всё-таки эту пользу получают, хотя, вероятно, они будут последними людьми, которые признают это. Возможно, они никогда даже не заходят в церковь, но я уже описал, как эти влияния излучаются далеко за пределы церковных зданий, и посылаются вибрации на всех уровнях, таким образом как-то влияя на все типы людей.

Тем не менее, всё же ясно, что такие люди упускают многое из того, что они могли бы получить, если бы захотели; так какие же открыты для них источники, благодаря которым они могли бы получить соответствующее продвижение? Они не могут с тем же успехом получить такой же подъём — я полагаю, они не могут и желать его, но они могут получить ментальный стимул. Точно так же как мысль великого святого, излучаясь во всех направлениях, вызывает благоговейную любовь в тех вокруг него, кто способен её переживать, так и мысль великого учёного, или любого человека, высоко развитого интеллектуально, изучается на ментальном плане и воздействует на умы других — в той мере, в какой они способны на неё ответить. Её действие стимулирует умственное развитие, хотя и не обязательно столь прямо действует на характер и склонности человека, как описанное мною другое влияние.

Совершенное знание может привести к благой жизни так же, как и совершенное преданное благоговение, но пока что мы ещё так далеко от совершенства, что на практике нам приходится иметь дело скорее с промежуточными или даже элементарными этапами; а представляется ясным, что элементарное знание скорей всего не так повлияет на характер в целом, как элементарное благоговение. Необходимо и то, и другое, и прежде чем может быть достигнут уровень адепта, оба качества должны быть развиты в своей полноте, но сейчас мы развиты столь односторонне, что огромное большинство людей стремятся к одному и в той или иной степени пренебрегают другим — конечно, я имею в виду большинство тех людей, которые вообще стараются что-то развить, поскольку большая часть мира не пришла ещё к признанию необходимости ни знания, ни благоговейных чувств. Единственной организацией, по крайней мере в западных странах, которая вполне отвечает запросам человека в обоих этих направлениях, представляется мне Теософическое Общество, и его собрания, какими бы маленькими и незначительными они ни показались постороннему, если правильно проводятся, способны излучать мощное влияние, которое будет чрезвычайно полезно всему сообществу людей.

Теософические собрания

Собрание теософов может дать важнейшие результаты — не только для тех, кто принимает в нём участие, но и для их соседей, которые о нём и не знают. Но чтобы оно могло приносить такую пользу, его члены должны понимать скрытую сторону своих встреч и работать, нацелившись на высший возможный результат. Многие совсем не замечают этой важнейшей части своей работы, а потому имеют совершенно недостойное представление о том, что же такое работа ложи.

Иногда я слышал, как члены открыто признавались, что собрания их ложи часто бывают скучными, и потому они не всегда на них приходят. Те, кто делают такие замечания, не поняли самых элементарных фактов, связанных с работой ложи — они, очевидно, полагают, что эти собрания проводятся для развлечения, и если они неинтересны, то лучше оставаться дома. Оправданием такого отношения (если ему вообще есть оправдание) может быть то, что на протяжении многих жизней, и вероятно, раннюю часть этой жизни, такой человек смотрел на всё исключительно

со стороны внешней формы и с эгоистической точки зрения, и только теперь постепенно привыкает к точке зрения более высокой и верной — к основанному на здравом смысле отношению, при котором учитываются все факторы — как высшие, так и низшие и менее важные.

Человек, посещающий собрания только для того, чтобы что-то получить или для развлечения, думает только о себе, а не о ложе и не об Обществе в целом. Мы должны вступать в Теософическое Общество не ради чего-то такого, что мы можем от него получить, а ради истины, которую оно провозглашает. Поскольку она удовлетворила нас, мы хотим, насколько это возможно, принести её и другим. Если бы мы были сугубо эгоистичными в отношении этого, то могли бы просто покупать книги по теософии и изучать их, не принадлежа к Обществу. Мы вступаем в него, чтобы распространять учение и лучше его понять, обсуждая его с теми, кто уже многие годы старается жить им. И в то же время, принадлежа к нему, мы многое от него получаем — как в плане обучения и помощи в понимании трудных моментов, так и в плане братских чувств и добрых мыслей.

За тридцать лет членства я получил очень много всего этого, но я совершенно уверен, что если бы я вступил в Общество с идеей что-то от него получить, я бы не получил и половины того, что имею теперь. На своём опыте я снова и снова убеждался, что человек, приходящий с мыслью «а что я получу?», получает мало, потому что в том, что касается тока высших сил, он представляет собой тупик, или, как выразились бы водопроводчики, глухую трубу, из которой ничего не вытекает. Что может быть в такой закрытой трубе, кроме небольшого количества застоявшейся воды? Но если труба открыта, вода протекает свободно, и через такую трубу может пройти огромное её количество.

Точно так же и здесь — если члены приходят на собрание, всё время думая только о себе и о том, как им нравится или не нравится то, что там говорится или делается, они определённо извлекут из него лишь немного пользы по сравнению с тем, что они могли бы получить, если бы их отношение было более разумным. Несомненно, у таких людей бывают порывы бескорыстия, но этого недостаточно. Вся жизнь члена Теософического Общества должна быть посвящена тому, чтобы не зря занимать своё место и исполнять свой долг так, как только позволяют его силы. Это относится и к членству в ложе. Если кто-то говорит, что собрания ложи скучны, всегда хочется сначала спросить его: «А что вы такое делаете, что позволяете им быть скучными? Ведь вы там тоже участвуете, и ваше дело — насколько можно, поддерживать удовлетворительное положение вещей». Если каждый отдельный член будет чувствовать за собой долг стараться сделать каждое собрание успешным, он гораздо скорее добьётся этого, чем если будет приходить просто для развлечения, или даже чтобы учиться.

Давайте рассмотрим скрытую сторону деятельности теософической ложи. Для примера я возьму её обычные еженедельные встречи, на которых следуют определённому направлению изучения. Я говорю именно о собрании её членов, потому что оккультный эффект, который я собираюсь описать, невозможен там, где допускаются случайные люди.

Естественно, у работы всякой ложи есть публичная сторона — читаются лекции для широкой публики, где все могут задавать вопросы, и всё это хорошо и необходимо. Но каждая ложа, достойная этого названия, проводит работу и намного более высокую, чем любая деятельность на физическом плане, и совершаться эта работа может лишь на её собственных закрытых собраниях. Более того, она может проводиться только если эти встречи проводятся должным образом и проходят в полной гармонии. Если присутствующие так или иначе думают о себе — если у них присутствует личное тщеславие, которое может проявиться в желании как-то блистать или играть важную роль в происходящем, если у них есть какие-то иные личностные чувства, из-за которых они могут обидеться, или испытать ревность или зависть, то никакого полезного оккультного эффекта при этом быть не может. Но если люди забыли о себе в искренних усилиях понять предмет изучения, то вполне может быть произведён весьма значительный и благотворный результат, о котором они обычно и не подозревают. Позвольте мне объяснить причину этого.

Допустим, на серии встреч для изучения используется какая-то книга. Каждый заранее знает, какая страница или параграф будет разбираться в следующий раз, и ожидается, что он возьмёт на себя труд подготовиться, чтобы принимать разумное участие. Здесь недопустимо отношение птенца, ждущего с раскрытым ртом, когда его кто-то накормит — напротив, каждый должен владеть предметом и быть готовым поделиться своей информацией, внося свой вклад.

Каждому из членов кружка было бы неплохо отвечать за исследование какой-либо из наших книг по теософии — допустим, один возьмёт первый том «Тайной доктрины», другой — второй, третий — третий, четвёртый — «Древнюю мудрость», пятый — «Эзотерический буддизм» и так далее. Некоторые легко могут взять на себя две или три небольшие книжки, и напротив, если ложа достаточно большая, один том «Тайной доктрины» вполне можно поделить между несколькими членами, каждый из которых возьмёт по 100—150 страниц. Тема обсуждения должна быть оглашена на предыдущей встрече, и каждый должен будет внимательно просмотреть книги, изучение которых он на себя взял, на предмет информации по назначенной теме, чтобы придя на собрание, он уже владел информацией и мог ею поделиться, когда будет спрошен об этом. Таким образом, у каждого будет своя работа, и то, что все присутствующие искренне сосредоточат мысль на изучаемом предмете, будет способствовать полному и ясному пониманию каждого. В начале собрания председательствующий сначала поручит кому-нибудь прочитать высказывание, выбранное для изучения, а затем поочерёдно спросит каждого, может ли избранная им книга сказать что-нибудь, имеющее к этому отношение. После того, как все выскажутся, можно будет задать вопросы и обсудить любые моменты, которые не вполне ясны. Если возникнет какой-нибудь вопрос, на который даже более старые члены не смогут ответить вполне, почувствовав, что не вполне компетентны, он должен быть записан и направлен в штаб-квартиру Общества.

Если принять такой план действий, ни у кого не будет причин жаловаться на скуку, поскольку каждый член будет прилагать усилия, чтобы вносить в каждое собрание свой вклад. Приходить на собрания нужно с настроением на помощь, думая

о том, что можно туда принести и как быть полезным, поскольку от умственного настроения и отношения зависит многое.

Давайте посмотрим, какой эффект такое собрание окажет на ту местность, где оно проводится. Мы уже отметили, что церковная служба является мощным центром влияния; как же в этом отношении действуют собрания теософов?

Чтобы понять это, вспомните, что было уже сказано о действии мысли. Мысленная волна может генерироваться на разных уровнях ментального тела. Эгоистическая мысль использует самый низший тип ментальной материи, тогда как мысль бескорыстная, или же попытка понять какую-то возвышенную идею, использует только высшие типы. Интенсивные усилия по осознанию абстрактного, например попытка понять, что такое четвёртое измерение или «столовость» стола, в случае их успеха означают зарождающуюся деятельность каузального тела (на высших уровнях ментального плана), а если мысли сопутствует бескорыстная любовь, высокое устремление или благоговение, то возможно даже, что в неё войдут вибрации интуитивного (буддхического) плана и умножат её силу в сотни раз.

Расстояние, на котором мысленная волна может воздействовать эффективно, зависит отчасти от природы самой вибрации, а отчасти от противодействия, которое она встречает. Волны в низших типах астральной материи обычно быстро отклоняются или заглушаются множеством других вибраций того же уровня, подобно тому, как негромкий звук тонет в шуме большого города.

По этой причине обыкновенная эгоцентричная мысль среднего человека, которая начинается на низшем из уровней ментального плана и сразу же погружается на соответствующие низкие уровни астрального, сравнительно неэффективна. И как бы ни была энергична вибрация этой мысли, её сила на обоих этих планах весьма ограничена, поскольку вокруг бушует бескрайнее море подобных мыслей, которые в конце концов пересиливают её, и она теряется в этой неразберихе. Однако для вибрации, порождённой на более высоком уровне, открывается более чистое поле деятельности, поскольку в наше время количество мыслей, дающих такие вибрации, весьма невелико, и с этой точки зрения мысль теософическая в действительности образует почти что особый класс. Есть религиозные люди, чьи мысли столь же возвышенны, как и наши, однако они никогда не бывают столь же точными и определёнными; есть также множество людей, чьи мысли, касающиеся бизнеса и получения прибыли, являются настолько чёткими, как можно только пожелать, но они не являются возвышенными и альтруистическими. Даже научная мысль вряд ли бывает такой, как мысль истинного теософа, так что об изучающих теософию можно сказать, что в ментальном мире у них практически своё собственное поле деятельности.

В результате, когда человек размышляет на теософические темы, он посылает волны, которые весьма могущественны, поскольку они практически не встречают сопротивления, подобно звуку, распространяющемуся в полной тишине, или свету, сияющему во тьме ночи. Он запускает в движение уровень ментальной материи, который пока что очень редко используется, и посылает излучения, воздействующие на ментальное тело среднего человека в том слое, в котором оно

является ещё полностью спящим. Это придаёт такой мысли особую ценность — не только для самого мыслителя, но и для окружающих, ибо она склонна пробуждать и вводить в действие совершенно новую часть их мыслительного аппарата. Следует понимать, что такая волна вовсе не обязательно передаёт теософические идеи тем, кому они пока ещё неизвестны, но пробуждая высшую часть их ментальных тел, она в целом стимулирует их к более свободному и возвышенному мышлению, по какому бы направлению оно ни развивалось, и тем приносит неисчислимую пользу.

Если мысль даже одного человека даёт такие результаты, то легко понять, что мысль двадцати или тридцати, направленная на тот же предмет, даст эффект, в огромной степени больший. Сила соединённой мысли нескольких человек гораздо больше, чем простая сумма их отдельных мыслей — скорее, она будет ближе к их произведению. И потому даже лишь с одной этой точки зрения очевидно, насколько хорошей вещью являются регулярные встречи теософической ложи для города или посёлка, где они проводятся, ибо её деятельность, если проходит в должном духе, не может не оказать возвышающего и облагораживающего эффекта на мысли окружающего населения. Естественно, есть много людей, чьи умы ещё не могут быть пробуждены на этих высших уровнях, но даже в их случае постоянное воздействие волн более передовой мысли по крайней мере приблизит время пробуждения.

Не должны мы забывать и о результатах, производимых образованием определённых мыслеформ. Они тоже будут излучаться из центра умственной активности, но подействовать они смогут лишь на умы, которые в некоторой степени уже откликаются на идеи такой природы. В наши дни много таких умов, и есть теософы, которые могут засвидетельствовать, что после того, как они обсуждали такой вопрос, как, например, реинкарнация, нередко случалось, что их спрашивали об этом люди, об интересе которых к таким вопросам они ранее не могли и подозревать. Следует заметить, что мыслеформа способна в точности передать природу мысли тем, кто уже как-то подготовлен к её восприятию, тогда как мысленная вибрация менее определённа в своём действии, хотя и достигает более широкого круга лиц.

Так что мгновенный эффект, производимый на ментальном плане нашими теософами совершенно ненамеренно, в ходе обычного изучения, в действительности намного действеннее их намеренных пропагандистских усилий. Но это ещё не всё, поскольку мы не дошли ещё до самого важного. Каждая ложа Теософического Общества представляет интерес для Великих Учителей Мудрости, и если она работает хорошо и преданно, то часто привлекает к себе мысли Учителей и их учеников. Так через наши собрания часто сияет сила куда большая, чем наша собственная, и влияние, неоценимое по своему значению, получает возможность быть сфокусировано там, куда, насколько нам известно, иначе оно не было бы направлено. Это может казаться пределом, которого может достичь наша работа, однако есть и нечто ещё большее.

Всем изучающим оккультизм известно, что свет и жизнь логоса заливают всю его систему, и что на каждом плане происходит особое проявление его силы, свойственное этому плану. Естественно, что чем выше план, тем менее сокрыто

это великолепие, потому что по мере подъёма мы приближаемся к его источнику. Обычно сила, изливаемая для каждого плана, бывает строго ограничена пределами этого плана, но она может спуститься на более низкий план и озарить его, если для неё приготовлен специальный канал. И такой канал обеспечивается всегда, когда появляется мысль или чувство совершенно бескорыстного характера. Эгоистичная эмоция движется по замкнутой кривой и вызывает отклик лишь на своём собственном плане. Бескорыстное же движение мысли — это выброс энергии, который не возвращается, но при своём восхождении создаёт канал для излияния божественной силы со следующего, более высокого плана. Такова реальность, стоящая за старым представлением об услышанных молитвах.

Ясновидящему этот канал предстаёт в виде огромного вихря вроде гигантского цилиндра или воронки. Это ближайшая аналогия, которую мы можем привлечь для объяснения этого в физическом мире, но в действительности она не передаёт адекватного представления о том, как это выглядит, поскольку при протекании силы вниз по каналу, она каким-то образом становится едина с ним и исходит из него, уже окрашенная им, неся с собой отличительные характеристики, показывающие, через какой канал она прошла.

Такой канал может быть создан, только если все мысли искренни и находятся в гармонии. Я имею в виду не то, что на собраниях не должно быть дискуссий, а что они неизменно должны иметь самый дружественный характер и проводиться со всей полнотой братских чувств. Мы никогда не должны полагать, что если человек придерживается другой точки зрения, то он обязательно глуп или не желает нас понять. У каждого вопроса всегда есть по меньшей мере две стороны, так что очень часто тот, кто не соглашается с вами, просто видит другую сторону. И если это так, мы можем взять что-то от его точки зрения и что-то от своей, собрав вместе, и тем принесём друг другу благо, но если мы будем так спорить, что разозлимся, мы причиним друг другу вред, а гармония мысленных волн будет потеряна. Одна такая мысль очень часто портит весь результат, который мог быть прекрасным. Я наблюдал это много раз — несколько человек работают вполне благополучно и выстраивают прекрасный канал, и вдруг кто-то из них говорит что-то недоброе или личное. Тогда канал моментально разрушается, а возможность помощи оказывается потеряна.

Когда кто-либо говорит, или зачитывает абзац, или пытается сделать ещё что-то полезное, старайтесь в это время помогать ему, а не думайте всё время, насколько бы вы могли сделать это лучше. Не критикуйте, а окажите ему помощь своей мыслью. Потом вы можете расспросить о неясных моментах, но во время выступления не посылайте ему враждебных или критических мыслей, потому что так вы можете вмешаться в последовательность его мыслей и испортить его выступление. Отмечайте в уме все моменты, о которых вы хотели бы спросить, но в то же время старайтесь увидеть хорошее в том, что он говорит, потому что таким образом вы его укрепляете.

Ясновидящий видит мысленный поток, исходящий от читающего лекцию, а также другие потоки понимания и оценки, поднимающиеся от аудитории и присоединяющиеся к нему; но критическая мысль встречается с ним, имея противостоящую частоту колебаний, вклинивается в поток и превращает всё в

мешанину. На того, кто видит это влияние в действии, это окажет такое сильное впечатление, что он вряд ли забудет эти соображения и станет действовать противоположным образом. Помогающие мысли слушателей делают лекцию яснее и способствуют лучшему усвоению предмета теми, кому он незнаком. По этой причине члены Общества должны присутствовать даже на публичных лекциях на самые элементарные темы, читаемых их товарищами, чтобы, обладая основательным пониманием, помогать лектору созданием ясных мыслеформ по теме лекции, которые запечатлятся в умах тех слушателей, которые пытаются понять предмет.

Человек, искренне занятый серьёзным изучением высшего, на время совершенно поднимается над самим собой и создаёт на ментальном плане могущественную мыслеформу, которая незамедлительно используется в качестве канала силой, истекающей с более высокого плана. Когда группа людей соединяет свои умственные усилия такого рода, создаваемый ими канал получается вне всякого сравнения больше по своей пропускной способности, чем была бы сумма их отдельных каналов. Потому такая группа является неоценимым благословением для сообщества людей, живущих вокруг (даже когда проводятся обычные встречи, посвящённые изучению таких вещей как планетные цепи, расы и круги), так как благодаря ей на низшие подпланы ментального мира проникают силы, обычно свойственные лишь высшим его подпланам. Если же на встречах обращают внимание к высшей стороне теософического учения, изучая вопросы этики и развития души, подобные тем, что мы находим в «У ног Учителя», «Свете на Пути», «Голосе Безмолвия» и другой нашей литературе, посвящённой духовной практике, то группа может создать канал более возвышенной мысли, через который на ментальный план будет спускаться сила буддхического плана, своим излучением влияя на многие души, которые иначе нисколько не были бы для неё открыты, оставаясь она на своём первоначальном уровне.

Вот истинное и величайшее назначение ложи Теософического Общества — предоставлять канал для распространения божественной жизни, и это является для нас ещё одной иллюстрацией того, насколько невидимое больше видимого. Для скудного физического зрения всё, что видится — это лишь небольшая группа скромных изучающих, еженедельно встречающихся в искреннем стремлении учиться и быть полезными для своих собратьев. Но тем, кто может узреть больше, видно, что от этого крохотного корешка растёт великолепный цветок, что от этого с виду незначительного центра исходят по меньшей мере четыре мощных потока влияния — поток мысленных вибраций, скопление мыслеформ, магнетизм Учителей Мудрости и могучий поток божественной энергии.

Это тоже являет нам пример чрезвычайной практической важности знания о невидимой стороне жизни. Из-за недостатка таких знаний многие необязательны в исполнении своего долга и пренебрегают посещением собраний ложи, таким образом теряя неоценимую привилегию быть частью канала божественной жизни. Такие люди ещё не поняли того элементарного факта, что они вступили в Теософическое Общество не чтобы получать, а чтобы давать, не удовлетворять свой интерес и развлекаться, а принимать участие в великой работе на благо человечества.

Глава XXII

НАШЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕТЕЙ

С точки зрения теософии вопрос нашего отношения к детям чрезвычайно важен и имеет практическое значение. Сознвая цель, с которой «я» спускается в воплощение, и зная, в какой огромной мере достижение этой цели зависит от обучения и подготовки, даваемой различным его проводникам в период детства и роста, мы не можем не ощутить огромную ответственность, которая возложена на тех, кто так или иначе связан с детьми — будь то родители, старшие родственники или учителя. Потому было бы неплохо посмотреть, какие налёки может дать нам теософия по части наилучшего выполнения этого долга.

Каково же состояние наших отношений с детьми (по крайней мере с мальчиками) в европейской цивилизации? Практический результат девятнадцати веков якобы христианского учения состоит в том, что они живут среди нас подобно чужому народу с собственными законами и правилами жизни, совершенно отличными от наших собственных, а также с моральным кодексом тоже совершенно отличающимся от того, которым мы считаем себя связанными. Дети относятся к взрослым (в целом) с редко скрываемой враждебностью, или в лучшем случае с чем-то вроде вооружённого нейтралитета, и всегда с глубоким недоверием, как к иностранцам, мотивы которых им непонятны, и которые своими действиями постоянно самым неоправданным образом, и по всей видимости, злонамеренно, вмешиваются в их право самим и по-своему получать удовольствие.

Для тех, кто никогда не рассматривал этот вопрос, это может показаться поразительным заявлением, но всякий родитель, чьи мальчики учатся в одной из наших больших школ, признает, что это правда; а если он сможет вспомнить свои школьные дни и снова мысленно воспроизведёт чувства и обстоятельства того периода (который большинство из нас столь прочно позабыло), он, хотя возможно и с удивлением, признается, что это довольно верное описание его собственного отношения, существовавшего тогда.

В чём бы законы и обычаи этого народа (живущего среди нас и всё же отдельно от нас) ни отличались от наших, там они неизменно являются возвратом к более раннему типу, склоняясь в направлении первобытной дикости. Этот факт можно использовать в поддержку теософической теории, гласящей, что в каждом воплощении, прежде чем «я» приобретёт контроль над своими проводниками, в быстром темпе повторяются ранние стадии нашей эволюции. Единственное право, признаваемое у них — право сильного; мальчик, который правит в своём маленьком государстве — не самый лучший, не самый умный, а тот, кто лучше всех дерётся, а лидерство обычно определяется в схватке, как это бывает и в наши дни во многих диких племенах.

Моральный кодекс у них определённо свой собственный, и хотя тут уже нельзя провести прямых параллелей с дикими племенами, как в некоторых других случаях, он явно имеет более низкий уровень, чем наш. Подавлять и третировать

слабого, и даже мучить его до пределов его сил считается сравнительно невинной формой развлечения, и только в случае необычайной жестокости может вызвать недолгое возмущение общественного мнения против обидчика. Кража денег, к счастью, считается достойной презрения, но это не распространяется на фрукты или варенье; фактически, кража чего угодно съедобного преступлением не считается. Самая наглая ложь считается не только допустимой, но и хорошим развлечением, если обманывают слишком легковверного младшего; а если к ней прибегают, чтобы скрыть от взрослых преступления своего товарища, на неё часто смотрят как на героическую и благородную. Но самым отвратительным преступлением, самой низкой подлостью считается прибегать к вмешательству взрослых для исправления даже самой вопиющей несправедливости, и многие слабые и нервные дети терпят физические и душевные мучения от варварских издевательств хулиганов, не говоря родителям или учителям ни слова о своих страданиях — так глубоко недоверие общественного мнения мальчишек к враждебной расе взрослых.

Несмотря на ужасные страдания, которые школьная жизнь часто навлекает на слабых и чувствительных детей, я никоим образом не закрываю глаза на её хорошую сторону. У сильных и выносливых жизнь в школах-интернатах развивает смелость и умение полагаться на себя, а в высших своих формах учит работать в команде вместе с другими. Я полагаю, что Англия — единственная страна на Земле, где поддержание порядка в маленьком мирке школьной жизни полностью может быть предоставлено (и предоставляется) самим мальчикам, и в этом есть много похвального; но сейчас я говорю об отношениях между детьми с одной стороны и взрослыми с другой, и тут вряд ли можно отрицать, что в целом они довольно напряжённые — недоверие с одной стороны, о котором я говорил, часто встречается с неприязнью и полным непониманием с другой.

Многие мужчины (да и женщины тоже) думают о мальчишках лишь как о шумных, грязных, жадных, неловких, эгоистичных, и в общем, достойных осуждения существах, и никогда не сознают, что в этой точке зрения есть значительная доля эгоизма; и даже если что-то из этих обвинений верно, то виноваты не столько дети, сколько неразумное воспитание, и в любом случае долг взрослых — не расширять пропасть между собою и детьми, приняв отношение неприятия и недоверия, а попытаться улучшить положение справедливой добротой и искренней, терпеливой дружбой и симпатией.

Несомненно, в этих неудовлетворительных отношениях что-то не так, и с этой взаимной враждой и недоверием нужно что-то делать. Конечно, есть достойные исключения — дети, доверяющие учителям, и учителя, доверяющие ученикам, и сам я никогда не испытывал затруднений, устанавливая доверие с подростками, относясь к ним должным образом, но примеры ранее описанного прискорбно многочисленны.

Что всё не обязательно должно быть так, показывают не только вышеупомянутые исключения, но и положение дел, существующее в некоторых восточных странах. Я пока не имел удовольствия посещать Японию, но от бывавших там и изучавших этот вопрос слышал, что ни в одной стране мира к детям не относятся так разумно и хорошо, как там — их отношения со старшими вполне удовлетворительны.

Говорят, что грубость там совершенно неизвестна, а дети в свою очередь никоим образом не злоупотребляют мягкостью старших.*

* В Индии и на Цейлоне отношения детей и взрослых в целом тоже куда рациональнее, чем это обычно это бывает в Англии, хотя иногда мне приходилось видеть примеры неоправданной суровости. (Добавление взято из близкой по содержанию брошюры автора «Наше отношение к детям». — *Прим. пер.*)

В действительности, в любой стране никакой ребёнок не станет злоупотреблять доверием взрослых, если к нему относятся правильно. Если же так происходит, то это ясное указание на то, что взрослые не справились со своей задачей. Всякая грубость в обращении с детьми — пережиток дикости, и может быть, когда мы были на уровне каменного века, мы и не знали лучших методов, но в нашу, как мы полагаем, просвещённую эпоху это просто преступно. Намеренное причинение боли любому живому существу — один из серьёзнейших грехов, и карма, которая следует из него, имеет самый ужасный характер. Идея, что это делается во благо, вовсе не оправдание; в данном случае, как и во всех других, делать зло ради возможного добра никак не может быть правильным. От общего заблуждения на этот счёт не получается ничего, кроме самых отвратительно зловредных последствий.

Всё это представляет собой отвратительное явление, столь же настоятельно требующее лечения, как и ужасающее, непрекращающееся убийство животных ради того, чтобы люди могли деградировать путём наполнения своих тел особо непригодной и предосудительной формой пищи. В обоих этих вопросах — плохого обращения с детьми и убийства животных — мы в Англии находимся в состоянии полного варварства, и люди будущего, оглядываясь на наше время, найдут невозможным понять, как такие отвратительные практики могли сосуществовать с теми философскими, этическими и религиозными познаниями, которыми мы обладаем. Наши глаза не видят зло этих вещей, будучи ослеплены наваждением обычаев, но всякий, кто изучает скрытую сторону вещей, скоро убеждается, что обычаи — весьма ненадёжный руководитель, и что нужно обратиться к самим фактам природы, а не к представлению невежественных людей о них.

Эта почти повсеместная жестокость по отношению к детям и есть причина отсутствия доверия между ними и взрослыми; и если мы относимся к ним, как к дикарям, мы делаем всё, что в наших силах, чтобы побудить их поступать подобно дикарям. Некомпетентные родители или учителя считают, что намеренно причиняют ребёнку боль, чтобы исправить его недостатки, но если бы они хоть что-нибудь знали об истинных фактах жизни, они бы поняли, что эффект этого во всех случаях бывает гораздо хуже, чем от того недостатка, который, как они воображают, они пытаются исправлять. Эти методы настолько нерациональны, что для оккультиста их непоследовательность сравнима только с безумным кошмаром, а если мы подумаем об огромной массе ненависти, враждебности и непонимания, причиной которых они являются, то выяснится, что вред их ещё больше.

Но как, могут спросить, вы предлагаете исправить это положение взаимного недоверия и непонимания? Очевидно, когда эта пропасть уже существует, мост через неё можно навести лишь неизменной добротой и постепенными, терпеливыми, но настойчивыми усилиями добиться лучшего понимания с помощью бескорыстной любви и сопереживания. Фактически нужно завести себе привычку ставить себя на место ребёнка и стараться осознать, как видятся все эти вещи ему. Если мы, будучи взрослыми, не совсем ещё забыли своё детство, то должны позволять детям большее, и лучше с ними обходиться и понимать их.

Впрочем, это как раз один из тех случаев, где хорошо выполняется старое правило, гласящее, что профилактика лучше, чем лечение. Если мы возьмём на себя немного труда, чтобы правильно вести себя с детьми с самого начала, то легко сможем избежать вышеописанного нежелательного состояния дел. И вот здесь-то как раз теософия может дать множество ценных намёков тем, кто искренне желает исполнить свой долг к маленьким людям, вверенным их попечению.

Родительский долг

В первую очередь надо понять саму природу этого родительского или учительского долга. Невозможно преувеличить важность того момента, что быть родителем — это исключительно тяжёлая ответственность, имеющая религиозный характер, как бы легко и бездумно зачастую её на себя ни принимали. Те, кто приносит ребёнка в мир, оказываются в прямом ответе перед законом кармы за те возможности развития, которые они должны дать пришедшему «я», и их наказание за беспечность или эгоизм, которыми они ставят препятствия на его пути, за то, что они не оказывают ему помощи и не дают должного руководства, которое от них ожидается, будет воистину тяжёлым. И всё же, как часто современные родители игнорируют эту очевидную ответственность, и как часто ребёнок для них — не более чем предмет пустого тщеславия или объект бездумного пренебрежения!

Если мы хотим понять свой долг по отношению к ребёнку, то сначала должны посмотреть, как он стал таким, каким он есть — мысленно проследить его к прежнему воплощению. Каковы бы ни были внешние обстоятельства его прошлой жизни, он обладал своим собственным складом характера, в котором содержатся разные более или менее развитые качества, и хорошие, и плохие.

Хотя та жизнь и закончилась, следует помнить, что вне зависимости от того, как наступил её конец — медленно от болезни и старости, или быстро от убийства или несчастного случая, это не произвело никакой резкой перемены в характере человека. Во многих частях света, похоже, распространено любопытное заблуждение, будто сам факт смерти сразу же превращает дьявола в святого, и что какую бы жизнь человек ни вёл, в момент смерти он становится просто ангелом. Ничто не может быть дальше от истины, как хорошо знают те, чья работа состоит в помощи отошедшим. Когда человек сбрасывает физическое тело, это меняет его характер не больше, чем когда он сбрасывает пальто — на следующий день после

смерти это совершенно тот же человек, что и за день до неё, с теми же пороками и добродетелями.

Верно, что действуя теперь лишь на астральном плане, он обладает уже не теми же возможностями их проявлять, но хотя в астральной жизни они могут проявляться иначе, тем не менее они всё ещё присутствуют, и как раз их результатом являются условия астральной жизни и её продолжительность. Человеку приходится оставаться на этом плане, пока не истощится энергия его низших желаний и эмоций, набранная во время физической жизни — пока не распадётся созданное им для себя астральное тело. Только тогда он сможет отправиться в более высокое и мирное царство небес. Но хотя эти чувства исчерпались и он временно освободился от них, зародыши этих качеств, дающие им возможность существовать в его природе, всё ещё остаются. Конечно, они находятся в латентном состоянии и не могут действовать, поскольку желания такого типа требуют для своего проявления астральной материи; они есть то, что Блаватская однажды назвала «потребностями в материи», но они вполне готовы возобновить активность, когда человек окажется в условиях, где они могут действовать, если будут стимулированы.

Возможно, одна аналогия поможет понять эту идею, если не проводить её слишком уж далеко. Если колокольчик заставить постоянно звенеть в герметичном сосуде, постепенно откачивая из него воздух, звук будет становиться всё тише, пока не перестанет быть слышен. Колокольчик всё звонит так же сильно, как раньше, но его вибрации не проявлены для наших ушей, потому что отсутствует та среда, лишь при помощи которой он может произвести на них какой-нибудь эффект. Но пустите в сосуд воздух, и вы сразу же услышите звук колокольчика, как слышали его раньше.

Аналогично и в природе человека есть некоторые качества, требующие для своего проявления астральной материи, как звук требует воздуха или ещё более плотной материи в качестве проводника. И когда в процессе удаления в себя после того, что мы называем смертью, человек оставляет астральный план ради ментального, эти качества уже не находят выражения и вынуждены оставаться латентными. Но когда, столетия спустя, в своём нисхождении в новое воплощение он вновь вступает на астральный план, эти качества, остававшиеся столь долго латентными, снова проявляются, становясь наклонностями его следующей личности.

Так же обстоит и с качествами ума, которым для выражения требуется материя низших уровней ментального плана, и когда после долгого отдыха в небесном мире сознание человека удаляется в его истинное «я», на высшие ментальные уровни, эти качества тоже переходят в спячку.

Когда же «я» собирается вновь воплотиться, оно запускает этот процесс в обратном направлении — чтобы пройти вниз через те же планы, через которые оно ранее прошло в своём пути вверх. Когда время его излияния наступает, оно сначала переходит на низшие уровни своего собственного плана и старается, насколько возможно, выразить себя в этой менее совершенной и менее податливой материи. Чтобы выразиться и действовать на этом плане, оно должно облачиться в материю этого плана.

Таким образом «я» собирает вокруг себя материю низших ментальных уровней, которая позже станет телом его ума. Но она выбирается не наобум — напротив, из разнообразного и неисчерпаемого запаса окружающей его материи оно притягивает такую её комбинацию, которая бы совершенно подходила для выражения его латентных умственных способностей. Точно так же и дальше, когда оно спускается на астральный план, материя, по закону природы притягивающаяся к нему, чтобы служить в качестве его проводника в этом мире, оказывается именно той, которая даст выражение тем желаниям, которые присутствовали у него при завершении прошлой астральной жизни. Фактически оно возобновляет свою жизнь на каждом из планов с того же места, где прошлый раз оставило её.

Это пока что ни в коей мере не действующие качества, а лишь их зародыши, и пока их влияние состоит лишь в том, чтобы обеспечить для себя возможное поле проявления, снабдив различные тела ребёнка подходящей для своего выражения материей. А разовьются ли они в этой жизни в те же определённые наклонности, что и в прежней, в значительной мере зависит от того, будет ли их поощрять окружение ребёнка в его ранние годы. И любая из них, хорошая или плохая, будучи поощрена, охотно вызывается к деятельности, или наоборот, так сказать, умирает от голода, если такого поощрения нет. Но будучи стимулирована, в этот раз она становится более мощным фактором в жизни человека, чем в его прошлом существовании; будучи же оставлена без питания, она всю жизнь остаётся непроросшим зерном, зародышем, который быстро атрофируется и умирает, и в следующем воплощении не проявляется совсем.

Вот таково состояние ребёнка, когда он первый раз оказывается предоставлен заботе родителей. Нельзя сказать, что у него уже есть сформировавшиеся ментальное или астральное тела, но вокруг него и в нём уже собрана материя, из которой они должны быть построены.

У него есть самые разные склонности, некоторые к добру, а некоторые и ко злу, и в соответствии с развитием этих склонностей в построение тел и будут вноситься коррективы. Развитие же это в свою очередь почти полностью зависит от внешних влияний, которым будет подвергаться ребёнок в первые несколько лет своей жизни. В эти годы само «я» имеет ещё мало контроля над своими проводниками и ожидает от родителей, что они помогут ему более прочно овладеть ими и обеспечат ему подходящие условия; отсюда и их ответственность.

Пластичность в детстве

Невозможно преувеличить пластичность этих ещё не сформировавшихся проводников. Известно, что физическое тело ребёнка, если только тренировку начать в достаточно раннем возрасте, может быть изменено в довольно значительной степени. Например, акробаты берут на обучение детей пяти или шести лет, чьи кости и мускулы ещё не так затвердели и установились, как наши, и постепенно приучают их легко и даже с удовольствием принимать такие позы, какие большинству из нас было бы невозможно выполнить, сколько бы мы ни

тренировались. Тем не менее, в детстве наши тела ни в одном существенном отношении ни отличались от тел этих мальчиков-акробатов, и после тех же упражнений могли бы стать столь же гибкими и эластичными, как и у них.

И если физическое тело ребёнка столь пластично и легко поддаётся воздействию, то для астрального и ментального это верно в куда большей степени. Они возбуждаются в ответ на всякую ощущаемую ими вибрацию и очень восприимчивы ко всем влияниям, хорошим или плохим, которые исходят от окружающих. Напоминают они физическое тело и в другом — хотя в раннем возрасте им присуща впечатлительность и им легко придать ту или иную форму, потом они закостеневают и приобретают определённые привычки, которые, раз крепко установившись, меняются лишь с огромным трудом.

Осознав это, мы сразу же увидим исключительную важность того окружения, в котором ребёнок проводит свои первые годы, и огромную ответственность, лежащую на всех родителях, которые должны заботиться, чтобы условия, в которых развивается ребёнок, были такими хорошими, как только возможно. Маленькое существо подобно глине в наших руках, которой можно придать почти что любую желаемую форму — семена добра и зла, принесённые из прошлой жизни, каждый момент просыпаются к действию, и постоянно строятся те проводники, которые будут определять условия всей его будущей жизни, а нам остаётся лишь пробудить зародыши добра, и оставить зародыши зла без пищи. Будущее ребёнка в руках родителей куда в большей мере, чем когда-либо осознавалось даже самыми любящими из них.

Подумайте обо всех друзьях, которых вы хорошо знаете, и постарайтесь вообразить, какими великолепными образцами человечества они могли бы стать, будь все их хорошие качества необычайно усилены, а менее достойные — полностью выполоты из их характера, как сорняки. Именно таких результатов вы в силах достичь, если полностью выполните свой долг по отношению к вашему ребёнку, и такого представителя человечества вы можете воспитать, если только возьмёте на себя труд.

Влияние родителей

Но как? — спросите вы. Наставлениями, обучением? Да, этим способом можно добиться многого, когда придёт для этого время, но в ваших руках есть ещё одна, и куда более мощная сила, которой вы можете начать пользоваться с самого момента рождения ребёнка, и даже до него, и эта сила — влияние вашей собственной жизни.

В некоторой мере это признаётся, поскольку большинство цивилизованных людей следят за своими словами и поступками в присутствии ребёнка, и только достаточно опустившийся отец позволит, чтобы ребёнок услышал, как он употребляет грубые выражения, или увидел, как он даёт волю страстям. Но чего люди не осознают, так это того, что если они хотят избежать серьёзного ущерба для ребёнка, они должны научиться контролировать не только слова и поступки,

но и свои *мысли*. Верно, что вы не можете сразу же увидеть, какой пагубный эффект производят злые мысли или желания на ум вашего ребёнка, но тем не менее он есть, и при этом, подкрадываясь незаметно, является более реальным, страшным и далекоидущим, чем вред, видимый физическому глазу.

Если родители позволяют себе питать чувства гнева или ревности, зависти или скупости, гордости или эгоизма, хотя бы они никогда и не давали им внешнего выражения, эмоциональные волны, возбуждаемые в их телах желаний, непременно будут всё время действовать на податливое астральное тело ребёнка, настраивая его вибрации на тот же тон и пробуждая к действию любые зародыши этих же грехов, принесённые им из прошлой жизни. Так в нём устанавливается тот же набор вредных привычек и злых черт характера, которые будет исключительно трудно исправить, когда они уже определённо оформились. А ведь это — именно то, что делается в отношении большинства детей, которых мы видим вокруг.

Аура ребёнка

Ясновидящему тонкое тело ребёнка часто предстаёт очень красивым — окраска его яркая и чистая, пока что свободная от пятен жадности и чувственности, от тусклого облака злонамеренности и эгоизма, которые столь часто омрачают всю жизнь взрослых. Можно наблюдать, как в нём в спящем виде лежат все зародыши и склонности, о которых мы упоминали — некоторые из них хорошие, а некоторые плохие, таким образом возможности его будущего как на ладони открываются взгляду наблюдателя.

Но как печально видеть изменения, почти что неизбежно происходящие в красивой ауре ребёнка с годами — как настойчиво злые склонности пестуются и укрепляются его окружением, и в каком небрежении находятся добрые задатки! Так почти что пропадают впустую воплощение за воплощением, и жизнь, которая в случае чуть большей заботы и самообуздания со стороны родителей и учителей могла бы принести богатые плоды духовного развития, не даёт практически ничего, и при её завершении «я», столь односторонним выражением которого она была, едва может собрать хоть какой-то урожай.

Небрежение родителей

Когда наблюдаешь преступную беспечность, с которой те, кто ответственен за воспитание детей, позволяют им быть постоянно окружёнными всеми видами злых и просто направленных к мирским благам мыслей, то перестаёшь удивляться необычайной медлительности человеческой эволюции и почти неощутимому прогрессу, который демонстрирует «я» после целой жизни борьбы и трудов в этом низшем мире. А ведь чтобы значительно улучшить это положение, требуется так немного!

Не нужно астрального зрения, чтобы увидеть, какие изменения наступят в этом старом и усталом мире, если большинство или хотя бы значительная часть будущего поколения подвергнется предложенному выше процессу — если всем их плохим качествам дадут постепенно атрофироваться, в то время как хорошие будут прилежно поощряться и развиваться как можно полнее. А если только подумать, что будут воспитанные таким образом люди в свою очередь делать для своих детей, то станет ясно, что через два или три поколения все условия жизни станут совершенно иными и начнётся настоящий золотой век. Для мира в целом этот век может быть ещё далёк, но мы, члены Теософического Общества, несомненно должны делать всё, что в наших силах, чтобы ускорить его приближение; и хотя влияние нашего примера не может распространиться очень далеко, в наших силах по крайней мере позаботиться, чтобы наши собственные дети в своём развитии воспользовались всеми преимуществами, которые мы можем им дать.

Потому величайшее внимание надо уделять окружению детей. Те, кто не может прекратить грубые и злобные мысли, должны хотя бы усвоить, что в это время они не должны приближаться к детям, чтобы не заразить их инфекцией, куда более опасной, чем обычная болезнь.

Например, требуется большая осмотрительность в выборе няни, которой иногда поручают детей, хотя очевидно, что чем меньше времени они проводят на попечении у слуг, тем лучше. Няни часто испытывают сильную любовь к своим питомцам и относятся к ним, как к собственным детям, но всё же так бывает далеко не всегда. Как бы то ни было, следует помнить, что служанки почти обязательно оказываются не столь утончёнными и образованными, как хозяйки, и потому ребёнок, которого слишком надолго оставляют в их компании, постоянно подвергается мысленным воздействиям, характер которых скорее всего менее возвышенный, чем даже средний уровень мыслей его родителей. Так что мать, желающая, чтобы её ребёнок вырос индивидуальностью утончённого ума, должна как можно меньше поручать его попечению других, и прежде всего, приглядывая за ним, заботиться о своих собственных мыслях.

Пусть она возьмёт себе за главное правило не допускать угнездиться в себе мыслям или желаниям, которых она не хотела бы видеть в своём ребёнке. Но этой победы над собой, имеющей характер отрицания, не вполне достаточно, поскольку, к счастью, всё сказанное о влиянии и силе мысли для добрых мыслей справедливо так же, как и для злых, потому долг родителей имеет как отрицательный, так и положительный аспекты. Они не только должны самым тщательным образом воздерживаться от поддержки своими недостойными или эгоистичными мыслями дурных наклонностей, существующих у их детей, но их долг также и в том, чтобы культивировать в себе чистые мысли, бескорыстную любовь, высокие и благородные стремления, дабы они усилили в детях всё хорошее, что уже латентно существует, и создали новые склонности к тем добрым качествам, которые в их характере ещё не представлены.

Родителям вовсе не следует опасаться, что подобные усилия с их стороны не возымеют действия, раз из-за отсутствия астрального зрения они неспособны проследить их эффект. Взгляду ясновидящего открыт весь процесс — он может

различить вибрации, установленные мыслью в умственном теле родителя, видеть, как они излучаются, и заметить созвучные колебания, вызванные их проникновением в умственное тело ребёнка. Если он на протяжении некоторого времени будет периодически повторять свои наблюдения, то сможет различить постепенные, но устойчивые изменения, происходящие в этом ментальном теле из-за постоянного повторения одной и той же стимуляции. Если бы родители сами обладали астральным зрением, то это, несомненно очень помогло бы им точно узнать, каковы способности их ребёнка, и в каком направлении ему больше всего требуется развитие; но если они и не обладают пока что этим преимуществом, то им не стоит из-за этого хоть сколько-нибудь сомневаться в результате, ибо за продолжительными усилиями он последует с математической определённой, вне зависимости от того, видим для них этот процесс или нет.

Но каким бы вниманием ни окружили ребёнка родители, не может не случиться (если он вообще живёт в этом мире), что однажды он встретится с влияниями, которые стимулируют зародыши зол, входящие в его состав. Но вся разница в том, какие задатки будут стимулированы *первыми*. Обычно злые качества бывают уже полностью пробуждены к действию ещё до того, как «я» приобретёт какой-либо контроль над проводниками, так что когда оно осваивает их, то обнаруживает, что ему приходится бороться с сильной предрасположенностью к разнообразным порокам. При запоздалом пробуждении семян добра им приходится бороться с набором уже установившихся негармоничных мысленных волн, и часто им не удаётся утвердиться. Но если благодаря чрезвычайному вниманию до рождения и в первые годы после него родителям посчастливится возбудить только хорошие колебания, то когда «я» приобретёт контроль, ему, естественно, будет легко проявлять себя в этом направлении, и к этому установится прочная привычка. Когда придёт вредное возбуждение, что рано или поздно непременно произойдёт, оно встретится с сильным инерционным моментом в направлении добра, с которым оно будет тщетно бороться и не преодолеет его.

Контроль «я» над этими низшими проводниками часто бывает мал, если оно не является необычайно развитым, но его воля всегда направлена к добру, поскольку оно желает развиваться с помощью этих проводников, и сила, которую оно может бросить на чаши весов, всегда на правильной стороне. Но с его пока что неуверенным владением астральным и ментальными телами ему часто не удаётся преодолеть сильную вредную склонность, которая уже установилась. Если же он встречает там сильную склонность в противоположном, добром направлении, благодаря этому он может овладеть проводниками более эффективно, и если злое внушение придёт уже после этого, ему удастся проникнуть лишь с большими трудностями. В первом случае в личности уже развит вкус ко злу, готовность принимать его и предаваться ему, а во втором присутствует сильная естественная неприязнь к нему, что делает работу «я» намного легче.

Родителям следует наблюдать не только за своими мыслями, но и за своим настроением. Ребёнок быстро замечает несправедливость и негодует на неё; и если он обнаруживает, что его один раз ругают за тот поступок, который в другой раз вызывал только умиление, то неудивительно, какой ущерб будет нанесён его чувству неизменности законов природы! И опять же, когда на родителей сваливаются какие-нибудь неприятности, как иногда и должно происходить в этом

мире, их долг — стараться, насколько возможно, избежать перекладывания их ещё и на детей. По крайней мере надо прилагать особые усилия быть в их присутствии бодрыми и невозмутимыми, чтобы с их астральных тел на соответствующие тела детей не распространился тусклый, свинцовый оттенок депрессии.

У многих вполне благонамеренных родителей беспокойный и суетливый характер — они вечно волнуются по пустякам и беспокоят себя и детей вещами, на самом деле совершенно неважными. Если бы они только могли посмотреть при помощи ясновидения, какой беспорядок и волнение производят они этим в своих тонких телах, и как эти вибрации вносят совершенно ненужное возбуждение и раздражение в восприимчивые проводники детей, то больше не удивлялись бы их внезапным скандалам или нервозности, и осознали бы, что в таких случаях чаще всего надо винить самих себя. Что им нужно поставить перед собой в качестве цели — это мирный, невозмутимый дух — «мир, который превыше всякого ума», и совершенное спокойствие, происходящее из уверенности, что всё в конце концов будет хорошо.

Прежде всего нужно стараться стать воплощением божественной любви, как можно полнее осуществить её в своей собственной жизни, чтобы наполнять ею жизнь ребёнка. Он должен жить в атмосфере любви, никогда не встречаться с раздражающими вибрациями и даже не знать в дни своего раннего детства, что в этом мире есть что-то кроме любви. А когда наступит то время, как к сожалению неизбежно должно произойти, когда он узнает, что во внешнем мире любви часто прискорбно недостаёт, то нужно дать ему ещё сильнее почувствовать, что его дом никогда не изменит ему, и что по крайней мере там он всегда может рассчитывать на величайшую любовь и самое полное понимание.

Очевидно, что тренировка характера родителей, обусловленная этими соображениями, вещь замечательная во всех отношениях, и что помогая эволюции своих детей, они также в неоценимой степени помогают и себе, ведь мысли, поначалу вызванные сознательными усилиями ради детей, скоро станут естественными и привычными, и со временем образуют фон всей жизни родителей.

Не следует полагать, что все эти предосторожности можно ослабить, когда ребёнок подрастёт, ведь начинаясь с нисхождения «я» в эмбрион, иногда задолго до рождения, этот период необычайной чувствительности к окружению в большинстве случаев продолжается до достижения зрелости. Если предложенные влияния продолжать не только в раннем детстве, к двенадцати-четырнадцати годам ребёнок будет лучше подготовлен к тем усилиям, которые от него потребуются в будущем, чем его менее удачливые товарищи, о которых так не позаботились. Но и тогда он всё ещё более впечатлителен, чем взрослый, и столь же значительные помощь и руководство на ментальном уровне могут быть продолжены, дабы хорошие привычки, как в мыслях, так и в действии, не отступили перед новыми соблазнами, которые скорей всего станут осаждать его со всех сторон.

Хотя в раннем возрасте о подобной помощи следует заботиться главным образом родителям, всё сказанное об их обязанностях в равной мере приложимо к

каждому, кто в той или иной мере имеет дело с детьми, и особенно к тем, кто возлагает на себя огромную ответственность учителя. Хорошее или плохое влияние учителя на своих учеников трудно оценить, и как и в предыдущем случае, оно зависит не только от того, что он говорит или делает, но гораздо больше от того, что он думает. Многие учителя снова и снова демонстрируют своим примером, что создают в детях склонности к тем недостаткам, которыми страдают сами; и если их мысли эгоистичны и нечисты, окажется, что этот эгоизм отразится и в окружающих, причём зловредный эффект не закончится лишь на тех, на кого они влияют непосредственно.

Молодые умы, в которых всё это отражается, подхватывают этот эффект, усиливая и увеличивая его; так он воздействует в свою очередь и на других, становясь плохой традицией, передаваемой от одного поколения детей к другому, оставляя свой особый отпечаток на школе или классе. К счастью, хорошую традицию можно установить почти так же легко, как и плохую — не совсем так же легко, поскольку надо учитывать всегда имеющиеся нежелательные внешние влияния. Но всё же учитель, осознающий свою ответственность и управляющий своей школой по предложенным выше принципам, скоро обнаружит, что его самоконтроль и преданность не были бесплодны.

Необходимость любви

Я убеждён, что у родителей и учителей есть лишь один способ эффективно влиять на ребёнка и выявлять в нём всё лучшее — они должны со всех сторон согревать его чистым огнём тёплой, неизменной, личной любви и тем завоевать его ответное доверие и любовь. Алкион в своей замечательной книге «Образование как служение» настаивает на этом более, чем на любом другом условии, и эту книгу должны прочитать все родители и учителя — как по причине доброго духа, которым она проникнута, так и ради ценных советов, которые она содержит.

Верно, что повиновения и дисциплины можно добиться и страхом, но правила, навязанные таким способом, выполняются лишь в присутствии установившего их или его представителя, и обязательно нарушаются, когда ребёнок не боится, что его раскроют — он выполняет их, потому что его заставили, а не потому что так хочет сам. В то же время эффект, оказываемый таким воспитанием на его характер, самый что ни на есть бедственный.

Но если, напротив, вызвать его любовь, то и его воля сразу же окажется на стороне правила, он захочет выполнять его, зная, что его нарушение опечалило бы того, кого он любит. И если это чувство достаточно сильно, то оно позволит ему подняться выше всех искушений, и правило будет выполняться вне зависимости от чьего-либо присутствия. Таким образом цель достигается не только более основательно, но и куда легче и приятнее как для учителя, так и для ученика, и к действию вызываются лучшие стороны природы ребёнка вместо худших. Вместо того, чтобы провоцировать волю ребёнка на сердитое и настойчивое противостояние, учитель привлекает её на свою сторону, противоположную искушениям и отвлекающим факторам; так избегается опасность обмана и

утаивания со стороны ребёнка и достигаются результаты, к которым при помощи других систем не удаётся даже приблизиться.

Крайне важно всегда стараться понять ребёнка и вселять в него уверенность в вашем дружелюбии и сочувствии. Всяких проявлений грубости надо тщательно избегать и всегда полностью объяснять причины всех даваемых наставлений. Надо, чтобы ему было по-настоящему ясно, что иногда возникают внезапные ситуации, в которых у старших нет времени объяснять свои указания, и в таких случаях нужно слушаться, даже если не совсем понимаешь, но даже в этих случаях потом всегда нужно давать объяснение.

Частая ошибка бестолковых родителей и учителей состоит в том, что они всё время хотят подчинения без понимания, а это весьма неразумное требование, ведь они всегда и во всех обстоятельствах ожидают от ребёнка такого ангельского терпения и святости, какими они вовсе не могут похвастаться сами. Они ещё не осознали, что грубость по отношению к ребёнку — это не только зло, но и полнейшая глупость, поскольку она никогда не бывает самым эффективным путём достижения того, что они от него хотят.

Часто недостатки ребёнка бывают прямым результатом неестественного с ним обращения. Будучи довольно чувствительным и нервным, он постоянно обнаруживает, что его не понимают, а также плохо с ним обходятся и ругают за проступки, низости которых он ни в малейшей степени не сознаёт; и разве стоит удивляться тому, что когда вся атмосфера вокруг него пропитана ложью и обманом его родителей, его страхи также склоняют его к неправде? В таком случае карма тяжелее всего ударит по тем, кто своей преступной грубостью поставил слабое и неразвитое существо в такое положение, в котором ему почти невозможно этого избежать.

Если мы ожидаем от своих детей правды, то прежде всего должны следовать ей сами — мы должны думать правдиво, равно как правдиво говорить и действовать, прежде чем сможем надеяться на то, что у нас хватит сил спасти их от моря лжи и обмана, окружающего их со всех сторон. Если мы будем относиться к ним, как к разумным существам, если полностью и терпеливо объясним, чего от них хотим, показав им, что им нечего нас бояться, поскольку «совершенная любовь изгоняет страх» — тогда не будет и трудностей с правдивостью.

Существует любопытное, хотя и нередкое заблуждение, вероятно, являющееся пережитком тех ужасных времён, когда Англия стонала под отвратительной тиранией пуританства, состоящее в том, что дети никогда не станут хорошими, если они не несчастны, что им надо перечить во всём, и не давать им ни одного шанса хоть в чём-либо поступать по-своему, поскольку когда они развлекаются сами, то неизбежно склонятся к безнадёжному злу. Как ни абсурдна и жестока эта доктрина, различные её модификации всё ещё широко распространены и являются причиной огромного количества жестокостей и ненужных страданий, произвольно причиняемых маленьким созданиям, чьё единственное преступление состояло в том, что они были естественны и счастливы. Несомненно, природой детству предназначено быть счастливым временем, и мы не должны жалеть сил, чтобы оно таким и было, ведь перечая природе, мы только действуем себе во зло. Как поётся в

церковном гимне, «Бог хотел бы видеть нас счастливыми весь день», и в данном случае, как и во всех других, наш долг и наша привилегия быть в этом его сотрудниками.

В наших отношениях с детьми нам очень поможет, если мы будем помнить, что дети — это души, или «я», что их маленькие и слабые физические тела — явление временное, и на самом деле все мы примерно того же возраста. Так что нам следует не только любить, но и уважать их, и мы не должны навязывать им свою волю и подавлять их индивидуальность. Наше дело, воспитывая их, развить в их низших проводниках лишь то, что будет сотрудничать с «я», что сделает их лучшим каналом для его работы. В глубокой древности, во времена золотого века цивилизации Атлантиды, важность должности учителя признавалась столь полно, что к ней не допускали никого, кроме тренированных ясновидящих, которые могли видеть все латентные качества и способности учеников, а потому разумно работали с каждым из них, развивая всё хорошее и исправляя всё плохое.

В отдалённом будущем, в шестой расе, возможно, снова так будет, но это время ещё далеко, и нам нужно делать всё возможное при этих менее благоприятных условиях. Тем не менее, бескорыстная любовь удивительно ускоряет развитие интуиции, и те, кто действительно любит своих детей, вряд ли не смогут понять их потребности; а постоянное и тщательное наблюдение даст им, хотя и ценой б`ольших трудов, почти то же самое, что и проницательный взгляд их предшественников из Атлантиды. Так или иначе, это стоит того, чтобы попробовать — ведь однажды осознав нашу действительную ответственность по отношению к детям, мы не посчитаем чрезмерным тот труд, который позволит нам лучше выполнить этот долг. Любовь не всегда мудра, как мы знаем, но по крайней мере она мудрее небрежения, и родители и учителя, которые по-настоящему любят, тем самым получают стимул для приобретения мудрости на благо детей.

Религиозное обучение

Многие члены Теософического Общества, чувствуя, что детям требуется нечто, чем можно было бы заменить обычную религиозную подготовку, всё же находят почти что невозможным изложить им теософию хоть сколько-нибудь понятным для них образом. Некоторые даже допустили, чтобы их дети прошли обычный курс уроков по Библии, мотивируя это тем, что не имели понятия, что ещё можно было бы им предложить, и признавая, что в них много очевидной неправды, считали, что это можно исправить потом. Однако, это совершенно неоправданная политика — никто из детей не должен тратить своё время на заучивание того, от чего потом придётся отучиваться. Вот если бы детям можно было дать истинное внутреннее значение христианства, то это было бы на самом деле хорошо, потому что это и было бы чистой теософией, но к сожалению, это вовсе не та форма, какую принимает религиозное обучение в обычных школах.

Представить великие истины теософии в виде, понятном для умов детей, вовсе не составит настоящей трудности. Конечно, бесполезно с самого начала утруждать их сведениями о кругах и расах, планетных цепях и мулапракрити — какой бы

интересной и ценной эта информация ни была, она имеет малую важность для практического влияния на поведение, но великие этические истины, на которых зиждится вся система, к счастью, можно изложить так, чтобы они были ясны даже для детского понимания. Что может быть по сути проще, чем три великие истины, которые были даны в «Идиллии белого лотоса»?

«Душа человека бессмертна, и в будущем нет пределов её росту и великолепию.

Жизнедающее начало пребывает как в нас, так и вне нас, оно неумирающее и вечно благотворное, оно неслышимо, невидимо и неощутимо, но воспринимается человеком, который стремится к такому восприятию.

Каждый человек — сам себе законодатель, устроитель своих судеб, он сам назначает себе радость и печаль; сам награждает или наказывает себя.

Эти истины, великие как сама жизнь, просты, как ум самого простого человека. Накорми ими голодных.»

Ещё более сжато их можно выразить так: «Человек бессмертен, Бог добр, и что мы посеём, то и пожнём». Вряд ли кто-либо из наших детей не сможет понять общий смысл этих простых идей, хотя, когда они станут старше, они могут потратить многие годы на постижение всё большей части из безмерности их полного значения.

Научите их великой древней формуле «смерть — это врата жизни» — не страшная судьба, которой нужно бояться, а лишь стадия прогресса, которую можно принять с интересом. Учите их жить не для себя, а для других, чтобы они шли через мир, как друзья и помощники, искренне любящие и уважающие всё живое. Учите их радоваться счастью других — не только людей, но и птиц и животных, и получать удовольствие, помогая им стать счастливыми. Объясните им, что причинение боли любому живому существу — всегда зло, и никакому здравомыслящему и цивилизованному человеку это не интересно и не доставит развлечения. Сочувствие ребёнка так легко пробудить, а радость от действия у него столь велика, что он сразу же откликается на идею, что он должен помогать всем окружающим существам и никогда не причинять им боль. Его нужно учить наблюдательности, чтобы он мог видеть, кому требуется помощь, будь это человек или животное, и сразу же делать всё, что в его силах.

Ребёнку нравится, когда его любят, и нравится защищать, и оба этих чувства можно использовать для того, чтобы он стал другом всех существ. Он легко научится восхищаться растущими цветами, и никогда не захочет беспечно их срывать, через несколько минут бросая их вянуть у дороги; а если и сорвёт, то осторожно, чтобы не повредить растение, и будет заботиться о нём. Его путь через леса и поля никогда не будет отмечен вянущими цветами и вырванными с корнем растениями.

Физическая подготовка ребёнка имеет величайшую важность, ведь для полного выражения развивающейся души нужно сильное, чистое и здоровое тело. С самого начала нужно учить его важности физической чистоты, чтобы он считал ежедневную ванну столь же неотъемлемой частью своей жизни, как и еда. Следите, чтобы его тело никогда не осквернялось такими отвратительными продуктами современного дикарства, как мясо, алкоголь и табак, чтобы он получал много солнца, свежего воздуха и упражнений.

В предыдущих главах мы показали, насколько отвратительной бывает среда современного города, и если она оказывает вредное влияние на взрослых, то более чувствительным детям она вредит в десять раз больше. По правде сказать, дети вообще не должны воспитываться в городах, и те, чья плохая карма вынуждает их работать в подобных местах, должны ради своих детей стараться жить по крайней мере на некотором удалении от них. Детям гораздо лучше расти на природе, пусть даже в сравнительной бедности, чем среди всех вредных влияний большого города, которым родители их подвергают, часто только ради того, чтобы скопить деньги для них же. Когда же городской жизни избежать нельзя, детей нужно по крайней мере как можно чаще вывозить за город и держать там как можно дольше.

Так ребёнок будет расти чистым, здоровым и счастливым, и тем вы обеспечите душе, вверенной вашей заботе, тело, за которое ей не придётся стыдиться, проводник, через который она будет получать лишь высшее и лучшее из того, что может дать физический мир, и который она сможет использовать как подходящий инструмент для самых благородных и святых дел.

Родителям самим придётся быть в этом примером, как и в других вещах, и таким образом ребёнок опять же послужит усовершенствованию родителей. Птицы и бабочки, кошки и собаки, все будут его друзьями, и он будет радоваться их красоте, вместо того, чтобы хотеть охотиться на них и убивать. Дети, воспитанные таким образом, вырастут людьми, распознающими своё место в эволюции и свою работу в мире, и каждый из них будет служить свежим центром гуманизирующей силы, постепенно изменяя направление человеческого влияния на всё нижестоящее.

Если мы воспитаем так своих детей, если будем внимательны в отношениях с ними и поможем великой работе эволюции, мы благородно выполним свой долг не только по отношению к детям, но и ко всему человечеству — не только к их «я», но и к многим миллионам тех, кому ещё предстоит прийти.

Глава XXIII

НАШЕ ВЛИЯНИЕ НА НИЖЕСТОЯЩИЕ ЦАРСТВА

Домашние животные

Мы не должны забывать и о своей ответственности по отношению к животным, которых мы держим возле себя. Она может быть двух видов, или скорее, двух степеней. Фермеру в ходе своей работы приходится иметь дело с большими количествами животных, которых можно назвать полудомашенными. Его долг, очевидно, состоит в том, чтобы хорошо кормить их и принимать все возможные меры к их совершенному здоровью. Иногда бывает, что он особо привязан к некоторым из них, но в целом его отношение с ними — это отношение с массой, да и поскольку они ещё далеки от возможности индивидуализации, вряд ли его влияние на них окажется глубоким или будет иметь более чем общий характер. Фактически у него с ними деловые отношения, хотя ему нужно заботиться о них так тщательно, как если бы они были людьми.

Совсем другое дело — по-настоящему домашние животные, которые живут с нами в доме и входят с нами в близкие личные отношения. Никто не обязан держать собаку или кошку, но уж если он заводит их, то по отношению к ним он принимает на себя гораздо большую ответственность, чем фермер по отношению к какому-либо из животных своего стада. И для всякого, кто держит домашнее животное, было бы непростительным эгоизмом думать лишь о своём удовольствии, получаемом от него, и не думать о развитии животного.

Фактически домашнее животное похоже на маленького ребёнка, с той разницей, что ребёнок уже является «я», которому нужно помочь овладеть своими новыми проводниками, а животное ещё не является индивидуальностью и ему надо помочь стать таковой. Процесс индивидуализации животного многократно описывался; замечания о нём можно найти в моих книгах «Букварь теософии», «Внутренняя жизнь», «Человек видимый и невидимый» и «Христианский символ веры».* Изучение написанного там сразу же покажет, в каком направлении лежат наши обязанности по отношению к животным. Мы должны развивать в них привязанность и интеллект, и главным фактором в обоих этих видах развития должна стать любовь, которую мы к ним чувствуем.

Во втором томе «Внутренней жизни» я достаточно подробно написал об ошибках, которые часто делают люди в своих отношениях с домашними животными. Все эти ошибки происходят из-за эгоистического отношения к животным и желания использовать их для удовлетворения своих злых страстей, как например, тренировке собак для охоты, причём так, чтобы они наносили гораздо больше вреда, чем их предки, которые были дикими и охотились в лесу. Ведь дикие звери убивают только ради пищи, когда их побуждает к этому голод, тогда как собак учат убивать ради удовольствия, из-за чего они опускаются по шкале эволюции, вместо того, чтобы подниматься.

* C.W. Leadbeater, «A Text-book of Theosophy», «The Inner Life», «Man Visible and Invisible», «The Christian Creed».

Между этими двумя категориями по-настоящему домашних и сельскохозяйственных животных мы можем поместить лошадь, поскольку она входит в более индивидуальные отношения с человеком, чем скот, и в то же время сильно уступает в разуме собаке или кошке. С ней нужно обращаться разумно, и

прежде всего — с неизменной добротой. Всадник должен всегда помнить, что лошадь не существует исключительно для того, чтобы служить ему, а проходит собственную эволюцию, способствовать которой является его долгом. В том, что человек использует лошадь себе в помощь, нет ничего неправильного, потому что сотрудничество с ним помогает ей развить разум и привязанность, но он всегда должен относиться к ней так, как к человеку-слуге, и пользуясь её услугами, никогда не забывать о её интересах.

Птицы

Изучающий скрытую сторону вещей не может не выступить против практики содержания птиц в клетках. Совершенная свобода и чувство открытого пространства составляют самую суть жизни птицы, и страдания птицы в клетке часто очень сильные и трагические. Особенно это бывает заметно в случае местных птиц, и все они конечно незамедлительно должны быть выпущены на волю.

Заморские птицы, которые могут счастливо жить лишь в другом климате, попадают в другую категорию. Большинство своего времени они проводят в воспоминаниях о великолепных тропических пейзажах и тоске по дому, откуда их забрали, и куда их нужно вернуть, как только появится возможность. Грех здесь лежит на тех, кто первоначально поймал их, а те, кто держат их, разделяют его ответственность только в той мере, в какой они делают его занятие прибыльным. Тому, кто некогда бездумно уже приобрёл таких птиц, не остаётся ничего другого, как держать их, если он не в состоянии вернуть их в родную страну, но он должен приобрести для них самые большие клетки и выпускать их летать по комнате так часто, как только можно, и конечно же, он не должен поощрять этот гнусный бизнес, покупая новых подобных созданий.

Единственные рациональные и полезные отношения, которые мы можем установить с птицами, это те, которые иногда существуют в сельских местностях — в определённых местах им регулярно насыпается корм, и они прилетают и клюют его, при этом оставаясь совершенно свободными. Если человек хочет держать птицу, он должен содержать её точно так же, как держал бы кошку — обеспечить её достаточным количеством пищи и жилищем, где она может жить, когда пожелает, но во всех других отношениях ей нужно предоставить свободу идти, куда она хочет. Трудность здесь в том, что разум у птицы значительно слабее развит, чем у кошки, так что гораздо труднее будет дать ей понять условия соглашения. Лучшим планом будет не иметь дел с заморскими птицами, а постараться подружиться с дикими птицами, живущими по соседству.

Индивидуализация для птицы невозможна, так как птицы вообще развиваются не по нашей линии развития. Превзойдя птичий уровень эволюции, они переходят прямо в одно из высших подразделений природных духов. Тем не менее, доброта по отношению к птицам пробуждает в них благодарность и привязанность, и потому помогает им продвигаться в эволюции.

Растения

Ещё одно направление, в котором мы, если захотим, можем оказать много влияния, это растения в наших садах. Подобно животным, растения быстро откликаются на мудрую и любящую заботу, и на них определённо воздействует не только то, что мы делаем для них физически, но и наши чувства по отношению к ним. Всякий, у кого есть астральное зрение, убедится, что цветы радуются нашему восхищению и отвечают на него. От чувств людей или животных чувства растений отличаются скорее по степени, чем по виду, и находятся примерно в таком отношении к чувствам животных, как последние — к чувствам человеческих существ.

Животное не так сложно в проявлении своих чувств, как человеческое существо, но оно способно на любовь и ненависть, на страх и гордость, на ревность и на стыд. Некоторые животные, похоже, даже имеют чувство юмора — по крайней мере, они получают большое удовольствие, проделывая шутки друг над другом, и напротив, им очень не нравится, когда их выставляют в смешном виде или смеются над ними. И нет никаких признаков того, что эти эмоции у животных слабее, чем у нас; однако можно сказать, что у животного меньше эмоций и они не так сложны, а способы выражения их более ограничены.

Если спуститься к растительному царству, то мы обнаружим, что у растений вообще едва ли есть какие-то средства выражения; но мы впадём в серьёзную ошибку, если заключим из этого, что у них нет и никаких чувств. Эмоции в растительном царстве опять же гораздо менее сложные, чем даже в животном, и в целом более смутные — нечто вроде слепого инстинктивного чувства. Главное их физическое проявление заметно в том известном факте, что одним людям удаётся хорошо сажать или прививать растения, а другим — нет, даже когда применённые физические методы — те же самые. Эта разница проявляется повсюду, но особое внимание обращается на неё в Индии. Про некоторых людей там говорят, что у них «счастливая рука», и общепризнанно, что практически всё, что эти люди сажают, будет расти, даже при совершенно неблагоприятных условиях, и всё, что они выращивают, непременно будет давать хороший урожай. Когда это влияние распространяется на всё растительное царство, то это вопрос не индивидуальной привязанности, а определённых характеристик человека и некоторых качеств в его астральном и эфирном проводниках, которые оказываются привлекательными для всех растений, точно так же как есть люди, с которыми все собаки сразу же заводят дружбу, или те, кто без особых усилий может справиться с самой строптивой лошадью.

Но растения способны и на индивидуальную привязанность, и когда они уже хорошо знают людей, они рады видеть, или скорее, чувствовать их вблизи. Человек, который изливает на свои цветы поток восхищения и любви, вызывает в них приятное чувство — сначала общее удовольствие от восхищения, которое можно рассматривать как нечто вроде зародыша гордости, а затем — удовольствие от присутствия этого человека, что подобным же образом является зачатком

благодарности и любви. Растения способны также и на ненависть и гнев, хотя вряд ли располагают средствами внешне их выразить.

Оккультист, имеющий сад, будет стремиться ухаживать за ним во всех отношениях тщательно и совершенно, и более того, он постарается подружиться с цветами, деревьями и кустами, и будет иногда навещать их, чтобы одарить каждое должным восхищением. Так, доставляя удовольствие этим нижестоящим организмам, он и сам будет окружён смутным чувством любви.

Могут сказать, что чувство растения вряд ли может быть достаточно сильным, чтобы принимать его в расчёт. Верно, что влияние, оказываемое им на человеческое существо, меньше того, которое могло бы быть оказано животным; однако эти влияния существуют, и хотя чувство одного растения может не показаться значимым, чувства сотен начинают становиться заметным фактором, и если мы хотим добиться наилучших возможных условий, мы не должны игнорировать наших менее развитых братьев из низших царств. Это так даже с сугубо эгоистической точки зрения, но оккультист, естественно, в первую очередь думает о воздействии, оказываемом на растения.

Сажая сад, мы собираем вокруг себя некоторое количество членов растительного царства для собственного удовольствия, но в то же время это предоставляет нам возможность помочь им в эволюции, которой не следует пренебрегать. Растения сильно разнятся в своей способности принимать человеческие влияния и откликаться на них — например, большое дерево со своим медленным ростом и долгой жизнью способно сформировать более сильную привязанность, чем любое однолетнее растение. Такое дерево приобретает выраженную собственную личность, и иногда даже способно временно выделять её, так что она может наблюдаться ясновидящими. Обычно в таких случаях она временно принимает человеческую форму, о чём я упоминал во втором томе книги «Внутренняя жизнь». Желаящие понять, насколько больше в растительном царстве разума, чем мы обычно думаем, должны прочесть восхитительную книгу Дж. Тэйлора «Смышлёность и нравственность растений».*

* J. E. Taylor, «The Sagacity and Morality of Plants».

Природные духи

Эта замечательная эволюция уже описывалась в одной из предыдущих глав, но скорее с точки зрения их воздействия на нас, чем нашего — на них. Здесь же мы должны рассмотреть внешнюю сторону этих отношений — влияние, которое мы можем оказать на природных духов, обитающих по соседству, и дружбу, которую мы можем с ними завести. Многие из их племён столь прекрасны и интересны, что знакомство с ними вполне окупит затраченные усилия; при этом мы можем помочь им развивать интеллект и любовь, тем принеся им большое благо. Те из них, что обладают эфирными телами, способны по своему желанию делать себя видимыми, так что люди, которым посчастливилось приобрести их дружбу,

иногда могут быть вознаграждены возможностью видеть их даже обычным зрением. Существует также возможность того, что эти эльфы помогут своим друзьям приобрести проблески временного ясновидения, чтобы те могли таким образом увидеть их.

У фей есть много пунктов сходства с дикими животными, и чтобы подружиться с ними, нужно принять во многом такой же метод, как если бы мы хотели приручить птицу или оленя. Они опасаются человека и не доверяют ему, так как же преодолеть это недоверие? Желаящий лично изучать повадки птиц обычно отправляется в место их обитания, прячется, и тихо ждёт в надежде, что птица не заметит его, или если заметит, будет успокоена его полной неподвижностью. Эфирное зрение природных духов проникает и стены, и кусты, так что не стоит надеяться остаться незамеченным; а та тишина и неподвижность, которая важна для них, относится не к физическому телу, а к астральному. Им неприятны грязные физические эманации обычного человека — от мяса, табака и алкоголя, а также от общей нечистоты; так что тот, кто хочет подружиться с ними, очевидно, должен быть свободен от всех их. Им также не нравятся бури страстей и грязных желаний, так что человек, ищущий их, должен быть свободен от всех низменных и эгоистичных чувств, таких как похоть, гнев, зависть, ревность, жадность или депрессия.

Когда выполнены отрицательные требования, то есть касающиеся того, чего быть не должно, что же можно предпринять положительное, чтобы привлечь столь застенчивое существо? Животных часто можно привлечь, предложив пищу, но феи не едят, потому эта приманка в данном случае не годится. Однако можно обеспечить им условия, которые, как известно изучающему, им приятны. Сильная бескорыстная любовь, благоговейная преданность или любое высокое чувство, которое сияет ровно и без буйных порывов, создаёт атмосферу, купание в которой природным духам доставляет радость.

Весьма вероятно, что человек — если это подходящий человек, — который некоторое время находится в каком-нибудь красивом и уединённом месте — например в лесу, у ручья или водопада, — и предаётся таким мыслям, на какие было указано выше, ощутит незнакомое присутствие. Это будет присутствие чего-то очаровательного, и в то же время странного и нечеловеческого, и если ему очень повезёт, то когда это робкое и дикое существо чуть больше привыкнет к нему и постепенно научится доверять ему, и он ему понравится, то он сможет даже увидеть его. Но если изучающий будет помнить, что для природного духа это почти что как для мышки подружиться с кошкой, или как для человека установить братские отношения с тигром, он научится безграничному терпению и не станет ожидать немедленных результатов.

Почти все природные духи радуются музыке, и некоторых особенно привлекают определённые мелодии, так что если экспериментатор умеет играть на каком-то переносном инструменте, таком как флейта, он может увеличить свои шансы на успех, если будет играть на нём. В Италии я знал эльфа, которого столь очаровывала одна пьеса, когда её исполняли на фортепиано, что он мог оставить свой лес, где он обитал, и прийти в гостиную, чтобы получать от неё удовольствие и танцевать под неё, или, вернее, купаться в её звуковых волнах, пульсируя и

качаясь в гармонии с ними. Но я никогда не видел, чтобы он делал это, если в комнате было больше двух или трёх человек — и даже те должны были быть друзьями, которым он научился доверять.

Не раз я видел одного мальчика-пастушка в Сицилии, который сидел в каком-нибудь уединённом месте на склоне холма и, подобно древнему греку, играл на своей самодельной двойной флейте Пана, окружённого аудиторией фей, оценивших его игру и резвящихся вокруг. Вероятно, он пребывал в блаженном неведении относительно этого, хотя несомненно, их радость воздействовала на него, добавляя живости его исполнению. Иногда, однако, крестьяне *видят* природных духов, и множество примеров этого можно найти в книге Эванса-Венца «Вера в фей в кельтских странах».*

* W. Y. Evans-Wentz, «Fairy Faith in Celtic Countries».

Неодушевлённое окружение

Мы всё время оказываем влияние даже на то окружение, которое считаем неодушевлённым. Некоторые из его предметов, кстати, являются не столь уж неодушевлёнными, как мы склонны думать. Все мы знаем, что божественная жизнь присутствует в минеральном царстве так же, как и в более высоких, и в этом смысле скалы, камни и минералы по праву могут считаться живыми. Но некоторые предметы обладают более живым и особым видом жизни, изучение которой представляет особый интерес.

Чтобы объяснить это, обратимся на время к знакомой аналогии. Мы знаем, как жизнь элементарной сущности астрального тела собирается в нечто вроде личности (которую мы называем элементом желания) и некоторое время существует как отдельное существо с собственными определёнными желаниями и отвращениями, обладающее достаточной силой, чтобы в ходе своей жизни произвести огромный эффект на человека, чей проводник оно наполняет. Нам также известно, что подобное же сознание, оживляющее клетки физического тела (включая, естественно, и его эфирную часть) проявляется в некоторых инстинктивных движениях. Аналогичным образом и сознание, оживляющее молекулы некоторых минералов, может образовать временное целое, когда эти молекулы соединены в определённую форму, и особенно так бывает, когда эта форма требует присутствия и внимания человека, как в случае машин.

Корабли

Самый совершенный пример того, что я имею в виду, можно встретить в корабле, ибо здесь мы имеем структуру, построенную из огромного количества составляющих частей, и обычно, из разных материалов. Рассказ Киплинга «Корабль, нашедший себя самого»* не просто вымысел — за ним есть реальная и

важная правда. Когда корабль только построен, он не сознаёт себя единым целым, а является просто собранием большого числа отдельных сознаний. Но вся эта совокупность материи со временем *становится* единицей сознания или чувствования, в некоторой степени сознавая себя единым целым, каким бы смутным и неясным ни было это ощущение в сравнении с нашим собственным.

* R. Kipling, «The Ship that Found Herself».

И это сознание, обладает тем, что трудно описать иначе, как чувства, хотя и нечёткие в сравнении с чем-либо из обычно называемого этим словом. Такому неясному полусуществу один человек может нравиться больше, чем другой, что часто и бывает, так что одному удаётся делать с кораблём то, чего другой не может. Это никоим образом не меняет того факта, что одни являются лучшими моряками, чем другие, и после некоторой практики могут получить от корабля всё, что можно. Точно также некоторые люди — великолепные наездники и могут почти сразу установить дружеское понимание с любой лошадью; но совершенно отдельно от этого лошадь может привязаться к конкретному человеку и научиться понимать его желания гораздо легче, чем желания незнакомого человека. То же верно и для более смутного сознания судна. Я вовсе не хочу, чтобы это поняли так, будто под этим термином я имею в виду нечто сравнимое с сознанием человека по определённости и отклику, но в нём присутствует нечто такое, пусть слабое и неясное, что мы не можем определить никаким иным словом.

Машины

То же самое верно в случае локомотива, автомобиля или велосипеда. Как водитель привыкает к своей машине и обучается точно знать, как она себя поведёт, и уважать её маленькие причуды, так и машина в свою очередь привыкает к водителю и делает для него во многих отношениях больше, чем для незнакомца. То же самое должно быть верно для многих других видов техники, хотя я не располагал преимуществом наблюдать это лично.

Отдельно от влияния, которое человек приобретает на совокупное сознание машины, само это сочетание частей оказывает эффект на молекулы вещества, из которого она сделана. Железо, которое составляло часть машины и пережило таким образом это усиление сознания, можно считать несколько более развитым, чем то, которое не участвовало в построении такой особой системы. Оно приобрело способность откликаться на дополнительные и более сложные вибрации, а для минерала это и есть эволюция. Оно более пробуждено, чем другое железо. Это состояние большей живости легко заметно ясновидящему, но я не знаю никаких методов, которыми это можно было бы наблюдать физически.

Дополнительная способность отклика не всегда бывает одного вида, и разные её варианты могут вызываться разными путями. Например, кованое железо намного живее, чем литое, и этот результат достигается частыми ударами, которые оно получает в процессе обработки. Ещё в большей степени то же самое можно

заметить в случае подковы, поскольку она не только была выкована сначала, но и подвергается постоянным ударам, когда находится на ноге лошади. Этот долгий процесс особым образом пробуждает её, придавая ей сильное свойство отталкивать некоторые из самых низших и злобных типов астральных и эфирных существ, и в этом состоит рациональное объяснение старого поверья, что будучи повешена над дверью, подкова будет приносить счастье и не подпускать зло.

Ещё один интересный момент, связанный с этим любопытным составным сознанием, заключается в том, что через некоторое время оно устаёт — это факт, часто замечавшийся теми, кому много приходится иметь дело с машинами. После определённого времени машина, хотя находится в полном порядке, переходит в состояние, когда уже не может правильно работать, и её действие становится вялым. Часто представляется невозможным сделать что-либо для её починки, но если оставить её на время в покое, она вскоре восстанавливает свой тонус и продолжает работать, как раньше.

Металлы ясно демонстрируют, что подвержены усталости. Бывает, что стальное перо начинает царапать и плохо писать, когда им пользуются непрерывно несколько часов, но клерк, понимающий природу этого, отложит перо в сторону, вместо того, чтобы выбросить его, и может быть на следующий день он найдёт его даже в лучшем состоянии, чем оно было сначала. Брадобрей часто обнаруживает, что его бритва отказывается затачиваться, и для него вполне обычное дело — сказать, что она «устала» и отложить её отдыхать. Спустя несколько дней та же бритва будет в полном порядке, острая, как всегда.

Известно, что паровозы нуждаются в регулярном отдыхе, и после определённого периода работы их помещают в депо и дают им остыть; так что машина отдыхает так же регулярно, как человек. Из этого мы видим, что усталость есть одно из состояний, возможных для минерального царства, и металлы испытывают её, как и люди в своих физических телах. (См. «Отклик в живом и неживом» профессора Дж. Ч. Боше).^{*} Фактически усталость не испытывается нигде, кроме физического мира.

^{*} J. C. Bose, «Response in the Living and Non-living».

Есть люди, хотя пока что я знаю лишь немногих, которые необычайно заряжены электричеством и оказывают особый эффект на любой металл, с которым им обычно приходится соприкасаться. Например, говорят, что такие люди вызывают заметное отклонение корабельного компаса, когда приближаются к нему, но это эффект физический и вряд ли оккультный.

Несчастливые суда

Любопытный пример вмешательства скрытой стороны жизни в обычные дела даёт нам опыт людей, столкнувшихся с тем, что некоторые суда или машины оказываются, как это называется, несчастливыми — с ними случается одно

происшествие за другим, без всякой видимой небрежности со стороны людей, которой это можно было бы объяснить. Естественно, некоторые машины сделаны лучше, чем другие, а некоторые люди внимательнее других, но я говорю не о тех случаях, где имел место какой-либо из этих факторов. В некоторых случаях два судна или две машины бывают в точности одинаковы, а люди, работающие с ними, обладают одинаковой квалификацией, и всё же одно из них оказывается всегда везучим, или испытывает среднестатистическое количество происшествий, тогда как другое без всякой видимой причины постоянно преследуют беды.

В том, что так бывает, нет никаких сомнений, и это предлагает изучающему оккультизм интересную задачу. Сам я склонен думать, что здесь иногда участвуют разные причины. Как минимум в одном случае это, по-видимому, произошло из-за сильной ненависти всей команды к первому капитану корабля, который был мелким тираном самого предосудительного сорта. Множество людей постоянно проклинали капитана, корабль, и всё, что к нему относилось, со всей силой воли, какая у них имелась, и состояние их чувств произвело тот вредный результат, что с судном происходило одно бедствие за другим. К тому времени, как капитан был заменён, корабль уже приобрёл определённую репутацию, как невезучий, и последующие команды окружали его соответствующими мыслеформами, что вполне естественно вылилось в продолжении серии несчастий.

В других случаях, я думаю, подобные результаты были созданы злыми чувствами, направленными на строителя корабля. Я сомневаюсь, что одних таких посылок злой силы было бы достаточно для причинения серьёзного несчастья, но в жизни каждого корабля бывает множество случаев, когда крушения избегают лишь благодаря бдительности и быстрому принятию мер, и бывает достаточно немного зазеваться, и уже не избежать катастрофы. Массы мыслеформ, подобной вышеописанной, может оказаться вполне достаточно, чтобы вызвать кратковременную потерю бдительности или нерешительность, и это оказывается линией наименьшего сопротивления, по которой может сработать проклятие.

Камень, используемый при строительстве

Говоря о наших домах, я уже упомянул тот эффект, который мы постоянно оказываем на окружающие нас стены и предметы мебели в комнатах. Очевидно, из этого следует, что камень, использованный для строительства, уже никогда не будет в том же состоянии, что оставшийся недобытым. Он становится проникнут, вероятно, за долгую череду лет, влияниями определённого рода, а это означает, что теперь он навсегда приобрёл способность отвечать на них легче, чем неиспользованный камень.

Потому, когда мы используем различные материалы для своих зданий, мы в действительности помогаем эволюции минерального царства. Я уже объяснял, как разные влияния, которые мы вкладываем в них, оказывают обратное воздействие на нас; так что как церковь излучает благоговение, а тюрьма — уныние, так и каждый дом в деловой части города излучает беспокойство и старание, очень

часто смешанное с усталостью и отчаянием. Есть примеры, в которых знание этих фактов может оказаться полезным в прозаических предметах физической жизни.

Морская болезнь

Например, мы знаем, что многие чувствительные женщины часто испытывают приступ морской болезни, как только взойдут на борт корабля, даже если море совершенно спокойно и этому ощущению не может быть никакого физического оправдания. Несомненно, отчасти это самовнушение, но б`ольшая часть этого внушения идёт извне. Многие каюты столь основательно заряжены им, что пришедшему требуется значительная умственная сила, чтобы ему сопротивляться; так что не только из физических соображений о свежем воздухе тем, кто склонен к морской болезни, желательно как можно больше находиться на палубе.

Раздел пятый

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава XXIV

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТИХ ЗНАНИЙ

Резюме

Если вы знаете что-нибудь о скрытой стороне природы, жизнь становится гораздо интереснее. Естественно, более всего это интересно ясновидящим, которые могут её видеть, или чувствительным людям, способным её чувствовать. Но в несколько меньшей степени это интересно даже для тех, кто не может видеть или чувствовать эту сторону непосредственно, а важна она одинаково для всех, поскольку все оказывают влияние и подвергаются ему, пусть даже не сознавая этого (насколько это касается физического мозга).

В каждом случае, рассматривая тот или иной момент, я старался указать на урок, который можно из него извлечь, но общий итог этого я изложу здесь. Первейшее и самое главное, чему мы должны научиться — долгу счастья, необходимости отбросить всякую депрессию и печаль, даже в тех обстоятельствах, которые легко вызывают её у тех, кто не знает. И в то же время мы учимся относиться к жизни серьёзно, и жить не для эгоистического удовольствия, а для помощи своим собратьям. Мы видим, что должны быть настороже, чтобы не поддаться незаметным влияниям, таким как, например, расовые, религиозные, классовые предрассудки, а также давление общественного мнения, и никогда не позволять им

влиять на наше суждение, а стараться всегда стремиться к истине и придавать вес лишь фактам. Мы не должны опрометчиво предаваться даже тому, что считаем вдохновением свыше, но даже в этом случае нам следует «испытывать духов» и использовать свой здравый смысл.

Мы узнаём о желательности систематической работы и тренировки, о бессмысленности обид, гнева и всяческой потери равновесия, а также о необходимости постоянного контроля за своими мыслями так же, как и за словами и действиями, чтобы они не собрали вокруг нас неприятные влияния и не подействовали на наших ближних как искушения. Мы также увидели, что от этих и всех прочих нежелательных влияний мы можем легко защититься путём образования защитных оболочек, хотя лучшая защита — это быть столь полными божественной Любви, чтобы она всегда изливалась из нас в виде любви к нашим собратьям.

Мы узнаём об опасности быть рабами алкоголя, трупоядения и курения, учимся неучастию в жестокостях так называемой спортивной охоты; осознаём, что должны быть внимательны в расположении и украшении своих домов или комнат, избегая вредных влияний и всегда заботясь о том, чтобы наполнить их солнечным светом и свежим воздухом; понимаем, что выбор нашей одежды должен определяться соображениями удобства и здравого смысла, а не просто модой. Мы узнаём, что тем, кому посчастливилось соприкоснуться с детьми, следует обращаться с ними с предельной любовью, мягкостью и терпением; что мы должны признавать братство всех форм Божественной Жизни в наших отношениях с животными и растениями; что мы никогда не должны разрушать чего-либо без необходимости, называем мы это живым или неживым, поскольку оккультист распознаёт Божественную Жизнь во всем и уважает её. Мы узнаём, что то, чем мы являемся сами, что мы думаем и что мы делаем, важнее даже в отношении воздействия на других, чем на нас самих; что мы должны соблюдать предельную правдивость в мыслях и действиях, и не произносить ни одного слова, которое не было бы правдивым, добрым, приятным и несущим помощь; что каждый человек располагает неким количеством силы и ответственен за её лучшее применение. Мы узнаём, что незнание закона не принимается Природой в качестве оправдания, ибо не меняет следствий того, что мы делаем; что зло — лишь тёмная тень добра, и всегда временно, тогда как добро вечно, и что хотя во всём человеческом добро и зло перемешаны, силы, стоящие за человечеством, всегда максимально используют добро во всех и во всём.

Эти моменты, о которых я написал — лишь отдельные образцы из огромного множества, ведь невидимая сторона есть у всего, и жить жизнью оккультиста — значит изучать эту скрытую, высшую сторону Природы, а затем разумно приспособливаться к ней. На всякий предмет, предоставленный его рассмотрению, оккультист смотрит целостно, рассматривая его весь, а не только его низшую и наименее важную часть, а затем строит свои действия согласно тому, что он видит, в соответствии со здравым смыслом и Законом Любви, который ведёт Вселенную. Потому те, кто хотят изучать и практиковать оккультизм, должны развить в себе три бесценных сокровища — знание, здравый смысл и любовь.

Таков порядок действий, который предлагает нам изучение скрытой стороны вещей. Но помните, что эта сторона не всегда будет оставаться скрытой, ведь с каждым днём всё больше и больше наших братьев учатся понимать её, потому что один за другим, рассеянные здесь и там, люди учатся её видеть. Поскольку очевидно, что это ход эволюции, и что немногие, видящие её сейчас — лишь предвестники многих, которые увидят её потом, какие же предсказания в свете этих соображений можно сделать относительно вероятного будущего человечества?

Будущее

Изобретательные умопостроения на этот счёт стали заметной чертой современной литературы. Такая попытка была сделана Эдвардом Беллами в романе «Оглядываясь назад», а позже — Г. Уэллсом во многих его необычайно интересных работах. Направление, чаще всего принимаемое авторами, состоит в логическом продолжении некоторых из многочисленных социалистических теорий, которые сейчас на слуху, и попытках просчитать, как они будут практически действовать среди таких людей, какими мы знаем их сейчас. Но в одной из самых приятных из этих книг, «В дни кометы», Уэллс смело вводит совершенно новый фактор — изменение в составе атмосферы, которое внезапно прививает человечеству братские чувства и здравый смысл. За этим, естественно, незамедлительно следуют многие другие очевидные изменения: война становится смехотворно невозможной, на нашу нынешнюю общественную систему смотрят с ужасом и удивлением, наши бизнес-методы отбрасываются, как недостойные человеческих существ и так далее. На такое количество здравого смысла мы непременно можем надеяться и в реальной жизни, хотя, вероятно, это будет происходить гораздо медленнее, чем в фантастике Уэллса.

Было бы интересно увидеть, какой свет на проблему будущего могут бросить более высокие расширения человеческого сознания, о которых мы говорили в других местах. С этой точки зрения будущее подразделяется на три части — ближайшее, отдалённое и предельное, и как это ни странно, лишь о том, которое наиболее отдалено от нас, мы можем говорить с величайшей уверенностью, потому что план эволюции виден высшим зрением, и цель его ясна. Достижению этой цели не может помешать ничто, но этапы, ведущие к ней, могут быть в значительной мере изменены свободной волей участвующих индивидуальностей, и потому могут предвидеться лишь в общих чертах.

Цель, насколько это касается данного цикла, есть достижение совершенства человека. Каждая индивидуальность должна стать чем-то большим, чем то, что мы сейчас понимаем под великим и хорошим человеком, поскольку она должна стать совершенной в интеллекте и способностях, равно как и в духовности. Она должна обладать всем интеллектом величайшего философа или учёного, и намного большим, и всей любовью и духовностью величайшего из святых, и гораздо большей; и это будут приобретения каждого представителя человечества, прежде чем закончится наш цикл.

Чтобы понять, как такой грандиозный результат может быть возможен, мы должны уяснить план, по которому работает эволюция. Очевидно, при обычной теории об одной скудной жизни в семьдесят лет, после которой следует вечность бессмысленного блаженства или страдания, ничего подобного достигнуто быть не может; но поскольку мы сознаём, что то, что мы обычно называем своей жизнью, есть лишь один день в настоящей жизни, и мы можем располагать столькими такими днями, сколько будет необходимо для нашего развития, мы видим, что заповедь Христа «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» — не пустое преувеличение, а ясное указание, которое мы обоснованно можем надеяться в должное время исполнить.

Так что предельное будущее есть совершенство для всякого человека, вне зависимости от того, насколько низким или неразвитым он может быть сейчас. Человек станет более, чем человеком. Вот что имелось в виду в ранней Церкви под доктриной «обожения», о котором упоминают многие Отцы Церкви. Для тех, кто видит действие плана, это предмет не благочестивой веры, а полной уверенности.

Однако очевидно, что пока что мы ещё очень далеко от этого достижения; нам предстоит долгий путь восхождения, прежде чем мы сможем достичь этой дальней вершины, и хотя в целом этот путь всегда ведёт вверх, в будущем на мы неизбежно встретим на нём много меньших подъёмов и спусков, как было и в прошлом. История показывает, что до сих пор продвижение человечества было по своему характеру циклическим.

Каждая индивидуальность проживает долгий ряд последовательных жизней, и не в одной, а во многих сменяющих друг друга расах, чтобы выучить особые уроки, которые каждая из них может преподать. Можно представить душу, воплотившуюся в Древней Индии, чтобы приобрести религиозное рвение, в классической Греции, чтобы развить художественные способности, в Риме цезарей, чтобы научиться дисциплине и порядку, среди нас в наше время — чтобы приобрести научное мышление, и так далее.

Один и тот же великий сонм душ проносится через все века, одушевляя все эти народы поочерёдно и обучаясь на опыте каждого, но сами народы возникают, растут, приходят в упадок и исчезают по мере надобности. Так что когда нация теряет свою прежнюю славу и её род как бы мельчает (как, похоже, произошло с современными греками в сравнении с древними), это не означает, что некая группа людей пришла в упадок, а что в данный момент нет таких душ, которым нужен точно тот тип развития, который могла дать эта нация, когда была в расцвете, или что эта подготовка даётся сейчас в другом месте.

Потому физические тела потомков этих великих людей древности теперь одушевляются душами более низкого типа, тогда как сами эти великие люди теперь (как и всегда) находятся на передовой эволюции, но воплощены в каком-то другом народе, чтобы стать ещё более великими, развившись в новых направлениях. Раса умирает точно так же, как может исчезнуть курс университета, если больше нет студентов, изучающих соответствующие ему предметы.

Ясновидение позволяет нам исследовать гораздо б'ольшую часть истории Земли, чем возможно обычными методами, и это более полное изучение прошлого делает возможным в некоторой степени методом аналогии предсказать некоторые этапы более близкого будущего. Из такого изучения записей прошлого представляется вполне ясным, что в данный момент мы переживаем переходный период, и вместо того, чтобы представлять собой, как мы часто любим воображать, высшее развитие, когда-либо виденное на Земле, мы в действительности находимся между двумя волнами прогресса. Демократическая тенденция, которой некоторые из нас так гордятся, не представляет, как обычно полагают, предельное достижение человеческой мудрости, но есть эксперимент, который уже основательно испытывался и доводился до своего логического завершения тысячи лет назад, и был тогда повсеместно отвергнут, как нерациональный и неработающий метод, ведущий к бесконечной путанице. Если мы повторим ход этого эксперимента, то представляется неприятной неизбежностью, что нам снова придётся пройти через это смятение и страдания, пока мы не придём к той стадии здравого смысла, которую Уэллс столь удачно описал в упомянутом романе.*

* Это не столь несомненно, поскольку в прошлый раз эксперимент предпринимался при предыдущей расе, в которой манас (принцип разумности), не говоря уже о более высоких принципах, не был ещё вполне развит. — *Прим. пер.*

Но когда это сумасшествие закончится, и вновь утвердится рассудок, очевидно, перед нами откроется период более быстрого прогресса, когда мы сможем воспользоваться многими средствами, которых сейчас нет в нашем распоряжении. Сам факт того, что среди человечества медленно распространяется применение высших способностей, вскоре произведёт во многих направлениях почти неисчислимые изменения.

Представьте положение, при котором никакой обман или мошенничество не будет возможным, при котором никто больше не будет неправильно понят, поскольку каждый человек будет читать мысли другого; при котором никому не будет поручена работа, для которой он не подходит, потому что с самого начала родители и учителя смогут точно видеть способности тех, кто вверен их заботе; при котором врач не сможет делать ошибок, поскольку будет видеть сам, что с пациентом, и в подробностях наблюдать действие своих лекарств. Подумайте, насколько иной станет наша жизнь, когда смерть больше не будет отделять нас от тех, кого мы любим, поскольку астральный мир будет открыт для нас так же, как и физический; когда для людей уже будет невозможно сомнение в реальности божественного плана, поскольку его нижние стадии воочию предстанут перед их глазами. Изящные искусства и музыка станут более величественными, поскольку в нашем распоряжении, наряду с уже знакомыми нам, будут астральные цвета и гармонии.

Проблемы науки будут решены, поскольку огромный прирост знаний соединит все её отрасли в одну совершенную схему. Геометрия и математика станут намного больше удовлетворять нас, поскольку мы сможем видеть, что они в действительности значат и какую роль играют в великолепной системе миров.

Та геометрия, которую мы знаем сейчас — всего лишь фрагмент; это экзотерическое приготовление к экзотерической реальности. Поскольку мы утратили истинное чувство пространства, первым шагом к этому знанию будет постижение четвёртого измерения. Например, возможно пять и только пять правильных объёмных фигур, иногда называемых Платоновыми телами. Для нас это просто интересный факт и не более, но ученикам, посвящённым в мистерии, известно, что с добавлением точки на одном конце ряда и сферы на другом они образуют семеричный набор, имеющий мистическое значение, объясняющее отношение разных типов материи семи планов нашей Солнечной Системы друг к другу, а также сил, действующих через них. Когда геометрия и математика изучаются как самоцель, исходя только из физического плана, а не как средства достижения цели, они всегда будут оставаться незавершёнными, подобно красивым проспектам, ведущим в никуда.

Каждая черта жизни станет шире и полнее, потому что мы увидим гораздо больше из прекрасного и удивительного мира, в котором нам выпало жить; а понимая больше, мы не сможем не восхищаться и не любить ещё больше, так что мы будем становиться бесконечно счастливее по мере неуклонного приближения к тому предельному совершенству, которое есть абсолютное счастье, ибо это есть единство с Вечной Любовью.

Глава XXV

ПУТЬ К ВИДЕНИЮ

Я не сомневаюсь, что многим окажется трудно поверить многому из того, что я написал. Я сочувствую им, потому что очень хорошо сознаю, насколько фантастичным многое из этого казалось *мне самому*, прежде чем я изучил эти вещи и смог увидеть их лично. Я также знаю, что нисколько не сомневаясь в моей добросовестности, многие люди неизбежно будут сомневаться, видел ли я все эти вещи отчётливо, и точно ли их изложил. Одно странное критическое замечание, высказанное другом, было таким:

«Всё это выглядит так, как если бы вы написали это, чтобы оправдать свои собственные чудачества, поскольку вы рекомендуете как раз то, в чём вы отличаетесь от многих других».

Мой друг перепутал здесь причину и следствие, так как если я делаю те самые вещи, которые предписал здесь, то это как раз потому, что видел в связи с ними то, что и описал в этой книге. Если, однако, как вполне может быть, найдутся те, кому окажется трудно поверить в эти вещи, я лишь могу сказать им, что лучший способ получить подтверждение любых теософических идей — пока что принять их в качестве гипотезы и работать с ними, поскольку скоро обнаруживается, что они оправдывают себя.

Развить способности, при помощи которых всё это было увидено — в силах каждого человека; не представляет никакой тайны и метод, которым такое

развитие достигается. Эти способности неизбежно придут к каждому в ходе его эволюции, но большинство людей ещё далеки от той точки, когда они скорее всего раскроются, хотя спорадические вспышки ясновидения вовсе не являются необычными, и многие люди обладают по крайней мере некоторой чувствительностью.

Не поймите меня неправильно, когда я говорю, что обычный человек ещё далёк от возможности обладания такими чувствами. Я не имею в виду, что он ещё недостаточно для этого хорош, ведь это вовсе не вопрос благодати, хотя совершенно верно, что если человек с нечистыми или жестокими склонностями приобретёт такие способности, он принесёт больше вреда, чем пользы — и себе, и всем остальным. Я имею в виду, что всё направление современной жизни и мысли неблагоприятно для такого раскрытия, и если человек желает взяться за него, он должен в огромной степени абстрагироваться от мирской жизни и погрузиться в совершенно иную атмосферу.

Такая жизнь, какую я предписал в этой книге, есть именно та, которая поставит человека в положение, благоприятное для роста этих способностей, и нетрудно увидеть, насколько далека она от обыкновенной жизни наших дней. Вот почему мне представляется бесперспективным советовать обычному человеку, чтобы он попытался взяться за задачу раскрытия этих сил. Они, несомненно, в пределах его достижения, но поставить себя в то положение, из которого можно начать реальные усилия в их направлении, уже означает радикальные изменения в жизни, которой он привык жить. И даже если он постепенно удалит из своего тела все ядовитые продукты мяса, алкоголя и табака, поднимет свои стремления от низшего к высшему, искоренит все следы эгоцентризма и нечистоты, — даже тогда требуемые усилия могут оказаться большими, чем многие люди в состоянии предпринять.

Конечный результат здесь будет столь же несомненным, как решение теоремы Эвклида, но вот затраченное время может оказаться очень долгим, а для работы потребуются стальная решимость и непоколебимая воля, а это способности, имеющиеся пока что в распоряжении лишь немногих. Тем не менее, что сделал один человек, может и другой, если только приложит волю, и мне, пишущему это, удалось это сделать, и я знал других, которые тоже добились успеха. И все, кто добился этой награды, считают, что она более чем стоит всех усилий, затраченных на её достижение. Позвольте мне тогда завершить свою книгу ясным и насколько можно простым изложением того, что же это за способности, благодаря которым она была написана, почему они желательны и как они могут быть приобретены.

Рыба — обитатель нашего мира, как и человек, однако очевидно, что её представления об этом мире чрезвычайно несовершенны. Будучи ограничена одним родным ей элементом, что она может знать о красоте пейзажей, великолепии закатов, или далекоидущих интересах сложной и разнообразной жизни человека? Она живёт на планете, о которой не знает почти ничего; тем не менее, она полностью удовлетворена и считает, что знакомое ей — это всё, что можно узнать.

Хотя это не льстит нашему самомнению, это абсолютный факт, что большинство людей находятся точно в таком же положении, как и рыбы. Они живут в мире, лишь малый отдел которого находится в пределах их познания, и тем не менее, они совершенно этим удовлетворены и обычно находятся в полном неведении о той более широкой и великой жизни, которая окружает их со всех сторон, или даже яростно отказываются признать её существование.

Как же мы узнаём об этой более обширной жизни? Не только через религиозные откровения, но и благодаря тому, что есть люди, которые научились видеть — пусть и не весь наш мир, но по крайней мере гораздо больше из него, чем видно большинству. Это люди, которых мы называем ясновидящими, или провидцами.

Каким же образом они видят больше, чем другие? Благодаря раскрытию скрытых способностей — способностей, которыми обладает каждый, но которыми пока лишь немногие умеют пользоваться. У каждого человека есть проводники сознания, состоящие из более тонкой материи, чем физическая — это то, что св. Павел назвал «телом духовным», наряду с «телом природным». И в точности как через чувства физического тела мы узнаём о физических вещах, так через то, что можно назвать чувствами этих тонких тел, мы узнаём о высших вещах.

Преимущества такого зрения многочисленны, ведь для его обладателя большинство проблем жизни находят решение. То, что человек продолжает жить и после смерти, что миром правит вечная Справедливость, что никому в конечном счёте не угрожает неудача, и что какой бы обманчивой ни была видимость, в реальности все вещи вместе работают ради блага — всё это для него дело не веры, а знания. Человек, который является видящим, не только может узнать больше, чем другие — он также способен гораздо больше помогать своим собратьям.

Поскольку такое видение желательно, и поскольку оно скрывается в каждом из нас, можем ли мы его развить? Конечно же, это возможно, если мы только захотим взять на себя труд, однако для большинства людей это нелёгкая задача, поскольку она требует самоконтроля и самоотречения, целенаправленности, стойкости и терпения. Другие сделали это, так что это можете сделать и вы; но вы не сможете сделать этого, если не готовы вложить в это все свои силы, и если у вас не будет железной решимости добиться успеха.

Также у вас должен быть хороший и чистый мотив. Человек, движимый в своих исследованиях просто любопытством, или низменным желанием добиться для себя богатства или иных преимуществ, поступит хорошо, если вовремя примет это предупреждение и оставит всякие попытки оккультной тренировки, пока не продвинется дальше в умственном и нравственном росте. Ведь добавочные силы и знания означают добавочную ответственность, и высшее зрение для человека, который к нему ещё не готов, может оказаться не благословением, а проклятием.

Есть много способов открытия внутреннего видения, и большинство из них полны опасностей и должны определённо избегаться. Ясновидения достигают при помощи определённых наркотических средств, самогипнозом или месмеризмом, но все эти методы могут повлечь зловредные последствия, которые намного перевесят приобретения. Однако, есть один процесс, который никак не может

принести вреда, и это — путь медитации и контроля над мыслями. Я не говорю, что это лёгкое предприятие, напротив, оно чрезвычайно трудное, но я говорю, что целенаправленными усилиями это может быть сделано, потому что уже *делалось*.

Человек, который пожелает это попробовать, должен начать с контроля над своим умом, что само по себе является геркулесовой задачей. Он должен научиться сосредотачиваться на всём, что бы он ни делал, чтобы это делалось настолько хорошо, как только для него возможно. Он должен научиться владеть своим умом так, как искусный фехтовальщик владеет своим оружием, обращая его по своей воле в том или ином направлении и держа его так твёрдо, как захочет. Попробуйте удержать свой ум на одном определённом предмете в течение пяти минут, и не пройдёт и половины этого времени, как вы обнаружите, что уже незаметно прокрались блуждающие мысли, и ум воспарил далеко за пределы, которые вы ему поставили. Это означает, что ум не находится полностью под вашим контролем, и исправление этого положения должно стать первым шагом — и вовсе не лёгким.

Ничем, кроме постоянной практики, этой способности не добиться, но к счастью, заниматься этой практикой можно весь день — как при занятиях делами, так и в часы досуга. Если вы пишете письмо, удерживайте ум на этом письме, чтобы оно было написано совершенно, ясно и быстро. Если вы читаете книгу, удерживайте ум на ней, чтобы полностью ухватить смысл, вложенный автором, и извлечь из неё всё, что он хотел, чтобы вы извлекли.

В дополнение к такой практике концентрации в ходе обычной жизни, вам очень поможет, если вы выделите особое время для ежедневных усилий в этом направлении. Больше всего подходит раннее утро, но во всяком случае, это должно быть время, когда вы можете быть уверены, что вас не побеспокоят, и это должен быть всегда тот же час, поскольку регулярность — это суть данного предписания. Сядьте тихо и полностью успокойте ум; любое возбуждение или беспокойство совершенно губительны для успеха. Затем обратите ум к какому-нибудь предмету, выбранному заранее, и рассмотрите его внимательно и исчерпывающе, никогда не позволяя своим мыслям даже в малейшей степени, даже на краткий миг, отклоняться в сторону. Конечно, поначалу они *будут* отклоняться, но каждый раз вы должны будете возвращать их назад и начинать снова. Вы обнаружите, что поначалу лучше брать конкретные предметы; только после большой практики можно будет с пользой рассматривать более абстрактное.*

* В буддийских школах в качестве объекта концентрации обычно используют изображение Будды. Подробности этого процесса с рекомендациями, как избежать возбуждённости и блуждания ума, можно найти в книге Джампы Тинлея «Шаматха — основы тибетской медитации». — *Прим. пер.*

Когда после долгого привыкания всё это станет вам полностью знакомо, и вы приобретёте способность сосредоточения, а ум будет вполне под вашим контролем, можно будет предпринять следующий шаг. Отныне избирайте в качестве предмета вашей утренней медитации самый высокий идеал, какой вы

знаете. Что это будет за идеал, не имеет ни малейшего значения, потому что мы имеем сейчас дело с основными фактами, а не с внешними формами. Индус может взять Шри Кришну, мусульманин — Аллаха, парс — Зороастра, буддист — Будду, христианин — Христа, или, если он католик, то возможно, Деву Марию или одного из святых. Это не имеет никакого значения, коль скоро созерцание этого идеала пробуждает в человеке устремление, почтение, благоговение и любовь, на которые он только способен. Пусть он созерцает идеал экстатически, пока его душа не наполнится его красотой и великолепием; а затем, со всей силой, которую ему дала его долгая практика концентрации, пусть он сделает решительное усилие поднять своё сознание к этому идеалу, слиться с ним и стать с ним единым.

Он может предпринимать такие попытки много раз, и всё же не добиваться успеха, но если он выстоит, и если усилия предпринимаются со всей искренностью и бескорыстием, наступит время, когда внезапно он осознает, что добился успеха — когда ослепительный свет высшей жизни вспышкой сойдёт на него, и он осознает этот идеал в тысячу раз больше, чем когда-либо раньше. Затем он снова соскользнёт в свет обыденного дня, но этого мгновенного проблеска ему уже никогда не забыть, и если он даже не продвинется дальше, жизнь уже никогда не будет выглядеть для него так же, как раньше.

Но если он будет настойчив в своих усилиях, эта великолепная вспышка будет приходить к нему снова и снова, каждый раз всё дольше и дольше оставаясь с ним, пока наконец он не окажется способен поднимать своё сознание на этот возвышенный уровень всякий раз, когда пожелает, и наблюдать, изучать и исследовать ту фазу жизни, как он сейчас изучает эту. Так он пополнит ряды тех, кто *знает*, вместо того, чтобы гадать или смутно надеяться, и станет благотворной силой в этом мире.

Перевод К. З.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

